

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022 Том 9 № 4

Вопросы биографии и творчества:

Как домчаться из Петербурга в Тобольск и Омск на курьерской тройке? Почему Достоевский дал имя-отчество сына младшему Карамазову? Кто защитит гения от клеветы? Чем Неведомов Писемского похож на героев «Бесов»? Какую пользу принес прощенный декабрист? Как перевод помогает текстологам? Чьим прототипом был Аполлон Григорьев? Что было источником исихазма у Достоевского? Зачем Коран Достоевскому? Кого обольстил Свидригайлов? Чем привлек Достоевского старообрядец Голубов? Куда исчез дневник секретных наблюдений за Достоевским? Почему Достоевский выбрал оппонентом Градовского? **Книги о Достоевском:** Чем замечательны новые труды юбиляра?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022

Том 9 № 4

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Девятый год издания

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost

и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —
доктор филологических наук, профессор

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

2022

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2022

Vol. 9 No. 4

The journal aims to open new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky. It publishes original biographical and textual research findings and unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science (ESCI), Scopus, Erih Plus, EBSCOhost
and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Петрозаводск, Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Хорст-Юрген Геригк (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук

Александр Васильевич Подосинов (Москва, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Александр Васильевич Антощенко (Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлонио (Дарем, США) — PhD, профессор

Раффаэлла Вассена (Милан, Италия) — PhD, доцент

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Alexander V. Podosinov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Alexander V. Antoshchenko (Petrozavodsk, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences, Professor

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Raffaella Vassena (Milan, Italy) — PhD, Associate Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Б. Н. Тихомиров Петербург — Тобольск — Омск — Семипалатинск (о пути Достоевского на каторгу и в ссылку)	7
В. Н. Захаров «Смерть можно будет побороть...» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского)	30
Л. И. Сараскина Биографии русских писателей как мишень пост-правды	44
Н. А. Тарасова Достоевский и Писемский: каллиграфическая пропись «Неведомов» в черновых записях к роману «Бесы»	69
И. С. Андрианова, Е. Н. Валь «...У нас с ним столько общего родного»: письма А. П. Созонович и М. И. Муравьева-Апостола к Ф. М. и А. Г. Достоевским	105
А. Гонсалес Перевод как решение проблем текстологии (из опыта перевода воспоминаний А. Г. Достоевской на испанский язык)	148
С. А. Кибальник Достоевский и Аполлон Григорьев (художественные воплощения, трансформация и переоценка русского почвенничества)	159
Т. А. Касаткина Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание»	171
В. В. Борисова Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет	186
О. Ю. Юрьева «Особый шарм» Аркадия Ивановича Свидригайлова	199
Н. Саису Ф. М. Достоевский и К. Е. Голубов	214
Ю. В. Юхнович Секретный надзор за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе: в поисках неизвестных источников	223
В. А. Викторович «Схватка с Градовским»: причины и следствия	231
М. А. Шалина Досибирский период биографии Ф. М. Достоевского в новых документальных разысканиях (Рец. на кн.: Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского / отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.)	262
О. А. Богданова Главный адрес Достоевского (Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди. 3-е изд., испр. СПб.: Кузнечный переулоч, 2022. 224 с.)	278
Е. А. Федорова Литературные прогулки с Достоевским (Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М.: Лингвистика, Бослен, 2022. 480 с.)	289

CONTENTS

<i>From the Editors</i>	5
B. N. Tikhomirov	
Petersburg — Tobolsk — Omsk — Semipalatinsk (on Dostoevsky's Path to Penal Servitude and Exile).....	7
V. N. Zakharov	
"Death Itself May be Overcome..." (Thanatological Plot in "The Brothers Karamazov" by Dostoevsky).....	30
L. I. Saraskina	
Biographies of Russian Writers as a Target of Post-Truth.....	44
N. A. Tarasova	
Dostoevsky and Pisemsky: The Calligraphic Inscription "Nevedomov" in the Draft Notes for the Novel "Demons".....	69
I. S. Andrianova, E. N. Vial	
"...He and We Have so Much in Common, Such an Affinity": Letters of Avgusta Sozonovich and Matvey Muravyov-Apostol to Fyodor and Anna Dostoevskys.....	105
A. González	
Translation as a Solution to Textual Problems (from the Experience of Translating the Memoirs of A. G. Dostoevskaya into Spanish).....	148
S. A. Kibalnik	
Dostoevsky and Apollon Grigoryev (Artistic Incarnations, Transformation and Reassessment of Russian "Pochvennichestvo").....	159
T. A. Kasatkina	
Dostoevsky and Hesychasm: "Crime and Punishment".....	171
V. V. Borisova	
F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in the Context of Sacred History: Abraham, Christ, Mohammed.....	186
O. Yu. Yurieva	
The "Special Charm" of Arkady Ivanovich Svidrigailov.....	199
N. Saisu	
F. M. Dostoevsky and K. E. Golubov.....	214
Yu. V. Yukhnovich	
Secret Surveillance of F. M. Dostoevsky in Staraya Russa: in Search of Unknown Sources.....	223
V. A. Viktorovich	
"The Fight with Gradovsky": Causes and Consequences.....	231
M. A. Shalina	
The Pre-Siberian Period in the Biography of F. M. Dostoevsky in New Documentary Research (Review of the Collective Monograph: New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p.).....	262
O. A. Bogdanova	
The Main Address of Dostoevsky (Book Review: Tikhomirov B. N. "Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People". St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2022. 224 p.).....	278
E. A. Fedorova	
Literary Walks with Dostoevsky (Book Review: Tikhomirov B. N. Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square. Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 480 p.).....	289

От редакции

Статьи, составившие четвертый номер «Неизвестного Достоевского» за 2022 г., посвящены 70-летию юбилею нашего коллеги, ведущего автора и члена редакционного совета журнала Бориса Николаевича Тихомирова. Они написаны его коллегами и учениками из разных городов России и зарубежья и связаны с его научными интересами и деятельностью.

Борис Николаевич родился в Ленинграде 10 декабря 1952 г., учился в средней школе, поступил на факультет русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. Герцена, который с отличием окончил в 1978 г. После семь лет работал учителем русского языка и литературы в школе. В 1985 г. поступил в очную аспирантуру, которую завершил досрочно защитой кандидатской диссертации «Творческая история романа Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание"» (научный руководитель — проф. Я. С. Билинkis). С 1986 по 1998 г. трудился ассистентом, затем доцентом кафедры русской литературы ЛГПИ (с 1990 РГПУ). С 1993 г. по настоящее время является заместителем директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского.

С Достоевским и его музеем связана вся жизнь Бориса Николаевича.

Начиная с 1983 г. он — непременный участник конференций, посвященных Достоевскому и проходящих в петербургском мемориальном музее писателя, в других местах России и зарубежья, связанных с Достоевским и исследователями его творчества. Ученый — активный участник Российского и Международного обществ Достоевского, с 1998 г. — симпозиумов Международного общества Достоевского, проходивших в США, ФРГ, Швейцарии, Венгрии, Италии, России, Испании...

Его творческая энергия неукротима и созидательна. Б. Н. Тихомиров — автор и составитель многих книг, как личных, так и коллективных. Среди них книга-комментарий «"Лазарь! гряди вон". Роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание" в современном прочтении» (2005, переизд. 2016), книги статей и эссе «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком», монографий «Достоевский на Кузнечном. Даты. События Люди» (2012, переизд. 2022), «А живу в доме Шиля...: адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881» (2016), комментированная антология стихов Достоевского и его современников «Жил на свете таракан...» (2017), коллективная монография «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского» (совместно с Е. Д. Маскевич и Н. А. Тихомировой) (2021) и др. На днях вышла еще одна книга юбилера «От "Белых

ночей" до "Братьев Карамазовых". Сборник статей» (2022). С энтузиазмом он участвовал в таких фундаментальных трудах, как «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (СПб., 1993–1995), «Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции: Научное описание» (СПб., 2005), «Достоевский и XX век» (М., 2007), двухтомное и трехтомное «Евангелие Достоевского» (М., 2010; 2017), «Хроника рода Достоевских» (М., 2012), в издании полного текста воспоминаний А. Г. Достоевской (М., 2015) и Л. Ф. Достоевской (М., 2018). Б. Н. Тихомиров — составитель и научный редактор (совм. с Г. К. Щенниковым) энциклопедического словаря-справочника «Достоевский: сочинения, письма, документы» (2008), многих комментированных изданий классика. Его публикации, выходившие в издательствах «Библиополис», «Азбука-классика», «Вита Нова», «Воскресенье», «Бослен» и др., всегда отличаются оригинальностью и новизной. Он заслуженно стал одним из основных комментаторов петрозаводского Полного собрания сочинений Достоевского в авторской орфографии и пунктуации (канонические тексты). В 2011 г. двухтомное «Евангелие Достоевского», в подготовке которого Борис Николаевич (совместно с В. Н. Захаровым и В. Ф. Молчановым) играл ведущую роль, удостоено Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» 1-й степени, а в 2022 г. его книга «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади» стала победителем в специальной номинации «Россия: культурный код» национального конкурса «Книга года». Перу ученого принадлежат свыше 200 статей, опубликованных в авторитетных научных изданиях. Они переведены на английский, японский, итальянский, испанский, немецкий языки.

Масштаб его творческой деятельности впечатляет.

Борис Николаевич давно увлечен поиском новых автографов и источников биографии и творчества Достоевского, и документы сами идут ему в руки. Не случайно он стал одним из авторов-составителей справочника «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского» (2021).

Б. Н. Тихомиров известен прежде всего как исследователь Петербурга Достоевского. До последнего времени изучение «московского субстрата» жизни писателя значительно отставало от «петербургского». Недавно юбиляр энергично взялся за дело — сенсационные результаты поисков документов о московском периоде жизни Достоевского появятся уже в следующих номерах журнала «Неизвестный Достоевский». Москва Достоевского, как и ранее его Петербург, органично вписалась в интересы ученого.

Поздравляем Бориса Николаевича с юбилеем, ждем его новых подвигов и открытий в изучении наследия Достоевского!

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6485

EDN: IPCBGQ

Петербург — Тобольск — Омск — Семипалатинск (о пути Достоевского на каторгу и в ссылку)

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Аннотация. В статье с привлечением эпистолярных и мемуарных свидетельств, а также с опорой на данные «Почтового дорожника Российской империи» 1852 г. реконструируется маршрут, которым в декабре 1849-го — январе 1850 г. Достоевского и двух его товарищей-петрашевцев, Сергея Дурова и Ивана Ястржембского, везли из Петербурга в Тобольск, где в местной пересыльной тюрьме они провели одиннадцать дней и где в общесибирском Приказе о ссыльных было определено место, в котором они будут отбывать каторгу. По ходу изложения автор статьи критически анализирует недостоверный вариант пути Достоевского и его спутников в Сибирь, который был представлен на карте, помещенной в издании «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах» (1972). В статье также установлен подробный маршрут, которым 20 января 1850 г. Достоевский и Дуров были отправлены из Тобольска в Омский острог (а Ястржембский 21 января — на Екатеринбургский винокуренный завод). В завершающей части работы рассмотрен маршрут, которым Достоевский в конце февраля — начале марта 1854 г. добирался из Омска в Семипалатинск, где по завершении срока каторжных работ он должен был служить рядовым солдатом в Сибирском линейном № 7 батальоне.

Ключевые слова: Достоевский, Ястржембский, петрашевцы, каторга, ссылка, маршрут, Сибирский почтовый тракт, пересыльная тюрьма, Приказ о ссыльных, Почтовый дорожник, Ярославль, Казань, Урал, Тобольск, Омск, Семипалатинск

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Петербург — Тобольск — Омск — Семипалатинск (о пути Достоевского на каторгу и в ссылку) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 7–29. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6485. EDN: IPCBGQ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6485

EDN: IPCBGQ

Petersburg — Tobolsk — Omsk — Semipalatinsk (on Dostoevsky's Path to Penal Servitude and Exile)

Boris N. Tikhomirov

*The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: btikhomirov@rambler.ru

Abstract. Using epistolary and memoir evidence, as well as relying on the data of the “Postal Road Worker of the Russian Empire” of 1852, the article reconstructs the route used to bring Dostoevsky and two of his fellow Petrashevites, Sergei Durov and Ivan Yastrzhembsky from St. Petersburg to Tobolsk in December 1849 — January 1850. Along the way, they spent eleven days in a local transit prison and the all-Siberian Order on exiles determined the place where they would serve their penal servitude sentence. In the course of the presentation, the author of the article critically analyzes the unreliable version of Dostoevsky and his companions' route to Siberia, which was presented on the map in the publication “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky in portraits, illustrations, documents” (1972). A detailed route that was used to bring Dostoevsky and Durov from Tobolsk to the Omsk prison (and Yastrzhembsky on January 21 to the Catherine Distillery) on January 20, 1850 is also described. In the final part of the article, the route that Dostoevsky took in late February — early March 1854 is examined. He traveled from Omsk to Semipalatinsk, where, upon completion of penal servitude, he had to serve as an ordinary soldier in the Siberian Line No. 7 battalion.

Keywords: Dostoevsky, Yastrzhembsky, Petrashevites, penal servitude, exile, route, Siberian postal tract, transit prison, Order of exiles, Postal Road Worker, Yaroslavl, Kazan, Ural, Tobolsk, Omsk, Semipalatinsk

For citation: Tikhomirov B. N. Petersburg — Tobolsk — Omsk — Semipalatinsk (on Dostoevsky's Path to Penal Servitude and Exile). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 7–29. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6485. EDN: IPCBGQ (In Russ.)

Освещение вопроса о маршруте, которым приговоренные к каторге петрашевцы Федор Достоевский, Сергей Дуров и Иван Ястржембский 24 декабря 1849 г., через два дня после экзекуции на Семеновском плацу, были отправлены из Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости в Сибирь, целесообразно начать с публикации документа, ознаменовавшего старт месячной эпопеи их страдальческого пути: двух первых арестантов в Омский острог и третьего — на Екатерининский винокуренный завод близ Тары.

«Его Императорскому Величеству

Коменданта Санктпетербургской крепости,

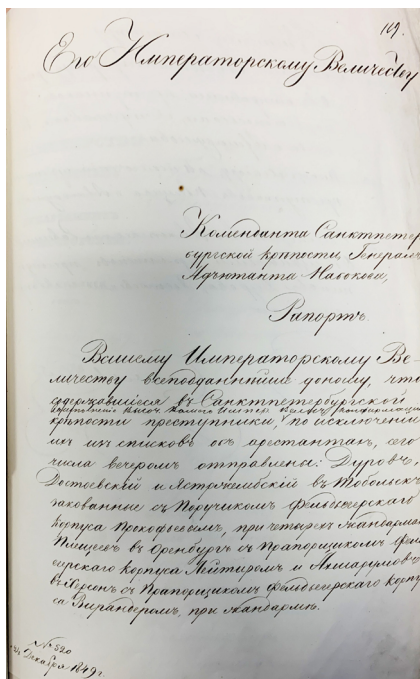
Генераль-Адъютанта Набокова,

Рапортъ

Вашему Императорскому Величеству всеподданныйше доношу, что содержащиеся въ Санктпетербургской крепости преступники, во исполнение Высочайшей> Вашего Императорского> Величества> конфирмації, по исключеніи ихъ изъ списковъ объ арестантахъ, сего числа вечеромъ отправлены: Дуровъ, Достоевскій и Ястржембскій въ Тобольскъ, закованные съ Поручикомъ фельдъегерскаго корпуса Прокофьевымъ, при четырехъ жандармахъ; Плещеевъ въ Оренбургъ съ Прапорщикомъ фельдъегерскаго корпуса Лейтиромъ и Ахшарумовъ въ Херсонъ съ Прапорщикомъ фельдъегерскаго корпуса Вирандеромъ, при жандармъ.

№ 520

24 Декабря 1849 г.»¹.

Илл. 1. Рапорт коменданта Петропавловской крепости И. А. Набокова об отправке Достоевского, Ястржембского и Дурова в Сибирь

Fig. 1. Report of the commandant of the Peter and Paul Fortress I. A. Nabokov on the dispatch of Dostoevsky, Yastrzhembsky and Durov to Siberia

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 119 (отпуск).

Копии этого Рапорта были направлены Военному министру светлейшему князю А. И. Чернышеву (№ 521) (см.: [Гроссман, 1935: 703]) и Шефу жандармов, Главному начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-адъютанту графу А. Ф. Орлову (№ 522) (см.: [Бельчиков: 181–182]).

Отмечу, что закованными в ножные кандалы отправлялись в Тобольский приказ о ссыльных только Дуров, Достоевский и Ястржембский, приговоренные по высочайшей конфирмации к *каторжным работам*². Алексей Плещеев, приговоренный к отправке рядовым в Оренбургские линейные батальоны, и Дмитрий Ахшарумов, приговоренный к четырем годам арестантских рот в Херсоне, этой дополнительной жестокой меры наказания избежали. Плещеева как будто отправили в Оренбург даже без сопровождающего жандарма, с одним лишь фельдъегерем.

Отмечу и еще одну деталь. В отпуске Рапорта на имя Императора Николая I значится, что три арестанта, Дуров, Достоевский и Ястржембский, отправлены в Тобольск «при четырехъ жандармахъ». Это незамеченный рудимент первоначального распоряжения. Дело в том, что сперва предполагалось отправить в этой партии четверых арестантов: еще одним должен был быть Феликс Толль³. Однако накануне, 23 декабря, когда к отправке в Тобольск были назначены Николай Спешнев, Федор Львов, Николай Григорьев и Николай Момбелли⁴, неожиданно выяснилось, что Момбелли серьезно болен и не может быть отправлен по этапу⁵, поэтому в первой четверке его спешно заменили Феликсом Толлем⁶. В результате на 24 декабря к отправке в Тобольск было определено лишь *три* человека, которых, естественно, сопровождали *три* жандарма. Кстати, в Рапортах на имя Военного министра и Шефа жандармов это количество так и означено, а вот в отпуске на имя Императора по недосмотру осталось: «при **четырехъ** жандармахъ»⁷.

Итак, путь Дурова, Достоевского и Ястржембского лежал за Урал, в Западную Сибирь; конечным пунктом маршрута, как значилось в подорожной

² В «Записках из Мертвого Дома» Достоевский писал: «...кандалы сами по себе не Бог знает какая тягость. Весу они бывают от восьми до двенадцати фунтов» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972. Т. 4. С. 139). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Курсивные выделения в цитатах принадлежат Достоевскому или другому цитируемому автору, полужирные — автору статьи.

³ См.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 95.

⁴ См.: Там же. Л. 94 об.

⁵ См.: Там же. Л. 367–379 об. Н. А. Момбелли был отправлен в Тобольск лишь 12 января 1850 г.

⁶ См.: Там же. Л. 115. В документе зачеркнута фамилия *Момбелли* и сверху вписано: *Толль*.

⁷ Исправлен ли данный недочет в оригинале Рапорта на царское имя, неизвестно: местонахождение этого документа не установлено.

поручика фельдъегерской службы Кузьмы Прокофьевича Прокофьева, был губернский город Тобольск, где находилась общесибирская пересыльная тюрьма. Здесь, в Тобольском приказе о ссыльных, должна была решаться дальнейшая судьба приговоренных к каторжным работам петрашевцев. О том, что Сергею Дурову и Федору Достоевскому местом четырехлетнего отбытия каторги будет определен Омский острог, а Ивану Ястржембскому Екатеринбургский винокуренный завод, еще не знал никто. Решение будет принято лишь в Тобольске.

Согласно «Почтовому дорожнику Российской империи» середины XIX в., дорога из Северной столицы до Тобольска составляла 2964 версты с четвертью (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 66 (№ 608))⁸. Но это для обычных путешественников или тех, кто направлялся в Сибирь по делам службы. Их путь начинался по шоссейной дороге «Петербург — Москва», наиболее благоустроенной в стране, а затем пролегал по самому протяженному в мире Сибирскому почтовому тракту, связывавшему Белокаменную с Петропавловским портом на Камчатке. Так скорее всего можно было добраться до Тюмени, а оттуда местной дорогой, ведущей на северо-восток, доехать до Тобольска (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 81 (№ 744)). Этим маршрутом, «через Москву», летом 1854 г. ехал в Семипалатинск юный сибирский друг Достоевского барон А. Е. Врангель, назначенный исправляющим обязанности областного прокурора, или, иначе, в терминах эпохи, «стряпчим казенных и уголовных дел», в только что образованную Семипалатинскую область (*Врангель*: 10–11)⁹.

Но политических преступников везли, по крайней мере первую тысячу верст с гаком, иным, более длинным путем.

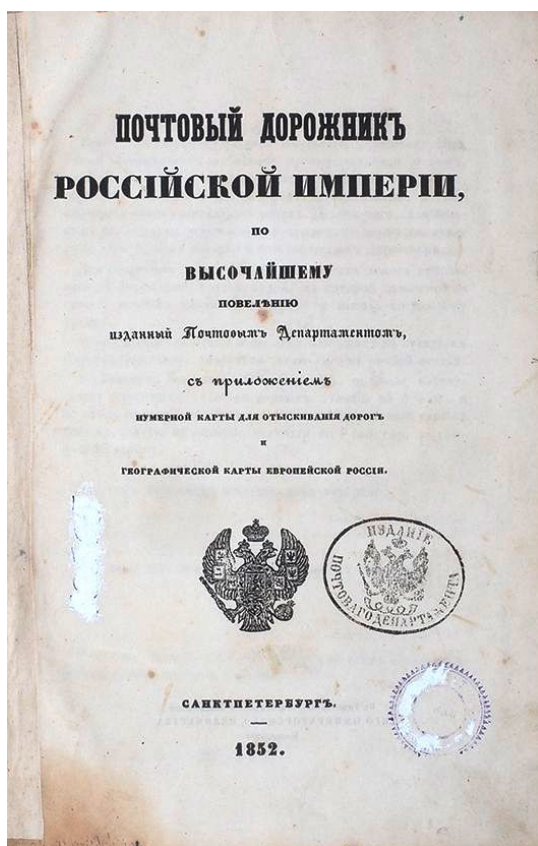
«Одеты мы были тепло, — писал позднее, по выходе из острога, в феврале 1854 г., Достоевский брату Михаилу, — но просидеть, напри~~м~~ер, часов 10, не выходя из кибитки, и сделать 5, 6 станков было почти невыносимо. Я промерзал до сердца...» (*Д30*; т. 28₁: 168).

Хорошо, что добрейший фельдъегерь старик Прокофьев пересадил петрашевцев «в закрытые сани» (*Д30*; т. 28₁: 168). В дальнейшем Достоевский будет именовать их также «кибитками».

«5, 6 станков», или станций, как свидетельствует Достоевский, санный поезд петрашевцев проезжал без остановок за десять часов (см.: *Д30*; т. 28₁: 168). Расстояние между станциями варьировалось в пределах от 15 до 30 верст. Без остановок, таким образом, «не выходя из кибитки», петрашевцы проезжали более чем по сто верст. Остановки, можно предположить, главным образом делались в городах — как уездных, так и губернских.

⁸ В скобках указан порядковый номер маршрута.

⁹ По дороге А. Е. Врангель заезжал в Тобольск, а также останавливался в Ялуторовске, где встречался с друзьями своего отца — декабристами, и в Омске.

Илл. 2. Титульный лист «Почтового дорожника» 1852 г.

Fig. 2. Title page of the “Postal Road Worker” of 1852

О начальной части своего пути в Сибирь, не вдаваясь особенно в подробности, Достоевский сообщал брату:

«Нас везли на Ярославль, <...> везли пустырем, по Петербургской, Новгородской, Ярославской и т. д.» (Д30; т. 28₁: 167–168).

К перечисленным губерниям, которые проехал санный поезд с петрашевцами, еще, как увидим, надо добавить Тверскую. «Городишки редкие, не важные» (Д30; т. 28₁: 168), — замечает в том же письме Достоевский, называя только Шлиссельбург, в котором они, промерзшие за шестьдесят верст ночного пути, сделали первую остановку ранним утром («чем свет») 25 декабря, отогреваясь чаем в местном трактире.

Илл. 3. Общий вид Шлиссельбурга. Открытка XIX в.

Fig. 3. Bird's eye view of Shlisselburg. 19th century postcard

Упоминание Шлиссельбурга сразу же ставит вопрос о маршруте Достоевского и его товарищей в начале их долгого пути на твердую основу¹⁰. Обратившись к уже упомянутому «Почтовому дорожнику», легко установить, что петрашевцев в первые дни везли по дороге «С.-Петербург — Вятка» (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 14–15 (№ 133)). Стоит перечислить «редкие, не важные» городишки, которые проезжали арестанты на своем пути. В биографической литературе о писателе они еще ни разу не назывались. В некоторых из них, как уже сказано, санный поезд петрашевцев, скорее всего, делал остановки. В Петербургской губернии вслед за Шлиссельбургом это была Новая Ладога; в Новгородской — Тихвин и Устюжна, в Тверской — Весьегонск, в Ярославской — Молога, Рыбинск и Романов-Борисоглебский (ныне Тутаев). Губернский Ярославль, конечно, уже не позволяет третировать его как «городишко», недаром Достоевский и выделяет его особо в письме к брату. После Ярославля маршрут шел по Костромской губернии; здесь петрашевцы проехали Нерехту и, скорее всего, остановились в Костроме (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 14–15 (№ 133)).

¹⁰ Через Шлиссельбург шел единый почтовый тракт, который в Новой Ладоге раско-
дился на север — на Вытегру и Архангельск и на юго-восток — через Тихвин и Устюжну
на Ярославль.

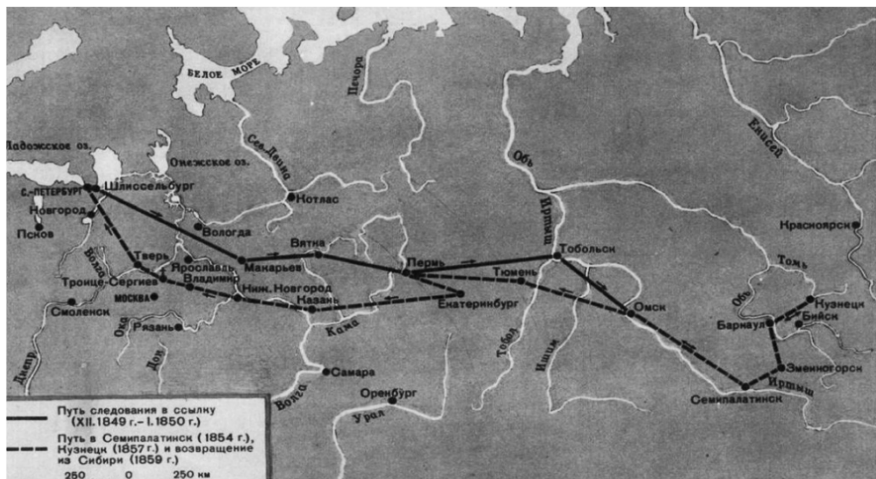
Илл. 4. Вид Ярославля. Открытка XIX в.

Fig. 4. View of Yaroslavl. 19th century postcard

До Нерехты, то есть первые 800 верст, маршрут Достоевского и его товарищей не вызывает сомнений. Но далее ситуация отчасти проблематизируется.

Выше было указано, что петрашевцев первоначально везли по дороге «С.-Петербург — Вятка». На карте, помещенной в издании «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», вышедшем под редакцией В. С. Нечаевой, маршрут следования писателя на каторгу указан так: «С.-Петербург — Шлиссельбург — Макарьев — Вятка — Пермь — Тобольск — Омск» [Достоевский А. Ф., Коган Г. Ф., Нечаева В. С. и др.: 177]. Хотя на карте он схематично спрямлен (и трудно понять, почему отмечен небольшой городок Костромской губернии Макарьев, но оставлен в стороне, южнее, упомянутый Достоевским в письме к брату Ярославль¹¹), в первой половине этого маршрута действительно можно опознать дорогу «С.-Петербург — Вятка». По ней писателя и его спутников везли до Костромской губернии. Но за Кострому, через города Судиславль, Макарьев, Орлов, и далее до Вятки санный поезд петрашевцев не пошел. Их кибитки свернули на юго-восток и двинулись на Нижний Новгород. Этому есть документальное свидетельство.

¹¹ На Макарьев из Петербурга дорога шла только через Ярославль (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 14–15 (№ 133)).

Илл. 5. Карта из альбома «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах» (1972)

Fig. 5. Map from the album “Fyodor Mikhailovich Dostoevsky in portraits, illustrations, documents” (1972)

Товарищ Достоевского по несчастью петрашевец И. Л. Ястржембский в своих мемуарах вспоминал, как по приезду в Тобольск смотритель острога Иван Гаврилович Корепанов при обыске конфисковал у него «почти полную бутылку хорошего рома», которую он купил в Казани (Миллер: 126)¹². Наряду с Ярославлем, Казань оказывается еще одним установленным пунктом на маршруте петрашевцев по Европейской России¹³.

¹² Составитель цитирует воспоминания И. Л. Ястржембского.

¹³ В этой связи нельзя не выразить сожаления, что недостоверный маршрут Достоевского в Сибирь, проложенный составителями альбома «Федор Михайлович Достоевский в письмах, иллюстрациях, документах», запечатлен на монументе, установленном у задней стены Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Семее (Казахстан). Не касаясь сейчас других подробностей пути, каким Достоевский возвращался из Сибири в Европейскую Россию, отмечу только, что на данной карте показана совершенно невероятная «петля», якобы сделанная Достоевским на маршруте из Тюмени в Екатеринбург через Пермь. Не говоря уже о том, что в этой «версии» писатель с женой и пасынком трижды пересекают Уральские горы (из Азии в Европу, затем зачем-то назад в Азию и вновь в Европу), из Тюмени они напрямую едут в Пермь, а из Екатеринбурга напрямую — в Казань. Но таких дорог через Урал в это время не существовало: был только один почтовый тракт «Екатеринбург — Пермь» (на нем, кстати, и стоял обелиск на границе Азии и Европы; см. далее). Составители карты, очевидно, не сверяясь с дорожными реалиями, абсолютизировали последовательность изложения Достоевского в его письме к А. Гейбовичу: «...в Перми уже мало замечаешь пустырей по дорогам: всё запахано, всё обработано, всё ценится. Так, по крайней мере, мне показалось. В Екатеринбурге мы простояли сутки...» (Д30; т. 28; 361).

Каким же путем необходимо было двигаться на Казань? «Почтовый дорожник» и здесь приходит на помощь. В Костроме нужно было оставить дорогу «С.-Петербург — Вятка» и, свернув на дорогу «Ярославль — Пенза», добраться до Нижнего Новгорода (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 259, 296 (№ 2380, 2763)). Через Нижний же пролегал почтовый тракт «Москва — Петропавловский порт» (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 129 (№ 1170)), как уже было отмечено, самый надежный и прямой путь из Европейской части России в Сибирь. После Нижнего Новгорода первым губернским городом на этом маршруте и была Казань (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 129 (№ 1170)).

Тут, однако, возникает небольшая проблема. В биографической литературе, правда весьма обобщенно, маршрут Достоевского и его товарищей в Тобольск представлен несколько иначе. В частности, Л. П. Гроссман пишет: «...за две недели русские тройки пронесли его [Достоевского] по необъятному снеговому маршруту от Невы до Западной Сибири. Он проехал северным поясом страны по **девяти** губерниям: Петербургской, Новгородской, Ярославской, **Владимирской**, Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской и Тобольской» [Гроссман, 1965: 160]. Этот же маршрут слово в слово повторяет и Л. И. Сараскина (см.: [Сараскина: 248]). Приведенные выше наблюдения позволяют внести корректив в предложенный биографами писателя счет губерний: не девять, а десять — потерянной оказалась Тверская. Но в целом, в отличие от составителей альбома «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», с авторами серии «ЖЗЛ» мы совпадаем — от Ярославля ведем маршрут на Казань. Однако есть одно расхождение: между Ярославской и Нижегородской они называют *Владимирскую* губернию, у меня же фигурирует *Костромская*. Каковы причины такого разночтения?

В логике Л. П. Гроссмана и Л. И. Сараскиной, добравшись до Ярославля (твердо установленная точка маршрута), петрашевцы должны были двинуться на Нижний Новгород (и далее на Казань) не через Кострому, как в моих расчетах, а через Владимир¹⁴. По-видимому, биографы Достоевского преувеличили тот факт, что, возвращаясь из Сибири, писатель ехал через Казань и Нижний Новгород именно на Владимир (см.: *ДЗ*; т. 28: 362). Авторы «ЖЗЛ», очевидно, и в Сибирь проложили в данной части маршрут по аналогии с путем, которым писатель возвращался из Сибири. Однако в 1859 г. путь Достоевского лежал в Московскую губернию, в Сергиев Посад, и тут маршрут через Владимир был вполне естественным. Петрашевцам же в декабре 1849 г. короче и быстрее было ехать на Нижний через Кострому. Фигурально выражаясь, это было движение по «гипотенузе», в то время

¹⁴ Правда, маршрут этот пролегал через Нерехту и, значит, хотя бы частью по Костромской губернии пришлось бы проехать и в этом случае (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 188 (№ 1683)). Значит, на маршруте, предложенном авторами «ЖЗЛ», губерний пришлось бы проехать уже *одиннадцать*!

как через Владимир — по «двум катетам»¹⁵. В силу этого, оставляя вариант авторов «ЖЗЛ» как возможный, я, однако, отдаю предпочтение маршруту через Кострому.

Какие же «городишки» должны были проезжать Достоевский и его товарищи на пути из Костромы в Нижний и далее в Казань? Перечислю и их. В Костромской губернии это Кинешма и Юрьев-Повольский (ныне Юрьево), в Нижегородской — Балахна (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 296 (№ 2763))¹⁶, а после Нижнего Новгорода — Василь (ныне Васильсурск), в Казанской же — Чебоксары и Свияжск (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 129 (№ 1170)). Повторю: путь на этапе «Нижний — Казань» уже являлся частью магистральной трассы «Москва — Петропавловский порт».

Илл. 6. Общий вид Казани. Открытка XIX в.

Fig. 6. Bird's eye view of Kazan. 19th century postcard

Из Казани маршрут круто поворачивал на север — северо-восток, но шел уже не на Вятку, а прямо на Пермь, хотя и проходил по юго-восточной части Вятской губернии. На этом пути, до Пермской губернии, надо отметить «городишко» Малмыж и село Дебёсы, располагающееся на территории

¹⁵ Через Владимир пролегал путь в Сибирь из Москвы, но он проходил много южнее Ярославля, через который везли Достоевского и его товарищей (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 128–129 (№ 1170)).

¹⁶ Если же их путь, как предполагают Л. П. Гроссман и Л. И. Сараскина, лежал через Владимир, то они должны были проезжать города Нерехту, Шую, Суздаль, губернский Владимир (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 261 (№ 2398)) и далее, на пути в Нижний — город Вязники Владимирской губернии (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 128 (№ 1170)).

нынешней Удмуртии. Сел и деревень позади уже осталось множество, но Дебёсы требуют особого упоминания.

При всей незначительности данного населенного пункта это был важный дорожный узел. Здесь соединялись две ветки Сибирского тракта: северная, идущая из Петербурга, и южная — из Москвы. По северной до Дебёс можно было доехать через Кострому и Вятку (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 202 (№ 1813)). И если бы не упоминание в мемуарах Ивана Ястржембского Казани, где он купил бутылку рома, то вполне можно было бы предположить, что петрашевцев везли именно этим, северным путем. Кстати, на маршруте от Костромы до Вятки как раз и расположен поселок Макарьев, отмеченный на карте в издании 1972 г. (см.: [Достоевский А. Ф., Коган Г. Ф., Нечаева В. С. и др.: 177]). Однако прямо названная спутником Достоевского Казань свидетельствует, что был избран южный, несколько более протяженный маршрут (разница составляла чуть менее 150 верст). Почему? — остается только гадать¹⁷.

Как первая часть маршрута Достоевского и его товарищей, от Петербурга до Костромы, так и завершающий этап — от Нижнего Новгорода через Дебёсы до Тобольска устанавливаются, благодаря «Почтовому дорожнику» 1852 г., с высокой степенью точности.

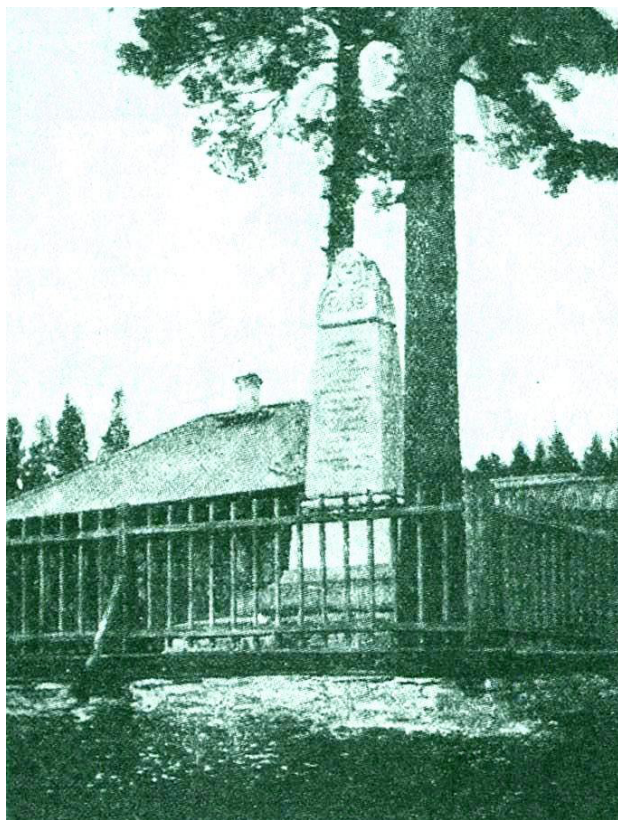
Миновав Дебёсы и станцию Чепецкая, санный поезд петрашевцев въехал в Пермскую губернию. Возвращаясь из Сибири этим же путем, но в середине лета и, главное, совершенно свободным, Достоевский восхищался окружающей природой. Из Твери он сообщал 23 октября 1859 г., описывая свой маршрут в Европейскую Россию, бывшему ротному командиру А. И. Гейбовичу: «Великолепные леса пермские и потом вятские — совершенство» (*Д30*; т. 28; 361). Как увидим, зимний путь 1849/50 г. оставил у писателя иные впечатления.

Здесь, в дороге, по позднему свидетельству Достоевского, зафиксированному мемуаристом, они встретили Новый год¹⁸. В отличие от современного Пермского края, в XIX в. Пермская губерния располагалась по обе

¹⁷ Впрочем, «Почтовый дорожник...» указывает маршрут из Костромы на Пермь только через Нижний Новгород (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 260 (№ 2385)), хотя существовала дорога и из Костромы в Вятку (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 201 (№ 1801)). Значит, маршруты, которые можно проследить по карте (см.: *Почтовый дорожник 1852*: Приложение «Почтовая карта Европейской России»), не всегда соответствовали реальному положению дел.

¹⁸ Вс. С. Соловьев вспоминал, что, узнав дату его рождения (1 января 1849 г.), Достоевский разволновался: «Постойте, где я был тогда?.. в Перми... мы шли в Сибирь... да, это в Перми было...» (*Соловьев 1990*: 204); ср. дневниковую запись Соловьева от 2 января 1873 г. (*Соловьев 1973*: 424). Расстояние от Перми до Тобольска 928 верст. Делая в среднем по 200 верст в сутки, даже при условии, что переезд через Уральские горы, очевидно, занял больше времени, чем движение по равнине, петрашевцы должны были проезжать Пермь около 3 января. К 1 января они в лучшем случае лишь въезжали в Пермскую губернию, а скорее всего, были еще в Вятской губернии (от Дебёс до Перми около суток санного пути). Нет необходимости пояснять, что Достоевский в описанной ситуации спутал 1 января 1849 г. с 1850-м: 1 января 1849 г. он еще не был арестован и находился в Петербурге.

стороны Уральских гор, и в Европейской и в Азиатской частях России. Впрочем, надо сказать, что и сама граница Европы и Азии была установлена тут совсем недавно, в 1829 г., когда эти места посетили немецкие географы-путешественники А. Гумбольдт и Г. Розе. Они определили, что высшим пунктом Сибирского тракта на всем протяжении его от Перми до Екатеринбурга является гора Березовая. Ее и стали считать границей Европы и Азии: в 1837 г. на южном склоне Березовой горные власти Екатеринбурга установили деревянный знак раздела двух частей света, а в 1846 г. водрузили мраморный обелиск, созданный по проекту архитектора Карла Турского¹⁹.

Илл. 7. Обелиск на горе Березовой на границе Европы и Азии.
Фотография экспедиции Д. И. Менделеева. 1899

Fig. 7. The obelisk on Mount Berezovaya on the border of Europe and Asia.
Photo by D. I. Mendeleev's expedition. 1899

¹⁹ Обелиск этот был демонтирован в первые годы Советской власти. В 1926 г. на его месте поставили новый памятник. Современный обелиск на этом месте высотой в 30 м, увенчанный двуглавым орлом, водружен в 2008 г.

Известно, что Достоевский останавливался у этого обелиска на обратном пути из Сибири. В уже упомянутом письме к А. И. Гейбовичу он писал:

«В один прекрасный вечер, часов в пять пополудни, скитаясь в отрогах Урала, среди лесу, мы набрали наконец на границу Европы и Азии. Превосходный поставлен столб, с надписями, и при нем в избе инвалид. Мы вышли из тарантаса, и я перекрестился, что привел наконец Господь увидеть обетованную землю. Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией <...>. Поговорили и пошли гулять в лесу, собирать землянику. Набрали порядочно» (ДЗ0; т. 28₁: 361–362).

Судя по всему, мимо этого обелиска петрашевцев везли и по пути в Сибирь, но рассказ об этом в письме к брату Михаилу окрашен совсем в другие тона. Достоевский писал:

«В Пермской губернии мы выдержали одну ночь в сорок градусов. Этого тебе не рекомендую. Довольно неприятно. Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; **граница Европы**, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней, назади всё прошедшее — грустно было, и меня прошибли слезы» (ДЗ0; т. 28₁: 168).

В такие метели и конные, и пешие путники легко могли бы сбиться с пути и сгнуться в «снеговой пустыне». Но еще со времен правления Екатерины II действовало распоряжение — по обе стороны почтовых трактов на расстоянии четырех аршин друг от друга (чуть менее 3 метров) высаживать березы, которые помогали проезжающим в непогоду не терять дороги, а также предохраняли тракт от снежных заносов. Их так и называли: «екатерининские березки». Надо думать, немало они спасли человеческих жизней, особенно здесь, на Сибирском тракте²⁰.

²⁰ Высказывалось мнение, что рассказы о «екатерининских березках» являются легендарными и что «на самом деле придорожное обустройство и насаждение деревьев происходили при другом императоре и в более позднее время — при императоре Александре I» [Коршунков: 69, 75]. Очевидно, имеется в виду именной указ № 27180 от 13 декабря 1817 г., в примечании к которому «О дорогах, городах и деревнях» было предписано, что «дороги должны быть с обеих сторон означаемы вырытыми канавами» и «в губерниях, где есть леса, заводить аллеи за канавами в два ряда, сажая одно дерево от другого на две сажени расстояния; употреблять же на сие: липу, осину, березу, тополь и другое вблизи растущее дерево» (*Полное собрание законов*; т. 34: 908, 910). Однако это была лишь новая редакция прежнего дорожного законодательства. В частности, 30 августа 1781 г. в Сенате через генерал-прокурора был объявлен указ Екатерины II «О содержании дорог в исправности, о разделении их селениям по дистанциям и о **дозволении обсаживать деревьями**, без тягости народной» (*Полное собрание законов*; т. 21: 204, 205). Для нашей темы эти хронологические нюансы являются второстепенными, поскольку в статье речь идет о положении вещей в 1849–1850 гг.

Илл. 8. «Екатерининские березки» вдоль почтового тракта.
Открытка XIX в.

Fig. 8. "Catherine birches" along the postal tract. 19th century postcard

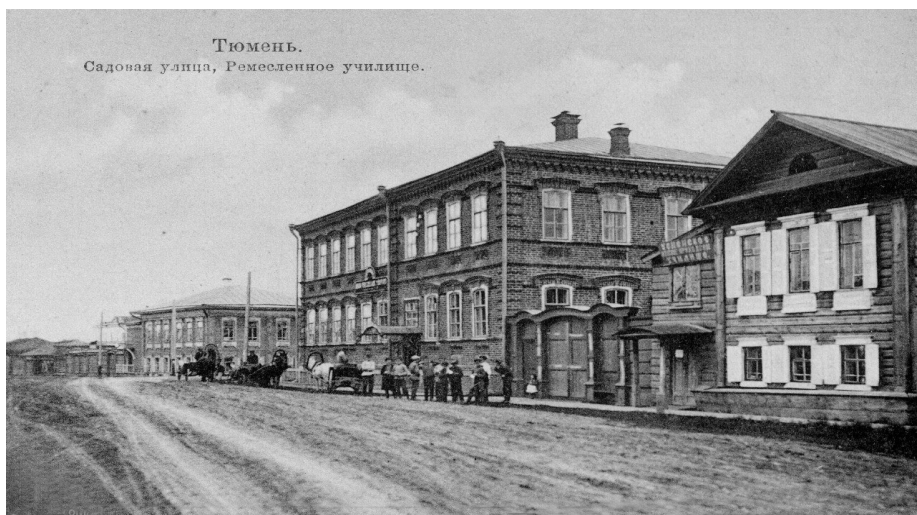
Обелиск на границе Европы и Азии был установлен на перегоне «Билимбаевский завод — Решёты». До него петрашевцы проехали города Оханск, Пермь и Кунгур в Приуралье. Впереди были также входившие в состав Пермской губернии Екатеринбург и Камышлов; это уже была Азия. Далее начиналась Тобольская губерния.

Однако губернский город Тобольск — конечный маршрут санного поезда петрашевцев, — как ни странно, находился в стороне от Сибирского тракта. Добравшись до первого крупного города, Тюмени²¹, Достоевский с товарищами должны были оставить тракт «Москва — Петропавловский порт». В 1859 г. писатель с семьей, возвращаясь в Россию, провел в Тюмени два дня.

«...Тюмень — великолепный город, — писал он А. И. Гейбовичу, — торговый, промышленный, многолюдный, удобный — всё что хотите» (Д30; т. 28; 361).

Какой представилась ему Тюмень в январе 1850 г., неизвестно.

²¹ На карте, помещенной в альбоме «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», маршрут проложен напрямую из Перми в Тобольск минуя Тюмень (см.: [Достоевский А. Ф., Коган Г. Ф., Нечаева В. С. и др.: 177]). Такой дороги не существовало.

Илл. 9. Вид Тюмени. Открытка XIX в.

Fig. 9. View of Tyumen. 19th century postcard

На Тобольск ехали уже по дороге местного значения «Тюмень — Берёзов» (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 81 (№ 744)), тот самый уездный городок Берёзов, который с XVIII в. был местом ссылки таких известных российских деятелей, как светлейший князь Александр Меншиков, князь Алексей Долгоруков, граф Андрей Остерман, декабристы Алексей Черкасов, Андрей Ентальцев, Иван Фохт. В начале XX в., осужденный на вечное поселение в Сибири, из Березова по пути в Обдорск (ныне Салехард) бежал Лев Троцкий. До Берёзова, однако, надо было ехать от Тюмени на север более тысячи верст, Тобольск располагался ближе — всего в 259 верстах с четвертью.

Никаких «городишек» на маршруте «Тюмень — Тобольск» не встречалось, только села да почтовые станции: Вилижанская — Созоновская — Покровская — Южаковская — Иевлевская — Бачалина — Байкаловские юрты — Кутарбатская — Карачинская (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 81 (№ 744)). Село Покровское в 80 верстах от Тюмени в начале XX в. станет известным всей России как место рождения Григория Распутина. Но петрашевцы его вряд ли и заметили: еще одна почтовая станция среди многих десятков, оставшихся позади...

На шестнадцатый день пути, 9 января 1850 г., Достоевский и его спутники въехали в губернский город Тобольск. Через четыре года, в феврале 1854 г., в письме к брату писатель ошибочно сообщит, что они приехали в Тобольск 11 января и провели в пересыльной тюрьме шесть дней (см.: Д30; т. 28; 169). Ему явно отказала память: документы тобольского архива свидетельствуют, что Достоевский и Дуров были отправлены в Омск 20 января, то есть провели в Тобольске одиннадцать суток. Приведу на этот счет Рапорт смотрителя Тобольского тюремного замка:

«Его Высокоблагородію
Господину Тобольскому Полиціймейстеру

Смотрителя Тобольскаго
Тюремнаго Замка
Рапортъ

Во исполненіе предписанія Вашего Высокоблагородія отъ 20 числа сего Генваря за № 19. Содержащихся во ввѣренномъ мнѣ Замкѣ преступниковъ Сергѣя Дурова и Ѳедора Достоевскаго закованными въ ножныхъ кандалахъ здаль [sic!] сего жъ числа въ часъ пополудни препровождаемымъ въ Городъ Омскъ Унтеръ-Офицеру Тобольской жандармской команды Филипу [sic!] Короленку и рядовому той же команды Ивану Насонову вмѣстѣ с кормовыми деньгами и тетрадью на записку прихода и расхода подѣ росписку [sic!] ихъ.

О чемъ Вашему Высокоблагородію симъ почтительнѣйше честь имѣю донести
Смотритель тюремнаго замка Корепановъ.

№ 199

Генваря 20 дня

1850 года»²².

Дорога «Тобольск — Омск» явилась последним этапом на пути Достоевского и Дурова к месту, где им предстояло отбывать четыре года каторги; по ней они должны были преодолеть 602 версты. Через Омск проходил Сибирский тракт на Петропавловский порт, тот самый, которым петрашевцев везли до Тюмени. Но поскольку, как уже сказано, Тобольск находился в стороне от этого тракта, первые 340 верст пути в Омск Достоевский с Дуровым должны были ехать по местной дороге²³, до почтовой станции Абатская (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 234, 383 (№ 2114, 3671))²⁴, где они вновь выезжали на Сибирский тракт (возвращаться в Тюмень значило сделать большой крюк). А от Абатской до Омска было всего 262 версты. Путь

²² ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске», Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 623. Л. 27–27 об. Рапорт смотрителя И. Г. Корепанова о принятии в Тобольский тюремный замок «преступников Сергея Дурова, Федора Достоевского и Ивана Ястрожемского [sic!]», датированный 9 января 1850 г., см.: Там же. Л. 10–10 об. Благодарю за указание на место хранения этих документов Т. В. Панюкову.

²³ На первом перегоне этой дороги «Тобольск — Бакшеево», в семи верстах от города, но уже за Иртышом, Достоевского и Дурова ждали выехавшие заранее из Тобольска декабристка Н. Д. Фонвизина и ее младшая подруга Маша Францева. Тройки остановились (с сопровождавшими жандармами ранее была достигнута договоренность), женщины обнялись и попрощались с арестантами, а также передали жандармам письмо, написанное Францевой, для передачи подполковнику И. В. Ждан-Пушкину с просьбой оказывать узникам Омского острога покровительство (см.: *Францева*: 628–629).

²⁴ На этом маршруте они миновали почтовую станцию Готопутова, от которой был поворот на восток, к уездному городу Тара (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 383 (№ 3674)). Днем позднее по этому пути проедет их товарищ Иван Ястрожембский, которого отправят из Тобольска в полночь 21 января на находившийся близ Тары Екатеринбургский винокуренный завод.

пролегал через заштатный город Тюкалинск; на завершающем этапе арестанты миновали станции Андронкина, Бекишева, Суховская, Красноярская и Кулагинская (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 130 (№ 1170)). В пути они провели трое суток и 23 января 1850 г. прибыли в Омскую крепость. Этот этап пути оказывается наиболее удобным для расчета скорости движения санного поезда петрашевцев: выходит, что средним числом они преодолевали по 200 верст в сутки.

Илл. 10. Вид Тобольска. Фотография XIX в.

Fig. 10. View of Tobolsk. 19th century photograph

В феврале 1854 г., отбыв в Омском остроге четыре года каторги, Достоевский был определен рядовым солдатом в Сибирский линейный № 7-й батальон и должен был отправиться из Омска в Семипалатинск²⁵ по дороге на Усть-Бухтарминскую крепость²⁶, расположенную в Томской губернии (с 19 мая 1854 г. в новообразованной Семипалатинской области). На 690-й версте этой дороги и находился Семипалатинск (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 151 (№ 1332)). В литературе встречается указание, что писатель совершил этот путь с обозом, который вез веревки и канаты на Колыванский

²⁵ Как в «Почтовом дорожнике» 1852 г. (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 58, 99, 141, 151, 384, 385, 480), так и в автографах писем Достоевского фигурирует написание «Семипалатинск». В статье принято современное написание.

²⁶ Территория бывш. Усть-Бухтарминской крепости в 1960 г. затоплена при создании Бухтарминского водохранилища (ныне Казахстан).

Илл. 11. Вид Омской крепости. Открытка XIX в.

Fig. 11. View of the Omsk fortress. 19th century postcard

завод, расположенный неподалеку от Змеиногорска (см.: [Вайнерман: 184])²⁷. Согласно «Почтовому дорожнику...», путь этот должен был пролегать через Семипалатинск (см.: *Почтовый дорожник* 1852: 386 (№ 3691)), однако существует версия, изложенная сибирским журналистом Н. В. Феоктистовым, который еще в начале XX в. собирал сведения о пребывании Достоевского в Сибири. По утверждению Феоктистова, не доезжая до Семипалатинска, на станции Долонской, обоз, с которым ехал писатель, свернул «с большака влево, что значительно спрямляло и сокращало его путь к Колыванскому заводу» (Феоктистов: 451–452)²⁸. Если принять это свидетельство, то Достоевскому и еще двум ссыльным с конвоирами последние 75 верст пути пришлось совершить пешим порядком. Впрочем, источники, на которых базируется данная версия, ее автором не указаны. Похоже, что это художественный вымысел.

Во всяком случае, выехав из Омска 23 февраля (см.: *ДЗ0*; т. 28₁: 174), 2 марта 1854 г. Достоевский был зачислен в первую роту Сибирского линейного № 7 батальона. Значит, добирался он до Семипалатинска целую неделю. Езда с груженым обозом не могла быть такой быстрой, как трехдневный путь по зимней дороге в кошевых санях из Тобольска в Омск.

²⁷ Названный здесь «Колымский завод» — опечатка. Ср.: (*Штакенишнейдер*: 368–369).

²⁸ Машинопись с правкой хранится в фондах Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского: ОЛМ. Ф. 21.105.

Тем не менее тот факт, что из Омска до Семипалатинска Достоевский добирался почтовым трактом на Усть-Бухтарминскую крепость, несомненен. Пунктом поворота с нее на восток, к Змеиногорску, был форпост Пьяноярский, находившийся в 84 верстах уже за Семипалатинском (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 23, 97, 151 (№ 209, 910, 1332)). Через него Достоевский в дальнейшем не однажды будет проезжать в Змеиногорск (и далее — в Барнаул и Кузнецк).

Илл. 12. Общий вид Семипалатинска. Фотография XIX в.

Fig. 12. Bird's eye view of Semipalatinsk. 19th century photograph

О поездках Достоевского времени его пребывания в Семипалатинске, в 1854–1859 гг. (в Локтевский завод, Змеиногорск, Барнаул, Кузнецк), а также о пути его возвращения в Европейскую Россию (в Тверь) в статье «Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского» писала Е. Ю. Сафронова [Сафронова: 22–29]. Правда, нужно посветовать, что исследовательница, рассматривая маршруты поездок писателя по сибирским дорогам, преимущественно пользуется «Почтовым дорожником» 1875 г. издания, выпущенным два десятилетия спустя после описываемых ею событий. О том, что это не вполне корректно, можно заключить хотя бы по замечанию, с которого составители этого справочного издания начинают свой труд:

«После издания в 1871 году почтового дорожника произошло много изменений в почтовых сообщениях, от проведения новых линий железных дорог, переложения почтовых трактов по другим местностям, от упразднения некоторых из них, а также по случаю перевода почтовых станций в другие пункты» (*Почтовый дорожник 1875: I* (римск. паг.)).

Если такие серьезные изменения произошли за последние *четыре года*, что уж говорить о минувшем *двадцатилетии*. Поэтому некоторые заключения и выводы Е. Ю. Сафроновой нуждаются в проверке и, возможно, корректировке. Данные «Почтового дорожника» 1852 г. в этом отношении представляются гораздо более надежными (но автор статьи ссылается на данное издание только единственный раз).

Исследовательница также почему-то обходит молчанием поездку Достоевского в форпост Озерный, расположенный в 15 верстах от Семипалатинска, где в мае — июле 1857 г. писатель провел два месяца, получив, уже будучи прапорщиком, отпуск «для излечения от застарелой падучей болезни» (*Д30*; т. 28₁: 381)²⁹. Форпост Озерный был первой станцией на дороге из Семипалатинска в Усть-Бухтарминскую крепость (см.: *Почтовый дорожник 1852*: 151 (№ 1332))³⁰, по которой Достоевский не однажды проезжал в Змеиногорск. Восполнив эту лауну в работе Е. Ю. Сафроновой, можно поставить точку и в настоящей статье.

Хочется думать, что знакомство с конкретными обстоятельствами пути Достоевского в 1849–1850 гг. на каторгу, в Омский острог, и в 1854 г. в Семипалатинск, куда он отправлялся служить рядовым солдатом в Сибирский линейный № 7 батальон, даст заинтересованным читателям дополнительный материал, позволяющий лучше представить и острее почувствовать эти драматические страницы биографии великого русского писателя.

Источники

Врангель — Врангель А. Е., бар. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири. 1854–1856. СПб., 1912. IV, 221 с.; портр.

Миллер — Миллер О. Ф. Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и Приложениями. СПб., 1883. С. 3–176 (1-я паг.). (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1.)

²⁹ Вопреки тому, что Рапорт писателя, вернувшегося из отпуска, командиру Сибирского линейного № 7 батальона полковнику Д. И. Белихову датирован 27 июля 1857 г., в академическом ПСС в «Указателе мест пребывания Ф. М. Достоевского с 1832 по 1859 г.» его двухмесячное пребывание в «(пос. Озерном) парадоксальным образом датировано июлем — августом 1856 г. (см.: *Д30*; т. 28₁: 543).

³⁰ Согласно данным «Почтового дорожника» 1875 г., почтовая станция Озерная находилась в 18 верстах от Семипалатинска (см.: *Почтовый дорожник 1875*: 56, 111 (1-я арабск. паг.)). Чем обусловлено расхождение с «Почтовым дорожником» 1852 г., неясно.

Полное собрание законов — Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое: в 45 т. СПб.: Печатано в тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

Почтовый дорожник 1852 — Почтовый дорожник Российской империи, по Высочайшему повелению изданный Почтовым Департаментом, с приложением нумерной карты для отыскивания дорог и географической картой Европейской России. СПб., 1852. IX, 524 с.; 1 л. карт.

Почтовый дорожник 1875 — Почтовый дорожник Российской империи с приложением нумерной карты. Изданный по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению Почтовым Департаментом. СПб., 1875. 630 с. разд. паг.; 1 карт.

Соловьев 1973 — Из дневника Вс. С. Соловьева // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 423–426. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)

Соловьев 1990 — Соловьев Вс. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспом. совр.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 197–230.

Феоктистов — Феоктистов Н. В. <Воскрешение из мертвых> / подгот. текста и примеч. В. С. Вайнермана // Голоса Сибири: [Альманах]. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. Вып. 4. С. 435–462.

Францева — Воспоминания М. Д. Францевой. Гл. IV–V // Исторический вестник. 1888. Т. 32. № 6. С. 610–640.

Штакеншнейдер — Штакеншнейдер Е. А. Из «Дневника». О Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспом. совр.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 368–376.

Список литературы

1. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М.: Наука, 1971. 296 с.
2. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти»: Ф. М. Достоевский и Сибирь. 3-е изд., испр. и доп. Омск: Наука, 2014. 392 с.; ил.
3. Гроссман Л. П. Гражданская смерть Ф. М. Достоевского // Литературное наследство. М., 1935. Т. 22/24. С. 683–736.
4. Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с.; ил. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
5. [Достоевский А. Ф., Коган Г. Ф., Нечаева В. С. и др.] Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах: [Альбом] / сост. А. Ф. Достоевский, Г. Ф. Коган, В. С. Нечаева, Е. И. Прохоров, Л. М. Розенблюм, В. И. Этов. М.: Просвещение, 1972. 448 с.; ил.
6. Коршунков В. А. «Екатерининские березки»: придорожное обустройство в Вятской губернии // Герценка: Вятские записки / сост. Н. П. Гурьянова; науч. ред. В. А. Коршунков. Киров, 2013. Вып. 22. С. 69–76.
7. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825[7] с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
8. Сафронова Е. Ю. Сибирские маршруты Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 13–41 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587817401.pdf. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541 (05.10.2022).

References

1. Bel'chikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsyev* [*Dostoevsky in the Trial of the Petrashevtsy*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 296 p. (In Russ.)
2. Vaynerman V. S. "Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati": F. M. Dostoevskiy i Sibir' ["I Entrust Myself to Your Good Memory...": F. M. Dostoevsky and Siberia]. Omsk, Nauka Publ., 2014. 392 p. (In Russ.)
3. Grossman L. P. The Civil Death of F. M. Dostoevsky. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, 1935, vol. 22/24, pp. 683–736. (In Russ.)
4. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 608 p. (Ser.: Life of Wonderful People.) (In Russ.)
5. Dostoevskiy A. F., Kogan G. F., Nechaeva V. S. i dr. *Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy v portretakh, illyustratsiyakh, dokumentakh: al'bom* [*Fyodor Mikhailovich Dostoevsky in Portraits, Illustrations, Documents: an Album*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 448 p. (In Russ.)
6. Korshunkov V. A. "Catherin's Birches": Roadside Improvement in Viatka Province. In: *Gertsenka: Vyatskie zapiski* [*Gerzenka: Vyatka Notes*]. Kirov, 2013, issue 22, pp. 69–76. (In Russ.)
7. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser.: Life of Wonderful People.) (In Russ.)
8. Safronova E. Yu. Dostoevsky's Siberian Routes. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 1, pp. 13–41. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587817401.pdf (accessed on October 5, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4541 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихомиров Борис Николаевич, доктор фило- **Boris N. Tikhomirov**, PhD (Philology), the
логических наук, президент Российского President of the Russian Dostoevsky Society,
общества Достоевского, заместитель дирек- Deputy Director of Academic Affairs, The
тора по научной работе, Литературно-мемо- F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum
риальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт- in St. Petersburg (per. Kuznechnyy 5/2, Saint
Петербурге (пер. Кузнечный 5/2, г. Санкт- Petersburg, 191002, Russian Federation);
Петербург, Российская Федерация, 191002); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5278-313X>; e-mail: btikhomirov@rambler.ru.
e-mail: btikhomirov@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2022

Принята к публикации / Accepted 21.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361

EDN: ZHBAVO

**«Смерть можно будет побороть...»
(танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых»
Достоевского)**

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыто, как личная драма писателя отразилась в его романе «Братья Карамазовы». Неожиданная смерть трехлетнего сына 16 мая 1878 г. стала трагическим потрясением для супругов Достоевских. Причины его кончины до сих пор не прояснены: отсутствует критический анализ документальных источников, не установлен диагноз, описанные симптомы (жар, диарея, рвота) могут относиться к нескольким детским болезням, недостоверны семейные предания о болезни. Паломничество Достоевского в Оптину Пустынь имело, наряду с творческим интересом к сюжету нового романа, личную причину. Писатель стремился туда, чтобы в сороковой день кончины проститься с земной жизнью младенца Алексея, но опоздал. В поездке состоялся важный разговор Достоевского с Владимиром Соловьевым, в котором писатель раскрыл замысел будущего романа: Церковь «как положительный общественный идеал». После паломничества Достоевского в Оптину Пустынь его роман обрел окончательные очертания. Танатологические мотивы в произведении вбирают в себя сцены в монастыре, «коллекцию» фактов Ивана Карамазова, смерть старца Зосимы, болезнь и смерть его брата Маркела, Илюши Снегирева, других героев. Эти мотивы играют ключевую роль, образуя поэтическую идею романа. Танатологическая тема романа пасхальна. Достоевский написал роман, в котором выразил не просто событие, а смысл бытия: в лице Алексея Федоровича Карамазова он воскресил сына в имени и прообразе умершего Алексея Федоровича Достоевского. Каждым имясловием и имяславием героя Достоевский возглашал бессмертие сына.

Ключевые слова: Достоевский, Алексей Федорович Достоевский, биография, болезнь, смерть, Оптина Пустынь, роман, танатологический сюжет, пасхальная идея, воскресение, литература

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00481 [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Захаров В. Н. «Смерть можно будет побороть...» (танатологический сюжет в «Братьях Карамазовых» Достоевского) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 30–43. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361

EDN: ZHBAVO

“Death Itself May be Overcome...” (Thanatological Plot in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky)

Vladimir N. Zakharov

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

e-mail: vnz01@yandex.ru

Abstract. The article reveals how the writer’s personal drama was reflected in his novel “The Brothers Karamazov.” The unexpected death of their three-year-old son on May 16, 1878 was a tragic shock for the Dostoevskys. The causes of his death have not yet been clarified: there is no critical analysis of documentary sources, no diagnosis has been made, the described symptoms (fever, diarrhea, vomiting) may be related to several childhood diseases, family legends about the disease are unreliable. Dostoevsky’s pilgrimage to the Optina Hermitage had a personal reason along with his creative interest in the plot of the new novel. The writer sought to say goodbye to the earthly life of baby Alexey on the fortieth day of his death at Optina, but he was late. During the trip, Dostoevsky had an important conversation with Vladimir Solovyov, in which the writer revealed the idea of his future novel: the Church “as a positive social ideal.” After Dostoevsky’s pilgrimage to the Optina Hermitage, his novel took final shape. The thanatological motifs in the work include scenes in the monastery, Ivan Karamazov’s “collection” of facts, the death of elder Zosima, the illness and death of his brother Markel, Ilyusha Snegirev, and other heroes. These motifs play a key role in forming the poetic idea of the novel. The thanatological theme of the novel has Easter significance. Dostoevsky wrote a novel in which he not merely describe an event, he articulated the meaning of being: in the person of Alexey Fyodorovich Karamazov, he resurrected his son in the name and prototype of the deceased Alexei Fyodorovich Dostoevsky. With every proclamation and glorification of the hero, Dostoevsky proclaimed the immortality of his son.

Keywords: Dostoevsky, Alexey Fyodorovich Dostoevsky, biography, illness, death, Optina Hermitage, novel, thanatological plot, Easter idea, resurrection, literature

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number № 21-18-00481. Available at: <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, the Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the Russian Academy of Sciences.

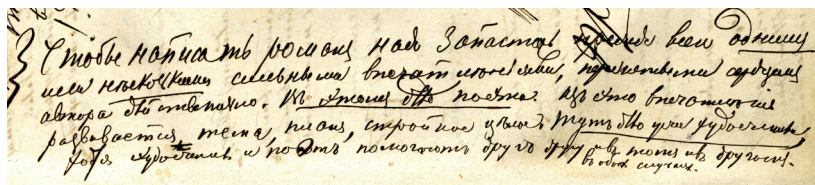
For citation: Zakharov V. N. “Death Itself May be Overcome...” (Thanatological Plot in “The Brothers Karamazov” by Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 30–43. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6361. EDN: ZHBAVO (In Russ.)

.....

Достоевский признавался:

«Чтобы написать романъ надо запастись прежде всего однимъ или нѣсколькими сильными впечатлѣніями, пережитыми сердцемъ автора действительно. Въ этомъ дѣло поэта. Изъ это<го> впечатлѣнія развивается[,] тема, планъ, стройное цѣлое. Тутъ дѣло уже художника, хотя художникъ и поэтъ помогаютъ другъ другу и въ томъ и въ другомъ {въ обоихъ случаяхъ}»¹.

В связи с тем, что печатные издания искажают графику², текст цитируется по рукописи. Для наглядности приведу фрагмент подлинника.

Илл. 1. Фрагмент из рукописи к роману «Подросток». РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 15

Fig. 1. Fragment from the manuscript for the novel “A Raw Youth”
(Russian State Archive of Literature and Art. F. 212.1.12. P. 15)

«Делом поэта» Достоевский называл эмоциональное выражение замысла, идеи романа, сочинение лица героя; «делом художника» было развитие «темы, плана, стройного целого», разработка характеров, фабулы, композиции, сцен.

Многие «сильные впечатления, пережитые сердцем автора действительно», известны, — но не все.

Одним из явных и одновременно скрытых личных и творческих переживаний писателя стала семейная трагедия — смерть младшего сына Алеши. Она случилась 16 мая 1878 г. Казалось, ничто не предвещало беду. Как вспоминала Анна Григорьевна, младенец был «здоров и весел»³, врачи не разглядели смертельной болезни, не смогли определить диагноз. Убитый горем отец позже винил себя в том, что «ребенок погиб от эпилепсии, болезни, от него унаследованной» (Достоевская: 374).

¹ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. // РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 15.

² Ф. М. Достоевский в работе над романом «Подросток». Творческие рукописи. М.: Наука, 1965. С. 64. (Сер.: Литературное наследство; т. 77); Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 10.

³ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 373. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Достоевская и указанием страницы в круглых скобках.

По воспоминаниям Анны Григорьевны, болезнь и смерть Алеши случились в один и тот же день:

«16го Мая 1878 года нашу семью поразило страшное несчастье: скончался наш младший сын Леша. Ничто не предвещало постигшего нас горя: ребенок был все время здоров и весел. Утром, в день смерти, он еще лепетал на своем не всем понятном языке и громко смеялся с старушкой Прохоровной, приехавшей к нам погостить пред нашим отъездом в Старую Руссу. Вдруг личико ребенка стало подергиваться легкою судорогою; няня приняла это за родимчик, случающийся иногда у детей, когда у них идут зубы; у него же именно в это время стали выходить коренные. Я очень испугалась и тотчас пригласила всегда лечившего у нас детского доктора, Гр. А. Чошина, который жил неподалеку и немедленно пришел к нам. По-видимому, он не придал особенного значения болезни; что-то прописал и уверил, что родимчик скоро пройдет. Но так как судороги продолжались, то я разбудила Феодора Михайловича, который страшно обеспокоился. Мы решили обратиться к специалисту по нервным болезням и я отправилась к профессору Успенскому» (*Достоевская*: 374).

Врач осмотрел ребенка и успокоил мать:

«Не плачьте, не беспокойтесь, это скоро пройдет!»

Она не знала, что положение сына было безнадежно и началась агония, которую по просьбе мужа скрыл доктор. Когда наступила смерть, отец «поцеловал младенца, три раза его перекрестил и навзрыд заплакал», она тоже рыдала, «горько плакали и наши детки, так любившие нашего милого Лешу» (*Достоевская*: 374).

Анна Григорьевна привела в воспоминаниях неполное описание события. Из ее дневниковой записи в день смерти сына следует, что болезнь сына началась значительно раньше:

«Онъ заболѣлъ въ первый разъ на святой недѣлѣ въ пятницу 28 Апрѣля былъ жарокъ, скверно ходилъ, рвало очень часто, плохо спалъ и ѣлъ. 30го Апрѣля былъ припадокъ родимчика продолжавшійся 4 минуты. Затѣмъ прохворалъ дня 4, но потомъ совершенно поправился, и былъ веселъ, много ѣлъ, спалъ отлично, рвота прекратилась, но жарокъ появлялся черезъ 3–4 дня, былъ напр. 12 Мая, 14го и наконецъ 16го. Ночь передъ смертью спалъ отлично, но вечеромъ легъ задумчивый»⁴.

Болезнь не была неожиданной: 28 апреля началась температура («жарок»), «рвало очень часто», было расстройство кишечника, ребенок «плохо спал

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания об Алеше (1878) [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsru.ru/agdost/vospomin/vospomin.htm> (18.08.2022).

и ел». 30 апреля в течение 4 минут был припадок родимчика. Ребенок прохворал еще четыре дня, «выздоровел», но периодически у него появлялся жар, который был 12-го, 14-го и в день смерти — 16 мая 1878 г.

Симптомы, которые описывала Анна Григорьевна, типичны для разных детских болезней, но для эпилепсии нетипичны диарея и рвота. В любом случае причины болезни и смерти младенца не установлены: отсутствует критический анализ источников, не выявлены врачебные ошибки, не определен медицинский диагноз, симптомы могут относиться к нескольким детским болезням, анализы не брали, вскрытие не производили, семейным преданием стала версия об эпилепсии.

Такова эмпирика трагического события.

Илл. 2. Посмертное фото Алексея Федоровича Достоевского (ГЛМ. КУ 3900/48)

Fig. 2. Posthumous photo of Alexey Fyodorovich Dostoevsky (State Literary Museum)

Смерть Алеши имела литературное развитие не только в поздних литературных мемуарах вдовы писателя, но и в ее дневниковой записи от 16 мая 1878 г. В тот день Анна Григорьевна записала несколько обширных фрагментов о короткой жизни, болезни и смерти сына. Начала она с того, как Леша на своем детском языке звал себя и старших сестру и брата: «Седя» (Федя), «Лиля» (Люба), «Леля» (Леша). Она составила подробный детский словарь, записала обороты речи, привычки, мистические события накануне смерти, вспомнила восторг ребенка от поездки в Москву, обстоятельства болезни и смерти сына⁵.

Позже она признавалась:

«Многие мои сомнения, мысли и даже слова запечатлены Федором Михайловичем в "Братьях Карамазовых" в главе "Верующие бабы", где потерявшая своего ребенка женщина рассказывает о своем горе старцу Зосиме» (Достоевская: 374).

⁵ Достоевская А. Г. Воспоминания об Алеше (1878).

В этих признаниях слышатся горестные переживания не только матери умершего ребенка, но и отца:

«Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему. По сыночку мучусь, отец, по сыночку. <...> Вот точно он тут предо мной стоит, не отходит. Душу мне иссушил. Посмотрю на его белишечко, на рубашоночку аль на сапожки и взвою. Разложу что после него осталось, всякую вещь его, смотрю и вою. <...> И хотя бы я только взглянула на него лишь разочек, только один разочек на него мне бы опять поглядеть, и не подошла бы к нему, не промолвила, в углу бы притаилась, только бы минуточку едину повидать, послыхать его, как он играет на дворе, придет бывало крикнет своим голосочком: "Мамка, где ты?" Только б услышать-то мне как он по комнате своими ножками пройдет разик, всего бы только разик, ножками-то своими тук-тук, да так часто, часто, помню как бывало бежит ко мне, кричит да смеется, только б я его ножки-то услышала, услышала бы, признала! Да нет его, батюшка, нет, и не услышу его никогда! Вот его поясочек, а его-то и нет и никогда-то мне теперь не видать, не слышать его!...»⁶.

В утешениях старца сказаны главные слова о смерти младенца:

«Ведь жив он, жив, ибо жива душа вовеки и нет его в доме, а он невидимо подле вас» (Д18; т. 13: 44).

В двадцатых числах мая после похорон Алеши Достоевские выехали в Старую Руссу. Накануне отъезда Анна Григорьевна уговорила Владимира Соловьева съездить вместе с мужем в Оптину Пустынь, о посещении которой Достоевский давно мечтал.

Почти полгода супруги прожили в Старой Руссе и вернулись в Петербург в середине ноября 1878 г. В Старой Руссе были сделаны траурные фотографии мужа и жены работы петербургского и старорусского фотографа Н. А. Лоренковича.

По мнению Б. Н. Тихомирова, эти *парные* фотографии образуют «своеобразный диптих», передают «реальный трагизм», производят «самое сильное впечатление во всей иконографии писателя»:

«Взгляд Достоевского из-под тяжело нависающих бровей сумрачен и чреват вопросами о безвинных детских страданиях, которыми в его новом романе будет мучиться Иван Карамазов. Взгляд Анны Григорьевны повторяет выражение мужа, но с еще более трагически-потерянным оттенком» [Тихомиров, 2009: 99].

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 13. С. 43–44. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д18 и указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

Вместе с тем фотографии «глубоко интимны»:

«... в отличие от предшествующих фотографий работы Н. Досса и последующих работы К. Шапиро, которые Достоевский широко дарил своим родным и знакомым, неизвестно *ни одного* снимка работы Н. Лоренковича, который писатель подарил кому бы то ни было. В этом неслучайном факте усматривается тот глубоко интимный подтекст, каким для четы Достоевских обладали старорусские фотографии лета 1878 года» [Тихомиров, 2009: 116].

Илл. 3–4. Ф. М. и А. Г. Достоевские. Фотоателье Н. А. Лоренковича. 1878. Старая Русса (ГЛМ. КП 35714/6 и 34890)

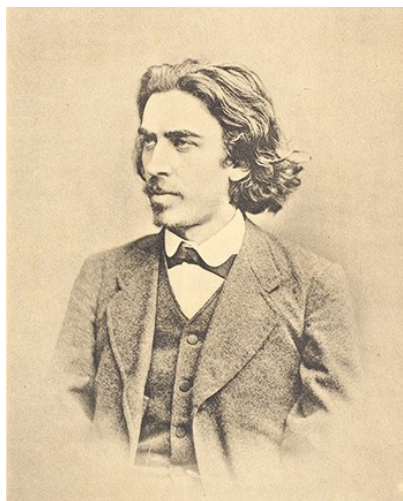
Fig. 3–4. Fyodor and Anna Dostoevskys. Photo studio of N. A. Lorenkovich. 1878. Staraya Russa (State Literary Museum)

17–18 июня Достоевский на две недели выехал из Старой Руссы в Москву и Оптину Пустынь. В начале июля он вернулся домой. Скорее всего, фотографии сделаны в первый месяц после смерти сына. Из Оптиной он приехал уже в другом настроении, согласно воспоминаниям Анны Григорьевны:

«Феодор Михайлович вернулся из Пустыни значительно успокоенный и как бы просветленный духом и много рассказывал мне про свои беседы со старцем. Феодор Михайлович *не* говел в Пустыни, но со старцем говорил как бы на духу, открывая ему свою душу как на исповеди и высказывая старцу все сомнения, его бушевавшие. <...> Я должна признать, что Феодор

Михайлович вынес из общения со старцем умиленное и возвышающее душу впечатление» (цит. по: [Андрианова, Тихомиров: 258]).

Обстоятельства поездки недостаточно изучены в критической литературе. Большинство сведений известно из писем Ф. М. Достоевского, из очерков Вл. С. Соловьева, из воспоминаний и писем А. Г. Достоевской. Незаслуженным доверием исследователей пользуются псевдомемуары Д. И. Стахеева, который в Оптиной Пустыни не был, с Львом Толстым, Достоевским и Владимиром Соловьевым по поводу их поездок не общался, из того, что слышал, не всё понял, многое сочинил и переврал, но опубликовал свои заметки в январском номере «Исторического Вестника» за 1907 г.⁷ Авторы ключевых исследований ([Котельников], [Беловолов]) упустили из виду воспоминания юриста, критика и публициста П. А. Матвеева, который обратил внимание на ошибочность суждений Д. И. Стахеева⁸. Именно Матвеев 25–27 июля 1877 г. содействовал поездке Толстого и Страхова в Оптину Пустынь. Год спустя он сам побывал в Оптиной через несколько дней после поездки Достоевского и Соловьева, которая состоялась 25–27 июня 1878 г. Об их пребывании в монастыре ему рассказывали сами оптинские старцы. Новые источники ([Дмитриев], [Захаров, 2016], [Андрианова], [Андрианова, Тихомиров], [Тихомиров, 2020]) изменили сложившееся ранее представление о поездке Достоевского и Соловьева в Оптину Пустынь.

Илл. 5. Вл. С. Соловьев. 1870-х гг. Из открытых источников

Fig. 5. Vl. S. Solovyov. 1870s. From open sources

⁷ Стахеев Д. И. Группы и портреты: (листочки воспоминаний) // Исторический Вестник. 1907. Т. 107. Январь — февраль. С. 81–94.

⁸ Матвеев П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной Пустыни // Исторический Вестник. 1907. № 4. С. 151–157.

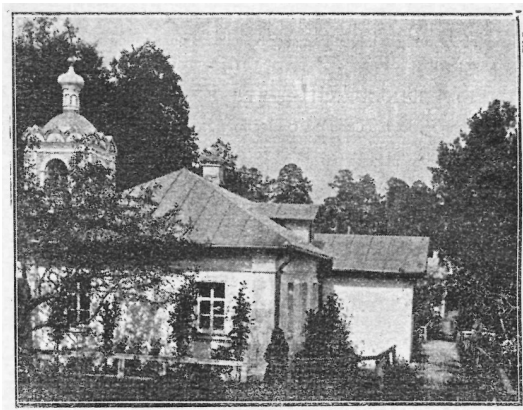
В поездке в Оптину Пустынь состоялся важный диалог, который нашел свое отражение в «Трех речах в память Достоевского» Владимира Соловьева. Спутник Достоевского свидетельствовал, что писатель «в кратких чертах» изложил ему «главную мысль и план своего нового произведения»:

«Церковь, как положительный общественный идеал, должна была явиться центральной идеей нового романа или ряда романов, из которых написан только первый, "Братья Карамазовы"»⁹.

Анна Григорьевна не случайно назвала путешествие в Оптину «историей "блужданий"» (*Достоевская*: 375). Понадеявшись на Соловьева, Достоевский не разведдал точный путь, который оказался значительно дольше, чем предполагалось: из Москвы по железной дороге выехали в пятницу 23 июня, в 300 верстах сошли на станции Сергиево, дорога до Козельска, наполовину проселочная, оказалась 120 верст (на 85 верст больше, чем рассчитывали) (*Д18*; т. 16₂: 75).

Дело в том, что у Достоевского была еще одна причина паломнической поездки: он стремился в Оптину, чтобы быть на службе в монастыре в сороковой день кончины сына, проститься с земной жизнью младенца, но не успел, опоздав на сутки (см.: [Беловолов, 71–72], [Тихомиров, 2020: 139]).

В Пустыни паломники «были двое суток» (*Д18*; т. 16₂: 75), в течение которых Достоевский трижды встречался и беседовал со старцем Амвросием — «раз в толпе, при народе, и два раза наедине» — и вынес из его бесед «глубокое и проникновенное впечатление» (*Достоевская*: 375).

Илл. 6. Дом, в котором жил старец Амвросий. Из открытых источников

Илл. 7. Фото старца Амвросия. Из открытых источников

Fig. 6. The house where Elder Ambrose lived. From open sources

Fig. 7. Photo of Elder Ambrose. From open sources

⁹ Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского. 1881–1883 // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. М., 1990. С. 40.

Обратно путники возвращались той же дорогой, «на тех же лошадях и ехали опять два дня, итого, считая со днем выезда, ровно *семь дней*» (Д18; т. 16: 75).

Как вспоминала Анна Григорьевна, Достоевский вернулся из Оптиной Пустыни «как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал» ей «про обычаи Пустыни» (Достоевская: 375), с тех пор пошла усиленная работа над романом, который обрел окончательные очертания.

Танатологическая тема играет в романе ключевую роль. Она вбирает в себя сцены в монастыре, «коллекцию» фактов Ивана Карамазова, смерть старца Зосимы, болезнь и смерть его брата Маркела, болезнь и смерть Илюши Снегирева.

Одну из сцен предсмертной болезни Илюши сопровождает «дикий шепот» русского Иова — капитана Снегирева: «Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика!» (Д18; т. 14: 166). Никто не хочет «других» вместо умерших или замученных детей. К этой сцене следует прибавить болезнь, смерть и воскресение Алексея Федоровича Достоевского. Этот комплекс мотивов образует поэтическую идею романа, которая реализована в его сюжете.

Достоевский приезжал в Оптину Пустынь, чтобы отметить сороковины Алеши, рассказал Владимиру Соловьеву идею будущего романа: представить Церковь как положительный общественный идеал, узнал старчество как явление в русском иночестве и жизни, «делом поэта» и «делом художника» воскресил умершего сына, воплотив главного героя романа в раннем человеколюбце Алексее Федоровиче Карамазове. В этом ему помогала — не только стенографировала, но и творила вместе с ним — Анна Григорьевна, которой и посвящен роман.

Владимир Соловьев не был прототипом Алексея Федоровича Карамазова, как полагала гимназическая подруга Анны Григорьевны М. Н. Стоюнина. По этому поводу Анна Григорьевна даже резко возразила ей: «...не в лице Алеши, а вот уже скорее в лице Ивана он изображен!»¹⁰. Кому, как не помощнице и соавтору писателя, узнавать или, наоборот, не признавать прототипы его героев.

Не прототипом, а прообразом в романе был Алексей Федорович Достоевский.

Автор не случайно назвал героя именем умершего сына: «За многими сценами романа стоят личные впечатления и переживания автора. Одно из них — неожиданная смерть 16 мая 1878 г. младшего сына Алеши, здорового и веселого мальчика. В память о нем назван главный герой романа "Братья Карамазовы"» [Захаров, 2004: 354].

¹⁰ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников: [сборник / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова]. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 202.

Об этом я писал в 2004-м и в последующие годы [Захаров, 2007: 706; Захаров, 2013: 423].

До недавнего времени это была всего лишь гипотеза. Сейчас догадка подтверждена найденными и опубликованными недавно признаниями Анны Григорьевны, которая, отвечая на вопросы о пребывании Достоевского в Оптиной Пустыни, писала 14 января 1912 г. выпускнику Московской Духовной академии В. Е. Троицкому:

«Считаю нужным сообщить, что летом 1878 г. Федор Михайлович находился в чрезмерно грустном и подавленном настроении: 16 мая этого года скончался наш трехлетний сын Алеша (**в честь его назван Алешей младший Карамазов**) и его смерть от внезапно проявившейся в нем эпилепсии, (очевидно, унаследованной им от отца) чрезвычайно поразила и огорчила Федора Михайловича» (выделено нами. — В. З.) (цит. по: [Андрианова, Тихомиров: 257]).

Если дать прямой ответ на вопрос, кем стал Алексей Федорович Достоевский в романе «Братья Карамазовы», мой ответ очевиден: Алексеем Федоровичем Карамазовым.

После погребения Илюши Алексей Федорович произнес речь, на которую с восторгом откликнулись сначала Коля Красоткин, а потом и мальчишки:

«Ура Карамазову!»

Коля спрашивает Алешу:

«...неужели и взаправду религия говорит что мы все встанем из мертвых и оживем, и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно восстанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу всё что было, полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша» (Д18; т. 14: 340).

Каждым имясловием и имяславием героя Достоевский возглашал бесмертие сына.

В русском языке есть два слова с понятными значениями: имясловие как провозглашение имени (или еще в одном значении «терминология», по Далю¹¹) и имяславие как его прославление. В XX в. имяславие как присутствие Бога в имени стало догматической категорией и вызвало яростные богословские споры в Православии. Это новое значение не имеет отношения к тезаурусу Достоевского. Слово употреблено мной в прямом смысле.

Танатологическая тема романа пасхальна.

О переживании смерти ребенка писали многие. Подобную утрату пережили Лев Толстой и С. А. Толстая: 23 февраля 1895 г. умер их сын Ванечка.

¹¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 411.

26 февраля отец отметил в дневнике: «Похоронили Ванечку. Ужасное — нет, не ужасное, а великое духовное событие»¹². Софья Андреевна написала свои «Воспоминания о Ванечке». Для Толстых смерть сына имела глубоко религиозный и интимный смысл.

Реакция Достоевского на утрату сына незаурядна. Он написал роман, в котором гениально выразил не просто событие жизни, а смысл бытия: в лице Алексея Федоровича Карамазова воскресил умершего сына — Алексея Федоровича Достоевского.

В названии статьи приведены слова Б. Пастернака из романа «Доктор Живаго». В стихотворении героя «На Страстной» канун Пасхи предвосхищает чудо:

«Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья»¹³.

Таким чудом и «усиьем Воскресенья» для Достоевского стало творчество. Христиане знают: Христос воскрес, душа бессмертна. Достоевский сделал бессмертными своих героев и сына.

Список литературы

1. Андрианова И. С. Из неизвестных мемуаров. Анна Достоевская о старце Амвросии (по рассказам Ф. М. Достоевского и Ф. Н. Орнатского) // Неизвестный Достоевский. 2016. № 1. С. 93–107 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461236859.pdf (18.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2601
2. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Неизвестный источник о пребывании Ф. М. Достоевского в Оптиной Пустыни // Достоевский и мировая культура: петербургский альманах. СПб.: Серебряный век, 2019. № 37. С. 249–261.
3. Беловолов Г., свящ. Оптиные предания о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Вып. 14. С. 301–312.
4. Дмитриев А. П. Достоевский и оптинские насельники (забытое газетное свидетельство 1881 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.optina.ru/pub/p20/> (18.08.2022).
5. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; [сост., подгот. текстов В. Н. Захарова]. М.: Воскресенье, 2004. Т. 14. С. 345–357.
6. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / РАН, Ин-т мировой лит., Комис. по изуч. творчества Ф. М. Достоевского; под ред. Т. А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 694–710.
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Захаров В. Н. Из забытых мемуаров. П. Матвеев о Ф. Достоевском, Н. Страхове, Л. Толстом // Неизвестный Достоевский. 2016. № 1. С. 58–70 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (18.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621

¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / под общ. ред. В. Г. Черткова. Дневники и записные книжки. 1895–1899. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 53. С. 10.

¹³ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. / сост., коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово, 2004. Т. 4: Доктор Живаго. С. 518.

9. Котельников В. А. Оптина пустынь и русская литература (статья вторая) // Русская литература. 1989. № 3. С. 3–31.
10. Тихомиров Б. Н. Прижизненная иконография Достоевского. 1847–1881 // Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре: [альбом] / авт.-сост.: Н. Ашимбаева и др. СПб.: Кузнецкий переулоч, 2009. С. 33–117.
11. Тихомиров Б. Н. Еще один «оптинский комментарий» к роману «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 135–145. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-1-135-145

References

1. Andrianova I. S. From Unknown Memoirs. Anna Dostoevskaya About Elder Ambrose of Optina (Based on the Stories of Fyodor Dostoevsky and F. N. Ornatsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2016, no. 1, pp. 93–107. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461236859.pdf (accessed on August 18, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2601. (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. An Unknown Source About the Stay of F. M. Dostoevsky in Optina Pustyn. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: peterburgskiy al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Petersburg Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2019, no. 37, pp. 249–261. (In Russ.)
3. Belovolov G., Priest. Optina Legends About Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, issue 14, pp. 301–312. (In Russ.)
4. Dmitriev A. P. *Dostoevskiy i optinskie nasei'niki (zabytoe gazetnoe svidetel'stvo 1881 g.)* [*Dostoevsky and the Inhabitants of Optina (a Forgotten Newspaper Report from 1881)*]. Available at: <http://www.optina.ru/pub/p20/> (accessed on August 18, 2022). (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Hosanna in a Hearth of Doubts. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 18 Vols*]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2004, vol. 14, pp. 345–357. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Hosanna in a Hearth of Doubts. In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoe sostoyanie izucheniya* [*Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": The Current State of Study*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 694–710. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. From the Forgotten Memoirs. P. Matveev About F. Dostoevsky, N. Strakhov, L. Tolstoy. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2016, no. 1, pp. 58–70. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1461750377.pdf (accessed on August 18, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2621. (In Russ.)
9. Kotelnikov V. A. Optina Pustyn and Russian Literature (Article Two). In: *Russkaya literatura*, 1989, no. 3, pp. 3–31. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. Lifetime Iconography of Dostoevsky. 1847–1881. In: *Obraz Dostoevskogo v fotografiyakh, zhivopisi, grafike, skul'pture: al'bom* [*The Image of Dostoevsky in Photos, Paintings, Drawings, Sculptur: Album*]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2009, pp. 33–117. (In Russ.)
11. Tikhomirov B. N. Another Commentary from Optina Pustyn on the Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2020, no. 1 (9), pp. 135–145. DOI: 10.22455/2619-0311-2020-1-135-145. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Владимир Николаевич, доктор фило- **Vladimir N. Zakharov**, PhD (Philology),
логических наук, профессор, зав. кафедрой Professor, Head of the Department of Classical
классической филологии, русской литературы Philology, Russian Literature and Journalism,
и журналистики, Петрозаводский государ- Petrozavodsk State University (Petrozavodsk,
ственный университет (г. Петрозаводск, Рес- 185910, Republic of Karelia, Russian Federation);
публика Карелия, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-185910>); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2709-4145>; e-mail: vnz01@yandex.ru.
2709-4145; e-mail: vnz01@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 21.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.10.2022

Принята к публикации / Accepted 05.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6441

EDN: AVWKEY

Биографии русских писателей как мишень пост-правды

Л. И. Сараскина

*Государственный институт искусствознания
(Москва, Российская Федерация)*

e-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено влияние феномена пост-правды на создание художественных образов русских писателей в романном и экранном искусствах. Сущность, инструменты и роль пост-правды в построении политической и культурной жизни были описаны еще Платоном в трактате «Государство». Распространившись в современности, пост-правда стремится заменить собой правду истории, внедриться в реальные судьбы и биографии, действовать вместо них, оперировать мнимостями вместо подлинности, использовать принцип «плохое интереснее хорошего». Опыт первой русской немой кинобиографии А. С. Пушкина (1910) и все последующие восемнадцать биографических картин о судьбе поэта показали изъяны художественных адаптаций, посвященных реальным героям: историческую недостоверность, неправду характера, сознательное искажение биографии, внедрение ложных, политически ангажированных версий ради большей эффектности и скандальности. Центральный сюжет статьи посвящен художественным текстам, связанным с образом Ф. М. Достоевского. Роман Бориса Акунина «Турецкий гамбит» (1998) затрагивает события русско-турецкой войны 1877–1878 гг., показывая их с откровенно османфильских позиций, рисуя в черных красках персонажей, воюющих за русские интересы. Под прицелом романиста — автор «Дневника Писателя»; изображенный безымянно, но с полным набором биографических примет, он мстительно и скандально опорочен. В ракурсе «позора и падения» присутствует «Достоевский» и в романе Дж. М. Кутзее «Осень в Петербурге» (1994, пер. с англ. 1999). В созданном неомифе образ реального Достоевского нарочито искажен, а не возвышен — очевидно, развенчание русского писателя и было истинной целью романиста.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, пост-правда, А. С. Пушкин, Платон, трактат Государство, Б. Акунин, Турецкий гамбит, Дж. М. Кутзее, Осень в Петербурге, художественная интерпретация

Для цитирования: Сараскина Л. И. Биографии русских писателей как мишень пост-правды // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 44–68. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6441. EDN: AVWKEY

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6441

EDN: AVWKEY

Biographies of Russian Writers as a Target of Post-Truth

Liudmila I. Saraskina

*The State Institute for Art Studies
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract. The article examines the influence of the phenomenon of post-truth on the creation of artistic images of Russian writers in the novel and screen arts. The essence, tools and role of post-truth in the construction of political and cultural life were described by Plato in the “The State.” Having spread in modern times, post-truth seeks to replace the truth of history, to infiltrate real destinies and biographies, to act in their place, to operate with imaginary things instead of authenticity, to use the “bad is more interesting than good” principle. The experience of the first Russian silent film biography of A. S. Pushkin (1910) and all the subsequent eighteen biographical films about the poet’s fate showed the flaws of artistic adaptations dedicated to real heroes: historical unreliability, untruth of character, deliberate distortion of biography, the introduction of false, politically biased versions for the sake of greater showiness and scandalousness. The central plot of the article is devoted to artistic texts related to the image of F. M. Dostoevsky. Boris Akunin’s novel “The Turkish Gambit” (1998) touches on the events of the Russian-Turkish War of 1877–1878, describing them from openly Ottomanophile positions, painting the characters fighting for Russian interests in dark colors. The novel author focuses on author of the “Writer’s Diary,” depicted namelessly, but with a full set of biographical signs, he is vindictively and scandalously defamed. Dostoevsky is present in J. M. Coetzee’s novel “The Master of Petersburg” (1994, translated from English 1999), also in the “shame and fall” perspective. The image of the real Dostoevsky is deliberately distorted, rather than elevated, in the created neo-myth — the debunking of the Russian writer was apparently the true goal of the novelist.

Keywords: F. M. Dostoevsky, post-truth, A. S. Pushkin, Plato, Plato’s treatise *The State*, B. Akunin, *The Turkish Gambit*, J. M. Coetzee, *The Master of Petersburg*, artistic interpretation

For citation: Saraskina L. I. Biographies of Russian Writers as a Target of Post-Truth. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 44–68. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6441. EDN: AVWKEY (In Russ.)

«Любят люди падение праведного и позор его»¹.
Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы*

«Ангел никогда не падает, бес до того упал,
что всегда лежит, человек падает и восстает».
(ДЗ0; т. 11: 184)

С тех пор как я впервые прочитала роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», а это случилось в мои далекие двадцать лет, меня обожгло выражение, процитированное в эпиграфе к настоящей статье. Как понимать фразу из поучения старца Зосимы (часть третья, книга седьмая, глава «Тлетворный дух»)? Кого Зосима подразумевает под словом *люди*? Любого человека, который злорадствует, когда узнаёт про тяжкие грехи праведника или когда наблюдает, как рушатся репутации личностей, доселе считавшихся безукоризненно добродетельными? И главное: всем ли людям свойственно низкое чувство торжества, когда падение достойного и позор праведного становятся всеобщим достоянием?

Старец Зосима, каким его изобразил Достоевский, был великим знатоком человеческого сердца во всех его сильных и слабых проявлениях. Кто, как не он, великий праведник, должен был знать все о грешной человеческой природе, о грехах людских — и малых, и больших?

Но образ Зосимы — это во многом плод воображения писателя; и это он, писатель, излагал поучения святого старца, брал его мысли и рассуждения под свою духовную ответственность. В романе совершенно определено, без тени сомнения у повествующего, названы мотивы пресловутой «любви людей»:

«Ибо хотя покойный старец и привлек к себе многих, и не столько чудесами, сколько любовью, и воздвиг кругом себя как бы целый мир его любящих, тем не менее, и даже тем более, сим же самым породил к себе и завистников, а вслед за тем и ожесточенных врагов, и явных и тайных, и не только между монастырскими, но даже и между светскими. Никому-то, например, он не сделал вреда, но вот: "Зачем-де его считают столь святым?" И один лишь сей вопрос, повторяясь постепенно, породил наконец целую бездну самой ненасытимой злобы» (ДЗ0; т. 14: 299).

Категории «любящих людей» названы со всей определенностью: завистники, ожесточенные враги, явные и тайные. Дано имя чувству, порожденному завистью: ненасытимая злоба. «Зачем-де его считают столь святым?» — этот вопрос относился к усопшему старцу Зосиме и не давал покоя его

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 298. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением ДЗ0 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

завистникам, недоброжелателям и врагам, как среди монастырского люда, так и среди светских горожан.

Достоевский, кажется, предвидел и предчувствовал, что рано или поздно «один лишь этот вопрос»: «Зачем-де его считают столь великим» — будет касаться его лично, его писательской судьбы, его творчества, его посмертной славы. И наряду с великой читательской любовью к нему непременно будет полыхать бешеная зависть, ожесточенная враждебность и ненасытимая злоба.

«Падение и позор» усопшего Зосимы имеют в романе отчасти характер сатирический: и в монастыре, и в городе от святого старца легкомысленно ожидаются «поступки» чудесные, наперекор природе. Но тело покойника, не подчинившись пустым ожиданиям, испускает тлетворный дух. Сами ожидания в романе названы «соблазном, грубо разнузданным» (Д30; т. 14: 298), невозможным и непотребным для монастырской братии. Однако именно иноки, преданные старцу, знавшие и любившие его, поддаются постыдному соблазну:

«Лишь только начало обнаруживаться тление, то уже по одному виду входивших в келью усопшего иноков можно было заключить, зачем они приходят. Войдет, постоит недолго и выходит подтвердить скорее весть другим, толпою ожидающим извне. Иные из сих ожидавших скорбно покивали главами, но другие даже и скрывать уже не хотели своей радости, явно сиявшей в озлобленных взорах их. И никто-то их не укорял более, никто-то доброго гласа не подымал, что было даже и чудно, ибо преданных усопшему старцу было в монастыре всё же большинство; но уж, видно, сам господь допустил, чтобы на сей раз меньшинство временно одержало верх» (Д30; т. 14: 299).

Торжество грубого соблазна, которому предаются иноки, монахи, а также светские посетители монастыря, радующиеся «падению и позору» праведника Зосимы, разыграно в романе со всеми возможными оттенками, во всех возможных регистрах, с логическими объяснениями причин и следствий, с далеко идущими выводами, преследующими конечную цель — посмертного развенчания святого старца. Торжество развенчания достигает кульминации, когда к хору безымянных иноков присоединяется громкоголосое соло: постник и молчальник отец Ферапонт со всей своей яростью берется довершить поношение усопшего. «Исступленными кликами изуверов» (Д30; т. 14: 304) названа в романе попытка Ферапонта очернить и оклеветать покойного Зосиму, который не может уже себя защитить. Ведь бесчестная попытка Ферапонта продиктована самой примитивной и нескрываемой завистью:

«— Над ним (Зосимой. — Л. С.) завтра "Помощника и покровителя" станут петь — канон преславный, а надо мною, когда подохну, всего-то лишь "Кая житейская сладость" — стихирчик малый...» (Д30; т. 14: 303–304).

Оказывается, можно «слезно и сожалительно» (Д30; т. 14: 304) завидовать даже разрядам песнопений на похоронах!

Достоевский, по-видимому, чрезвычайно ценил изречение прп. Иоанна Лествичника, процитированное им по памяти в подготовительных материалах к роману «Бесы» и упомянутое нами во втором эпиграфе к настоящей статье. Отчетливо слышен акцент на фразе: «Человек падает и восстает». Кажется, здесь речь идет о таком человеке, который не станет радоваться падению павшего, о человеке, знающем не понаслышке, каково это падать, везде и во всем доходить до последнего предела и всю жизнь за черту переходить (см.: Д30; т. 28₂: 207).

Все, что можно было рассказать о своей слишком страстной натуре, подверженной сумасшедшему риску, Достоевский рассказал сам. Все бездны, куда он падал, больно ударяясь и разбиваясь, все последние пределы, куда он доходил, оказываясь в тупике и безысходности, он тоже показал сам. Теперь, когда его нет, всем преданным ему и всем любящим его нужно рассказывать и показывать, как он восставал из своих бездн и находил выходы из тупиков, куда попадал по своей вине или куда его загоняла жизнь.

I

Но то были реальные бездны и осязаемые последние пределы. Из них можно выбирать, выкарабкиваться, выползать. И Достоевский выбрался, восстал: свет его духовной победы светит два столетия.

Однако как быть с безднами и последними пределами, которые рисуют человеку, ушедшему в мир иной, многочисленные завистливые ферапонты? Кто защитит его и не позволит пятнать судьбу человека и добрую о нем память?

Не могу забыть охватившее меня чувство благодарности, когда в 2011 г. я прочитала высказывание коллеги Б. Н. Тихомирова, заместителя директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, в его интервью «Российской газете». Речь шла о сценарии, посвященном жизни и судьбе Ф. М. Достоевского. «Заключение мое, — писал он, — объемом, кстати, более ста страниц — было резко отрицательным. В сценарии оказалось столько вранья, путаницы, нелепостей и откровенного невежества (как по части биографии Достоевского, так и вообще отечественной истории), что возникало впечатление (конечно же, речь идет только о моем субъективном впечатлении), что его писал не маститый сценарист Эдуард Володарский, а литературные "рабы", и что мэтр не удосужился даже пройтись по их работе "рукою мастера". <...> ...мною

было поставлено категорическое условие, чтобы моего имени ни в коем случае не было в титрах фильма»².

Не станем напоминать, какая в конце концов картина получилась из сценария сериала «Достоевский» — об этом уже много написано³, в том числе и нами⁴. Можно заметить только, что этот сериал катастрофически не совпал с правдой истории и правдой о судьбе Достоевского. Ведь речь в картине шла не о последних пределах Достоевского, а о тех последних пределах и грехах, которые имели отношение не к нему, а к его героям, то есть о приписанных ему прегрешениях.

Б. Н. Тихомиров встал на сторону правды — против ее грубого искажения, против ее бесчестной подмены. Он легко мог избежать жестких публичных высказываний, ответить газете уклончиво и округло, пойти на компромисс с создателями картины ради привилегии обозначиться ее научным консультантом, попасть в титры вместе со сценаристом, режиссером и актерами, получить, в конце концов, гонорар. Но, исповедуя принцип неучастия во вранье и тиражировании невежества, он защитил профессию — и свою репутацию профессионала высокого уровня. Он воспрепятствовал торжеству пост-правды — древней и вечно современной идеологии, которая существует *вместо правды* и предлагает на потребу недостоверную, неточную, лживую, нарочито сконструированную информацию.

Порочность концепции пост-правды состоит в том, что ее конструкторы знают настоящую правду, которая почему-либо для них невыгодна, неэффективна, маловыразительна. Они выбирают окольное скольжение между фактами и их альтернативой, между истиной и ее ложной, но очень удобной интерпретацией⁵.

² Гурская А., Тихомиров Б. Сериал «Достоевский» — драма нереализованных возможностей // Российская газета. 2011. 2 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/07/02/reg-szapad/dostoevskii.html> (01.09.2022).

³ Басинский П., Сараскина Л. Сериал «Достоевский» мало соответствует реальной биографии писателя: на телеканале «Россия-1» завершился сериал «Достоевский» // Российская газета. 2011. 26 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/07/02/reg-szapad/dostoevskii.html> (01.09.2022); Васильев К. Достоевский с мешком на голове, или Напрасные поиски исторической правды // Клаузура. 2019. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://klauzura.ru/2019/03/dostoevskij-s-meshkom-na-golove-ili-naprasnye-poiski-istoricheskoy-pravdy/> (01.09.2022) (опубл.: Север. 2017. № 9–10); Хорошилова Т., Хотиненко В. Начав снимать фильм «Достоевский», я понял, что ничего не знаю о писателе // Российская газета. 2011. 11 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/05/12/hotinenko.html?id=5406&ysclid=lb3li63exb403058693> (01.09.2022).

⁴ См., напр.: [Сараскина, 2020].

⁵ См.: [Манойло, Попадюк]; Что такое постправда? // Веб-сервис Яндекс Кью [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/q/question/chto_takoe_postpravda_26c12138/ (01.09.2022); Что такое пост-правда (post-truth)? // Бестолковый-словарь.рф [Электронный ресурс]. URL: [https://www.бестолковый-словарь.рф/2016/11/cho-takor-post-truth.html#:~:text=Пост-правда%20\(инг.%20post-truth\)%20-%20это,никто%20не%20занимает-ся%20оспариванием%20"пост-правды"](https://www.бестолковый-словарь.рф/2016/11/cho-takor-post-truth.html#:~:text=Пост-правда%20(инг.%20post-truth)%20-%20это,никто%20не%20занимает-ся%20оспариванием%20) (01.09.2022).

Феномен пост-правды всегда был, всегда есть и, скорее всего, всегда будет, являясь свидетельством повального увлечения философией и культурой «пост-человеческого», «пост-христианского», «пост-гуманистического». В эпоху пост-правды торжествует «пост-история», в эпоху постмодернизма возникают пост-Пушкин, пост-Гоголь, пост-Достоевский.

В «Государстве» (ок. 395–365 гг. до н. э.) Платона, которого многие ученые считают родоначальником философии пост-правды, фактически речь идет именно о ней. Платон ставил вопрос: в какой мере люди должны знать правду, кто должен решать, до какой степени ее им открывать, кто должен контролировать условия, по которым определяется истина и ложь, и тех, кто должен просто получать информацию.

Платон проводил границу, узнаваемую на протяжении всей истории Запада, если не человечества в целом: власть, основанная на знании одних и на незнании других.

Идея двух правд виделась Платону как формула стабильного общества. Он, ради общественной пользы, предлагал редактировать историю, считал правильным исправлять стихи поэтов, вычеркивать, например, у Гомера строки, которые пугают и беспокоят. Он видел необходимость в том, чтобы исключить из поэзии сетования и жалобные вопли прославленных героев. Он предлагал конструировать реальность, сообразуясь с политической целесообразностью, как он сам ее понимал.

Приведу несколько его высказываний:

«...нельзя позволить юношам слушать то, что говорит Эсхил <...> нельзя позволить утверждать поэту, будто они бедствуют, подвергаясь наказанию, а тот, от кого это зависит, — бог»⁶;

«...мы попросим Гомера и остальных поэтов <...> не заставлять богов скорбеть...» (Платон: 182);

«...правителям государств надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан — для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать» (Платон: 183);

«...нам придется сказать, что и поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях <...>. Подобные высказывания мы запретим и предпишем и в песнях, и в сказаниях излагать как раз обратное» (Платон: 187);

«...неужели только за поэтами надо смотреть и обязывать их либо воплощать в своих творениях нравственные образы, либо уж совсем отказаться у нас от творчества? Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в постройках

⁶ Платон. Сочинения: в 4 т. / пер. с др.-гр. А. Н. Егунова; под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 172–173. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением *Платон* и указанием страницы в круглых скобках.

или в любой работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное? Кто не в состоянии выполнить это требование, того нам нельзя допускать к мастерству <...> надо выискивать таких мастеров, которые по своей одаренности способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам подобно жителям здоровой местности все шло на пользу...» (Платон: 200–201).

Пост-правда в «идеальном государстве» Платона пронизывала все его сферы, вплоть до самых интимных, связанных с деторождением, отцовством, материнством, детством. Идеи Платона о двух правдах прямо и буквально касаются искусства — тех его форм, которые существовали в Древней Греции.

«Поэт творит призраки, а не подлинное бытие» (Платон: 465);

«Подражательная поэзия портит нравы и подлежит изгнанию из государства» (Платон: 473);

«В идеальном государстве допустима лишь та поэзия, польза которой очевидна» (Платон: 476).

Идеи Платона о цензуре, о запретах спектаклей, об изгнании поэтов из государства всегда, во все времена были актуальны. Платон прекрасно понимал, как работает мир пост-правды, и совершенно определенно давал понять, что не верит в буквальную истинность истории, которая была им изложена в «Государстве». Точная политическая наука представлялась Платону как вещь столь же невозможная, как и всякое точное знание в изменяющемся мире. Политическая теория, как и политическая практика, делились ему малоосуществимыми и ускользающими.

Хотя теория «идеального государства» платоновского образца никогда и нигде в полной мере не реализовалась на практике и осталась утопией Древнего мира, ее хорошо запомнили и веками не только ссылались на оригинальные постулаты, но и охотно экспериментировали с ними, вводя различные формы неравенства, обосновывая нравственное, моральное превосходство высших классов (правителей и воинов) над низшими (рабами, человеческим стадом), применяя цензуру, двоемыслие, фальсификации.

Британский математик, логик, философ Альфред Норт Уайтхед утверждал: «Наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону...» (цит. по: [Киссель: 32]).

Один из самых влиятельных философов науки XX столетия, австрийский и британский философ и социолог Карл Поппер, посвятил полемике с Платоном книгу «Открытое общество и его враги» (1945), которая представляет собой критическое введение в философию политики и истории. В первом из двух томов, под названием «Чары Платона», обращаясь к русским читателям (1992), он сообщает: «В этой книге я решил проследить историю,

приведшую к возникновению гитлеризма, и обратился к учению великого философа Платона — первого политического идеолога, мыслившего в терминах классов и придумавшего концентрационные лагеря» [Поппер: 7].

Поппер полагает, что «в нравственном отношении политическая программа Платона не выходит за рамки тоталитаризма и в своей основе тождественна ему» [Поппер: 124].

По словам Поппера, «чудовищная система образования», которую пропагандировал и пытался внедрить Платон, «не смогла совершенно уничтожить человечество», и это «служит самым лучшим доводом в пользу оптимистического взгляда на человечество и лучше всего доказывает, что люди стойко привязаны к истине и порядочности, что они самостоятельны, неподатливы и здоровы. Несмотря на вероломство лидеров, многие люди — и старые, и молодые — порядочны, умны и преданы стоящей перед ними задаче. <...> ...естественный инстинкт этих людей восстал против обучения, так что никакие усилия учителей не смогли бы заставить учеников принимать все эти вредоносные идеи всерьез» [Поппер: 177].

II

Тезис Карла Поппера: «Люди стойко привязаны к истине, они самостоятельны и здоровы» — достоин того, чтобы стать эпиграфом к работе о феномене пост-правды, о правде истории и ее «политически целесообразных» интерпретациях, которые, как правило, страдают искажениями и кривизной.

Проблема правдивости — краеугольный камень в жизни общества, построении государства, любых творческих усилий. Об иерархии правды, ее месте в жизни общества и каждого человека Достоевский писал: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее. Но новейшие критики и публицисты, которые рассуждают не так и кривят правдой, желая подлизаться к молодежи» (*ДЗ0*; т. 26: 198–199).

Искание правды, по Достоевскому, составляет смысл всякой деятельности. Однако не может не поражать тот хищный азарт и виртуозность, с которыми пост-правда мигрирует из сферы политики и социальности в сферы искусства и литературы, увлеченно занимаясь имитацией реального и подлинного, вариантами подмен и мнимостей, где достоверные факты — ничто по сравнению с тем, как к ним относятся те, от кого зависит их интерпретация.

Одна из самых притягательных мишеней пост-правды и один из наиболее лакомых ее трофеев — образы русских писателей, составляющих славу и гордость отечественной литературы. Реальные события и драматические судьбы — готовый сценарный материал, из которого кинематограф

и современные романы охотно берут самые яркие моменты, захватывающие воображение подробности.

Но насколько готовы они опираться на правду факта?

Дискуссии о возможности или невозможности достоверно и правдиво воплотить великие судьбы на экране или в художественной прозе не только не устаревают, но длятся уже столько времени, сколько эти воплощения существуют.

Романисты и художники кино, как правило, страстно отстаивают свое приоритетное право интерпретировать биографический первоисточник так, как считают нужным, с любой степенью произвольности, сообразно своему опыту, эстетическому вкусу и миропониманию. Декларируется стремление использовать первоисточник как «подсветку» или «подпорку» для художественных замыслов и решений.

Если рассуждение о своем видении вовсю работает в случае экранизации художественного текста, и многомерный литературный герой позволяет производить с собой разного рода манипуляции⁷, то человек, принадлежащий реальной истории, как хозяин своей судьбы вправе ожидать от романиста или режиссера отрешения от собственного творческого эгоизма — в надежде, что их мастерство будет служить во благо, а не во вред биографическому герою. Ведь в создании литературно-художественной биографии или биографии экранной проблема мастерства более чем где бы то ни было — не только эстетическая, но и этическая проблема.

Резонно озадачиться вопросом: чего можно ожидать от вымышленного повествования или киносериала, если сама история полна зыбких, порой спекулятивных толкований и не всегда имеет под собой твердую почву? Российский зритель, угощаемый псевдоисторическими поделками с целью и развлечь его и пробудить интерес к событиям великого прошлого, задается вопросом: а как все было на самом деле? Подозрение, что на самом деле все было совсем не так или не совсем так, вызывает эстетическую неприязнь, ощущение умственного надувательства, обмана, мошенничества. Современник, если литературно-художественное или экранное повествование о нем грешит против правды, может вступить за себя сам. Но кто может защитить героев прошлых эпох, у кого уже давно нет ни родных, ни друзей, а фильмы о них, равно как и художественная проза, и в замысле, и в воплощении не ведают этических преград? Вопрос риторический.

Биографии прославленных русских писателей-классиков, их драматические судьбы — творческое эльдорадо и для романистов, и для кинематографистов. Биографические сюжеты, связанные с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, — да, в сущности, с любым крупным писательским именем, сценарно настолько богаты, что способны стопроцентно обеспечить читательский и зрительский интерес.

⁷ См. об этом подробнее: [Сараскина, 2018].

А. С. Пушкин стал первым биографическим героем дореволюционного российского кино. Биографический жанр в российском немом кино был совершенно не развит. Тем не менее «Жизнь и смерть Пушкина»⁸, немой черно-белый художественный короткометражный фильм, снятый на студии «Гомон» режиссером В. М. Гончаровым (1861–1915) в 1910 г. и тогда же вышедший на экраны России, был обречен — пусть не на успех, но на пристальное внимание публики, прессы, коллег по цеху.

Сегодняшнему зрителю может показаться смешной длительность этой короткометражки, названной столь объемно и пространно: жизнь Пушкина, пусть короткая, много короче, чем у многих других классиков жанра, уместилась, вместе со смертью, в экранные 5 минут и 3 секунды.

Впечатления зрителей и критиков оказались в удивление солидарны: главный изъян картины они увидели в исторической недостоверности, неправде характера и поведения Пушкина. Зрители и критики не захотели принимать образ угодливого поэта, поминутно кланявшегося царю на аудиенции, целовавшего бумагу с царским прощением и царскими милостями. Спустя полвека после выхода картины историк кино С. С. Гинзбург писал о пушкинской пятиминутке как о вредном кинематографическом лубке, вызвавшем к себе резко отрицательное отношение русской общественности: «Порок этого фильма состоял даже не в том, что он поставлен крайне убого, что актеры были плохи, а обстановка действия собрана "с бору по сосенке". Нет, фильм этот опошлял образ Пушкина, сознательно извращал его биографию. Пушкин был изображен вертлявым и суетливым человечком с манерами коммивояжера. Травля Пушкина придворной камарильей в фильме была начисто обойдена, а причины его дуэли с Дантесом оставлены без объяснения. Но все-таки самое отвратительное в фильме составляла сцена в придворном обществе, в которой артист В. Кривцов изображал Пушкина с лакейской угодливостью изгибающимся перед вельможами» [Гинзбург: 115].

Обратим внимание на ключевую фразу рецензии: В. Гончаров, который считается, наряду с А. Ханжонковым, первым русским кинорежиссером-профессионалом, одним из пионеров русского кинопроизводства, *«сознательно извращал биографию поэта»*.

Прочитую фрагмент еще одного отклика о фильме «Жизнь и смерть Пушкина» того же времени: «Мы не думаем, что режиссер Гончаров и актер Кравцов [sic!] сознательно делали пасквиль на великого русского поэта. Их лента свидетельствовала скорее, что в 1910 году еще имела хождение ложная версия о том, что в гибели поэта виноват он сам. Дореволюционный русский кинематограф усиленно поддерживал эту версию» [Ефимов].

⁸ Жизнь и смерть Пушкина: [черно-белое кино]. Россия, 1910 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16811805422124382887> (01.09.2022).

Итак, сознательное искажение, извращение⁹ судьбы биографического героя, нарочитое использование ложных, политически ангажированных версий о нем — вот фундаментальные изъяны художественных адаптаций, посвященных реальным героям, в данном случае А. С. Пушкину.

После первого немого фильма в течение последующих ста семи лет было создано еще два немых и шестнадцать звуковых картин разного качества и содержания¹⁰. Просмотр и анализ этих картин, изучение рецензий и откликов на них позволили сделать важные выводы:

— как бы и кто бы в течение целого столетия ни внушал зрителям и читателям мнение о приоритете видения художника над правдой, зрители и читатели оставались на стороне правды;

— мастерам слова и экрана не прощались ложь и клевета, сознательное извращение судьбы биографического героя, в том числе и для целей большей увлекательности, эффектности, скандальности;

— читатели и зрители, как правило, взыскательно относятся к проблеме исторической точности в датах, названиях, костюмах, антураже;

— любая аудитория резко отрицательно реагирует на политически ангажированные оценки изображенных событий и, напротив, благодарно воспринимает деликатность и сдержанность.

При обращении к художественным биографиям эти критерии остаются столь же актуальными.

III

В 2005 г. российский режиссер Джаник Файзиев экранизировал шпионский детективный роман Бориса Акунина (псевдоним писателя Г. Ш. Чхартишвили) «Турецкий гамбит»¹¹, продолживший цикл «Приключения Эраста Фандорина» и посвященный событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Нас, однако, интересует не столько фильм, сколько сам детектив, который был нами прочитан в одном из многочисленных, чуть не ежегодных, переизданий, — главным образом потому, что это Ф. М. Достоевский «болел» русско-турецкой войной и посвятил ей в те самые военные годы несколько выпусков «Дневника Писателя». Спору нет: детектив построен интересно, читается легко, выглядит ярко, но — как показалось при первом впечатлении — преподнесен сквозь оптику тех, кто в этой войне был политическим и военным неприятелем России¹².

⁹ Букв.: «отвернуть от истины» (Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 7-е изд. М.: Дрофа, 2004. С. 104), ср.: «врать».

¹⁰ См. подробнее: [Сараскина, 2021]. Замечу: зарубежных фильмов о Пушкине, где бы он фигурировал как главный или второстепенный реальный персонаж со своим именем и своей судьбой, на просторах Интернета обнаружено не было.

¹¹ Акунин Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2002. 222 с. Первая публикация — 1998 г. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением *Акунин* и указанием страницы в круглых скобках.

¹² См.: [Сараскина, 2010: 69–73].

Спустя почти двадцать лет первое впечатление окрепло и усилилось. Б. Акунин смотрит на события русско-турецкой войны 1877–1878 гг. так, будто он не русский писатель, живущий в России¹³ столетие с лишним спустя после этой войны, а образованный турок или его союзник англичанин — участники сражений, которые относятся к военной кампании русского царя с презрением и отвращением. Русский сыщик немецкого происхождения Эраст Петрович Фандорин оказывается (во всем фандоринском цикле) единственным героем, кто в контексте истории способен честно служить государству, единственным, кто понимает, что такое долг и честь русского офицера:

«— Если живешь в г-государстве, — объясняет заикающийся после контузии Эраст Петрович героине Вареньке Суворовой, приехавшей на фронт к жениху, — надобно либо его беречь, либо уж уезжать — иначе получается паразитизм и лакейские пересуды. <...> ...государство — это не д-дом, а скорее дерево. Его не строят, оно растет само, подчиняясь закону природы, и дело это долгое. Тут не каменщик, т-тут садовник нужен» (Акунин: 54).

Замечательно образованный, с выдающимися способностями, говорящий и понимающий все языки, удачливый игрок, Фандорин — живой укор для сослуживцев. Единственный достойный его соперник, который совершает хитроумную шпионскую операцию (стоившую русской армии нескольких десятков тысяч жизней): дважды срывает штурм Плевны — и удостаивается восторженного восхищения автора, — умный, ловкий до гениальности турок Анвар. Закулисный манипулятор, серый кардинал при просвещенном султани, проникший в расположение русской ставки под видом французского журналиста д'Эвре (в экранизации романа Анвар действует в облике скучного капитана Перепелкина, начальника штаба генерала Соболева). Анвар-эфенди и есть подлинный герой романа Б. Акунина.

Туркофилией заражены едва ли не все изображенные в романе русские офицеры. Жандармский генерал Мизинов, правнук Суворова, по воле автора высказывается так:

«...был бы счастлив видеть его (патрона Анвара, Мидхат-пашу. — Л. С.) главой российского правительства. Но он не русский, а турок. К тому же турок, ориентирующийся на Англию. Наши устремления противоположны, и потому Мидхат нам враг» (Акунин: 41).

Сам Фандорин, находясь на тайной русской дипломатической службе, тоже рассуждает «протурецки»:

«...воевать с бедной Турцией, которая и без наших доблестных усилий благополучно развалилась бы, — увольте. <...> в войне, которая для России бесполезна и даже губительна, участвовать не желаю» (Акунин: 38).

¹³ В 2014 г. Г. Ш. Чхартишвили эмигрировал, выразив несогласие с политикой российского правительства в связи с воссоединением Крыма с Россией.

Выясняется, что в турецком плену, куда он попал в качестве сербского волонтера, его никто не мучил — здесь его «с утра до вечера п-поили кофе-ем и разговаривали исключительно по-французски» (Акунин: 17).

Уютный турецкий плен упомянут, кажется, в пике сюжета из «Дневника Писателя» о замученном в турецком плену русском солдате Фоме Данилове (ДЗ0; т. 25: 12–17).

Да и зачем туркам мучить Фандорина — для них он *свой*; неудивительно, что на протяжении всей военной кампании он не смог «попасть» в шпиона Анвара, позволив ему перебить с десятков отважных и преданных делу русских офицеров ставки. Когда же у ворот Константинополя Фандорин настигает шпиона, Анвар (то есть разоблаченный д'Эвре) произносит речь, ради которой, кажется, и написан роман, и автор уже не заботится об исторических соответствиях:

«Ваша огромная держава сегодня представляет главную опасность для цивилизации, — говорит Анвар русской девице о ее стране. — Своими просторами, своим многочисленным, невежественным населением, своей неповоротливой и агрессивной государственной машиной. Я давно присматриваюсь к России, я выучил язык, я много путешествовал, я читал исторические труды, я изучал ваш государственный механизм, знакомился с вашими вождями. Вы только послушайте душку Мишеля (генерала М. Д. Соболева. — Л. С.), который метит в новые Бонапарты! Миссия русского народа — взятие Царьграда и объединение славян? Ради чего? Ради того, чтобы Романовы снова диктовали свою волю Европе? Кошмарная перспектива! <...> ...Россия таит в себе страшную угрозу для цивилизации. В ней бродят дикие, разрушительные силы, которые рано или поздно вырвутся наружу, и тогда миру не поздоровится. Это нестабильная, нелепая страна, впитавшая все худшее от Запада и от Востока. Россию необходимо поставить на место, укоротить ей руки. Это пойдет вам же на пользу, а Европе даст возможность и дальше развиваться в нужном направлении» (Акунин: 194).

Б. Акунин, спрятавшись за меморандумом ловкого шпиона, сам, кажется, исполнен намерения «укоротить России руки», отыгравшись на русской истории и ее героях. «Османовильская» тенденция осуществляется путем прямой клеветы на них. Автор работает почти без страховки — в фамилиях персонажей заменены или опущены одна-две буквы (Берещагин вместо Верещагина, Соболев вместо Скобелева, Гнатъев вместо Игнатьева и т. п.). Но в портреты безошибочно узнаваемых исторических персонажей добавлены сплошь черные краски. Среди особо «пострадавших» от Б. Акунина — отец и сын Соболевы, генералы, с сохраненными подлинными биографиями, боевыми заслугами и даже инициалами, так что личности и Дмитрия Ивановича и Михаила Дмитриевича Скобелевых устанавливаются легко, без вариантов.

«Говорили, — повествует Б. Акунин, — про генерала разное. Одни приносили его как несравненного храбреца, рыцаря без страха и упрека, называли будущим Суворовым и даже Бонапартом, другие ругали позером и честолюбцем. В газетах писали про то, как Соболев в одиночку отбил от целой орды текинцев, получил семь ран, но не отступил; как с маленьким отрядом пересек мертвую пустыню и разгромил вдсятеро превосходящее войско грозного Абдурахман-бека, а кое-кто из Вариных знакомых пересказывал слухи совсем иного рода — про расстрел заложников и еще что-то такое про похищенную кокандскую казну» (Акунин: 29–30).

«Что-то такое» пятнает в романе многих, воюющих не за турецкие или британские, а за русские интересы. Достается и Достоевскому — кажется, автор «Дневника Писателя» и есть главная мишень современного романиста. Той самой Вареньке Суворовой, перед тем как отправиться на фронт в поисках своего жениха, довелось испытать на себе гнусные «повадки» Великого Писателя, прозрачно изображенного с полным набором «достоевских» биографических примет:

«...Варя выучилась на стенографистку и зарабатывала до ста рублей в месяц. Вела протоколы в суде, записывала мемуары выжившего из ума генерала, покорителя Варшавы, а потом по рекомендации друзей попала стенографировать роман к Великому Писателю (обойдемся без имен, потому что закончилось некрасиво). К Великому Писателю Варя относилась с благоговением и брать плату решительно отказалась, ибо и так почитала за счастье, однако властитель дум понял ее отказ превратно. Он был ужасно старый, на шестом десятке, обремененный большим семейством и к тому же совсем некрасивый. Зато говорил красноречиво и убедительно, не поспоришь: действительно, невинность — смешной предрассудок, буржуазная мораль отвратительна, а в человеческом естестве нет ничего стыдного. Варя слушала, потом подолгу, часами советовалась с Петрушей, как быть. Петруша соглашался, что целомудрие и ханжество — оковы, навязанные женщине, но вступать с Великим Писателем в физиологические отношения решительно не советовал. Горячился, доказывал, что не такой уж он великий, хоть и с былыми заслугами, что многие передовые люди считают его реакционером. Закончилось, как уже было сказано выше, некрасиво. Однажды Великий Писатель, оборвав диктовку невероятной по силе сцены (Варя записывала со слезами на глазах), шумно задышал, зашмыгал носом, неловко обхватил русоволосую стенографистку за плечи и потащил к дивану. Какое-то время она терпела его невразумительные нашептывания и прикосновения трясущихся пальцев, которые совсем запутались в крючках и пуговках, потом вдруг отчетливо поняла — даже не поняла, а почувствовала: все это неправильно и случиться никак не может. Оттолкнула Великого Писателя, выбежала вон и больше не возвращалась» (Акунин: 13–14).

Прием, который применил современный автор к реалиям русской истории и к русскому писателю, свидетелю этой истории, хорошо известен. Снижение образа достигается не то чтобы путем переосмысления событий, не то чтобы смещением акцентов, а просто грубой подтасовкой. Действие «Турецкого гамбита» приурочено к летним месяцам 1877 г., именно в это время пишутся основные военные статьи «Дневника Писателя». Патриот, приверженец освобождения братских народов-единоверцев писатель Достоевский опорочен, его репутация христианина, семьянина и просто порядочного человека подмочена. В лапы «Великого Писателя», которому идет шестой десяток (Достоевскому в это время действительно 55–56 лет), обремененного семейством (жена, дети, семья покойного брата Михаила), прибегающего к услугам стенографии, создающего роман с невероятными по силе сценами и обладающего хорошо известным красноречием, — и попадает героиня романа.

«Обойдемся без имен», — лицемерно замечает автор романа; однако все сделано для того, чтобы имя, личность и реалии биографии Великого Писателя были определены безошибочно. Способ изображения ложно безымянного, но узнаваемого персонажа распространен не только на историю, но и на литературу.

«...русскую литературу, — говорит Анвар Вареньке, — [я], конечно, читал. Хорошая литература, не хуже английской или французской. Но литература — игрушка, в нормальной стране она не может иметь важного значения. Я ведь и сам в некотором роде литератор. Надо делом заниматься, а не сочинять душещипательные сказки. Вон в Швейцарии великой литературы нет, а жизнь там не в пример достойнее, чем в вашей России» (Акунин: 196).

Уши автора, в «некотором роде» литератора, для кого литература — игрушка и бизнес-проект одновременно, как это и положено в «нормальных» странах, — торчат за версту. Впрочем, экранизатор романа Джаник Файзиев претендовал на правду о русской истории еще меньше: предметом гордости для него были кадры (они занимают четверть экранного времени), созданные при помощи компьютерной графики — патриотическое чувство в данном случае стремилось лишь переплунуть Голливуд по части спецэффектов.

«Люди любят падение человека и позор его», — снова повторим мы; но Б. Акунин силой и властью автора текста буквально *заставляет* своего безымянного персонажа, в котором безошибочно опознается писатель Достоевский, упасть пошло и постыдно, чтобы затем насладиться его сконструированным позором вместе с другими вымышленными героями.

Зачем понадобилось Б. Акунину грубо чернить и порочить Достоевского, изображая его под личиной блудливого, но отвергнутого и осмеянного сластолюбца? Приведем высказывание писателя и журналиста Павла Басинского: «...Я знаю Акунина-Чхартишвили. Он стопроцентный западник, стопроцентный глобалист и стопроцентный праволиберал. Все его романы — я уже

писал об этом и настаиваю на этом сейчас — насквозь идеологичны. В гораздо большей степени, например, чем сентиментальная "Мать" Горького или наивный роман-предупреждение Кочетова "Чего же ты хочешь?". Это тем более любопытно, что на сегодняшний день Акунин — единственный реально удавшийся "либеральный" проект. <...> В отличие от любых почти иных праволиберальных проектов. Хотя там работали миллионы долларов, крутились сумасшедшие интриги, убивали людей»¹⁴.

Жгучее желание опозорить, опустить Достоевского, сочинив для него постыдную картинку, совсем не обязательный атрибут мировоззрения правого либерала и глобалиста (хотя как тут не вспомнить А. Чубайса, который давно уже мечтает разорвать Достоевского на мелкие кусочки). В сюжете «Турецкого гамбита», фактически карикатурном, кроется нечто глубоко личное, которое трудно скрыть. Б. Акунин его долго и не скрывал; напротив, вскоре после «Турецкого гамбита» опубликовал двухтомник с названием из хорошо всем знакомых инициалов: «Ф. М.»¹⁵. Затеяливый детектив, предлагающий игру с загадками и разгадками, кодами и шарадами, с конкурсами и выигрышем в виде драгоценного перстня Порфирия Петровича, сыщика из «Преступления и Наказания», с сочиненной «за Достоевского»¹⁶ рукописью, выдает огромную претензию Б. Акунина — заместить Достоевского на том огромном пространстве русской классики, которое занял автор гениального «пятикнижия». Б. Акунин предлагает внедрить в это пространство хитрую «игру в Достоевского», полагая, что сегодня «квази» и «псевдо» лучше продаются.

Г. Ш. Чхартишвили уверен, что успешный коммерческий проект «Б. Акунин» способен работать «вместо Достоевского»: «...поскольку я человек литературной профессии, есть еще желание хоть как-то поиграть в то, что я — тоже немножко Достоевский. Как для скрипача поиграть на скрипке Страдивари или для чекиста пострелять из маузера Дзержинского»¹⁷.

Впрочем, играет «Б. Акунин» и в то, что он — «тоже немножко Карамзин», ибо его нашумевшая «История Российского государства» — это псевдоистория, из цикла поиграть на чужом инструменте, пострелять из чужого ствола¹⁸.

Но игра «в Достоевского» или «в Карамзина» — это всего лишь кривая мина при нечестной игре, забавы литературных шулеров.

¹⁴ Басинский П. Космополит супротив инородца [Об «Алмазной колеснице» Бориса Акунина] // Русский Журнал. 2003. 31 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/krug/kniga/20031231_pb.html (01.09.2022).

¹⁵ См.: Акунин Б. Ф. М. М.: Олма-пресс, 2006. Т. 1. 384 с. Т. 2. 320 с.

¹⁶ Парфенов Л., Акунин Б. Больше всего люблю играть // Viperson. 2006. 22 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=387635&soch=1> (01.09.2022).

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Беляев Д. Как Акунин фальсифицирует историю в «Истории Российского государства» // Сайт Николая Старикова [Электронный ресурс]. URL: <https://nstarikov.ru/kak-akunin-falsifitsiruuet-istoriyu-v-34663> (01.09.2022).

IV

В 2001 г. в издательстве «Эксмо» в серии «Лучшее из лучшего» вышел роман южноафриканского писателя, Нобелевского лауреата по литературе Джона Максвелла Кутзее «Осень в Петербурге», в переводе Сергея Ильина (англ. «The Master of Petersburg», 1994)¹⁹.

«Перед вами, — говорится в аннотации от ЛитРес, — книга о Достоевском — культовом писателе, имя которого известно во всем мире. Это не биография в широком смысле слова, скорее, выдуманная история по мотивам жизни и творчества автора. Федор Михайлович тайно прибывает в Петербург и попадает в мир, населенный его же персонажами. Он встречается с теми, кто уже появился из-под его пера, и с теми, о ком ему только предстоит написать. Здесь реальность преобразается, а умы людей наполняются безумием. "Осень в Петербурге" — это возможность по-новому взглянуть на личность Федора Михайловича Достоевского, на его произведения и персонажей. Каждый из них воплощается здесь с неожиданной и даже пугающей стороны»²⁰.

Оказывается, есть и такой жанр — «выдуманная история по мотивам жизни и творчества автора». Можно, стало быть, по мотивам жизни и творчества реального писателя, известного во всем мире, выдумать нечто альтернативное, не имеющее к действительности никакого отношения, а потом пригласить взглянуть на выдумку «по-новому».

Допустим. Вопрос в том, из каких побуждений и какую историю хочет сочинить автор, каким в результате окажется герой выдуманного романа о реальном лице. Ибо те качества и свойства, которыми наделит своего героя романист-выдумщик, безошибочно выдадут его истинные цели и намерения.

Приведу еще один анонс романа — от издательства «Эксмо»: «"Осень в Петербурге" — роман о Достоевском, тайно приехавшем из-за границы в Петербург для выяснения обстоятельств самоубийства (или убийства) его приемного сына. Пытаясь разобраться в случившемся, Достоевский встречается с людьми, странно напоминающими персонажей его прошлых и будущих произведений. Одним из достоинств романа является точность воссоздания мира и Петербурга Достоевского»²¹.

Но пасынок (приемный сын) Достоевского, Павел Александрович Исаев (1847–1900), сын первой жены писателя Марии Дмитриевны Исаевой, не кончал жизнь самоубийством и не был убит, а пережил отчима почти на

¹⁹ Перевод впервые опубликован: Кутзее Дж. М. Осень в Петербурге // Иностранная литература. 1999. № 1. С. 76–186 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/1/osen-v-peterburge.html> (01.09.2022). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением *Кутзее* и указанием страницы в круглых скобках.

²⁰ См.: <https://www.litres.ru/dzhozef-kutzee/osen-v-peterburge/?ysclid=lb7t3inkdb505361928> (01.09.2022).

²¹ О книге «Осень в Петербурге» // Сайт AvidReaders.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://avidreaders.ru/book/osen-v-peterburge.html> (10.11.2022).

двадцать лет и умер своей смертью. То есть, чтобы вызвать Достоевского из Дрездена, где он находился осенью 1869 г., и заставить его тайно приехать в Петербург, сочинителю понадобилось умертвить реального молодого человека — Павлу Исаеву в это время только-только исполнилось 22 года.

Напомним, реальный Ф. М. Достоевский пишет в декабре 1869 г. своему реальному пасынку: «...Люблю тебя по-прежнему и более всего рад тому, что ты сумел поставить себя на порядочную ногу» (*Д30*; т. 29; 82). Зачем же Дж. М. Кутзее, который не мог не знать реальных обстоятельств жизни Достоевского, так сурово поступает с его приемным сыном? Сергей Ильин, переводчик романа, счел необходимым сделать к своему переводу такое примечание: «Павел Александрович Исаев скончался в 1900 г. в возрасте пятидесяти четырех лет»²² (уточним — Павел Исаев скончался в возрасте пятидесяти трех лет. — Л. С.).

Павел становится главной сакральной жертвой Кутзее: романист умерщвляет Павла ради сюжетной интриги, вынуждая его войти в группу Нечаева, стать участником нечаевских авантур и поплатиться за это жизнью. Романисту, коль скоро он сочиняет художественное произведение, позволено обращаться с историческими фигурами по своему усмотрению, видеть их живыми или мертвыми.

Кутзее поселяет «Достоевского» в квартире, где проживает некто Анна Сергеевна Коленкина (дама за тридцать) с дочерью Матрешей, «девочкой со светлыми волосами и замечательно темными глазами» (*Кутзее*: 76) (точный возраст ее не назван, но по описаниям ей лет одиннадцать-двенадцать) — якобы именно у них Павел снимал крохотную комнату-клетушку.

Ложное допущение о смерти пасынка Достоевского, которое легло в основу романа, разрастается в беспардонное вранье о самом Достоевском. Под пером Кутзее псевдо-Достоевский ведет себя как отъявленный фетишист: принимает и прикладывает к вещам Павла из его чемодана, вдыхает резкий запах мужских подмышек, надевает на себя тесную в плечах белую пиджачную пару Павла, ходит в ней по квартире и по-женски красуется...

Он так сильно скорбит о смерти Павла, что ненавидит всех, кто посмел остаться в живых. Вот его мысли на кладбище, у могилы Павла:

«Страшная злоба изливается из него на все живое, а всего пуще на живых детей. Если бы здесь случился сейчас новорожденный младенец, он вырвал бы его из материнских рук и размозжил голову его о камень» (*Кутзее*: 79).

И это, заметим, сказано о человеке, отвергавшем мировую гармонию, если ее цена — слезинка ребенка.

И там же, у могилы, им внезапно овладевает сильное чувство к Анне Коленкиной, казалось бы, неуместное в обстановке кладбища:

²² См.: <https://www.litres.ru/dzhozef-kutzee/osen-v-peterburge/?ysclid=lb7t3inkdb505361928> (01.09.2022).

«Он хотел бы увидеть ее обнаженной, эту женщину, в последнем цветущем ее молодости <...>. Откуда вдруг взялось вожделение? Острое, пылкое: ему хочется схватить эту женщину, заволочь ее за сторожку привратника, задрать ей подол и совокупиться с нею» (Кутзее: 80).

Подобные желания будут возникать у лже-Достоевского беспорядочно и маниакально. При встречах с женщинами, любыми женщинами, его всякий раз охватывает «тревожное возбуждение», и оно доминирует над всеми прочими желаниями:

«Он думает о девочках, отдающихся в естественном порыве доброты, из стремления к подчиненности. О девочках-проститутках, которых знал здесь и в Германии, о мужчинах, выискивающих этих девочек потому, что под накрашенными личиками их, под вызывающими нарядами сквозит неоскверненность, подобие девственности, отчего-то этих мужчин оскорбляющее» (Кутзее: 108).

Он одержим теориями на постельные темы:

«В состоянии ли мужчина понять по тому, как отдалась ему женщина, как отдастся она богу случая? Есть ли в ней этот порыв, порыв, которому все равно, куда он ведет — к наслаждению или к боли, — который пользуется чувственным телом лишь потому, что не можем же мы жить бес-телесно? Готова ль она к близости, при которой тела втискиваются друг в друга, в конце концов продираясь во тьму, где ничего уже невозможно слышать, кроме хлопанья простыней, схожего с хлопаньем крыл?» (Кутзее: 112).

Но романтический герой не только рефлексировал по поводу любимых тем, он отменно практикует. Сцены его близости с хозяйкой квартиры описаны с претензией на тонкое понимание мужской физиологии и психологии. Не размыкая объятий с Анной Сергеевной, он готов подумать и о Матреше:

«Ему не составляет труда вообразить эту девочку доведенной до иступления. Воображение его, похоже, не ведает пределов» (Кутзее: 108). И вот уже «пальцы его стискивают плечо девочки, он прижимает ее к себе. Он чувствует, как под рукою его складываются одна за другой мягкие, отроческие косточки, точно птица складывает крыло...» (Кутзее: 109).

Он воображает, как Матреша забредает к нему в комнату и видит его в состоянии похоти:

«Да и мало ли сомнамбул среди детей? Она может встать среди ночи и прийти к нему, даже не проснувшись. Передаются ли эти сокровенные запахи от матери к дочери? Обречен ли человек, любящий мать, вожделеть и дочери тоже? Бессвязные мысли, бессвязные желания!» (Кутзее: 131).

Псевдо-Достоевский любит сравнивать свою двадцатилетнюю жену Аню, оставшуюся в Дрездене, с Анной Коленкиной. Ежедневно добиваясь близости с хозяйкой квартиры, пытаясь сломить ее слабое сопротивление, он пускает в ход неотразимый для одинокой женщины аргумент:

«— Я хотел бы прижить с вами ребенка.

Анна краснеет.

— Что за глупости! У вас уже есть жена и ребенок!

— Это другая семья. Вы — члены семьи Павла, вы и Матрена. И я тоже из этой семьи.

— Я вас не понимаю.

— В сердце своем — понимаете.

— И в сердце тоже! Что вы предлагаете? Чтобы я выносила ребенка, отец которого будет жить за границей и почтой высылать мне содержание? Нелепость! <...>

— Я вовсе не жду, что вы примете решение сразу.

— Ну так я приму его сразу! Нет! Вот вам мое решение!

— Но что, если вы уже беременны?

Она вспыхивает.

— Это вас не касается!

— И что, если я не вернусь в Дрезден? Если останусь здесь и буду в Дрезден высылать содержание?» (Кутзее: 175).

Под терпким влиянием минуты он предает жену и новорожденную дочь Любу, выказывая готовность бросить их за границей на произвол судьбы. Анна Сергеевна, однако, женщина опытная и безошибочно чувствует подвох с подоплекой:

«...ты пытаешься через меня подобраться к моей дочери.

— К Матрене? Какая нелепость! Ты не можешь так думать!

— Это правда, это просто лезет в глаза! Ты хочешь через меня дотянуться до нее, а я не могу этого вынести! <...> Тебя обуяло что-то такое, чего я не способна понять. Ты вроде и здесь, но ведь на самом деле тебя здесь нет. <...> мне это больше не по силам» (Кутзее: 178).

Совратитель-педофил разоблачен и отвергнут, но ему всё нипочем: он ощущает себя шахматным игроком, жертвующим пешку, что неминуемо приведет к новому, более сложному развитию партии. Он воображает, как славно было бы написать по-французски «Мемуары русского дворянина» — особую книгу о совращении девочек, «в которой все крайности были бы представлены без соблюдения каких-либо рамок и границ» (Кутзее: 134). Он бы послал рукопись из Дрездена в Париж, там бы ее издали и продавали из-под прилавка, для любителей, но связать такое чтиво с ним, с его именем, никто и никогда бы не смог.

Видимо, в таком ключе воспринимал Дж. М. Кутзее намерения Достоевского написать «Житие великого грешника».

Но есть для «Достоевского» в Петербурге и другое поприще, не менее волнующее. Пытаясь узнать все обстоятельства, связанные со смертью Павла, он встречается со следователем (в романе это П. П. Максимов, аналог Порфирия Петровича). П. П. занят поисками Сергея Нечаева, друга Павла. Нечаев собственной персоной является к «Достоевскому» на квартиру, переодевшись женщиной; карбункулы на его лице густо запудрены. Происходит потасовка, Нечаев отбирает у «Достоевского» все наличные деньги. Матреша, считая Нечаева своим другом, отдает ему белую пиджачную пару Павла и оставляет на виду в комнате жилья флаг «Народной расправы».

Нечаев, каким, согласно Кутзее, его видит «Достоевский», не способен вступить в естественную связь с женщиной, и в этом, скорее всего, коренится его обида на всех и вся. Похоже, при сильной взаимной неприязни сошлись родственные души:

«Он (Нечаев. — Л. С.) действует не во имя идей. Он действует, когда в теле его пробуждается потребность действия. Он сладострастник. Человек крайних страстей. Тело его стремится жить у черты чувственных ощущений, у черты телесного знания. Вот отчего он говорит, что "все позволено"..."» (Кутзее: 125).

Нелепейшие сцены мелькают в романе, как в калейдоскопе; мир показан с изнанки бытия; ненависть, притворяющаяся сочувствием, рвется наружу; любовь, чреватая предательством, жаждет скандальных разоблачений.

Кажется, персонажи романа Кутзее — и мертвые и живые — существуют специально для окончательного и бесповоротного развенчания приехавшего из Дрездена «Достоевского».

От романного Павла остались бумаги — в том числе дневник с обвинениями отчима:

«Отец мой был дворянин, сосланный в Сибирь за сочувствие революционерам. Он умер, когда мне исполнилось семь лет. Мать снова вышла замуж. Новый ее муж меня не любил. Едва я достиг положенного возраста, он сбыв меня в кадетское училище. В классе я был самым маленьким — тогда я и научился отстаивать свои права. Впоследствии они перебрались в Петербург, зажили своим домом и тогда уж послали за мною. Потом мать умерла, а я остался с отчимом, человеком угрюмым, от которого я порою по целым дням не слышал ни слова. Я томился одиночеством, и единственными друзьями моими были слуги, от них-то я и узнал о страданиях народа» (Кутзее: 142).

Нечаев обвиняет «Достоевского» в том, что тот бросил на произвол судьбы своего пасынка:

«Павел Исаев был нашим товарищем. Мы стали ему семьей, когда другой у него не осталось. Вы укатили за границу, бросив его здесь. Вы утратили связь с ним, стали для него чужим человеком. А теперь являетесь неизвестно откуда и возводите дикие обвинения на единственных, какие у него были на свете, по-настоящему близких ему людей» (Кутзее: 127–128).

В дискуссиях с Нечаевым презируемый им «Достоевский» терпит сокрушительное поражение, ибо слаб, безволен, труслив, неспособен на поступок. Да и как Нечаеву разделить с писателем его чисто фрейдистские представления о революциях:

«Не "народная расправа" — "сыновняя": вот что лежит в основе всех революций, зависть отцов к женщинам их сыновей, помыслы сыновей о том, как бы отнять у отцов их денежную мошну» (Кутзее: 123).

Псевдо-Нечаев предлагает псевдо-Достоевскому сойти со сцены, уйти в тень и дать дорогу молодым.

Обличает себя, без тени раскаяния, и сам герой. В глазах Матрешки ему чудится нечто совсем недетское, его обволакивает ее взгляд, одновременно бесстыдный и насмешливый, улыбка девочки видится издевательской, искусительной. Он вдруг подозревает, что за припадками эпилепсии прячется нечто совсем другое:

«В сущности говоря, ему следовало б задуматься о том, насколько верным остается слово "припадок", не вернее ли и не всегда ли было вернее другое — "беснование", и не было ли все, что в последние двадцать лет называлось припадками, простым предчувствием того, что случилось с ним ныне, не были ли трепет и содрогание тела затянувшейся прелюдией к судорогам души» (Кутзее: 170).

Значит, мучит его вовсе не эпилепсия, а беснование, сексуальное демонство. «Достоевский» констатирует, вернее, за него констатирует Кутзее:

«Ни одно его ("Достоевского". — Л. С.) слово не несет в себе истины, ни одно — лжи, ничему нельзя верить, ни от чего нельзя отмахнуться. Держаться не за что, остается лишь падать» (Кутзее: 179).

То, что произошло с Достоевским у Кутзее, означает, что все ровно так и задумывалось. Подлинный Достоевский интересуется Кутзее почти исключительно в аспекте падения: падает бес, грешник, который до того упал, что ему уже не встать. Перед читателем — хищный тип, манипулятор, педофил и суперпредатель, личность растленная, одержимая маниакальной сексуальностью. С хозяйкой квартиры и Матрешей он — будто Ставрогин, с П. П. Максимовым — будто Раскольников, с Нечаевым — будто Кармазин, с Павлом — будто Федор Павлович Карамазов. Образы мерцают, меняясь в смыслах и оттенках.

Последняя, двадцатая глава романа, названная «Ставрогин», должна, по-видимому, радикально сблизить автора еще не написанных «Бесов» с их главным героем. Достоевский писал, что взял Ставрогина из сердца. Значит ли это, что Кутзее вынул из глубины своей души чудовище, слепленное из темной глины? В таком случае это всецело его проблема.

В романе (глава 10) встречается такая фраза: «Где-то внутри него сбилась с дороги истина» (Кутзее: 130). Это сказано о «Достоевском», но целиком относится и к роману «The Master of Petersburg», где читателю преподнесен совсем другой Достоевский, в ком истина и не ночевала.

Сколько бы ни повторять модные мантры про эстетическую пользу неомифов, про развивающие литературные игры и рискованные гипотезы, про заманчивость альтернативных образов исторических фигур, нельзя не признать: образ реального Достоевского в романе Кутзее нарочито и показательно замазан, в сущности, раздавлен. Почему в созданном неомифе образ Достоевского именно снижен и искажен, а не, допустим, возвышен и прославлен? Не потому ли, что принцип «плохое интереснее хорошего» работает в современном искусстве провокационно и безотказно?

Можно сколько угодно твердить, что искусство нуждается в мрачных переживаниях и в негативном материале, в эстетическом мазохизме и культурном садизме, однако хотелось бы, чтобы эта «насушенная потребность» не осуществлялась, хотя бы в порядке исключения, за счет судьбы реального Ф. М. Достоевского. Разумеется, в число исключений непременно следует записать судьбы всех русских писателей, а также биографии каждого из достойных людей.

Список литературы

1. Гинзбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. 406 с.
2. Ефимов Н. Н. Биографические фильмы о Пушкине // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), Ин-т театра, музыки и кинематографии. Л.: Наука, 1967. Т. 5: Пушкин и русская культура. С. 306–307 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is5/is5-305-.htm> (01.09.2022).
3. Киссель М. А. Философский синтез А. Н. Уайтхеда: вступ. ст. // Уайтхед А. Н. Избр. работы по философии / общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. С. 3–55. (Сер.: Философская мысль Запада.)
4. Манойло А. В., Попадюк А. Э. «Постправда» как социальное явление и политическая технология // Международная жизнь. 2020. № 8. С. 102–111 [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (01.09.2022). EDN: YUVTHG
5. Поппер К. Открытое общество и его враги / пер. с англ., общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Междун. фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с. Т. 1: Чары Платона.
6. Сараскина Л. И. Парадоксы патриотического сознания: история и география // Сараскина Л. И. Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 63–84.
7. Сараскина Л. И. Литературная классика в соблазне экранизаций. Столетие переводов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 582 с.
8. Сараскина Л. И. Были и небылицы в сериале о «нехрестоматийном Достоевском» // Известный Достоевский. 2020. Т. 8. № 4. С. 70–105 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607500159.pdf (01.09.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5061. EDN: KQTKWK
9. Сараскина Л. И. Отечественный кинематограф в поисках живого Пушкина // Сараскина Л. И. Достоевский и предшественники. Подлинное и мнимое в пространстве культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2021. С. 93–139.

References

1. Ginzburg S. S. *Kinematografiya dorevolutsionnoy Rossii* [Cinematography of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 406 p. (In Russ.)
2. Efimov N. N. Biographical Films About Pushkin. In: *Pushkin: issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, vol. 5, pp. 306–307. Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is5/is5-305-.htm> (accessed on September 1, 2022). (In Russ.)
3. Kissel M. A. Philosophical Synthesis of A. N. Whitehead: Introduction. In: *Uaytkhed A. N. Izbrannye raboty po filosofii* [Whitehead A. N. Selected Works on Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 3–55. (Ser.: Philosophical Thought of the West.) (In Russ.)
4. Manoylo A. V., Popadyuk A. E. “Post-Truth” as a Social Phenomenon and Political Technology. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2020, no. 8, pp. 102–111. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (accessed on September 1, 2022). EDN: YUVTHG (In Russ.)
5. Popper K. R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Moscow, Feniks Publ., Mezhdunarodnyy fond “Kul'turnaya initsiativa” Publ., 1992, vol. 1. 448 p. (In Russ.)
6. Saraskina L. I. Paradoxes of Patriotic Consciousness: History and Geography. In: *Saraskina L. I. Ispytanie budushchim. F. M. Dostoevskiy kak uchastnik sovremennoy kul'ury* [Saraskina L. I. The Test of the Future. F. M. Dostoevsky as a Participant of Modern Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2010, pp. 63–84. (In Russ.)
7. Saraskina L. I. *Literaturnaya klassika v soblazne ekranizatsiy. Stoletie perevoploshcheniy* [Literary Classics in the Temptation of Film Adaptations. A Century of Reincarnations]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2018. 582 p. (In Russ.)
8. Saraskina L. I. Truths and Lies in a TV Series About “Dostoevsky Beyond the Textbook”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, vol. 8, no. 4, pp. 70–105. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1607500159.pdf (accessed on September 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.5061. EDN: KQTKWK (In Russ.)
9. Saraskina L. I. Russian Cinema in Search of a Living Pushkin. In: *Saraskina L. I. Dostoevskiy i predshestvenniki. Podlinnoe i mnimoe v prostranstve kul'tury* [Saraskina L. I. Dostoevsky and His Predecessors. Authentic and Imaginary in the Space of Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2021, pp. 93–139. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сараскина Людмила Ивановна, доктор фило- **Liudmila I. Saraskina**, PhD (Philology),
 логических наук, главный научный сотрудник Leader Researcher of the Sector of Artistic
 сектора художественных проблем массмедиа, Problems of Mass Media, The State Institute
 Государственный институт искусствознания for Art Studies (per. Kozitskiy 5, Moscow,
 (пер. Козицкий, 5, г. Москва, Российская Фе- 125009, Russian Federation); ORCID: 0000-
 дерация, 125009); ORCID: 0000-0003-4844-4930; 0003-4844-4930; e-mail: l.saraskina@gmail.
 e-mail: l.saraskina@gmail.com. com.

Поступила в редакцию / Received 15.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 16.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342

EDN: YPPRAV

**Достоевский и Писемский:
каллиграфическая пропись «Неведомов»
в черновых записях к роману «Бесы»**

Н. А. Тарасова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
e-mail: nsova74@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу каллиграфической прописи «Неведомов» в черновых набросках к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского и содержит новые факты творческой истории данного произведения, связанные с художественной рецепцией творчества А. Ф. Писемского и, в частности, романа «Люди сороковых годов», опубликованного в журнале «Заря» в 1869 г. Помимо текстологических вопросов, в работе рассматриваются отношение Ф. М. Достоевского к произведениям А. Ф. Писемского, созданные ими литературные образы в контексте темы сороковых годов, ключевые аспекты исследования этой темы в литературоведении. Предлагается сопоставительный анализ мотивной и образной структуры романов «Бесы» и «Люди сороковых годов», позволяющий выявить специфику художественного повествования в этих произведениях и особенности творческого восприятия проблематики романа А. Ф. Писемского в период работы Ф. М. Достоевского над «Бесами».

Ключевые слова: Достоевский, Писемский, текстология, каллиграфия, творческая история, литературные взаимосвязи, Бесы, Люди сороковых годов

Для цитирования: Тарасова Н. А. Достоевский и Писемский: каллиграфическая пропись «Неведомов» в черновых записях к роману «Бесы» // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 69–104. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342. EDN: YPPRAV

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342

EDN: YPPRAV

Dostoevsky and Pisemsky: The Calligraphic Inscription “Nevedomov” in the Draft Notes for the Novel “Demons”

Natalia A. Tarasova

*Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

e-mail: nsova74@mail.ru

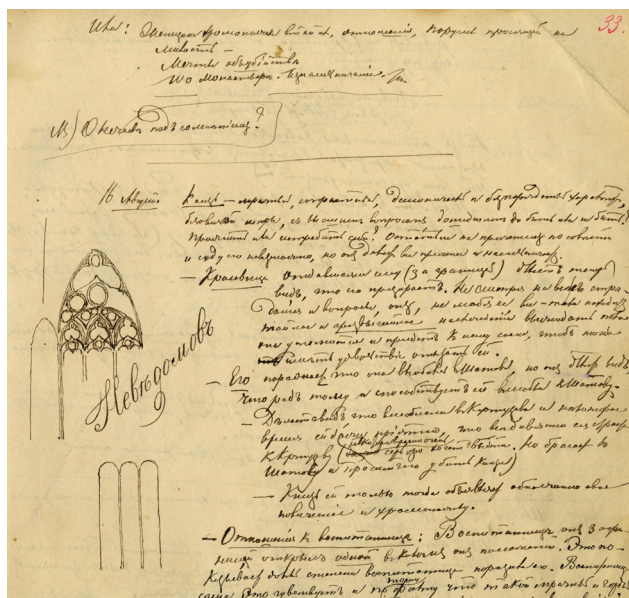
Abstract. The article is devoted to the analysis of the calligraphic inscription “Nevedomov” in the drafts for Fyodor Dostoevsky’s novel “Demons” and contains new facts of this work’s creative history related to the artistic reception of the work of Alexey Pisemsky and, in particular, the novel “People of the Forties” (1869). In addition to textual issues, the paper examines Dostoevsky’s attitude to the works of Pisemsky, the literary images created by both authors in the context of the theme of the Forties, key aspects of the study of this topic in literary criticism. A comparative analysis of the motif and figurative structure of the novels “Demons” and “People of the Forties” is proposed, allowing to identify the specifics of the artistic narrative in both works and the peculiarities of the creative perception of the problems in Pisemsky’s novel during the period of Dostoevsky’s work on “Demons.”

Keywords: Dostoevsky, Pisemsky, textual criticism, calligraphy, creative history, literary interrelations, Demons, People of the Forties

For citation: Tarasova N. A. Dostoevsky and Pisemsky: The Calligraphic Inscription “Nevedomov” in the Draft Notes for the Novel “Demons”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 69–104. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6342. EDN: YPPRAV (In Russ.)

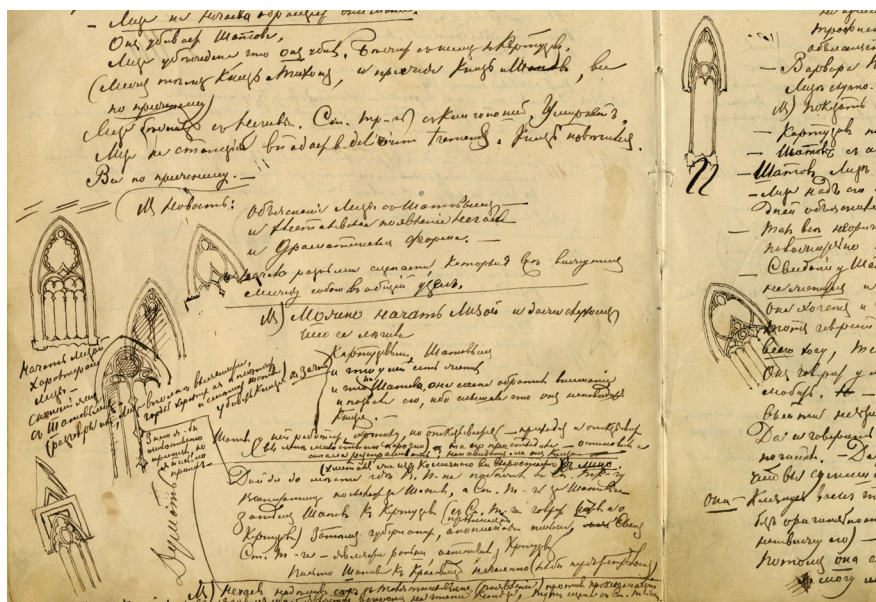
В одной из рабочих тетрадей с черновыми набросками к роману Достоевского «Бесы» есть каллиграфическая пропись: «Невѣдомовъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 33, см. Илл. 1).

Судя по расположению рисунков (архитектурных деталей) в ближайшем контексте, они, как и каллиграфия, появились до того, как напротив них были сделаны записи к роману, — во всяком случае, это касается тех набросков, которые огибают рисунки и каллиграфию или частично нанесены поверх рисунков, как на соседних страницах указанной тетради (см. Илл. 2).

Илл. 1. Каллиграфическая пропись «Неведомовъ» среди набросков к роману «Бесы»

Fig. 1. Calligraphic inscription "Nevedomov" in draft materials for the novel "Demons"

Илл. 2. Рисунки на предыдущем развороте тетради (с. 30–31), поверх которых сделаны записи

Fig. 2. The drawings on the previous page of the workbook (pp. 30–31) with notes on top of them

Отмеченная каллиграфическая пропись нуждается в пояснении. Комментарий, данный к ней в недавнем издании этих черновиков, едва ли можно считать удовлетворительным: «Версия имени героя. Ср.: "Нечаев задразнил Ст. Т-ча, себе неведомо, в невинности, доказав ему что¹ есть рога" (с. 82 наст. изд.)» [Баршт: 385]. Фамилия Неведомов здесь немотивированно соотносится с записью, содержащей слово «неведомо» и находящейся в другом месте тетради; при этом неясно, о каком герое идет речь и чем аргументируется предположение о том, что это «версия имени» одного из персонажей «Бесов».

Неведомов — это фамилия литературного персонажа, но не Достоевского, а А. Ф. Писемского: это один из героев романа «Люди сороковых годов», вышедшего в журнале «Заря» В. В. Кашпирева в 1869 г. С этим изданием сотрудничал и Достоевский, опубликовавший в «Заре» рассказ «Вечный муж» (1870). Роман Писемского вышел в свет перед самым началом разработки замысла «Бесов» (1870–1872).

I

Достоевский о Писемском

Известны отклики писателя на роман «Люди сороковых годов». Первый прозвучал в письме Н. Н. Страхову из Флоренции от 26 февраля (10 марта) 1869 г., когда Достоевский ознакомился с частью этого произведения: «Об романе Писемского сказать ничего теперь не могу; надо прочесть дальше. <...> По первой части Писемского заключаю, что не может не быть весьма талантливых вещей и в остальных частях»². Второй отклик связан с репликой главного героя этого романа (Вихрова) о самом Достоевском как писателе (ч. 3, гл. XIV): «Талантлив, но скучен»³ (см. также диалог героев, в котором «скучным» назван роман «Бедные люди» (*Писемский*; т. 5: 210)). В письме Н. Н. Страхову из Дрездена от 10 (22) февраля 1871 г. Достоевский откликнулся на опубликованную в «Заре» статью К. Н. Леонтьева «Грамотность и народность» (1870. № 11. С. 187–208; № 12. С. 287–303; напечатана под псевдонимом Н. Константинов), в которой говорилось о малом успехе журнала братьев Достоевских «Время»⁴. Вспоминая об этом, Достоевский заметил:

¹ В рукописи Достоевского перед «что» запятая.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 19, ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 11. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. При воспроизведении текста писем в данной статье в ряде случаев внесены уточнения по автографам Достоевского.

³ Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. М.: Библ-ка «Огонек», Изд-во «Правда», 1959. Т. 5. С. 111. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Писемский* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁴ См.: Н. Константинов <Леонтьев К. Н.> Грамотность и народность: (Беглые заметки) // Заря. 1870. № 12. С. 292.

«К чему же наездничать, как г<осподин> Константинов, и извращать факты? Он не церемонится с фактами: ему так надо и он утверждает как о верном о том, чего не знает. Признаюсь Вам, многоуважаемый Николай Николаевич, что мне было тяжело с этим встретиться в "Заре". Тут не самолюбие говорит. Когда [прошлого]⁵ третьего года Писемский в своем романе, в "Заре", поместил обо мне несколько брезгливых отзывов, как о литераторе, я только посмеялся натуре {и нетерпению} Писемского и нисколько не претендовал на журнал, который, пожелав напечатать у себя мою повесть (о чем и заявил мне и публике) и прежде чем поместил[л]{ть} обо мне хоть какой-нибудь отзыв, — да[ет]{л} [м<есто>] у себя место плевок на меня другого писателя. Но теперь мне обидно; Журнал "Время"⁶ был столько же моим делом, сколько и брата. Редакторами мы были оба. Успех журнала был неслыханный» (Д30; т. 29₁: 177, см. также с. 457; ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 38).

В лекции А. И. Кирпичникова на тему «Достоевский и Писемский», опубликованной в конце XIX в., отмечается, что Достоевский проявлял интерес к творчеству Писемского уже в 1850-е гг. [Кирпичников: 25]. Личное знакомство писателей состоялось, по-видимому, в Петербурге в апреле 1860 г., когда они приняли участие в спектакле «Ревизор», устроенном в пользу Литературного фонда (Д30; т. 28₂: 588)⁷.

Один из первых отзывов о художественном даровании Писемского — в семипалатинском письме Достоевского от 18 января 1856 г. к А. Н. Майкову — можно назвать скорее приветственным:

«Писемского я читал: "Фанфарон" и "Богатый жених"⁸, — больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже наивен; рассказывает хорошо. Но одно в нем грустно: спешит писать. Слишком скоро и много пишет. Нужно иметь побольше самолюбия, побольше уважения к своему таланту и к искусству, больше любви к искусству. Идеи смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. Лучше подождать побольше [синтезу,] {синтезу} {-} побольше думать, подождать, пока [все] многое мелкое, выражающее одну идею, соберется в одно большое, в один крупный, рельефный образ, и тогда выражать его. Колоссальные характеры, создаваемые колоссальными писателями, часто создавались и вырабатывались долго и упорно. Не выражать же все промежуточные пробы и эскизы? Не знаю, поняли ли Вы⁹ меня? Что же касается

⁵ В квадратных скобках приведен вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — написанный.

⁶ В рукописи в названиях журналов кавычки отсутствуют.

⁷ См. также письма П. И. Вейнберга к Достоевскому [Степанова: 242–243].

⁸ В рукописи в обоих названиях кавычки отсутствуют.

⁹ В рукописи со строчной буквы: вы

до Писемского, то, мне кажется, он мало сдерживает перо¹⁰» (ДЗ0; т. 28₁: 210, см. также с. 467; ср.: ОР РГБ. Ф. 93.1.6.33. Л. 2–2 об.).

Позднее, в письме И. С. Тургеневу от 20 сентября 1864 г. мелькнула еще одна характеристика. Достоевский просил Тургенева дать «повесть или роман» в готовившийся журнал «Эпоха» и сообщал — упомянув Писемского — о том, что видит в роли редактора издания А. У. Порецкого:

«Порецкий человек тихий, кроткий, довольно образованный и без литературного имени ([по] если уж не колоссальное литературное имя, как н<a>прим<ер> Писемский, то уж лучше пусть совсем без имени; для журнала выгоднее. [В случае если будет хорошо издаваться — в публике сейчас лучшим вопросы: кто ж у них там издает?..]¹¹), но главное: Статский Советник» (ДЗ0; т. 28₂: 102; ср.: ИРЛИ. Р. I. Оп. 29. № 429. Л. 19 об.¹²).

Н. Н. Страхов, сотрудничавший с журналом «Заря», в письме от 23 ноября 1870 г., приглашая Достоевского печататься, в числе возможных авторов назвал и Писемского:

«Мы обещаем Толстого и очень бы хотели обещать Вас. Будьте добры, бесценный Федор Михайлович, напишите в какой форме можно Вас обещать? Нельзя ли заглавие? То-то было бы хорошо.

Можно бы обещать Писемского и Ключникова, но, право, это едва ли привлечет и чуть ли не испугает. Осрамились они в 1869 году, и повредили-таки "Заре"» [Долинин, 1940: 269]¹³.

Речь идет именно о романе Писемского «Люди сороковых годов», публиковавшемся, как отмечено выше, в 1869 г. в «Заре» и довольно прохладно принятом критикой¹⁴. В ответном письме от 2 (14) декабря 1870 г. находившийся в Дрездене Достоевский возражал Страхову:

¹⁰ Записи: писать. Слишком ~ выражать его. и: Колоссальные характеры ~ перо. — сделаны на полях.

¹¹ Вычеркнутый текст в ДЗ0 не отражен (в сноске помета: *Далее зачеркнуто две строки*).

¹² Цит. по фотокопии; подлинник хранится: Bibliothèque Nationale. Service photographique. Paris. Département des manuscrits. Slave 81. P. 129–130.

¹³ Высказано предположение, что «эта оценка была несколько приукрашена Страховым, чтобы привлечь Достоевского в журнал, при этом на Писемского были переброшены общие неудачи издания», подробнее см.: [Андреева: 676].

¹⁴ См.: (Писемский; т. 4: 306); примеч. к письму Достоевского Н. Н. Страхову из Флоренции от 26 февраля (10 марта) 1869 г. (ДЗ0; т. 29₁: 395). Оценки творчества Писемского менялись, от благосклонных отзывов в 1840–1850-е гг. до резко отрицательных в 1870-е гг. Перелом в отношении к писателю произошел с подготовкой посмертных изданий его сочинений. В советский период интерес к произведениям Писемского сохранялся, в последнее время возрос. К настоящему моменту существует достаточно широкая научная библиография, посвященная различным проблемам изучения творчества писателя — поэтике текстов, литературной традиции, автобиографическим мотивам, особенностям языка и стиля и др.

«Вы пишете насчет Писемского и Ключникова. Но ведь Писемский, во всяком случае, напишет любопытно» (Д30; т. 29; 152, см. также с. 447; ср.: ИРЛИ. Ф. 287. № 52. Л. 37).

Вместе с тем критические нотки в отношении творчества Писемского звучали уже в ранних письмах Достоевского¹⁵. В другом семипалатинском письме — старшему брату Михаилу от 31 мая 1858 г. — Достоевский неодобрительно отозвался о романе Писемского «Тысяча душ» (1858):

«Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, *созданный*, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам, Сазиковская работа по рисункам Бенвенуто Челлини. Правда, я прочел только две части; журналы поздно доходят к нам. Окончание 2-й части решительно неправдоподобно[,] и совершенно испорчено» (Д30; т. 28; 312, см. также с. 493; ср.: ОР РГБ. Ф. 93.1.6.13. С. 144).

В этом письме, как указал Б. Н. Тихомиров, «прорывается желание и готовность высказаться о творчестве Писемского в *литературно-критическом ключе*. Фактически перед нами искусно очерченная критическая миниатюра, которую вполне можно представить в составе журнальной статьи, посвященной разбору "Тысячи душ"» [Тихомиров: 8].

Из письма брату Михаилу от 19 ноября 1863 г. известно, что Достоевский собирался писать литературно-критическую рецензию о произведениях Писемского и Чернышевского:

«Разбор Чернышевского романа и Писемского¹⁶ произвел бы большой эффект и, главное, подходил бы к делу. Две противоположные идеи и обеим по носу. Значит, правда. Я думаю, что все эти три статьи (если только хоть 2 недели будет работы спокойной) я напишу. — Здесь я никого не видал, кроме Писемского, которого случайно вчера встретил на улице и который обратился ко мне с большим радушием. Вчера же вечером шла его "Горькая Судьбина" в 1-й раз. [О<н>]{Я} не был. Об участии драмы — не знаю. Он говорил, что Англ<ийский> Клуб и вся помещичья партия собирает кабалу. Прихвастнул, должно быть» (Д30; т. 28; 57; ср.: ИРЛИ. Ф. 100. № 29608. Л. 2 об., 1 об., 1, записи на полях).

Сохранилось и несколько набросков в рабочих тетрадях Достоевского с оценками в адрес Писемского. Это, во-первых, заметка из записной книжки 1864–1865 гг.: «Весь реализмъ Писемскаго сводится на знаніе куда какую

¹⁵ Об отношении Достоевского к Писемскому см.: [Долинин, 1928: 523].

¹⁶ Имеются в виду романы Чернышевского «Что делать?» и Писемского «Взбаламученное море», вышедшие в 1863 г., — подробнее см.: (Д30; т. 28; 390).

просьбу нужно подать» (ОР РГБ. Ф. 93.I.2.8. С. 4; ср.: Д30; т. 20: 203, см. также с. 391).

В набросках к замыслу о романисте «Идея романа» (в Д30 опубликованы под заголовком «Великолепная мысль. Иметь в виду» (Д30; т. 12: 5); датированы автором 16/28 февраля <18>70 г.) появляется еще одна оценка в адрес Писемского: «Ну положимъ съ Графомъ Л. Толстымъ или съ Г. Тургеневымъ (NB. Никогда съ просто Тургеневы<мъ> безъ Г.) не равняю; даже съ другимъ Графомъ Толстымъ не равняю, но реалистъ Писемскій — это другое дѣло! Ибо это водевиль французскій, который выдаютъ намъ за русскій реализмъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 54; ср.: Д30; т. 20: 203, см. также с. 391)¹⁷. Сравнение творчества Писемского с французским водевилем в указанной записи и цитированный отзыв Достоевского о романе «Тысяча душ» («старые темы на новый лад») выражают сходную мысль — об отсутствии художественной оригинальности в произведениях современников.

II

Литературные образы Писемского и Достоевского в контексте темы сороковых годов

Как известно, одной из главных отсылок к теме сороковых годов в романе «Бесы» является образ Верховенского-старшего. В тексте есть хронологическая привязка к этому времени: Степан Трофимович начал преподавать «в самом конце сороковых годов» (Д35; т. 10: 9). Появляются и оценочные характеристики: его «уморительно карикатурил иногда у Юлии Михайловны» Лямшин, «под названием: "Либерал сороковых годов"» (Д35; т. 10: 277). Негативно-оценочная реплика прозвучала в адрес Верховенского-старшего на «празднике» у губернаторши: «— Каламбуры сороковых годов! — слышался чей-то весьма, впрочем, скромный голос, но вслед за ним всё точно сорвалось; зашумели и загалдели» (Д35; т. 10: 413).

В черновиках к роману та же тема звучит в связи с прототипом Степана Трофимовича — Т. Н. Грановским: «— Человѣкъ сороковыхъ годовъ и помнить объ нихъ и въ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими (Я и Тимофей Грановскій)» (ОР РГБ. Ф. 93.I.1.4. С. 24; ср.: Д35; т. 11: 149). Далее в этих же заметках, посвященных Грановскому, в одном из намеченных диалогов сказано: «(Базаровъ написанъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ и безъ ломанія, {а стало быть} безъ нарушенія правды, человѣкъ сороковыхъ годовъ, не могъ написать Базарова)» (сохранена пунктуация автографа: ОР РГБ. Ф. 93.I.1.4. С. 29; ср.: Д30; т. 11: 72; Д35; т. 11: 161)).

Позднее, в «Дневнике Писателя» за 1876 г. (главка «Идеалисты-циники» второй главы июльско-августовского выпуска) Достоевский замечал:

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука, 2020. Т. 9. С. 387, см. также с. 951–952, 955. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д35 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

«Грановский был самый чистейший из тогдашних людей; это было нечто безупречное и прекрасное. Идеалист сороковых годов в высшем смысле, и, бесспорно, он имел свой собственный, особенный и чрезвычайно оригинальный оттенок в ряду тогдашних передовых людей наших, известного закала. Это был один из самых честнейших наших Степанов Трофимовичей (тип идеалиста сороковых годов, выведенный мною в романе "Бесы" и который наши критики находили правильным. Ведь я люблю Степана Трофимовича и глубоко уважаю его) — и, может быть, без малейшей комической черты, довольно свойственной этому типу» (Д30; т. 23: 64).

Выражение «люди сороковых годов» относится к поколению, с которым было связано развитие общественных дискуссий об историческом пути России и назначении литературы, отразившихся в выступлениях западников и славянофилов, журналистике, критике и получивших осмысление в более позднее время (см.: [Тимашова: 20–21]). По замечанию А. Б. Муратова, «идеи 1860-х годов, как совершенно справедливо полагал Писемский, вызревали в умах людей 1840-х годов. Это были идеи оппозиционные, не принятые тогдашней властью, но истину устремлений этих людей подтвердили годы 1860-е. <...> В сознании человека середины XIX в. "люди сороковых годов" были представителями определенного "умственного движения": кружки той поры, Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Кавелин, Чичерин, Грановский, будущие деятели "великих реформ". Они представлялись сознанию читателей как бы "по Тургеневу": идеалисты, носители благородных и гуманных стремлений, но люди "лишние", они пробудили общество, но сами практически были бесплодны. <...> Таков был как бы общепринятый, устоявшийся взгляд на историческую роль "людей сороковых годов". Но ему противоречил роман Писемского, который, как писал Шелгунов, "не видел и не знает Россию интеллектуальную 40-х годов; он знает только Россию простонародную и чиновную, в сфере которой он жил и людей которой он только и умеет рисовать. Интеллектуальная область — не его область, и люди этого мира — не его мира"¹⁸. <...> Но в том-то и заключалась мысль Писемского: сороковые годы — это не только философский идеализм беспочвенных мечтателей Рудиных; есть еще бытовое значение идей тех лет, с которым связана деятельность всех этих чиновников, инженеров, губернаторов, мелкого люда и людей идеи вкупе, практически готовивших общество к переменам. Эта практическая сторона жизни, ее механизм прежде всего и будет интересовать Писемского» [Муратов: 4–5].

После публикации романа Писемского «словосочетание "люди сороковых годов" входит в употребление и становится своеобразным языковым и культурным клише», но «само представление об особом типе личности, характерном для людей, чья деятельность пришлась на эпоху "славного десятилетия",

¹⁸ Цитата из статьи: Н. Ш. <Шелгунов Н. В.> Люди сороковых и шестидесятых годов: («Люди сороковых годов». Роман А. Писемского. «Заря», 1869 г.) // Дело. 1869. № 9. С. 22–23.

как впоследствии назовет сороковые годы П. В. Анненков, начало складываться раньше, а именно в 1855 г.» [Лазутин, 2010: 101]. По мнению В. В. Лазутина, одним из первых проявлений такой рефлексии стал рассказ И. С. Тургенева «Яков Пасынков» (1855), герой которого «во многом схож с определенным типом людей недавнего прошлого» [Лазутин, 2010: 104]. Показательны оценки, данные этому произведению И. И. Панаевым в майском номере «Современника» за этот же год¹⁹: «Панаев описывает тип личности, очень схожий с типом Пасынкова. Философичность, ясность ума, стремление к идеалам красоты и истины, даже любовь к Шуберту, как и несчастливая любовная история, пропущенная через рефлекссию персонажа... <...> в статье Панаева можно увидеть первый этап типизации, складывания представления о "человеке сороковых годов" как о личностном, поведенческом и характерологическом типе, и типизация эта связана с известной мерой обобщения» [Лазутин, 2010: 105]. Как считает исследователь, в рассказе Тургенева и отзыве о нем Панаева указаны «основные черты типа "человека сороковых годов", которые впоследствии будут определяющими. В первую очередь это увлеченность философией и искусством, душевное благородство, несчастливая любовная история, причем пропущенная через рефлекссию персонажа. Но очерк Панаева добавляет к типу, заданному Тургеневым, и новые акценты. <...> ...в оценку личности вносится оппозиция "мечта — деятельность", и ставится вопрос о том, что же, собственно, совершили, сделали эти люди, не была ли вся их жизнь пустой. Появляется критическая оценка личностного и поведенческого типа, хотя рассказчик этой оценки и не принимает, противопоставляя своего героя нынешнему поколению» [Лазутин, 2010: 107]. Таким образом, «в рефлексии современников над типом "людей сороковых годов"» выделяется как ключевое «противоречие между идеей и практической деятельностью» [Лазутин, 2010: 108] (см. также: [Овсяннико-Куликовский: 122–200], [Швецова, Земляникин: 54–55]).

Эту рефлексю в известной степени отразило и стихотворение Н. А. Некрасова «Человек сороковых годов» (1866, опубл. в 1876):

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою натуру!..

¹⁹ Имеется в виду статья: Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 5. Отд. V. С. 113–129.

Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов.
На всех, рожденных в двадцать пятом
Году, и около того,
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...²⁰

В романе Писемского «Люди сороковых годов», где повествование во многом опирается на саморефлексию героя, Вихров, глядя на своих социально успешных друзей, выбравших службу, а не писательство, размышляет:

«Грустно и стыдно мне стало за самого себя; не то, чтобы я завидовал их чинам и должностям, нет! Я завидовал тому, что каждый из них сумел найти дело и научился это дело делать... Что же я умею делать? Все до сих пор учился еще только чему-то, потом написал какую-то повесть — и еще, может быть, очень дурную, за которую, однако, успели сослать меня²¹. Сам ли я ничтожество или воспитание мое было фальшивое, не знаю, но сознаю, что я до сих пор был каким-то *чувствованием жизни* — и только пока» (Писемский; т. 5: 175).

Вместе с тем, по мнению Л. Н. Синяковой, Писемский в романах 1860-х гг. «создает два симметричных характера "человека сороковых годов": один собирает в себе отрицательные черты типа — инерционность, эгоизм, самолюбование, фразерство, неспособность к практической деятельности (Бакланов, "Взбаламученное море"), а другой аккумулирует его лучшие черты и в результате значительно трансформирует значение титульного термина (Вихров, "Люди сороковых годов"). Вихров и его единомышленники выражают историческую правоту в предреформенных условиях, являясь, по сути, пропагандистами теории "малых дел" и отстаивая либерализм в государственных институтах. Тем не менее оба героя принадлежат к числу

²⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, 1982. Т. 3: Стихотворения, 1866–1877 гг. / [коммент. О. Б. Алексеева и др.]. С. 27.

²¹ Вихров был сослан в губернию за написание повести и рассказа критической направленности, попавших под правительственную цензуру. Высказано предположение о реальной подоплеке этого мотива, ср.: «В данном случае реальным жизненным источником (а, значит, и прототипом, хотя и частичным, Вихрова) явились факты биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина — литературного современника Писемского, сосланного в 1848 году в Вятку за сочинение повестей "Противоречия" (1847) и "Запутанное дело" (1848)» [Тимашова: 74].

"обыкновенных" людей, в историко-культурной конкретизации — к "людям сороковых годов"» [Синякова, 2008: 96] (см. также: [Седов], [Лазутин, 2011], [Звягина]).

В критических работах, содержащих отклики на роман «Бесы»²², при общих отсылках к теме сороковых годов, оценки разнились. П. Н. Ткачев в 1873 г., говоря о Верховенском-старшем, настаивал на неоригинальности этого образа, вспоминая именно Писемского в числе предшественников Достоевского:

«...это очень старый и общеизвестный характер одного из представителей так называемых людей 40-х годов. Тип изъезженный; каждая его черточка, каждая деталь были уже много раз воспроизводимы нашими лучшими беллетристами, и притом беллетристами 40-х же годов. Достоевскому пришлось тут, следовательно, идти по проторенной дорожке и не столько творить, сколько компилировать. И действительно, его Степан Трофимыч не более, как компиляция, составленная по известным образцам, данным Писемским, Гончаровым, Тургеневым и т. п.».

По утверждению критика, «компиляция г<осподина> Достоевского <...> составлена с большим психическим искусством», но «воспроизведение личности Верховенского вышло <...> более похожим не столько на объективное изображение характера, сколько на критическую оценку его», и «Степан Трофимыч представляет собою не живое воплощение конкретного характера, а просто психологический анализ некоторых выдающихся и наиболее общих черт известного типа людей»²³ (см. также: (Д30; т. 12: 262)).

Н. К. Михайловский в том же году, отмечая, что «тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто», сделал вывод, что Достоевский «берет его <...> с некоторых новых сторон, а потому придает ему свежесть и оригинальность, несмотря на избитость темы»²⁴.

²² Подробнее см. в 12-м параграфе акад. комментария к «Бесам»: (Д30; т. 12: 257–272, примеч. В. А. Туниманова).

²³ П. Н. <Ткачев П. Н.> Больные люди. «Бесы», роман Федора Достоевского, в трех частях. СПб. 1873 // Дело. Журнал литературно-политический. 1873. № 3. С. 163–164.

²⁴ Н. М. <Михайловский Н. К.> Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II. С. 317.

III

«Люди сороковых годов» Писемского и герои Достоевского

Неоднократные отсылки к типу «человека сороковых годов», появляющиеся в черновиках и в окончательном тексте романа «Бесы», и упоминание Неведомова указывают на то, что Достоевский вспоминал содержание романа Писемского «Люди сороковых годов» в период разработки своего замысла. Несмотря на то что критика в основном уделяла внимание его главному герою — Павлу Вихрову, Достоевского заинтересовал персонаж, казалось бы, второстепенный.

Неведомов представляется Вихрову как «дворянин и кандидат здешнего университета» (Писемский; т. 4: 161). Автор дает портретную характеристику героя:

«В дверях часовни Павел увидел еще послушника, но только совершенно уж другой наружности: с весьма тонкими очертаниями лица, в выражении которого совершенно не видно было грубо поддельного смирения, но в то же время в нем написаны были какое-то спокойствие и кротость; голубые глаза его были полуприподняты вверх; с губ почти не сходила небольшая улыбка; длинные волосы молодого инок были расчесаны с некоторым кокетством; подрясник на нем, перетянутый кожаным ремнем, был, должно быть, сшит из очень хорошей материи, но теперь значительно поизносился; руки у монаха были белые и очень красивые. Когда Павел вышел из часовни, монах тоже вышел вслед за ним и, к удивлению Павла, надел на голову не клобук, не послушническую шапку, а простую поношенную фуражку» (Писемский; т. 4: 160).

Тут же выясняется, что Неведомов не монах:

«— Одежду я такую ношу, потому что она мне нравится. <...>

— По моему мнению, — начал он неторопливо, — для человеческого тела существуют две формы одежды: одна — испанский колет²⁵, обтягивающий все тело, а другая — мешок, ряса, которая драпируется на нем. Я избрал последнюю!» (Писемский; т. 4: 161).

Иными словами, заявленное в характеристике Неведомова сравнение с монахом и рыцарем²⁶ принадлежит самому герою, и эти ассоциации впоследствии получают развитие.

Запоминающийся вид имеет и комната, в которой живет Неведомов. Она также показана глазами Вихрова, который «сильно был удивлен тем, что

²⁵ Испанский колет — известен с XVI в., мужская одежда, пошитая как жилет или куртка без рукавов, преимущественно из кожи, по форме напоминала полудоспехи; одежда воинов. См.: [Даль, 1998; т. 2: 137], [Фасмер, 1986; т. 2: 290].

²⁶ О значении последнего понятия см.: [Синякова, 2007].

представилось ему там: во-первых, он увидел диван, очень как бы похожий на гроб и обитый совершенно таким же малиновым сукном, каким обыкновенно обивают гроба; потом, довольно большой стол, покрытый уже черным сукном, на котором лежали: череп человеческий, несколько ручных и ножных костей, огромное евангелие и еще несколько каких-то больших книг в дорогом переплете, а сзади стола, у стены, стояло костяное распятие» (Писемский; т. 4: 164). Вихров называет убранство его комнаты «решительно символическим» (Писемский; т. 4: 165).

Сравнение с гробом вызывает ассоциации с «Преступлением и наказанием» Достоевского, где оно используется применительно к тесной низкой каморке, в которой живет Раскольников и о которой его мать, Пульхерия Александровна, говорит: «— Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб...» (Д35; т. 6: 198)²⁷. Это сравнение, будучи отсылкой к теме смерти и, у Достоевского, воскресения, своеобразно связывает героев: Раскольникова встретится со смертью, став убийцей, Неведомов — потеряв возлюбленную и став самоубийцей.

Неведомов, на первый взгляд, наделен чертами «новых людей» базаровского типа²⁸, но в то же время своеобразен. Из первого разговора Вихрова с ним выясняется, что Неведомов интересуется анатомией и, кроме того, проводит время за чтением духовных и светских книг, в числе последних особо выделяя произведения Шекспира. Идеалом для него является персонаж «Ромео и Джульетты» — «Лоренцо, монах, францисканец, человек совершенно уже бесстрастный и обожающий одну только природу!..» (Писемский; т. 4: 166)²⁹.

Позднее Вихров узнает от общего знакомого, что Неведомов за свое монашеское одеяние был отправлен в острог:

«— Неведомова-то! — воскликнул Салов. — Да разве вы не видите, что он сумасшедший...³⁰ Одежда-то его, а!.. Как одежда-то его вам нравится?

— Одежда у него действительно странная, — произнес Павел.

— Вы знаете, он за нее в остроге сидел, — продолжал Салов с видимым уже удовольствием. — Приехал он там в Тулу или Калугу... Подрясник этот у него еще тогда был новый, а не провонялый, как теперь... Он выфрантился

²⁷ См. подробнее о символике хронотопа в «Преступлении и наказании»: [Тарасова, 2015: 136–137]. См. также: [Круглова, 2008: 17].

²⁸ Базаров и критик Д. И. Писарев, посвятивший тургеневскому герою свои программные статьи (см., например, работы «Базаров» (1862), «Реалисты» (1864)), упоминаются и в черновиках романа «Бесы», см. выше, а также: (Д35; т. 11: 153, 159, 161, 321; Д30; т. 12: 334).

²⁹ И Вихров, уже будучи сосланным в губернию в качестве чиновника по особым поручениям без жалованья, организует спектакль по шекспировскому «Гамлету», где исполняет главную роль (Писемский; т. 5: 198). О значении Шекспира для Писемского см.: [Тимашова: 140–141], [Ермолаева].

³⁰ Сумасшедшим Неведомова называет и его возлюбленная в разговоре с Вихровым (Писемский; т. 4: 292).

в него, взял в руки монашеские четки, отправился в церковь — и там, ставши впереди всех барынь и возведя очи к небу, начинает молиться. Все, разумеется, спрашивают: "Кто такой, кто такой этот интересный монах?" Заинтересовалась сим и полиция также... Он из церкви к себе в гостиницу, а квартишки за ним... "Кто, говорят, такой этот господин у вас живет? Покажите его паспорт!" — Показывают... Оказывается, что совершенно не монах, а светский человек. Они сначала — в часть его, а потом — и в острог, да сюда в Москву по этапу и прислали, как в показанное им место жительства» (Писемский; т. 4: 177–178, курсив наш. — Н. Т.).

В романе Достоевского «Подросток» (1875) возникает параллель с этой сюжетной ситуацией, при смене фокуса описания с внешнего (одеяние монаха) на внутреннее (вериги как символ смирения) и при сходстве оценок, данных героями (восприятие монашеской атрибутики как проявления странности). О Версилове, «монахе с веригами», как называет его Аркадий Долгорукий (Д30; т. 13: 175), говорит старший князь Сокольский:

«Веришь ли, он держал себя так, как будто святой, и его мощи явятся. Он у нас отчета в поведении требовал, клянусь тебе! Мощи! En voilà une autre! Ну, пусть там монах или пустынник, — а тут человек ходит во фраке, ну, и там всё... и вдруг его мощи! *Странное желание для светского человека и, признаюсь, странный вкус*» (Д30; т. 13: 31–32, курсив наш. — Н. Т.).

Объединяющим звеном в художественной рецепции этой темы в данном случае может быть Некрасовское стихотворение «Влас» (1855), о котором Достоевский оставил отзыв в «Дневнике Писателя» за 1873 г. Как указал А. С. Долинин, «несмотря на основную цель свою на "Власе" сводить счеты с Некрасовым как с идейным врагом, Достоевский выделяет курсивом несколько стихотворных строк, особенно прекрасных: "*Смуглолиц, высок и прям (чудо как хорошо!)*". И дальше: "*ходит он стопой неспешною... сам с собой все говорит и железною веригою тихо на ходу звенит. Чудо, чудо как хорошо! Даже так хорошо, что точно и не вы писали*"...» [Долинин, 1963: 129–130], ср.: (Д30; т. 21: 32–33). Вместе с тем образ Версилова справедливо соотношен [Долинин, 1963: 47] и с замыслом романа «Атеизм», изложенным Достоевским в письме к А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. (то есть до появления романа Писемского):

«Лицо есть: Русский человек, нашего общества, *и в летах*, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — *вдруг*, уже в летах, теряет веру в Бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в Бога действует на него колоссально. (Собственно действие[.] в романе, обстановка — очень большие). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам

и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно между прочим попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщин[у]{ы} — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (Д30; т. 28₂: 329; ср.: ИРЛИ. Ф. 168. № 16640. Л. 68).

В Версилове подчеркивается двойственность характера (о чем говорит и сам герой: «Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь» (Д30; т. 13: 408)): «вериги» не мешают его страстной натуре вовлечься в интриги Ламберта и Подростка против Ахмаковой. Вроде бы монолитный характер Неведомова на поверку тоже оказывается не лишенным двойственности. Увлекавшийся театром и светской жизнью, Неведомов сообщает, что сжег книги Шекспира, имевшиеся у него, и уходит в монастырь. Однако уход этот в сущности является атрибутом столь же внешним, как и его выбор монашеского одеяния в миру. Вихров, считающий это решение «отрицанием от всего», пытается переубедить его, упрекает в отказе от любви, творчества, мирских трудов, но, выслушав ответ Неведомова: «ни для какой другой жизни не гожусь», — заключает: «Может быть, в самом деле он ни на что уж больше и не годен, как для кельи и для созерцательной жизни» (Писемский; т. 4: 298–299). В сцене прощания героев в конце второй части романа Вихров «крепко обнял приятеля и почти с нежностью поцеловал его: он очень хорошо понимал, что расстается с одним из честнейших и поэтичнейших людей, каких когда-либо ему придется встретить в жизни» (Писемский; т. 4: 300).

Тематических переключек между двумя романами — «Люди сороковых годов» и «Бесы» — немало. Шекспировские мотивы, как известно, широко представлены и в романе «Бесы»: в черновом и окончательном тексте есть многочисленные шекспировские аллюзии, в том числе сравнение Ставрогина с принцем Гарри (отсылка к исторической хронике «Король Генрих IV») и др., см.: (Д30; т. 12: 229, 295, 343 и др.). Кроме того, имя Шекспира становится частью идеологической полемики Достоевского с утилитаристскими и позитивистскими теориями, декларированными в 1860-е гг. «Современником» (прежде всего, в работах Н. Г. Чернышевского) и «Русским словом» (Д. И. Писарев, В. А. Зайцев) — журналами, которые писатель в 1864 г. охарактеризовал как «орган умеренных нигилистов» и «орган неумеренных нигилистов» соответственно (см. статью «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» (Д30; т. 20: 102)). В «Бесах» существенное значение приобретает полемика «по эстетическим вопросам (что выше: сапоги или Шекспир и Пушкин), подготовленная публицистикой Достоевского 1860-х годов» (Д30; т. 12: 215, 311–312, примеч. В. А. Туниманова, Т. И. Орнатской; см. также: [Левин], [Захаров, 2008: 267–273]; [Захаров, 2009], [Бузина], [Степанян: 57–67]).

Как следует из текста романа «Бесы», Степан Трофимович Верховенский начал преподавать в конце 1840-х гг. Герой Писемского Павел Вихров отказался от службы и выбрал литературное поприще, а к концу сороковых уже печатался. Автор замечает:

«1848 год был страшный для литературы. Много, что прежде считалось позволительным, стало казаться возмущающим, революционным, подкапывающим все основы государства; литераторов и издателей призывали и делали им внушения. Над героем моим, только что выпорхнувшим на литературную арену, тоже разразилась беда: напечатанная повесть его наделала шуму, другой рассказ его остановили в корректуре и к кому-то и куда-то отправили; за ним самим, говорят, послан был фельдъегерь, чтобы привезти его в Петербург» (Писемский; т. 5: 151).

Несмотря на то что основное действие «Бесов» приходится на более позднее время, 1860-е гг., этих героев объединяет мотив гонений за вольнодумство — Верховенский-старший тоже ждет ареста и отправки в Петербург (мотив этот есть и в черновиках к роману):

«— Тут наверно телеграмма из Петербурга была, — сказал вдруг Степан Трофимович.

— Телеграмма! Про вас? Это за сочинения-то Герцена да за вашу поэму, с ума вы сошли, да за что тут арестовать?

Я просто озлился. Он сделал гримасу и видимо обиделся — не за окрик мой, а за мысль, что не за что было арестовать.

— Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать? — загадочно пробормотал он» (ДЗ5; т. 10: 365).

В обоих романах среди действующих лиц есть губернатор. У Писемского это генерал-майор Мохов, персонаж, наделенный типичным набором отрицательных характеристик: закоснелый, погрязший в пороках чиновник, преследующий Вихрова за его честность и нежелание бездумно исполнять любые указы³¹. «Глубоко комическая и нелепая фигура» [Чирков: 158] губернатора фон Лембке в «Бесах» лишена этой типизированности изображения, в том числе благодаря психологической тонкости описания и раскрытию личной истории героя.

³¹ В Вихрове как «человеке сороковых годов» раскрываются определенные авторские установки: «Либеральный утопизм сознания Писемского сводится к формуле "честная служба" и "здравый смысл" как основа государственности, причем первая часть — "честная служба" — относится к "образованному сословию"; вторая — "здравый смысл" — отсылает ко всему укладу народной жизни и призвана утвердить главенство народного мирозерцания над интеллектуальным хаосом оторванной от национальных корней интеллигенции (идея узнаваемо почвенническая, но с поправкой на либерализм Писемского — своего рода институциональное почвенничество)» [Синякова, 2009а: 20].

Мотив пожара (поджога) — у Писемского лишь мельком звучит в одном из диалогов (*Писемский*; т. 5: 119–120), у Достоевского становится ключевым звеном в романной истории. Объединяет романы и мотив «покражи церковных вещей» — Вихрову об этой покраже рассказывает арестант, осужденный за содеянное³² (*Писемский*; т. 5: 238–240), в «Бесах» о святотатстве Федьки Каторжного повествует хроникер (*Д35*; т. 10: 278).

В обоих произведениях имеются эпизоды посещения героями монастыря (содержание которых при этом совершенно различно, ср.: (*Писемский*; т. 5: 139–145)). В сцене в монастыре (глава «У Тихона» из романа «Бесы») появляется важная деталь — сломанное Ставрогиным «маленькое распятие изъ слоновой кости» (Список А. Г. Достоевской, ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 31, ср. в Гранках: РГАЛИ. Ф. 212.1.10. С. 13; *Д35*; т. 11: 49, 86, 89). У Писемского «костяное распятие» упоминается при описании комнаты Неведомова, но в данном случае важна другая смысловая параллель — разрушенная Вихровым по указу губернатора раскольникья моленная³³ (*Писемский*; т. 5: 234, 244–256). Ставрогин, вспомнив о нанесенном «убытке», светски интересуется: «Чтò эта штучка, рублей двадцать пять стоит?» (Список А. Г. Достоевской, ИРЛИ. Ф. 100. № 29443. Л. 35; *Д35*; т. 11: 89). Вихров с нескрываемой печалью переживает произошедшее с ним:

«Все кончено, я, как разрушитель храмов, Александр Македонский, сижу на развалинах. Смирный народ мой поершился было немного, хотели, кажется, меня убить, — и я, кажется, хотел кого-то убить. Завтра еду обратно в губернию. На душе у меня очень скверно» (*Писемский*; т. 5: 256).

Любопытно, что в романах есть упоминание об Иване-Царевиче. В «Бесах», как мы помним, оно принадлежит Верховенскому-младшему, который пытается втянуть Ставрогина в свои интриги, — «на убежденности в способности Николая Всеволодовича как бы увенчать собою хаотические, преступные связи между людьми и тем самым оправдать идею всеобщей смуты, в частности, построен "план" Петра Верховенского» [Кашурников: 64]:

«...Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

— Кого?

— Ивана-Царевича.

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; вас, вас!» (*Д35*; т. 10: 360).

³² Писемский мог опираться в этом эпизоде на сказания о чудотворных иконах, см. подробнее: [Лепахин: 148–150].

³³ Автобиографический мотив: «В качестве чиновника особых поручений, А. Ф. Писемский был назначен секретарем Совестьательного Комитета и, в течение почти двух-летней службы в этой должности, ему лично пришлось провести несколько дел по преследованию старообрядцев и уничтожению их моленных» [Виноградов: 2]. См. также: [Тимашова: 49–50].

У Писемского об Иване-Царевиче говорят оброчный подрядчик Макар Григорьев Синькин и студент Замин:

«— <...> Вот хоть бы тоже и промеж нас, мужиков, сказки эти разные ходят; все это в них рассказываются глупости одни только, как я понимаю, какие-то там Иван-царевичи, Жар-птицы, Царь-девицы — все это пустяки, никогда ничего того не было.

— Самого-то Ивана-царевича не было, но *похожий на него какой-нибудь князь* на Руси был; с него вот народ и списал себе этот тип! — вздумал было втолковать Макару Григорьеву Замин» (Писемский; т. 5: 46, курсив наш. — Н. Т.).

Со Ставрогиным Неведомова сближает финал — герои кончают самоубийством (о самоубийстве Неведомова говорят его друзья). Хотя причины такой развязки и содержательное наполнение этих образов разные, персонажей объединяет свойственное им *отрицание жизни*. В образе Ставрогина эта черта отмечена давно — в частности, об этом писал преп. Иустин (Попович): «Все чуждо Ставрогину, и он чужд всему. Его, оледеневшего от жизненного ужаса, не соединяет с миром ни один нерв любви. Он не может ужиться с этим миром. Нечто беспредельно роковое и мрачное не дает ему наладить связь, мысленную или чувственную, между собой и вселенной. <...> Ставрогин — ледяное и жуткое Nicht-Sagung³⁴ этому миру, из него истекает только отрицание» [Иустин (Попович): 74–75]³⁵. Содержание образа Неведомова в этом случае могла бы прояснить параллель с другим героем «Бесов» — Шатовым.

IV

Неведомов и Шатов

Даже сами фамилии названных персонажей образованы по одному семантическому принципу — недостаточности признака: фамилия Шатов ассоциируется со значением «неустойчивости» (см. подробнее: (Д30; т. 12: 232), а также: [Альтман: 102–105]), Неведомов — со значением «неведения» (на происхождение от слова «ведать», а не «водить», в данном случае указывает буква «ѣ» в корне слова).

В Д30 фамилия Шатов возводится к черновикам «Преступления и наказания»: «В черновых вариантах романа мы находим и фамилию Шатов (см.: наст. изд., т. VII, стр. 93)» (Д30; т. 12: 232). Это не так: фамилии Шатов

³⁴ Примеч. в цитир. источнике: Nicht-Sagung (нем.) — букв.: неговорение.

³⁵ По выражению С. И. Гессена, «сознание жизни вытеснило у Ставрогина самое жизнь»: «Из гордости и презрения к людям Ставрогин готов нести тяжесть своего каприза. Он готов наказать себя, но он не может сострадать, не может нести бремени любви и, стало быть, также и бремени жизни. Для этого он слишком уединен, и нет веры в его равнодушном сердце» [Гессен: 65, 63].

в черновом тексте романа «Преступление и наказание» нет. Ошибка прочтения рукописи появляется в первой публикации черновиков романа, подготовленной И. И. Гливенко:

«Это неверно³⁶ (...) возражаетъ одинъ
Мы не знаемъ Шатовъ» [Гливенко: 164].

В последующих публикациях ошибка повторена.

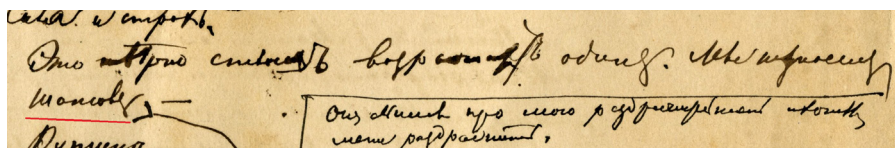
Лит. памятники: «Это неверно страх <?> — возражает один. Мы не знаем. Шатов» [Опульская, Коган: 503; фамилия получает комментарий, см. с. 786].

Д30: «— Это неверно. — Согласен, — возражает один. — Мы не знаем. Шатов» (Д30; т. 7: 93).

Д35: «<—> Это неверно сплошь, — возражает один. — Мы не знаем шансов. Шатов —» (Д35; т. 7: 193).

В рукописи:

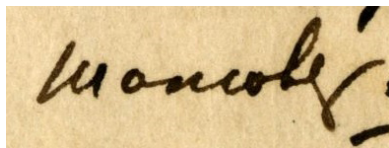
«Это невѣрно сплошь возражаетъ одинъ. Мы незнаемъ
шансовъ —» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 151) (см. Илл. 3).

Илл. 3. Черновой набросок к роману «Преступление и наказание»

Fig. 3. First draft for the novel "Crime and Punishment"

Рассмотрим слово в увеличенном изображении (см. Илл. 4):

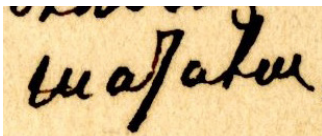
Илл. 4. Написание «шансовъ»

Fig. 4. The word "шансовъ"

Слово записано со строчной буквы и является частью фразы «Мы не знаемъ шансовъ». Графически оно действительно похоже на написание «Шатовъ». Но если сравнить это написание с другими, то отличия становятся очевидными.

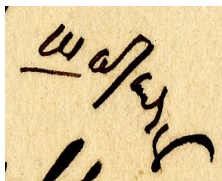
³⁶ Так — без «ѣ» — в тексте публикации.

Однокоренные слова к «Шатовъ» из той же записной тетради (см. Илл. 5–6):

Илл. 5. Написание «шатался» (с. 43 автографа)

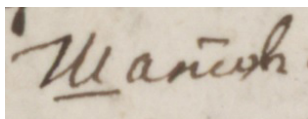
Fig. 5. The word “шатался” (p. 43 of the workbook)

Илл. 6. Написание «шатаясь» (с. 52 автографа)

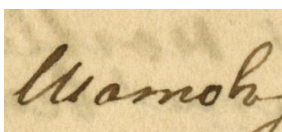
Fig. 6. The word “шатаясь” (p. 52 of the workbook)

Фамилия «Шатовъ» в черновых записях к роману «Бесы» (см. Илл. 7–9):

Илл. 7. Написание «Шатовъ» (ОР РГБ. Ф. 93. I. 1. 5. С. 1)

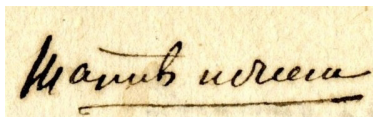
Fig. 7. The word “Шатовъ” (Russian State Library. F. 93. I. 1. 5. P. 1)

Илл. 8. Написание «Шатовъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 8. С. 14)

Fig. 8. The word “Шатовъ”

(Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 8. P. 14)

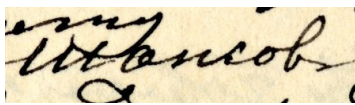

Илл. 9. Написание «Шатовъ и жена» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 9. С. 8)

Fig. 9. The note “Шатовъ и жена”

(Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 9. P. 8)

Сравним с написанием слова «шансовъ» (см. Илл. 10):

Илл. 10. Написание «шансовъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 11. Л. 75 об.)

Fig. 10. The word “шансовъ”. Russian State Archive of Literature and Art. F. 212. 1. 11. 75 folio verso)

Из примеров ясно, что при сходстве написаний «шансовъ» и «Шатовъ» есть графические нюансы, позволяющие различить эти слова: прежде всего, это надстрочные и выносные штрихи в вариантах написания буквы «т», больший наклон штрихов и скругление при написании буквы «с» в слове «шансовъ», а также более крупное написание заглавной буквы «Ш» в слове «Шатовъ».

Таким образом, на этапе создания романа «Преступление и наказание» фамилии Шатов еще не было в планах Достоевского, она возникла позднее в период работы над «Бесами», причем не сразу, так как первый вариант именования героя, как следует из черновых рукописей произведения, — Шапошников.

И в романе «Люди сороковых годов», и в «Бесах» звучит тема славянофильства и западничества. Шатова называют славянофилом оба Верховенские, старший и младший (Д35; т. 10: 34, 511), и он сам говорит о себе с усмешкой: «За невозможностью быть русским, стал славянофилом» (Д35; т. 10: 486). Как отмечено в Д30, «резкие выпады против Белинского в черновых записях к “Бесам” обычно вложены в уста славянофила Шатова, ведущего полемику с Грановским (С<тепаном> Т<рофимовичем> Верховенским) или Нечаевым (П<етром> Верховенским), и имеют ту же ярко выраженную антизападническую направленность, что и реплики против Грановского или Тургенева» (Д30; т. 12: 168, примеч. Н. Ф. Будановой). В романе Писемского также затрагивается указанная тема, но заметно более поверхностно, что, по-видимому, соответствует авторской установке. Славянофилом один раз называют Вихрова, с чем он неохотно соглашается (Писемский; т. 5: 417). В разговоре о западниках и славянофилах Неведомов критически отзываясь о Белинском: «— Хороши и противники-то их (славянофилов. — Н. Т.) — западники, — сказал своим грустным голосом Неведомов. — Какое высокое дарование — Белинский, а и того совсем сбили с толку; последнее время пишет все это, видно, с чужого голоса, раскидался во все стороны» (Писемский; т. 4: 265)³⁷.

³⁷ Обращение к славянофильской проблематике в романе Писемского было мотивировано программными установками неославянофильской «Зари», где это произведение публиковалось, см.: (Писемский; т. 4: 303–304, примеч. А. П. Могилянского). Об отношении Писемского к славянофильству см. также: [Синякова, 2011: 405].

Как было сказано, каллиграфическая пропись «Невѣдомовъ» сделана до появления набросков на странице рабочей тетради Достоевского и, скорее, сопутствует обдумыванию романного замысла, относясь не только к заметкам, находящимся поблизости от нее, хотя часть этих заметок стоит всё же процитировать. Фамилия Неведомов находится на странице со следующим текстом:

«Или:

Женщина хромоножка в тайнѣ, отношенія, поручикъ просящій на милость —
Мечты объ убійствѣ
И о монастырѣ. Изнасилъничаніе.³⁸

NB) О Нечаевѣ подѣ сомнѣніемъ?³⁹

16 Августа⁴⁰ Князь — мрачный, страстный, демоническій и безпорядочный характеръ, безо всякой мѣры, съ высшимъ вопросомъ, дошедшимъ до быть или не быть? Прожить или истребить себя? Остаться на прежнемъ по совѣсти и суду его невозможно, но онъ дѣлаетъ все прежнее и насильничаетъ.

— Красавица отдавшаяся ему (за границей) дѣлаетъ теперь видъ, что его презираетъ. Не смотря на всѣ его страданія и вопросы, онъ, не любя ее, все-таки находитъ тайное и чрезвычайное наслажденіе выжидать пока она утомится и придетъ къ нему сама, чтобъ тогда [отказаться] имѣть удовольствіе отказать ей.

— Его поражаетъ что она влюбилась въ Шатова, но онъ дѣлаетъ видъ, что радъ тому и способствуетъ ей въ любви къ Шатову.

— Дѣлаетъ видъ, что влюблена въ Картузова и нѣкоторое время ей даже пріятно, что всѣ дивятся ея страсти къ Картузову ([даже] {нѣкоторое время очень} серьезно хочетъ выйти. Но бросается къ Шатову и проситъ его убить Князя)

— Князь ей только тогда объявляетъ обнаженно свое положеніе и хромоножку.

— Отношенія къ воспитанницѣ: Воспитанницѣ онъ за границей открылъ одной въ какомъ онъ положеніи. Это показываетъ до какой степени воспитанница поразила его. Воспитанница

³⁸ Далее знак: ////

³⁹ Текст: NB) О Нечаевѣ подѣ сомнѣніемъ? — обведен чертой.

⁴⁰ Записи относятся к 1870 г.

сама это чувствует и по {тому} факту что такой мрачный и гордый человек открыл ей такой секрет — поняла степень своего влияния на него. Она его полюбила. Но онъ думаетъ что она не можетъ догадаться о томъ, что онъ ее любитъ. Клевету объ ея связи съ нимъ она приняла съ презрѣніемъ и подозрѣваетъ что происходитъ она отъ Красавицы. Она знаетъ что Красавица его любитъ и увѣдомляетъ его объ этомъ, но знаетъ, что Князь ею наслаждался, а теперь возненавидѣлъ. (Нѣкоторое время она даже ревновала его). О хромоножкѣ, переселившейся къ нимъ, она увѣдомляетъ его (полюбила хромоножку)⁴¹. За Ст<епана> Т<рофимови>ча сначала выходила въ отчаянье, но потомъ, вдругъ когда онъ пріѣхалъ въ слѣдствіе письма Ст<епана> Т<рофимови>ча, она получивъ отъ него приказаніе — отказала Ст<епану> Т<рофимови>чу⁴². Онъ просилъ ее подождать и объявилъ [что] ей, что она ему нужна. Она изумилась его словамъ, но испугалась, чтобъ онъ не убилъ хромоножку» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 33).

В этом фрагменте разрабатываются сюжетные линии, связанные с Князем (Ставрогиным), Хромоножкой (Лебядкиной), Красавицей (Лизой Тушиной), Шатовым и Воспитанницей (Дарьей, сестрой Шатова). Образ Князя уже видится как «мрачный, страстный, демонический и беспорядочный характер, безо всякой меры, с высшим вопросом, дошедшим до быть или не быть?», появляются многие мотивы, нашедшие впоследствии отражение в окончательном тексте романа.

Имеют значение и наброски на левой стороне тетрадного разворота, под датой 15 августа <1870 г.>:

«Шатовъ другъ. Она родитъ у Шатова.

Но Шатовъ объяснился въ любви и она къ Картузову — потому что Шатовъ въ ея глазахъ получаетъ другое значеніе и она чувствуетъ, что можетъ полюбить его. —

Князя-же ненавидитъ

Тотъ-же тоскуетъ и хочетъ застрѣлиться —

Тихонъ —

— Она узнала что Князь женатъ и потому возненавидѣла

(На комъ женатъ? Не на воспитанницѣ-ли?)

(NB Нѣтъ)

А въ Петербургѣ, въ углахъ. Жена въ городѣ гдѣ-то

(? На Картузовой? или на Нигилисткѣ⁴³)

⁴¹ Текст подчеркнут слева карандашом, поверх знак: ×

⁴² Текст подчеркнут слева карандашом, рядом знак: ×

⁴³ Далее фигурная скобка.

Или: Она отъ Князя беременна
Но его возненавидѣла
влюбилась въ Шатова
Но борясь съ чудовищностью страсти въ Шатовѣ, по психологическому
обороту, хочеть серьезно выдти за Картузова.
(Князю-же съ самаго прїѣзда его отказала, не смотря что отъ него
беременна)
Но въ послѣднія мгновенія, понимая чудовищность съ Картузовымъ
Прибѣгаетъ къ Шатову разродиться (была его врагомъ)
И чтобъ онъ ее принялъ, не какъ жену, но какъ рабу изъ состраданія

Или? можетъ быть не беременна. —

Ненавидитъ на воспитанницу⁴⁴ и клевететь на нее⁴⁵»

(РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 32).

В этих набросках появляется мотив соблазненной Князем Красавицы, забеременевшей от него и приходящей «к Шатову разродиться». В окончательном тексте романа эта сюжетная коллизия отражена, но в роли соблазненной выступает собственная жена Шатова — в более поздних черновых записях она так и обозначена: «Шатовъ заложилъ револьверъ когда жена пришла родить —» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 16), «Затѣмъ къ Шатову прїѣзжаетъ жена родить» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 59), «Шатовъ револьверъ заложилъ когда жена пришла родить» (ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 44).

Этот мотив присутствует и в других записях Достоевского: в неосуществленном замысле «<Роман об атеисте (ростовщике)>» (в Д30 опубликован под заголовком «<Роман о князе и ростовщике>») (датируется концом 1869 — февралем 1870 г.): «Князь — завистливый, желающій высокаго человѣческаго достоинства даромъ, гордый безъ права на то, лицо страдальческое; влюбленъ въ невѣсту, которую и отбиваетъ у него Ростовщикъ. (NB. Онъ сдѣлалъ брюхо и дѣвушку съ брюхомъ передалъ учителю» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 2); в плане «Мысль на лету» (1870, по-видимому, возник уже в период работы над «Бесами» — см.: (Д35; т. 9: 1014–1017)): «Жена, бывшая на содержаніи {у фельдмаршала}, отданная имъ съ вознагражденіемъ мужу-учителю, кружитъ ему голову, заставляетъ его оскорбить [свою] {его} мать, убиваетъ фельдмаршала, заставляетъ мужа драться на дуэли съ оскорбителемъ (однимъ молодымъ княземъ, любовникомъ ее на минутку). Переворачиваетъ всю губернію. Умираетъ наконецъ при рыдающемъ мужѣ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.8. С. 56)⁴⁶.

⁴⁴ Вероятно, описка. Следует читать: Ненавидитъ воспитанницу

⁴⁵ Далее знак: ///

⁴⁶ Помимо указанных ассоциаций с «Бесами», данный эпизод отсылает к мотивам романа «Идиот»: Настасья Филипповна, бывшая на содержании у Тоцкого; попытки последнего «передать» ее Гане Иволгину; оскорбленное готовящимся браком с «двусмысленной женщиной» семейство Иволгиных.

Здесь следует вспомнить, что и Шатов учительствует: в романе сообщается, что он, вместо того чтобы принять покровительство Варвары Петровны, «предпочел закабалиться к какому-то цивилизованному купцу учить детей» (Д35; т. 10: 27), — и в этой же роли выступает Неведомов Писемского:

«— Разве у него нет состояния?

— Никакого!.. Так себе перебивается кой-какими урочишками, но и тех ему мало дают: потому что, по костюму, принимают его — кто за сумасшедшего, а кто и за бродягу» (Писемский; т. 4: 178).

При некотором сходстве героев⁴⁷ (как и в случае со Ставрогиным), именно тема любви и ее трактовка показывают существенное различие между ними. Неведомов влюблен в Анну Ивановну, девушку, которая живет в номерах мадам Гартунг, где квартируют и он с Вихровым. Анну Ивановну соблазняет их общий знакомый Салов. Неведомов отворачивается от своей возлюбленной, не будучи в состоянии простить ее, хотя, как следует из разговоров между героями, она пытается возобновить отношения (Писемский; т. 4: 252).

Между Вихровым и Неведомовым после этого происходит красноречивый спор:

«— Вы, Неведомов, — убеждал его Вихров, — человек добрый, высоко-нравственный; *вы христианин, а не фарисей; простите эту простодушную грешницу.*

— Нет, не могу! — сказал Неведомов, снова садясь на диван и закрывая себе лицо руками.

— Неведомов! — воскликнул Павел. — *Это, наконец, жестокосердно и бесчеловечно.*

— Может быть, — произнес Неведомов, закидывая голову назад, — но я больше уж никогда не могу возвратиться к прежнему чувству к ней» (Писемский; т. 4: 253, курсив наш. — Н. Т.).

В более раннем разговоре с Вихровым Неведомов замечает, что «главным достоинством всякой женщины» является «целомудрие» (Писемский; т. 4: 239):

«Пушкин очень любил и знал хорошо женщин, и тот, однако, для романа своего выбрал совершенно безупречную женщину!.. Сколько вы ни усиливайте вашего воображения, вам выше Татьяны — в нравственном отношении — русской женщины не выдумать»⁴⁸ (Писемский; т. 4: 240).

⁴⁷ Их социальный статус, однако, различен: Неведомов — дворянин и кончил курс университета, а Шатов «родился крепостным Варвары Петровны», из университета был отчислен «после одной студентской истории» (Д35; т. 10: 27).

⁴⁸ Исследователи указывают на то, что это мнение разделял и сам Писемский, см. подробнее: [Тимахова: 102, 105–106, 124]. См. также: [Смирнова], [Зайцева, 2007b].

Когда Вихров отговаривает Неведомова от ухода в монастырь, он вспоминает эту историю и заявляет, что Неведомов отказался от шанса возвратить любовь, оттолкнув ее: «Хоть бы та же Анна Ивановна, она стала бы любить вас всю жизнь, если бы вы хоть частицу возвратили ей вашего прежнего чувства» (*Писемский*; т. 4: 298)⁴⁹.

История Неведомова заканчивается драматически. Анна Ивановна несчастливо выходит замуж и спустя некоторое время умирает. Вихрову сообщают, что Неведомов «об этом узнал, был у нее даже на похоронах, потом готовился уже постричься в большой образ, но пошел с другим монахом купаться и утонул — нечаянно ли или с умыслом, неизвестно⁵⁰; но последнее, кажется, вероятнее, потому что не давал даже себя спасать товарищу». «Слишком идеален, слишком поэт был; он не мог жить и существовать на свете» (*Писемский*; т. 5: 147), — заключает Вихров.

Достоевский, как следует из романа «Бесы», совершенно иначе раскрывает тему — его Шатов прощает блудную жену, прижившую ребенка от Ставрогина, и с радостью и душевным трепетом принимает дитя:

«— Тайна появления нового существа, великая тайна и необъяснимая, Арина Прохоровна, и как жаль, что вы этого не понимаете!

Шатов бормотал бессвязно, чадно и восторженно. Как будто что-то шаталось в его голове и само собою без воли его выливалось из души.

— Было двое, и вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих; новая мысль и новая любовь, даже страшно... И нет ничего выше на свете!» (*Д35*; т. 10: 504).

Это чувство любви, прощения и сострадания, живое участие в судьбе ближнего, нуждающегося в помощи и понимании, осознание причастности замыслу Божию придают характеру Шатова ту художественную глубину, которая и составляет сущность «реализма в высшем смысле»⁵¹ в произведениях Достоевского: его герои не схематичны и способны вместить всю сложность, многообразие и противоречивость человеческого бытия.

Н. А. Бердяев писал о том, что «искусство Достоевского все — о глубочайшей духовной действительности, о метафизической реальности, оно менее

⁴⁹ О внутреннем конфликте в характере Неведомова см.: [Тимашова: 128, 142, 145].

⁵⁰ Описание смерти Неведомова напоминает событие, произошедшее годом раньше — летом 1868 г. — и обсуждавшееся в литературно-журнальной среде: смерть критика и публициста Д. И. Писарева, утонувшего в Риге во время купания. В этом случае также ходили слухи о возможном самоубийстве из-за несложившейся личной истории. См. подробнее: [Щербаков].

⁵¹ См.: «Я — При полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человека. Это русская черта по преимуществу и въ этомъ смыслѣ я конечно народенъ, (ибо направление мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго) — хотя и не извѣстенъ русскому народу те-перешнему, но буду извѣстенъ будущему. —

Меня зовутъ психологомъ: неправда<,> я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т. е. изображаю всѣ глубины души человѣческой» (РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 29; ср.: (*Д30*; т. 27: 65)).

всего занято эмпирическим бытом» [Бердяев: 21–22] (см. также: [Натова]). Здесь стоит вспомнить, что, признавая в Писемском талант бытописания⁵², критика зачастую отказывала его произведениям в художественности и «в возможности его подняться над чисто бытовой сферой изображения» (см. подробнее: [Тимашова: 3–11], также: [Синякова, 2011: 411–413]). Наиболее показателен в этом отношении отзыв Н. В. Шелгунова, в наши дни, впрочем, характеризующийся как конъюнктурный⁵³. Шелгунов считал, что автор романа «Люди сороковых годов» «рисует портреты грубым помелом, а для анализа человеческой души и пробудившегося женского сознания нужна кисть тонкая, сознательная и красок очень много. Г<осподин> Писемский же маляр, хотя искусный, а все-таки маляр, немедленно стушевывающийся, когда приходится рисовать живых людей с печатью мысли и чувства на лице». По мнению критика, Писемский «оказался не в состоянии подойти даже издали к эпохе, летописцем которой он задумал явиться. Вместо широкой, всеобъемлющей картины с грандиозными героями, соответственными русскому порыву, <...> дал формулярные списки шести человек, кондуитные списки четырех женщин и рассказал несколько случаев из былой полицейской практики»⁵⁴.

⁵² Ср.: «Писемский демонстрирует мастерство прирожденного бытописателя, создавая главы, сходные по своей жанровой структуре с произведениями натуральной школы — физиологическим очерком, повестью, диалогической сценкой и т. д.», «Мастерство Писемского в создании крестьянских образов единодушно признавалось критиками» [Тимашова: 41, 161]. См. также: [Синякова, 2011: 408], [Круглова, 2006: 133].

⁵³ Ср.: «На первых порах ожидаемый публикой и по мере публикации получавший одобрение редакции "Зари" роман "Люди сороковых годов" через некоторое время был низведен до уровня неудачного беллетристического произведения. Публикация его в славянофильском журнале настроила против Писемского весь демократический лагерь. Журнал "Дело" до выхода "Зари" и при появлении первых номеров обвинил издание в поклонении монархии. Разгромная статья Н. В. Шелгунова "Люди сороковых и шестидесятых годов" появилась в "Деле" в № 9–12. Шелгунов начинает её с общего образа похорон писателей, воспитанных эстетической критикой, а теперь заживо погребённых. К таким писателям он относит Гончарова, а за ним и Писемского, фактически лишая последнего какого-либо таланта...» [Андреева: 675].

⁵⁴ Н. Ш. <Шелгунов Н. В.> Люди сороковых и шестидесятых годов: (По поводу романа г. Писемского «Люди сороковых годов». Заря, 1869 г.) // Дело. 1869. № 10. С. 32, 38. См. также: (Писемский; т. 4: 306, примеч. А. П. Могилянского).

А. И. Кирпичников в своей лекции о Писемском и Достоевском судил иначе, ср.: «Я ничего не скажу о позднейших произведениях Писемского: о его больших романах и обличительных и исторических драмах не потому, чтобы я всецело разделял мнение враждебной ему критики: по моему мнению, во всяком романе его есть живые типы и живые и сильные сцены и во всякой даже памфлетной его драме есть одно величайшее для драмы достоинство — сценичность; но потому, что в моем беглом очерке я должен ограничить себя или произведениями, вполне художественными, в которых сказался целый талант, а не крупинки его, или такими, которые при крупных недостатках имели большое влияние на современников. Здесь же не было ни того, ни другого. Хотя романы и драмы Писемского были значительно выше десятков произведений, которые прогремели в конце 60-х и в 70-х годов, под влиянием установившихся в критике взглядов, их мало смотрели и мало читали, да и читая только "покивали главами".

В современных работах получил развитие более многосторонний взгляд на Писемского, творческий метод которого, по мнению исследователей, отличается специфическими чертами, определяющими особенности поведения⁵⁵. Отмечено, что в произведениях Писемского «порою отсутствует доминанта в обрисовке характера» [Круглова, 2008: 9], персонажи подчеркнута статичны [Зайцева, 2007а: 4–5]. «Определяющим отличием "человека Писемского"» от художественных типов, появляющихся у других авторов, считается «его быто-культурная "заземленность", укорененность в ментальном и бытовом пространстве русской провинции», при этом «человек в прозе Писемского — "низовая" проекция высоких художественно-концептуальных образцов, разрабатываемых великими современниками писателя, вместе с тем сохраняющая их духовную и интеллектуальную энергию» [Синякова, 2009а: 30] (см. также: [Синякова, 2008: 93]).

В немногочисленных работах, затрагивающих вопросы характерологии в творчестве Писемского и Достоевского, подчеркивается разность философско-эстетических позиций писателей: «В художественном мире "Бесов" действуют иные люди, чем в полемических романах Писемского, Тургенева и Гончарова. Имморализм Ставрогина, экзистенциал<изм> человекобога Кириллова или "половинчатое" почвенничество Шатова указывают на катастрофизм сознания русского человека рубежа 1860–1870-х гг., его не только историческую, но и религиозно-философскую дезориентированность.

В романе Писемского нет и не может быть демонических персонажей наподобие Ставрогина и его взаимоотрицающих проекций Кириллова и Шатова. Философия человека у Писемского не подразумевает абсолютной, метафизической раздвоенности человеческого духа» [Синякова, 2009а: 19] (см. также: [Синякова, 2009b]).

Как заметил еще Н. К. Михайловский в 1881 г., Писемский и Достоевский едва ли соизмеримы⁵⁶, слишком различны они по содержанию и направленности художественного дарования, месту в литературе и читательском

В 70-х годах я познакомился с Писемским и бывал у него почти во всякий свой приезд в Москву; видал его и в мрачные и в светлые минуты; всегда поражал он меня ясностью своего огромного ума, силою своего резкого чисто народного остроумия. Но всегда после беседы с ним получалось в общем тяжелое, тоскливое чувство. Нельзя было не сознавать, что это остатки былого величия, что богатырский талант сошел со старой дороги, а новой не может найти <...>. И немало других, хоть и меньшего объема талантов и честных литературных деятелей погибло преждевременно по разным причинам в приснопамятную эпоху 60-х годов. Что делать! Таково неперемненное условие всякого крупного исторического перелома.

Но не погиб Достоевский...» [Кирпичников: 69–70].

⁵⁵ Определяя специфику творческой манеры Писемского, исследователи указывают и на биографическую составляющую: «...влияние отца, с его культом "здорового смысла", расчетливостью и грубоватостью, причудливо переплелось в натуре будущего сочинителя с поэтичностью воззрений матери» [Синякова, 2011: 402].

⁵⁶ Ср.: «Всегда грубоватая и как бы даже щеголявшая своей внешнею грубостью и внутреннею неряшливостью, муза Писемского под конец совсем замолкла. <...> Совсем другое дело Достоевский. <...> ...общий интерес в его художественной деятельности, за

восприятию. Возможно, поэтому работ, посвященных такому сравнению, до сих пор немного. Сопоставительный анализ приведенных выше фактов убеждает в том, что Достоевский, осмысливая содержание романа Писемского и его характеры, создавал при разработке замысла «Бесов» свою, совершенно оригинальную с точки зрения художественной реализации, систему образов. Каллиграфическая пропись «Невѣдомовъ» стала частью писательских размышлений Достоевского над сюжетными коллизиями и героями его собственного романа, когда вырисовывались их главенствующие черты. И в этом взаимодействии образов и идей тип «человека сороковых годов», отчетливо обозначенный еще в черновом тексте «Бесов» и традиционно ассоциированный прежде всего с Т. Н. Грановским, осмысливался Достоевским не только в историческом, но и в широком литературном контексте, частью которого стал и роман Писемского.

Список литературы

1. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 279 с.
2. Андреева В. Г. Государство, власть, народ и человек в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 670–683.
3. [Баршт К. А.] Текстологическое исследование записных тетрадей Ф. М. Достоевского к роману «Бесы»: дипломатическая транскрипция / подгот. К. А. Баршт [и др.]. СПб.: Наука, 2021. 581 с. (Сер.: Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре.)
4. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
5. Бузина Т. В. На путях самообожения у Достоевского и Шекспира (Ставрогин, Гамлет, принц Гарри) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2010. № 27. С. 142–154.
6. Виноградов Н. Н. Алексей Феофилактович Писемский: материалы к его биографии и выяснения процесса творчества. Пг.: Тип. Императорской академии наук, 1917. 29 с.
7. Гессен С. И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) // Путь. 1932. № 36. (Дек.). С. 44–74.
8. [Гливенко И. И.] Из архива Ф. М. Достоевского: Преступление и наказание. Неизданные материалы / подг. к печати И. И. Гливенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. 217 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998.
10. [Долинин А. С.] Письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому / публ. А. С. Долинина // Шестидесятые годы: материалы по истории литературы и общественному движению / под ред. Н. К. Пиксанова и О. В. Цеховицера; Акад. наук СССР, Ин-т лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 255–280.

некоторыми перерывами, возростал до самой его смерти, а этого далеко нельзя сказать о большинстве его блестящих сверстников.

Я просто отмечаю факт, и не думаю мерять Достоевского с кем бы то ни было, всего меньше с Писемским, хотя их единовременная смерть невольно наталкивает на сравнения и параллели» (Н. М. <Михайловский Н. К.> Записки современника // Отечественные записки. 1881. № 2. Отд. II. С. 243).

11. Долинин А. С. Последние романы Достоевского: как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 344 с.
12. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский. Письма / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Госиздат, 1928. Т. I: 1832–1867. 590 с.
13. [Опульская Л. Д., Коган Г. Ф.] Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание / изд. подг. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М.: Наука, 1970. 808 с. (Сер.: Литературные памятники.)
14. Ермолаева Н. Писемский о Шекспире // Русская словесность. 2019. № 1. С. 59–63.
15. Зайцева Е. Л. К вопросу о поэтике психологизма в романной прозе А. Ф. Писемского // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 1. С. 3–8. (а)
16. Зайцева Е. Л. Художественная концепция человека в поэтике А. Ф. Писемского и пушкинская традиция // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: мат-лы X Виноградовских чтений. М.: МГПУ, 2007. Т. 2. С. 80–85. (b)
17. Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ: монография / отв. ред. Вл. А. Луков; Моск. гуманитар. ун-т. Ин-т фундамент. и прикл. исследований; Межд. акад. наук (IAS). М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. 320 с.
18. Захаров Н. В. Шекспир в тезаурусе Достоевского // Тезаурусный анализ мировой культуры: сб. науч. тр. / под общ. ред. Вл. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. Вып. 19. С. 51–60.
19. Звягина С. В. Роль реминисцентного контекста в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 1108–1113.
20. Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве [1931] / перев. с сербск. Л. Н. Даниленко. СПб.: Изд. дом «Адмиралтейство», 1998. 270 с.
21. Кашурников Н. А. Об архетипе царевича в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: Серебряный век, 2009. № 26. С. 63–67.
22. [Кирпичников А. И.] Достоевский и Писемский, опыт сравнительной характеристики: (Две публичные лекции). Профессора А. Кирпичникова. Одесса: Типо-литография Штаба Одесского военного округа, 1894. 88 с.
23. Круглова Е. Н. Проблема образа автора в творчестве А. Ф. Писемского // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2006. № 4. С. 130–135.
24. Круглова Е. Н. Художественная позиция А. Ф. Писемского в литературном процессе 1840–60-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Иваново, 2008. 24 с.
25. Лазутин В. В. От памяти к истории: к вопросу о формировании представления о «людях сороковых годов» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 2 (45). С. 101–110.
26. Лазутин В. В. Идеино-поведенческий комплекс «люди сороковых годов» в литературе конца XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2011. 22 с.
27. Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 108–134.
28. Лепяхин В. Икона в русской литературе XIX века // Слово.ру: балтийский акцент. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2011. № 1/2. С. 147–174.
29. Муратов А. Б. А. Ф. Писемский: из курса лекций по истории русской литературы второй половины XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. Вып. 1. С. 3–17.

30. Натова Н. А. Метафизический символизм Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 26–45.
31. Овсянко-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. / сост., подгот. текста, примеч. И. Михайловой. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2: Из «Истории русской интеллигенции». Воспоминания. 525 с.
32. [Степанова Г. В.] Письма П. И. Вейнберга к Достоевскому / публ. Г. В. Степановой // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 239–253.
33. Седов А. В. Исторический характер человека сороковых годов XIX столетия в романах А. Ф. Писемского («Взбаламученное море», «Люди сороковых годов»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Череповец, 1998. 23 с.
34. Сняжкова Л. Н. «Рыцарство» и «мещанство» в художественной концепции романа А. Ф. Писемского «Мещане» // Филология и человек. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. № 1. С. 14–25.
35. Сняжкова Л. Н. Философия человека в творчестве А. Ф. Писемского: проблемы и решения // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2008. Т. 7. Вып. 2: Филология. С. 93–98.
36. Сняжкова Л. Н. Проза А. Ф. Писемского в контексте развития русской литературы 1840–1870-х гг.: проблемы художественной антропологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Томск, 2009. 33 с. (a)
37. Сняжкова Л. Н. Творчество А. Ф. Писемского в контексте русской литературы 1850–1870-х годов: характерологический аспект // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2009. Т. 8. Вып. 2: Филология. С. 124–128. (b)
38. Сняжкова Л. Н. Культурно-исторический портрет А. Ф. Писемского. Некоторые замечания // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): посв. 45-летию науч. пед. деятельности Е. И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2011. С. 397–413.
39. Смирнова Л. Л. Пушкин в прозе А. Ф. Писемского // Русская литература. 1999. № 2. С. 189–197.
40. Степанян К. А. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 292 с.
41. Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: проблемы изучения. М.: Квадрига, 2015. 190 с.
42. Тимашова О. В. Роман А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов». Личность и эпоха: дис. ... канд. филол. наук / 10.01.01 — Русская литература. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, 1999. 218 с.
43. Тихомиров Б. Н. Незвестный замысел критической статьи Ф. М. Достоевского о драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» // Незвестный Достоевский. 2018. № 4. С. 3–16 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf (07.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986.
45. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
46. Швецова Т. В., Земляникин А. П. Проблема создания когнитивной модели поступка литературного героя (на материале романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 53–60. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59
47. Щербаков В. История болезни Д. И. Писарева // Мир Д. И. Писарева. М.: Наследие, 2000. Вып. 2: Исследования и материалы. С. 29–49.

References

1. Al'tman M. S. *Dostoevskiy. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov, Saratov State University Publ., 1975. 279 p. (In Russ.)
2. Andreeva V. G. The State, the Government, the People and the Man in the A. F. Pisemsky's Novel "People of the Forties". In: *Neofilologiya* [Neophilology], 2021, vol. 7, no. 28, pp. 670–683. (In Russ.)
3. Barsht K. A. *Tekstologicheskoe issledovanie zapisnykh tetradey F. M. Dostoevskogo k romanu "Besy": diplomaticheskaya transkriptsiya* [Textual Research of F. M. Dostoevsky's Notebooks to the "Demons" Novel: Diplomatic Transcription]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021. 581 p. (Ser.: Sources and Methods in the Study of the Heritage of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.) (In Russ.)
4. Berdyaev N. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview]. Praga, The YMCA PRESS Ltd. Publ., 1923. 238 p. (In Russ.)
5. Buzina T. V. On the Way to Self-Idolezation by Dostoevsky and Shakespeare (Stavrogin, Hamlet, Prince Harry). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2010, no. 27, pp. 142–154. (In Russ.)
6. Vinogradov N. N. *Aleksey Feofilaktovich Pisemskiy: materialy k ego biografii i vyyasneniya protsessa tvorchestva* [Alexey Feofilaktovich Pisemsky: Materials for His Biography and Clarification of the Creative Process]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1917. 29 p. (In Russ.)
7. Gessen S. I. The Tragedy of Evil (Stavrogin's Philosophical Image). In: *Put'*, 1932, no. 36 (December), pp. 44–74. (In Russ.)
8. Glivenko I. I. *Iz arhiva F. M. Dostoevskogo: Prestuplenie i nakazanie. Neizdannye materialy* [From the Archive of F. M. Dostoevsky: Crime and Punishment. Unpublished Materials]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1931. 217 p. (In Russ.)
9. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols]. St. Petersburg, Diamant Publ., 1998. (In Russ.)
10. Dolinin A. S. Letters of N. N. Strakhov to F. M. Dostoevsky. In: *Shestidesyatye gody: materialy po istorii literatury i obshchestvennomu dvizheniyu* [The Sixties: Materials on the History of Literature and Social Movement]. Moscow, Leningrad, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, pp. 255–280. (In Russ.)
11. Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo: kak sozdavalis' "Podrostok" i "Brat'ya Karamazovy"* [Dostoevsky's Last Novels: How "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov" Were Created]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
12. Dolinin A. S. *F. M. Dostoevskiy. Pis'ma* [F. M. Dostoevsky. Letters]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1928, vol. 1. 590 p. (In Russ.)
13. Opul'skaya L. D., Kogan G. F. *F. M. Dostoevskiy. Prestuplenie i nakazanie* [F. M. Dostoevsky. Crime and Punishment]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 808 p. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
14. Ermolaeva N. Pisemsky About Shakespeare. In: *Russkaya slovesnost'*, 2019, no. 1, pp. 59–63. (In Russ.)
15. Zaytseva E. L. To the Question of the Poetics of Psychologism in A. F. Pisemsky's Novel Prose. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2007, no. 1, pp. 3–8. (In Russ.) (a)

16. Zaytseva E. L. The Artistic Concept of Man in the Poetics of A. F. Pisemsky and the Pushkin Tradition. In: *Tekst i kontekst: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty: materialy X Vinogradovskikh chteniy* [Text and Context: Linguistic, Literary and Methodological Aspects: Materials of the 10th Vinogradov Readings]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2007, vol. 2, pp. 80–85. (In Russ.) (b)
17. Zakharov N. V. *Shekspirizm russkoy klassicheskoy literatury: tezaurusnyy analiz* [Shakespeareanism of Russian Classical Literature: Thesaurus Analysis]. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2008. 320 p. (In Russ.)
18. Zakharov N. V. Shakespeare in Dostoevsky's Thesaurus. In: *Tezaurusnyy analiz mirovoy kul'tury: sbornik nauchnykh trudov* [Thesaurus Analysis of World Culture: Collection of Scientific Works]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2009, issue 19, pp. 51–60. (In Russ.)
19. Zvyagina S. V. The Role of Reminiscence Context in A. F. Pisemsky's Novel "People of the Forties". In: *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 2014, no. 5, pp. 1108–1113. (In Russ.)
20. Iustin (Popovich), prepodobnyy. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky About Europe and Slavism]. St. Petersburg, Admiralteystvo Publ., 1998. 270 p. (In Russ.)
21. Kashurnikov N. A. About the Archetype of the Tsarevich in the Novel the "Demons". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, Serebryanny vek Publ., 2009, no. 26, pp. 63–67. (In Russ.)
22. Kirpichnikov A. I. *Dostoevskiy i Pisemskiy, opyt sravnitel'noy kharakteristiki: dve publichnye lektsii* [Dostoevsky and Pisemsky, the Experience of Comparative Characteristics: Two Public Lectures]. Odessa, Tipo-litografiya Shtaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1894. 88 p. (In Russ.)
23. Kruglova E. N. The Problem of the Author's Image in the Works of A. F. Pisemsky. In: *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2006, no. 4, pp. 130–135. (In Russ.)
24. Kruglova E. N. *Khudozhestvennaya pozitsiya A. F. Pisemskogo v literaturnom protsesse 1840–60-kh godov: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk* [The Artistic Position of A. F. Pisemsky in the Literary Process of the 1840s–60s. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Ivanovo, 2008. 24 p. (In Russ.)
25. Lazutin V. V. From Memory to History: on the Question of Forming an Idea of the "People of the Forties". In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH / RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2010, no. 2 (45), pp. 101–110. (In Russ.)
26. Lazutin V. V. *Ideyno-povedencheskiy kompleks "lyudi sorokovykh godov" v literature kontsa XIX — nachala XX v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Ideological and Behavioral Complex "People of the Forties" in the Literature of the Late 19th — Early 20th Century. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2011. 22 p. (In Russ.)
27. Levin Yu. D. Dostoevsky and Shakespeare. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 108–134. (In Russ.)
28. Lepakhin V. Icon in the Russian Literature of the 19th Century. In: *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Word.ru: Baltic Accent]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2011, no. 1/2, pp. 147–174. (In Russ.)
29. Muratov A. B. A. F. Pisemsky: From a Course of Lectures on the History of Russian Literature of the Second Half of the 19 Century. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9: Philology. Asian Studies. Journalism], 2006, no. 1, pp. 3–17. (In Russ.)

30. Natova N. A. Dostoevsky's Metaphysical Symbolism. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 26–45. (In Russ.)
31. Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. *Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 tomakh* [Literary and Critical Works: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989, vol. 2. 525 p. (In Russ.)
32. Stepanova G. V. Letters of P. I. Weinberg to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 4, pp. 239–253. (In Russ.)
33. Sedov A. V. *Istoricheskiy kharakter cheloveka sorokovykh godov XIX stoletiya v romanakh A. F. Pisemskogo* (“Vzbalamuchennoe more”, “Lyudi sorokovykh godov”): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Historical Character of a Man of the Forties of the 19th Century in the Novels of A. F. Pisemsky (“Troubled Sea”, “People of the Forties”). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Cherepovets, 1998. 23 p. (In Russ.)
34. Sinyakova L. N. “Chivalry” and “Philistinism” in the Artistic Concept of A. F. Pisemsky's Novel “The Philistines”. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Human]. Barnaul, Altai State University Publ., 2007, no. 1, pp. 14–25. (In Russ.)
35. Sinyakova L. N. The Philosophy of Man in the Works of A. F. Pisemsky: Problems and Solutions. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2008, vol. 7, issue 2, pp. 93–98. (In Russ.)
36. Sinyakova L. N. *Proza A. F. Pisemskogo v kontekste razvitiya russkoy literatury 1840–1870-kh gg.: problemy khudozhestvennoy antropologii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [A. F. Pisemsky's Prose in the Context of the Development of Russian Literature in the 1840s–1870s: Problems of Artistic Anthropology. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Tomsk, 2009. 33 p. (In Russ.) (a)
37. Sinyakova L. N. Pisemsky's Creative Work in the Context of the Russian Literature of the 1850–1870-s in the Characters Aspect. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. Novosibirsk, 2009, vol. 8, issue 2, pp. 124–128. (In Russ.) (b)
38. Sinyakova L. N. Cultural and Historical Portrait of A. F. Pisemsky. Some Remarks. In: *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka)* [Book and Literature in the Cultural Space of 11th–20th Centuries]. Novosibirsk, State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 397–413. (In Russ.)
39. Smirnova L. L. Pushkin in the Prose of A. F. Pisemsky. In: *Russkaya literatura*, 1999, no. 2, pp. 189–197. (In Russ.)
40. Stepanyan K. A. *Shekspir, Bakhtin i Dostoevskiy. Geroi i avtory v bol'shom vremeni* [Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky. Heroes and Authors in the Great Time]. Moscow, Global Kom Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2016. 292 p. (In Russ.)
41. Tarasova N. A. *Khristianskaya tema v romane “Prestuplenie i nakazanie” F. M. Dostoevskogo: problemy izucheniya* [A Christian Theme in the F. M. Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”: Problems of Studying]. Moscow, Kvadriga Publ., 2015. 190 p. (In Russ.)
42. Timashova O. V. *Roman A. F. Pisemskogo “Lyudi sorokovykh godov”. Lichnost' i epokha: dis. ... kand. filol. nauk* [A. F. Pisemsky's Novel “People of the Forties”. Personality and Epoch. PhD. philol. sci. diss.]. Saratov, Saratov Chernyshevsky State University Publ., 1999. 218 p. (In Russ.)
43. Tikhomirov B. N. An Unknown Conception of Dostoevsky's Critical Essay About the Play “A Bitter Fate” by A. F. Pisemsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 4, pp. 3–16. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1544432389.pdf (accessed on August 7, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3741. (In Russ.)

44. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols]. Moscow, Progress Publ., 1986. (In Russ.)
45. Chirkov N. M. *O stile Dostoevskogo. Problematika, idei, obrazy* [On Dostoevsky's Style. Problems, Ideas, Images]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 303 p. (In Russ.)
46. Shvetsova T. V., Zemlyanikin A. P. The Problem of Creating a Cognitive Model of the Act of a Literary Hero (Based on A. F. Pisemsky's Novel "Men of the Forties"). In: *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2020, no. 3 (22), pp. 53–60. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-52-59. (In Russ.)
47. Shcherbakov V. D. I. Pisarev's Medical History. In: *Mir D. I. Pisareva* [The World of D. I. Pisarev]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, issue 2, pp. 29–49. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тарасова Наталья Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8775-1434; e-mail: nsova74@mail.ru.	Natalia A. Tarasova, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8775-1434; e-mail: nsova74@mail.ru.
---	---

Поступила в редакцию / Received 12.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.09.2022

Принята к публикации / Accepted 04.10.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6461

EDN: RRIZHI

**«...У нас с ним столько общего родного»:
письма А. П. Сазанович и М. И. Муравьева-Апостола
к Ф. М. и А. Г. Достоевским**

И. С. Андрианова¹✉, Е. Н. Вяль²

^{1,2} *Петрозаводский государственный университет
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

¹ e-mail: yarysheva@yandex.ru ✉

² e-mail: muzi37@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена история взаимоотношений супругов Достоевских с семьей одного из последних декабристов — М. И. Муравьева-Апостола, отмечена важнейшая роль в этом общении воспитанницы декабриста А. П. Сазанович. Заочное знакомство Ф. М. Достоевского с М. И. Муравьевым-Апостолом произошло во время сибирской каторги через барона А. Е. Врангеля, личное — в Твери в 1859 г. Дальнейшее общение возобновилось в 1870-е гг. и продолжалось до последних лет жизни декабриста и до смерти писателя. Основными документальными источниками для исследования стали письма А. П. Сазанович к Ф. М. и А. Г. Достоевским, опубликованные в Приложении к статье. Из этих писем 19 впервые введены в научный оборот, остальные 4 — опубликованы без сокращений. Письма Сазанович открывают неизвестные эпизоды биографии как Муравьева-Апостола и супругов Достоевских, так и других лиц из их окружения (декабристов, петрашевцев и др.), проясняют судьбу уникальных документов декабристов и историю коллекции автографов А. Г. Достоевской. Эти документы показывают, что между семьей Муравьева-Апостола и супругами Достоевскими сложились теплые отношения, основанные на взаимном уважении, доверии и поддержке. В письмах А. П. Сазанович предстает сильной и незаурядной женщиной, разделившей все жизненные трудности с Муравьевым-Апостолом, близкой по силе духа и убеждениям Достоевскому и его жене-помощнице, бескорыстной дарительницей, тонкой почитательницей творчества писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, М. И. Муравьев-Апостол, А. П. Сазанович, А. П. Созонович, М. С. Волконский, Ялutorовск, Платон Иванович Попов, декабрист, петрашвец, сестра милосердия, Красный Крест, письмо, переписка, архив, коллекция автографов

Для цитирования: Андрианова И. С., Вяль Е. Н. «...У нас с ним столько общего родного»: письма А. П. Сазанович и М. И. Муравьева-Апостола к Ф. М. и А. Г. Достоевским // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 105–147. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6461. EDN: RRIZHI

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6461

EDN: RRIZHI

**“...He and We Have so Much in Common, Such an Affinity”:
Letters of Avgusta Sazanovich and Matvey Muravyov-Apostol
to Fyodor and Anna Dostoevskys**

Irina S. Andrianova^{1✉}, Elena N. Vial²

^{1,2} *Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

¹ e-mail: varysheva@yandex.ru[✉]

² e-mail: muzi37@mail.ru

Abstract. The article examines the history of the relationship of the Dostoevskys with the family of one of the last Decembrists — Matvey Muravyov-Apostol, and notes the vital role of the ward of the Decembrist Avgusta Sazanovich in their communications. The correspondence acquaintance of F. M. Dostoevsky with M. I. Muravyov-Apostol took place during the Siberian penal servitude through Baron A. I. Wrangel, and personal acquaintance — in Tver in 1859. Communication subsequently resumed in the 1870s and continued until the last years of the Decembrist's life and the writer's death. The main documentary sources were letters from A. P. Sazanovich to F. M. and A. G. Dostoevskys, published in the Appendix to the article. Nineteen of these letters were introduced into scientific circulation for the first time, and the remaining four were published unabridged. The letters of Sazanovich reveal unknown episodes of the biography of both Muravyov-Apostol and the Dostoevskys, as well as other persons from their circle (Decembrists, Petrashevites, etc.), clarify the fate of the unique documents of the Decembrists and the history of the A. G. Dostoevskaya collection. These documents demonstrate that the Muravyov-Apostol family and the Dostoevskys have developed a warm relationship based on mutual respect, trust and support. In the letters A. P. Sazanovich appears as a strong and outstanding woman who shared all the difficulties of life with Muravyov-Apostol, and similar in spiritual power and beliefs to Dostoevsky and his wife and assistant, a selfless giver, and a subtle admirer of the writer's work.

Keywords: Fedor Dostoevsky, Anna Dostoevskaya, Matvey Muravyov-Apostol, Avgusta Sazanovich, Avgusta Sozonovich, M. S. Volkonsky, Yalutorovsk, Platon Ivanovich Popov, Decembrist, petrashevets, sister of mercy, Red Cross, letter, correspondence, archive

For citation: Andrianova I. S., Vial E. N. “...He and We Have so Much in Common, Such an Affinity”: Letters of Avgusta Sazanovich and Matvey Muravyov-Apostol to Fyodor and Anna Dostoevskys. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 105–147. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6461. EDN: RRIZHI (In Russ.)

В «Дневнике Писателя» за 1876 г. Достоевский замечал:

«Кстати, словечко о декабристах, чтобы не забыть: извещая о недавней смерти одного из них, в наших журналах отзывались, что это, кажется, один из самых последних декабристов; — это не совсем точно. Из декабристов живы еще Иван Александрович Анненков <...>. Жив Матвей Иванович Муравьев-Апостол, родной брат казненного¹. Живы Свистунов и Назимов...»².

Это одни из немногих декабристов, сосланных в Сибирь и доживших до амнистии 26 августа (7 сентября) 1856 г. Сведениями об их здравствовании Достоевский делится с читателями не понаслышке — он встречался и был знаком с большинством из них лично. С П. Н. Свистуновым, согласно воспоминаниям писателя, записанным А. Г. Достоевской, он виделся в Тобольске во время свидания петрашевцев с женами декабристов: *«Въ сопровожденіи конвойныхъ они были приведены въ квартиру смотрителя острога <...> и тамъ-то находились, какъ бы въ гостяхъ у смотрителя жены декабристовъ, Анненковы <...>, Муравьева³, Фонъ Визина и Свистуновъ»*⁴. С И. А. Анненковым ссыльный писатель познакомился в Тобольске в январе 1850 г.⁵, поддерживал дружеские отношения с его женой П. Е. Анненковой и их дочерью О. И. Ивановой.

Анненков ушел из жизни в 1878 г. Последними из всех, выступавших на Сенатской площади, стали М. А. Назимов (1801–1888) и П. Н. Свистунов (1803–1889). Немногим ранее их скончался самый старший декабрист — Матвей Иванович Муравьев-Апостол (1793–1886), герой Отечественной войны 1812 г., один из основателей Союза Спасения, член Союза Благоденствия и Южного общества декабристов.

Достоевский изначально был знаком с ним заочно — благодаря А. Е. Врангелю. Семипалатинский друг писателя поддерживал связь с декабристами,

¹ Казнен был Сергей Иванович Муравьев-Апостол (1796–1826).

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 22. С. 32. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

³ А. Г. Достоевская в своих мемуарах, называя дарителей ее мужу Евангелия, ошибается, смешивая жен двух декабристов — М. И. Муравьева-Апостола и А. М. Муравьева: «Это Евангелие было подарено Федору Михайловичу в Тобольске (когда он ехал на казнь) женами декабристов (П. Е. Анненковой, ее дочерью, Ольгой Ивановной, Муравьевой-Апостол, Н. Д. Фон-Визиной)» (Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. С. 427). (См.: [Андрианова, Тихомиров: 736]).

⁴ РГАЛИ. Ф. 212.1.155. Л. 4 об.

⁵ См.: А. М. [Маркевич А. И.] К воспоминаниям о Ф. М. Достоевском (Рассказ очевидца) // Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 50–51.

жившими в Ялуторовске, среди которых был и М. И. Муравьев-Апостол⁶. Г. Ф. Коган, изучив переписку барона Врангеля с И. И. Пушным⁷ («где всегда упоминается Достоевский»), установила, что, бывая в Ялуторовске, Врангель «привозил в Семипалатинск книги, взятые у Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, оказавшегося в 1850-е⁸ гг. на поселении в Ялуторовске рядом с И. И. Пушным. <...> Муравьев-Апостол посылал Врангелю книги о раскольниках, сочинения по ботанике, необходимые Врангелю для его научной работы. (Одна из таких книг была у Достоевского в Твери вместе с другими книгами Врангеля, вывезенными им из Семипалатинска)» [Коган: 96].

Декабрист Муравьев-Апостол и петрашевец Достоевский оказались в Сибири после заключения в Петропавловской крепости, где ожидали своей участи. Оба избежали смертной казни и были приговорены к каторге. Главным утешением в страданиях для них стало Евангелие. Достоевский получил эту Книгу (см.: [Евангелие Достоевского]) благодаря женам декабристов. Из рассказа писателя можно заключить, что это произошло в квартире смотрителя Тобольского тюремного острога И. Г. Корепанова. Скорее всего, Достоевскому и его товарищам экземпляры Нового Завета вручил по просьбе жен декабристов жандармский офицер А. И. Смальков (Смольков), показав, как извлекать из переплета заклеенные в нем деньги и как прятать их обратно (см.: [Захаров], [Маскевич, Тихомиров]).

Муравьеву-Апостолу Евангелие было передано мачехой в период ожидания им смерти — на 4-й день заключения в Петропавловской крепости. В тот же день, 20 января 1826 г., декабрист сделал заметки в Книге:

«Как вы добры, дорогая маменька! Как я благодарен вам за ваше Евангелие! Сколько раз смотрел я на два восковых пятна на переплете, и что за воспоминания они во мне возбудили: круглый стол в Хомутце, наше вечернее чтение... все это кончено для меня — для меня нет больше счастья на земле. О, Господи! сократи мой путь и призови меня скорее. <...> Завещаю своему брату Василию это Евангелие, которым я обязан моей доброй матери и которое было мне утешением в последние мгновения моей жизни. <...> Чтение этой божественной книги пролило благодетельный бальзам на раны моего сердца. Только в горести наша святая религия предстает во всей своей красоте. Поняв все — а это свойство Божества — делаешься снисходительным; только посредственность не умеет ни сострадать, ни прощать»⁹.

⁶ В Ялуторовске, по адресу ул. Революции, 75/1, сохранился дом, в котором проживал со своей семьей во время ссылки М. И. Муравьев-Апостол. Он стал первым музеем Памяти декабристов. Сегодня это Историко-мемориальный музей.

⁷ ОР РГБ. Ф. 243. Оп. 1. № 34.

⁸ Исправлено. В статье Г. Ф. Коган опечатка: в 1856-е гг.

⁹ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма / предисл. и примеч. С. Я. Штрайха. Петроград: Былое, 1922. С. 11, 16–17 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1290601>. (01.09.2022).

Встретились Муравьев-Апостол и Достоевский, весьма вероятно, в августе-декабре 1859 г. в Твери, где в это время оба находились после сибирской ссылки. Дальнейшее их общение продолжалось в Москве, где поселился Муравьев-Апостол с семьей, а также по переписке — до последних лет жизни декабриста и до смерти писателя. Муравьев-Апостол следил за творчеством Достоевского и, по выражению А. Г. Достоевской, всегда был его почитателем¹⁰.

Илл. 1. М. И. Муравьев-Апостол. 1881
(ГЛМ КП 50947/761)

Fig. 1. M. I. Muravyov-Apostol. 1881

Поддерживать теплое общение писателю и декабристу помогали женщины: А. Г. Достоевская и воспитанница бездетного Муравьева-Апостола А. П. Сазанович. В архиве Достоевских сохранились единственное письмо Сазанович к Федору Михайловичу¹¹ и 22 письма за 1879–1888 гг. к Анне Григорьевне, часть из которых с обращением и от имени Муравьева-Апостола («Матвѣй Ивановичъ и я»)¹². Из них опубликованы лишь письмо к Достоевскому [Белов: 182] и три письма к жене писателя, написанных при его жизни (от 7 мая 1879 г., 16 июня 1879 г., 1 февраля 1881 г.)¹³, — при этом каждое из них напечатано с купюрами.

Между тем письма Сазанович и Муравьева-Апостола к Достоевским, опубликованные в Приложении к данной статье, открывают неизвестные

¹⁰ См.: Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 30.05.1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Л. 38–38 об. Ср.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. Л., 1979. С. 331.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29842.

¹² ОР РГБ. Ф. 93. II. 8. 65; РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254.

¹³ Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 481, 484–485, 540. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.) А. П. Сазанович была ближайшей помощницей и другом Муравьева-Апостола. Вероятно, поэтому комментаторы ДЗО ошибочно восприняли написанные ею письма как принадлежащие ему — см.: «Высокую оценку дал Муравьев-Апостол Пушкинской речи Достоевского в письме к А. Г. Достоевской от 1 февраля 1881 г.» (ДЗО; т. 30; 433).

эпизоды биографии как самих корреспондентов и адресатов, так и других исторических лиц из их круга (декабристов, петрашевцев и др.), проясняют судьбу уникальных документов декабристов и историю коллекции автографов А. Г. Достоевской. Благодаря стараниям Сазанович и добрым отношениям Достоевского и Муравьева-Апостола многие документы деятелей 1825 г. из архива одного из последних декабристов попали в коллекцию жены писателя.

Августа Павловна Сазанович (Созонович) (1833 — после 1899) — дочь офицера уланского полка Бугского военного поселения Павла Григорьевича Сазановича. Ее отец в 1823 г. был сослан в Сибирь за непочтительное отношение к полковому командиру. Отбыв срок каторжных работ, Павел Сазанович обосновался в Ялutorовске, где заведовал водочным заводом купца Мясникова. Там же он женился. У супругов родилось трое детей, в 1833 г. — дочь Августа, которую в 5-летнем возрасте, после смерти жены, он отдал на воспитание к Муравьеву-Апостолу¹⁴. Вместе с ней у декабриста воспитывалась еще одна девочка, потерявшая мать, — Анна Бородинская¹⁵. Муравьев-Апостол относился к делу воспитания ответственно и впоследствии писал: «Когда я был в Сибири, воспитание их составляло единственную мою заботу»¹⁶. Он признавался, что эти сироты заменили ему родных детей (единственный ребенок Муравьева-Апостола и его жены Марии Константиновны умер в 1837 г.)¹⁷.

С детских лет жившая в окружении декабристов, «Гутенька» (так они называли Августу Павловну) являлась близким человеком всей Ялutorовской колонии, в которую, кроме Муравьева-Апостола, входили И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин, А. В. Ентальцев, Н. В. Басаргин, В. К. Тизенгаузен. В Ялutorовске она получила хорошее домашнее образование, успешно закончила Всесловную Ланкастерскую школу для девочек, открытую в 1846 г. И. Д. Якушкиным, где впоследствии сама преподавала. Замуж девушка не вышла. Зарабатывала репетиторством и переводами. Во время русско-турецкой войны «состояла сестрой милосердія въ Обуховской группѣ Песлякъ, была въ Бузсо и Бранловъ при военновременномъ 10^{мб} госпиталь отъ 24 декабря 1877 г. до 6го іюля 1878 г. на счету лучшихъ сестеръ», была награждена темно-бронзовой медалью¹⁸. Вернувшись с войны, Августа

¹⁴ См. письмо М. И. Муравьева-Апостола к тверскому губернатору графу П. Т. Баранову с просьбой о разрешении ему усыновить воспитанниц А. П. Сазанович и А. С. Бородинскую (от 31 октября 1860 г. из Твери) в кн.: Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. С. 93–95.

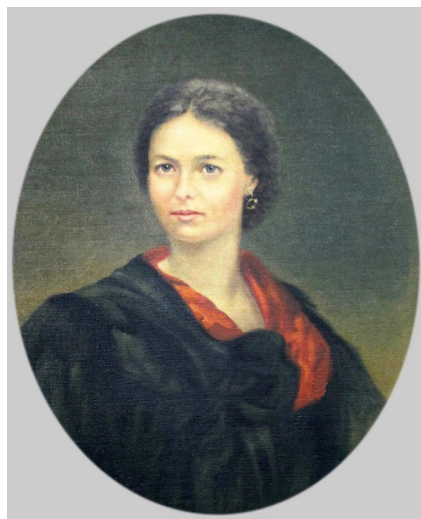
¹⁵ О воспитанницах М. И. Муравьева-Апостола см.: [Новолодская-Панфилова].

¹⁶ См. письмо М. И. Муравьева-Апостола к князю В. А. Долгорукому (от 30 сентября 1860 г.) в кн.: Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. С. 93.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Сазанович А. П. Письмо к «Вашему Сиятельству» (М. С. Волконскому) за 1881 г. (Приложение).

Павловна стала ухаживать за ослепшим стариком Муравьевым-Апостолом, записала с его слов воспоминания, изданные в полном объеме в 1922 г.¹⁹ После смерти декабриста она унаследовала все недвижимое имущество бездетного старика и, в частности, его личный архив. В конце жизни она сама стала мемуаристкой, создав два очерка о декабристах: «Заметки по поводу статьи К. М. Голодникова "Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане"» и «Из воспоминаний»²⁰.

Илл 2–3. А. П. Сазанович: фотография (б. д.); портрет (2008, худ. Г. М. Ратанов)²¹

Fig. 2–3. A. P. Sazanovich: photography (without date); portrait (2008, art. G. M. Ratanov)

А. П. Сазанович была хорошо знакома с Достоевскими. Вероятно, с Федором Михайловичем они виделись в 1859 г. в Твери, но общение началось в Петербурге во второй половине 1870-х гг. Так, она писала ему в это время, напоминая о себе: *«Очень жалю, Феодоръ Михайловичъ, что я пришла къ Вамъ въ такое время, когда у Васъ всѣ больны и нельзя Васъ видѣть. Я воспитывалась у Матвѣя Ивановича Муравьева, теперь нахожусь здѣсь и очень бы желала, во первыхъ видѣть Васъ, во вторыхъ попросить въ одномъ*

¹⁹ См.: Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Указ. соч.

²⁰ Опул.: Декабристы: материалы для характеристики / под ред. П. М. Головачева. М.: Издание М. М. Зензикова, 1907. С. 117–171. См. также об А. П. Сазанович: [Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М.], [Бойчук].

²¹ Использованы изображения из открытых источников: <https://tyumedia.ru/i/f/900/208900/49.pdf>, <https://ar.culture.ru/ru/subject/portret-sozonovich-avgusty-pavlovny> (01.09.2022).

дѣлѣ совѣта. <...> Пожалуйсто припомните меня нѣсколько и когда будетъ возможно видѣть Васъ, то будьте такъ добры, дайте мнѣ знать»²².

Достоевский, получив от Сазанович письмо (не датировано), видимо, навесил ее. В его записной тетради 1875–1876 гг. рядом с пометой «*Не забыть заѣхать*» указан ее адрес:

«— Августа Павловна Созоновичъ, На углу Фонтанки [у] {и} Нового переулка (между Обуховскимъ и Семеновск<имъ> Мостами) домъ 77 кварт. 32»²³.

На основании этой записи Б. Н. Тихомиров установил исторический адрес Сазанович в Петербурге (дом отставного поручика купца С. П. Горсткина) и современный: набережная реки Фонтанки, № 93, угол улицы Ефимова, № 5. Исследователь справедливо отметил, что «по контексту окружающих записей» ее «необходимо датировать первой третью 1877 г. Но нельзя исключать, что он, возможно, был перенесен в записную тетрадь с какого-нибудь листка, где был записан раньше» [Тихомиров: 112–113].

Действительно, Достоевский посетил Сазанович в Петербурге ранее 1877 г. Это устанавливается из письма Муравьева-Апостола к своей воспитаннице от 13 апреля 1876 г., где есть приписка: «Далеко ли от тебя живет Достоевский? Чтобы возвратить ему визит, который он тебе сделал в твоё отсутствие в Санкт-Петербурге, далеко ли идти?»²⁴ Итак, один из визитов Достоевский нанес Сазанович в апреле 1876 г. Была ли это как раз первая их встреча в Петербурге или уже повторное общение — доподлинно неизвестно.

Общение Достоевского с Муравьевым-Апостолом и Сазанович способствовало тому, что многие уникальные автографы декабристов попали в коллекцию документов известных личностей, которую собирала жена писателя (см. об этом: [Андрианова, Алоэ]).

Процесс поступления этих автографов проиллюстрирован в письмах и коллекционерки, и дарительницы. Так, в письме Анны Григорьевны к мужу, уехавшему в Москву на торжественное открытие памятника Пушкину, содержится напоминание: «*Не съѣздишь ли ты къ старичку Муравьеву-Апостолу, Матвѣю Ивановичу... Могъ бы ты попросить у него письмо Муравьева. У него находится Сазановичъ. Угоди мнѣ привези хоть какое-либо*

²² Сазанович А. П. Письмо к Ф. М. Достоевскому. Б. д. // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29842. См. Приложение.

²³ РГАЛИ. Ф. 212.1.15. Л. 92 об., с. 182. В квадратные скобки [] заключено зачеркнутое слово, в фигурные { } — вписанное.

²⁴ Муравьев-Апостол М. И. Письмо Сазанович А. П., 13 апреля 1876 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2007. [Т. XVI]. С. 569–570 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rag/rag-5692.htm> (01.09.2022).

письмецо, потыши свою автографку...»²⁵. Августа Павловна неоднократно описывала состав своих посылок для коллекции жены писателя:

«Сестры Бестужева прислали мнѣ вчера 3 письма своего брата М. А. Бестужева. Я хотѣла переслать ихъ Θεодору Михайловичу»;

«Кромѣ писемъ Бестужева присоединяю Фонвизина къ женѣ изъ крѣпости, почему оно и безъ подписи, достану и съ подписью, Штенгеля къ нашей общей знакомой Андронниковой, Оболенскаго, Трубецкаго и Розена къ Мат<вѣю> Ив<ановичу>. Я еще много могу достать писемъ нашихъ, но пока М<атвѣй> Ив<ановичъ> на нихъ скупъ»;

«...посылаю Вамъ нѣсколько писемъ покойнаго Батенкова и одно к<нязя> Оболенскаго. Разберу другія и тогда пришлю еще нѣсколько писемъ Об<оленскаго> и другихъ»²⁶.

В настоящее время подаренные Сазанович автографы не содержатся в фондах супругов Достоевских — вероятно, они распределены в архивы декабристов. Не исключено, что Анна Григорьевна вернула их Сазанович после смерти Муравьева-Апостола, поскольку последняя предполагала их издать:

«У меня теперь въ распоряженіи всѣ бумаги покойнаго, вся его переписка съ товарищами и посторонними знакомыми. Что Вы намѣрены дѣлать съ письмами Матвѣя Ивановича и его товарищей, которыя я когда то передала Θεодору Михайловичу. Не соединить ли ихъ всѣ вмѣстѣ и не издать ли ихъ отдѣльной книгой?»²⁷

Однако этого намерения наследница Муравьева-Апостола не осуществила (см.: [Бойчук]).

Установить полученные от воспитанницы Муравьева-Апостола документы можно по рукописному каталогу коллекции, составленному ее владелицей в 1900 г. и дополненному в 1907 г.²⁸ Это письма, вошедшие в 5-й отдел коллекции «Декабристы. Петрашевцы»: декабристов Н. В. Басаргина (1 п.), Г. С. Батенкова (5 п.), Е. П. Оболенскаго (1 п.), А. Е. Розена (2 п.), С. П. Трубецкого (1 п.), записка В. К. Тизенгаузена — к М. И. Муравьеву-Апостолу; три письма М. А. Бестужева к его сестрам; письмо М. А. Фонвизина к жене из Петропавловской крепости и его же записка; письмо декабриста В. П. Ивашева к отцу, письмо В. И. Штейнгейля к О. В. Андронниковой.

²⁵ Достоевская А. Г. Письмо к Достоевскому Ф. М. От 30.05.1880 г. // РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 170. Л. 38–38 об. Ср.: Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. С. 331.

²⁶ Сазанович А. П. Письма к А. Г. Достоевской. От 7 мая, 16 июня 1879 г., 17 февраля 1882 г. См.: Приложение.

²⁷ Сазанович А. П. Письмо к А. Г. Достоевской. От 8/20 мая 1886 г. См.: Приложение.

²⁸ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с алфавитным списком автографов коллекции // РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30740. 234 л.

19-й отдел коллекции А. Г. Достоевской составила переписка Муравьева-Апостола с Сазанович, куда вошли 44 письма декабриста и 47 писем его воспитанницы. О том, как попали эти документы к Достоевским, вспоминала сама Августа Павловна в письме к Анне Григорьевне:

«Припомните, когда я приѣхала изъ Румыніи, тогда Вашъ мужъ очень заинтересовался перепиской Матвѣя Ивановича со мной и пожелалъ выбрать себѣ одно изъ его писемъ; но, прочитавъ всѣ, онъ затруднился выборомъ, такъ онъ ему понравились, и просилъ меня подарить ему всѣ до одного. Я съ радостью уступила ему драгоценную для меня переписку; въ полной увѣренности, что она не пропадетъ безслѣдно; а будетъ своевременно напечатана вмѣстѣ съ автографами его товарищей»²⁹.

Между семьей Муравьева-Апостола и супругами Достоевскими сложились отношения, основанные на уважении, доверии и поддержке.

Согласно письмам А. П. Сазанович к А. Г. Достоевской, активное общение двух женщин началось после смерти Достоевского. В это время они посещали друг друга, обменивались фотографиями. Так, в письме от 24 марта 1884 г. Сазанович просила вдову писателя: *«Вы намъ обѣщали карточки съ себя и дѣтокъ; если въ данное время есть лишнія, то, пожалуйста, пришлите <...>; Вы бы этимъ доставили большое удовольствіе Матвѣю Ивановичу»*. *«...Поручаю юному технологу, Никол<аю> Александр<овичу> Обручеву, передать Вамъ эти строчки и фотографическія карточки покойнаго»*, — писала воспитанница Муравьева-Апостола Анна Григорьевна после его смерти. В «семейном альбоме Достоевских», по свидетельству Г. Ф. Коган, возглавлявшей Московский музей писателя в 1955–1979 гг., хранилась фотография Муравьева-Апостола в старости [Коган: 96–97]³⁰.

Августа Павловна открыла переписку с женой писателя 7 мая 1879 г., обратившись к ней: *«Многоуважаемая Марья Григорьевна»*. В следующем письме, от 16 июня 1879 г., она просила прощения за эту ошибку в имени своей корреспондентки, объясняя ее ухудшившимся слухом после перенесенного тифа (при этом изначально датируя письмо 16 января вместо 16 июня! — забавный факт, свидетельствующий о редкой невнимательности

²⁹ Сазанович А. П. Письмо к А. Г. Достоевской. От 16/28 ноября 1886 г. См. Приложение.

³⁰ Выяснить, какой альбом имеется в виду, не удалось. Со слов хранителя фонда фотографий XIX в. изобразительных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственного литературного музея) М. А. Зусманович, не существует семейного альбома Достоевских, в ГЛМ хранятся фотографии М. И. Муравьева-Апостола из альбомов Пигарёва и Герцена. «Остальные — россыпью, и документы не позволяют заподозрить, что эти предметы вышли из коллекции Достоевского и вообще имеют к ней отношение». На Илл. 1 представлена одна из фотографий М. И. Муравьева-Апостола, сделанная в Москве в 1881 г. На снимке декабрист в штатском платье, с орденами и медалями на груди, в т. ч. Кульмским крестом и военной медалью 1812 г. (ГЛМ КП 50947/761).

женщины). В этом же письме Сазанович дала меткую оценку Достоевской, подчеркивая свою наблюдательность: *«Вы, какъ видно, неутомимая женщина, если при умственной работѣ успѣваете въ короткое время справиться столько необходимыхъ дѣлъ въ домашнемъ обиходѣ. Вы мнѣ такую показали съ перваго раза, я вижу, что моя наблюдательность меня не обманываетъ»*.

Удивительно, но в письме от 17 февраля 1882 г. забывчивая и рассеянная женщина, страдавшая на сей раз болезнью глаз (что подтверждает и изменившийся, плохо разборчивый почерк), снова назвала Достоевскую Марьей Григорьевной (*«Милая и дорогая Марья Григорьевна»*). Однако ранее, в письме от 1 февраля 1881 г., содержащем соболезнование Сазанович и Муравьева-Апостола о «неожиданной кончине дорогого для русского сердца Федора Михайловича», имя «достойной энергичной подруги покойного» дважды указано верно³¹.

Как свидетельствуют письма Сазанович, их отношения с Анной Григорьевной после смерти писателя были основаны на взаимопомощи. Достоевская помогла своей корреспондентке получить знак отличия («брошку») сестер милосердия Красного Креста, выдаваемую за особые заслуги в области попечения о раненых и больных воинах. Участница русско-турецкой войны 4 января 1882 г. просила вдову писателя похлопотать за нее:

«Если Вы согласитесь, то я пришлю Вамъ письмо Кн<язю> Волконскому, бывшему Попечителю СПб учебн<аго> округа и попрошу Васъ лично доставить ему мое письмо съ моими документами. Я бы попросила его выхлопотать мнѣ брошку».

А уже в письме от 11 февраля того же года она выразила благодарность Достоевской:

«Я получила въ одинъ день письма отъ Васъ и К<нязя> Волконскаго съ доброю вѣстью, а сегодня получила отъ него желанную для меня брошку "Краснаго Креста". Горячо обнимаю Васъ и шлю Вамъ тысячу благодарностей за Ваши успешныя хлопоты».

В архиве жены писателя сохранилось письмо к ней М. С. Волконского от 4 февраля 1882 г., которое подтверждает, что она передала ему просьбу А. П. Сазанович и он ее выполнил:

«4/II 82

Многоуважаемая Анна Григорьевна,

Поспѣшаю Васъ увѣдомить, что я сегодня же затѣхалъ въ Правленіе Краснаго Креста, гдѣ получилъ и дипломъ на знакъ Краснаго креста и самый

³¹ См. Приложение.

крестъ. То и другое отправлю завтра, вмѣстѣ съ возвращеніемъ бумагъ, Августъ Павловнѣ.

Пользуюсь случаемъ чтобъ увѣрить Васъ въ искреннемъ уваженіи

Вамъ совершенно преданнаго

М. Волкон<скаго>»³².

Отметим одну архивную загадку, связанную с этим эпизодом взаимоотношений двух женщин. В папке с письмами Сазанович к Достоевской хранится прошение Августы Павловны к «Вашему Сиятельству», без указания имени-отчества адресата. Согласно содержанию писем просительницы и содержанию самого письма к «Вашему Сиятельству», этим документом должно быть ее обращение к князю Волконскому, отправленное Анне Григорьевне для передачи ему:

«Ваше Сіятельство,

Я состояла сестрой милосердія въ Обуховской группѣ Песлякъ, была въ Бузсо и Бранловъ при военновременномъ 10^{мѣ} госпиталѣ отъ 24 декабря 1877 г. до 6го іюля 1878 г. на счету лучшихъ сестеръ, имѣю темнобронзовую медаль<.> —

Мнѣ давно слѣдуетъ получить брошку съ краснымъ крестомъ. — Въ продолженіи четырехъ лѣтъ я собиралась ѣхать за этимъ въ Петерб. но плохое состояніе здоровья моего воспитателя Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостоля удерживало и удерживаетъ меня при немъ.

Прошлаго года я хотѣла обратиться къ Александрѣ Николаевнѣ Мухортовой, черезъ которую я была принята въ сестры милосердія, но оказалось, что по болѣзни она оставила Петерб<ургъ>.

Теперь Анна Григорьевна Достоевская, проѣзжая черезъ Москву, навѣстила насъ и была такъ добра, что взялась передать Вашему сіятельству мою письменную просьбу.

Надѣюсь, князь, что не послѣдуетъ затрудненія въ выдачѣ мнѣ заслуженной брошки; поэтому прошу вручить ее Аннѣ Григорьевнѣ, которая имѣетъ случай немедленно препроводить ее мнѣ.

Вы этимъ много бы обязали бывшую сестру милосердія Августу Павловну Сазановичъ

Москва

Октября

1881 г.»

³² Волконский М. С. Письмо к А. Г. Достоевской // ОР РГБ. Ф. 93.П.2.47. Здесь же хранится лист с записью А. Г. Достоевской: «По желанію Августы Павловны Сазановичъ, воспитанницы декабриста М. И. Муравьева-Апостола, я обращалась къ кн. Михаилу Сергѣевичу Волконскому, нашему общему знакомому, съ просьбою получить изъ Правленія Краснаго Креста дипломъ на знакъ Краснаго Креста и самый знакъ, присужденный Г^{вѣ} Сазановичъ за ея дѣятельность въ качествѣ сестры милосердія во время Восточной войны. А. Д.».

Однако на конверте, приложенном к данному письму, указан в качестве адресата не князь Волконский, а князь Н. В. Гагарин:

*«Его Сіятельству
Князю Николаю Владиміровичу
Гагарину
Стремянная ул. Домъ № 16»³³.*

Свидетельство ли это рассеянности Сазанович, уже путавшей в своих письмах и имя А. Г. Достоевской, и текущий месяц, или же в папку случайно попал конверт от другого письма — установить сложно.

Сазанович, в свою очередь, поддерживала главные дела вдовы писателя, имеющие меморативное значение: издание Полного собрания сочинений, создание церковно-приходской школы его имени в Старой Руссе и «Музея памяти». Из письма подруги декабристов от 23 марта 1885 г. следует, что Муравьев-Апостол и она стали подписчиками, внимательными и благодарными читателями собрания сочинений Достоевского, изданного вдовой в 1882–1883 гг.:

«Въ первой части посмертнаго изданія сочиненій Вашего мужа я съ особеннымъ интересомъ прочла матеріалы для его біографіи, въ которыхъ выдается переписка Θεодора Михайловича со знакомыми. Мы не воображали, что у насъ съ нимъ столько общаго родного. Первая часть читается всѣми съ жадностью, у насъ ее постоянно берутъ. Въ ней вся дѣятельность покойнаго и его направленіе обрисовываются ясно, доступно пониманію всякаго. Такое обстоятельное знакомство съ покойнымъ Θεодоромъ Михайловичемъ должно принести громадную пользу нашему больному обществу, оно изцѣлитъ не мало язвъ и образумитъ много головъ».

Августа Павловна вносила в пользу старорусской школы имени Достоевского деньги (см., напр., ее письмо к А. Г. Достоевской от 16/28 ноября 1886 г.). Дарительница не только пополняла коллекцию автографов Анны Григорьевны, но и отправляла найденные ею издания о Достоевском для будущего «Музея памяти» (основан в 1889 г.):

«Я поручила книгопродавцу Васильеву выслать Вамъ только что вышедшую книгу Влад. Θεод. Чижѣ: "Достоевскій какъ психопатологъ". — Кажется, я уже говорила Вамъ объ этомъ "Очеркъ"; онъ былъ напечатанъ прошлаго года въ "Русскомъ Вѣстникѣ"»³⁴.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 39–41.

³⁴ Сазанович А. П. Письмо к А. Г. Достоевской. От 23 марта 1885 г.

В минуты усталости и отчаяния, посетившие деятельную А. Г. Достоевскую, Сазанович поддержала ее, подчеркнув главный смысл жизни вдовы великого писателя:

«Но Вы очень огорчили меня, дорогая Анна Григорьевна, своимъ тяжолымъ душевнымъ настроеніемъ, право, Вамъ грѣшно приходитъ въ отчаяніе! Вы были женою лучшаго изъ русскихъ людей, нѣсколько лѣтъ пользовались полнымъ взаимнымъ счастьемъ; Теперь Вы живете для дѣтей и кромѣ того должны жить и для общества, потому что хорошій человекъ непременно приноситъ пользу уже тѣмъ, что живетъ вращаясь между людьми. Хотя бы одинъ примѣръ Вашей неутомимой дѣятельности, онъ долженъ уже невольно пробудить изъ апатіи многихъ женщинъ, а это не малый подвигъ! Горевать о прошломъ невозвратномъ — бесполезно. Грѣшно Вамъ, моя дорогая, роптать на судьбу. Берегите здоровье! Это главное и пожалуйста не унывайте! — Я разбитая и слабая и въ самой печальной нравственной обстановкѣ не думаю унывать и сержусь на себя, что я до сихъ поръ побѣждавшая обстоятельства, допустила обстоятельствамъ себя побѣдить!».

8/20 мая 1886 г., в ответ на выраженное А. Г. Достоевской соболезнование в связи со смертью Муравьева-Апостола, спутница декабриста поделилась с ней горечью от утраты самого близкого человека:

«Матвѣй Ивановичъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ можно всю жизнь одинаково любить, а слѣдовательно и одинаково уважать. Я до сихъ поръ не могу хорошенъко придти въ себя отъ неожиданной кончины безцѣннаго старца. <...>

Всѣ невзгоды жизни я умѣла переносить съ должною твердостью, не считая ихъ настоящимъ несчастьемъ. Но кончина дорогого Матвѣя Ивановича меня поколебала; я оказалась самой малодушнѣйшей женщиной въ мірѣ».

Образ воспитанницы декабристов, складывающийся после прочтения ее писем к А. Г. Достоевской, опровергает такое мнение о ней, бытующее в научной литературе: «Сазанович унаследовала все недвижимое имущество бездетного старика и, в частности, его огромный личный архив <...> и распродавала этот архив по частям, заботясь более всего о сумме вознаграждения» [Рабкина]. В письмах она предстает сильной и незаурядной женщиной, разделившей все жизненные трудности с Муравьевым-Апостолом, близкой по силе духа и убеждениям Достоевскому и его жене-помощнице, бескорыстной дарительницей уникальных автографов, тонкой почитательницей творчества писателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. П. Сазанович — Ф. М. Достоевскому

Очень жалю, Θεοδορѣ Михайловичѣ, что я пришла къ Вамъ въ такое время, когда у Васъ всѣ больны и нельзя Васъ видѣть. Я воспитывалась у Матвѣя Ивановича Муравьева, теперь нахожусь здѣсь и очень бы желала, во первыхъ видѣть Васъ, во вторыхъ попросить въ одномъ дѣлѣ совѣта, за что Вы премного бы обязали глубоко уважающую Васъ

Августу Сазановичѣ

Р. S. Мой адресъ: на углу Фонтанки и <л. 1> Горстка пер. д. № 77, кв. № 32. Августа Павловна Сазановичѣ.

Пожалуйста припомните меня нѣсколько и когда будетъ возможно видѣть Васъ, то будьте такъ добры, дайте мнѣ знать. <л. 1 об.>

А. П. Сазанович — А. Г. Достоевской

<1.>

Многоуважаемая
Марья³⁵ Григорьевна,

Сестры Бестужева³⁶ прислали мнѣ вчера 3 письма своего брата М. А. Бестужева³⁷. Я хотѣла переслать ихъ Θεοδοору Михайловичу, но если Вы выѣхали изъ Петер<бурга>, то они потеряются, а мнѣ будетъ совѣстно вторично беспокоить маленькихъ, древнихъ, предревнихъ старушекъ Бестужевыхъ. Онѣ высохли какъ щепки и нигде не выходятъ. Я была у нихъ въ первый разъ; онѣ производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, такія добродушныя, такія выхоленныя, такъ тщательно причесаны и <л. 1> одѣты, даже пришнурованы. Онѣ перехоронили всѣхъ дѣтей своего брата, достигавшихъ только двѣнадцатилѣтняго возраста. Последняго потеряли назадъ тому 2 года. Теперь у нихъ никого нѣтъ близкихъ, онѣ доживаютъ вѣкъ одиноко, безъ озлобленія на горькую судьбу и много дѣлаютъ существеннаго добра; хотя ихъ средства не велики, но онѣ находятъ ихъ слишкомъ достаточными для однихъ себя.

Какъ здоровье Θεοдора Михайловича и всѣхъ Васъ? Вы мнѣ напишите, когда опять возвратитесь въ Петер<бургъ>, чтобъ я могла Вамъ переслать письма, а теперь не беспокойтесь отвѣчать, это для Васъ будетъ слишкомъ обременительно, особенно <л. 1 об.> при Вашей дѣловой жизни.

Матвѣй Ивановичъ довольно бодръ, но еле двигается и, кажется, слѣпнетъ и на второй глазъ, потому что не вѣрно дѣйствуетъ руками. Я рада, что могу

³⁵ Так в рукописи. См. след. письмо, от 16 июня 1879 г.

³⁶ Близнецы Мария и Ольга Александровны (между 1793 и 1796–1889).

³⁷ Бестужев Михаил Александрович (1800–1871) — штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, декабрист, писатель.

его тѣшить своимъ присутствіемъ. Есть надежда пристроиться въ Москвѣ, если опять не вмѣшается глупая Свербѣева³⁸.

Матвѣй Ивановичъ благодаритъ за память Θεодора Михайловича. Онъ очень скорбитъ обо всѣхъ безумныхъ дѣйствіяхъ нашей молодежи.

Мое глубокое почтеніе Вашему мужу. Желаящая Вамъ всего лучшаго, а главное здоровья.

Уважающая Васъ
А. Сазановичъ

7го Мая

1879 г.

Москва. <л. 2>

<2.>

Многоуважаемая Анна Григорьевна, пожалуйста извините меня за ошибку въ Вашемъ имени, что произошло не отъ невниманія, а отъ временной глухоты, которой всегда долго страдаютъ послѣ тифа. Мнѣ такъ ясно послышалось, что будто бы Вы назвали себя Мар<ей> Григ<орьевной>, такъ что когда я увидѣла въ подписи около Вашей фамиліи А, тогда я представила, что для сокращенія Вы сливаете букву М съ Д.

Радуюсь за Васъ обоихъ, что Вы въ продолженіи лѣта до нѣкоторой степени отдохнете. Вы, какъ видно, неутомимая женщина, если при умственной работѣ успѣваете въ короткое время справить столько необходимыхъ дѣлъ въ домашнемъ обиходѣ. Вы мнѣ такую показали съ перваго раза, я вижу, что моя наблюдательность меня не обманываетъ. <л. 1> Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія «Карамазовыхъ» и «Дневника». Послѣдній особенно былъ бы полезенъ въ данное время. Мы глубоко уважаемъ Θεодора Михайловича за его опредѣленность и честность убѣжденій.

Я злоупотребляю Вашимъ разрѣшеніемъ не торопиться съ письмами на почту, потому что они не тотчасъ примѣняются къ дѣлу.

Кромѣ писемъ Бестужева присоединяю Фонвизина³⁹ къ женѣ⁴⁰ изъ крѣпости, почему оно и безъ подписи, достану и съ подписью, Штенгеля⁴¹ къ нашей общей знакомой Андронниковой, Оболенскаго, Трубецкаго и Розена къ Мат<вѣю> Ив<ановичу>. Я еще много могу достать писемъ нашихъ, но пока М<атвѣй> Ив<ановичъ> на нихъ скупъ.

³⁸ Свербеева Зинаида Сергеевна, урожд. Трубецкая (1837–1924) — дочь декабриста князя С. П. Трубецкого, жена Н. Д. Свербеева.

³⁹ Фонвизин Михаил Александрович (1788–1854) — отставной генерал-майор, декабрист, член Союза Благоденствия, осужден по IV разряду, был на каторге и поселении.

⁴⁰ Фонвизина Наталья Дмитриевна, урожд. Апухтина (1805–1869) — жена декабриста М. А. Фонвизина, последовавшая за ним в Сибирь; впоследствии жена декабриста И. И. Пущина.

⁴¹ Штейнгейль Владимир Иванович, барон (1783–1862) — декабрист, писатель-мемуарист.

Штенгель говоритъ въ письмѣ о своей дочери Юліи⁴², что за Топильскимъ⁴³. Онъ былъ правитель какой-то канцеляріи въ Петер<бургѣ>, говорятъ преантипатичный господинъ, онъ недавно умеръ. <л. 1 об.> Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ «Конька горбунка»⁴⁴. Сынъ его Владиміръ⁴⁵ — крестникъ Штенгеля, теперь кончаетъ курсъ въ Петер<бургском> универ<ситетѣ>. Ипполитъ Ивановичъ б<аронъ> Шиллингъ⁴⁶ былъ Пред<сѣдатель> губ<ернскаго> суда.

Оболенскій⁴⁷ дѣвщами называетъ меня и покойную Аннету⁴⁸. Тогда Мат<вѣй> Ивановичъ черезъ к<нязя> Долгорукова⁴⁹ просилъ у Государя⁵⁰ разрѣшенія насъ удочерить. Оболенскій списывался объ этомъ дѣлѣ съ Ростовцевымъ⁵¹, который былъ всегда съ нимъ въ дружбѣ и по возвращеніи нашемъ Ростовцевъ самъ началъ съ нимъ постоянную переписку, которую тоже можно достать отъ дочери Оболенскаго. Дочь въ письмѣ называетъ Евгений Петров<ичъ> княжной, потому, что наши смѣялись надъ нимъ, что онъ творитъ чудеса, производя князей не бывши самъ княземъ и къ своему потомству долженъ относиться почтительно — титулуя его⁵². Наши были лишены титула, а дѣти его сохраняли. <л. 2> Я забыла сказать, что у Штенгеля въ Сибири была другая семья — сынъ и дочь. Дочь умерла замужемъ въ Сибири, а сынъ былъ принятъ женой Штенгеля, какъ родной. Ник<олай> I разрѣшилъ ему носить фамилію Баронова.

⁴² Топильская Юлия Владимировна, баронесса, урожд. Штейнгейль (1811–1897).

⁴³ Топильский Михаил Иванович (1809–1873) — российский государственный деятель, сенатор, тайный советник.

⁴⁴ Ершов Петр Павлович (1815–1869) — поэт, прозаик, драматург, автор сказки в стихах «Конёк-Горбунок».

⁴⁵ Ершов Владимир Петрович — студент Петербургского университета в конце 1870-х гг. В 1880 г. уехал в Тобольск, где за ним было установлено негласное наблюдение в связи с подозрением на помощь политссыльным (Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь. М., 1934. Т. 3: Восьмидесятые годы. Вып. 2. Ст. 1369).

⁴⁶ Шиллинг Ипполит Иванович — чиновник Главного управления связи Западной Сибири, впоследствии председатель тобольского губернского суда.

⁴⁷ Оболенский Евгений Петрович, князь (1796–1865) — декабрист, участвовал в Союзе спасения и Союзе благоденствия, возглавил 14 декабря штаб восстания.

⁴⁸ Лескевич Анна Матвеевна, урожд. Бородинская (1840–1875) — воспитанница М. И. Муравьева-Апостола.

⁴⁹ Долгоруков Владимир Андреевич, князь (1810–1891) — военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, московский генерал-губернатор в 1865–1891 гг. См. письмо М. И. Муравьева-Апостола к В. А. Долгорукову от 30 сентября 1860 г. (Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма / предисл. и примеч. С. Я. Штрайха. Петроград: Былое, 1922. С. 93–94. URL: <https://www.prlib.ru/item/1290601>).

⁵⁰ Александр II Николаевич (1818–1881) — Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых.

⁵¹ Ростовцев Яков Иванович, граф (1803–1860) — генерал от инфантерии, государственный деятель, основной разработчик крестьянской реформы 1861 г. В юности был близок к декабристам, Е. П. Оболенский принял его в Северное общество в ноябре 1825 г. 12 декабря 1825 г. в письме цесаревичу Николаю Павловичу донес о возможном заговоре декабристов. Член Секретной следственной комиссии по делу петрашевцев.

⁵² Е. П. Оболенский женился в 1846 г. на своей горничной Варваре Самсоновне Барановой. У них было 9 детей.

Матвѣй Ивановичъ, Марья Константиновна⁵³ и я шлемъ свое глубокое почтеніе Вамъ и Θεодору Михайловичу съ желаніемъ здоровья.

Извините за каракули, право въ другой разъ напишу толковье и пригляднѣе. Мат<вѣй> Ив<ановичъ> торопитъ на почту, чтобъ я скорѣе вернулась къ чтенію газетъ.

Цѣлую дѣточекъ и, если позволите, то и Васъ уважаемая Анна Григорьевна.

Преданная Вамъ и уважающая

А. Сазановичъ

16го Іюня⁵⁴

1879 г. Москва. <л. 2 об.>

<3.>

Многоуважаемая Анна Григорьевна, неожиданная кончина дорогого для русскаго сердца Θεодора Михайловича глубоко насъ огорчила.

Какимъ достойнымъ блестящимъ образомъ покойный закончилъ послѣдній годъ своей полезной жизни: незабвенною рѣчью на праздникъ Пушкина и романомъ «Братья Карамазовы», въ которомъ такъ типично отразилось наше взбаламученное общество.

Матвѣй Ивановичъ и я, мы спѣшимъ выразить Вамъ, многоуважаемая Анна Григорьевна, сердечное <л. 4> соболизнованіе въ постигшемъ Васъ горѣ. — У Васъ есть большое утѣшеніе — сознаніе, что Вы вполне были достойной энергичной подругой покойнаго и составляли его счастье.

Дай Вамъ Богъ воспитать своихъ дѣтокъ въ родителей.

Позвольте обнять Васъ и малютокъ.

Всегда душевно преданная Вамъ

А. Сазановичъ

Москва.

1 Февраля

1881 г. <л. 4 об.>

<4.>

Добрѣйшая и уважаемая

Анна Григорьевна!

Вскорѣ послѣ Вашего отъѣзда я неожиданно захварала и 3 мѣсяцъ лежу неподвижно на спинѣ съ лѣвымъ забинтованнымъ глазомъ, а на правомъ козырекъ. У меня сильное нервное расстройство и отдѣленіе стѣчатой оболочки, хуже это<го> ничего не могло быть, поэтому я не могла исполнить свое обѣщаніе побывать

⁵³ Муравьева-Апостол Мария Константиновна, урожд. Константинова (1810–1883).

⁵⁴ Вместо: Іюня — было начато: Янва

у пр. Ковалевского⁵⁵, а постороннему лицу не могла доверить письма, которые я хотѣла ему показать. Позднѣе была здѣсь проездомъ моя хорошая знакомая, которую я посылала <л. 6> В<ладимиру> О<нуфріевичу>, но ей сказали, что онъ уѣхалъ за границу. Очень жаль, что Вы хворали все это время, берегите Ваше здоровье; зная, что Вы имѣете столько дѣлъ на рукахъ, мнѣ совѣстно заставлять Васъ хлопотать о себѣ. Если Вы согласитесь, то я пришлю Вамъ письмо Кн. Волконскому⁵⁶, бывшему Попечителю Спб учебн<аго> округа и попрошу Васъ лично доставить ему мое письмо съ моими документами. Я бы попросила его выхлопотать мнѣ брошку и, вѣроятно, если онъ захочетъ, то исполнить <л. 6 об.> это безъ всякихъ затрудненій. Я пишу Вамъ чужой рукой и вообще не знаю въ какой формѣ нужно написать просьбу, все равно онъ за меня ее можетъ составить. Я не могу теперь писать, а я поступила сестрой милосердія по его рекомендаціи. Напишите мнѣ въ отвѣтъ два слова, тогда я пришлю письмо къ Князю и бумаги на Ваше имя. Какъ не стыдно, Добрѣйшая Анна Григорьевна, думать, что я могу на <л. 7> Васъ сердиться! Матвѣй Ивановичъ Васъ привѣтствуетъ и дѣтей Вашихъ цѣлуетъ. Я же сердечно обнимаю Васъ и дѣтокъ Вашихъ,

Уважающая и Любящая Васъ

А. Сазановичъ

4 Января 1882 г.

Москва <л. 7 об.>

<5.>

21 Января 1882 г.

Москва

Добрѣйшая и уважаемая

Анна Григорьевна!

Спасибо Вамъ за скорый отвѣтъ. Извѣщайте меня, хотя изрядка, о Вашемъ здоровіи, я всегда буду интересоваться Вашею дѣятельностью и судьбою Вашихъ милыхъ дѣтокъ. Какъ Вы ихъ устроили относительно ученія и вполнѣ ли они здоровы? Я на дняхъ была у Крюкова, онъ нашелъ нѣкоторое улучшение въ глазу и мнѣ позволено иногда сидѣть, но рекомендуется спокойствіе и по возможности неподвижность и бинтовка еще на мѣсяць; приходится вооружиться терпѣніемъ! Матвѣй Ивановичъ теперь лечится у <л. 9> гомеопата и чувствуетъ себя нѣсколько крѣпче. Онъ Васъ сердечно привѣтствуетъ и крѣпко цѣлуетъ Вашихъ дѣтокъ. —

Я злоупотребляю Вашей добротой и посылаю Вамъ всѣ мои документы и письмо Кн<язю> Волконскому, которое прошу предворительно прочесть. Скажите ему,

⁵⁵ Ковалевскій Владимир Онуфріевич (1842–1883) — ученый-геолог, палеонтолог и зоолог, доктор философии. Муж математика Софьи Васильевны Ковалевской.

⁵⁶ Волконскій Михаилъ Сергеевич, князь (1832–1909) — попечитель Петербургскаго учебнаго округа (1852–1909), тайный советник, статс-секретарь, сенатор и обер-гофмейстер, заместитель министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова.

если нуженъ денежный взносъ, то я немедленно пришлю положенную сумму. Можетъ быть мнѣ дадутъ одно разрѣшеніе носить такую брошку и я тогда могу сама заказать у Хлѣбникова по образцу брошекъ московскихъ Сестеръ Милосердія. —

Цѣлую Васъ и дѣтокъ Вашихъ и прошу не забывать душевно любящую и уважающую Васъ

А. Сазановичъ <л. 9 об.>

Если найдете нужнымъ что перемѣнить въ моемъ письмѣ Князю, то, пожалуйста, перемѣните; я теперь плохо соображаю, пишу все равно чужою рукой. Кто не перепишетъ будетъ хорошо. <л. 10>

<6.>

Добрѣйшая и Многоуважаемая
Анна Григорьевна!

Я получила въ одинъ день письма отъ Васъ и К<нязя> Волконскаго съ доброю вѣстью, а сегодня получила отъ него желанную для меня брошку «Краснаго Креста». Горячо обнимаю Васъ и шлю Вамъ тысячу благодарностей за Ваши успѣшныя хлопоты. Но Вы очень огорчили меня, дорогая Анна Григорьевна, своимъ тяжелымъ душевнымъ настроеніемъ, право, Вамъ грѣшно приходить въ отчаяніе! Вы были женою лучшаго изъ русскихъ людей, нѣсколько лѣтъ пользовались полнымъ взаимнымъ счастьемъ; <л. 11> Теперь Вы живете для дѣтей и кромѣ того должны жить и для общества, потому что хорошій человѣкъ непременно приноситъ пользу уже тѣмъ, что живетъ вращаясь между людьми. Хотя бы одинъ примѣръ Вашей неутомимой дѣятельности, онъ долженъ уже невольно пробудить изъ апатіи многихъ женщинъ, а это не малый подвигъ! Горевать о прошломъ невозвратномъ — бесполезно. Грѣшно Вамъ, моя дорогая, роптать на судьбу. Берегите здоровье! Это главное и пожалуйста не унывайте! — Я разбитая и слабая и въ самой печальной нравственной обстановкѣ не думаю унывать и сержусь на себя, что я <л. 11 об.> до сихъ поръ побѣждавшая обстоятельства, допустила обстоятельствамъ себя побѣдить! — Я положительно стыжусь своей нервной болѣзни и стараюсь оправиться; да еще задумываю затѣять борьбу съ человѣкомъ, который сильнѣе меня. —

Вотъ и бѣда въ моей болѣзни, что ни лѣкаря, ни лѣкарства не могутъ мнѣ помочь, а нужно немедленное выселеніе въ здоровую атмосферу, а этого нельзя, и то я не унываю, надѣюсь какъ нибудь преодолѣть себя и опять вскочить на ноги.

На будущей недѣлѣ я пошлю Вамъ, заказнымъ, нѣсколько писемъ нашихъ Декабристовъ. <л. 12> Матвѣй Ивановичъ благодаритъ Васъ за привѣтъ, благословляетъ Васъ и дѣтей. Здоровье его, слава Богу, удовлетворительно. —

Позвольте обнять Васъ и дѣтокъ Вашихъ

Глубоко уважающая Васъ
А. Сазановичъ

11 Февраля 1882 г.
Москва <л. 12 об.>

<7.>

Милая и дорогая Марья⁵⁷ Григорьевна, посылаю Вамъ нѣсколько писемъ покойнаго Батенкова⁵⁸ и одно к<нзя> Оболенскаго. Разберу другія и тогда пришлю еще нѣсколько писемъ Об<оленскаго> и другихъ.

Царапаю наобумъ

А. Сазанов<ичъ> <л. 3>

Больше писать не могу, прибавляю чужою рукой. Глазу нѣсколько лучше, но докторъ все еще рекомендуетъ бинтовку, лежку и ничего не дѣлать, отъ чего я начинаю жирѣть; отъ всего этого какое нибудь приращеніе и то хорошо. Кажется еще три мѣсяца придется оставаться въ этомъ положеніи. Подавайте въсточку о себѣ и дѣтяхъ. Обнимаю Васъ всѣхъ.

17 Февраля 1882 г.

Москва <л. 3 об.>

<8.>

Москва

21 Февраля.

1884 г.

Многоуважаемая, добрейшая Анна Григорьевна, я должна была изъ первыхъ записаться на полное изданіе сочиненій нашего незабвеннаго Θεодора Михайловича, тѣмъ больше, что такъ приказывалъ Матвѣй Ивановичъ, но вышло иначе, изъ того что вмѣстѣ съ тѣмъ я все собиралась написать Вамъ длинное, предлинное письмо, послѣдовательно изобразивъ въ немъ всѣ неожиданныя перемѣны, происшедшія послѣ Вашего послѣдняго свиданья съ нами въ Москвѣ. <л. 14> Длинное письмо остается все таки за мной, такъ какъ я еще слишкомъ утомлена и не соберу мыслей; поэтому теперь я спѣшу только послать Вамъ 25 р. за изданіе, и прошу Васъ не полениться, извѣстить меня о Вашемъ житиѣ бытиѣ и здоровіи.

Матвѣй Ивановичъ на масляной нѣсколько прихварнулъ, но теперь совершенно поправился. Сегодня онъ пріобщался у себя дома, ему трудно ходить въ церковь, при этомъ я боюсь, чтобъ не простудился. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ здоровье его, слава <л. 14 об.> Богу, весьма удовлетворительно. Мы сердечно привѣтствуемъ Васъ, дорогая Анна Григорьевна, и цѣлуемъ дѣтокъ.

Уважающая и искренно любящая Васъ

А. Сазановичъ <л. 15>

⁵⁷ Так в рукописи.

⁵⁸ Батенков (Батеньков) Гавриил Степанович (1793–1863) — подполковник, декабрист, член Северного общества, писатель.

<9.>

Москва
24 Марта
1884 г.

Добрѣйшая Анна Григорьевна,

Матвѣй Ивановичъ благодаритъ Васъ за скорую высылку книгъ, но я не благодарю за то что не написали мнѣ ни строчки.

Пользуюсь поѣздкой въ Петер<бургъ> Осипа Яковлевича Журбана, одного изъ секретарей Иерусалимскаго патріарха Никодима, чтобъ напомнить Вамъ о нашемъ мѣстопребываніи въ Москвѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ, близъ Арбатской площади, въ домъ Иерусалимскаго подворья, куда и просимъ Васъ завернуть, если будете въ Москвѣ. <л. 17> Сообщите гдѣ проведете лѣто, здоровы ли дѣти и какъ Вамъ живется.

Матвѣй Ивановичъ часто вспоминаетъ Васъ всѣхъ и очень жалѣетъ, что Вы не даете о себѣ вѣсточекъ.

Вы намъ обѣщали карточки съ себя и дѣтокъ; если въ данное время есть лишнія, то, пожалуйста, пришлите съ Осипомъ Яковлевичемъ; Вы бы этимъ доставили большое удовольствіе Матвѣю Ивановичу.

Матвѣй Ивановичъ сердечно привѣтствуетъ Васъ и цѣлуетъ дѣтокъ. <л. 17 об.> Всѣхъ Васъ обнимаю.

Уважающая Васъ
А. Сазановичъ <л. 18>

<10.>

Москва.
1884.
18 декабря.

Многоуважаемая, добрѣйшая Анна Григорьевна, знакомый намъ докторъ гомеопатъ Трифановскій⁵⁹ недавно получилъ анонимное письмо, приглашающее его къ больному старику, находящемуся съ семьей въ крайности. Этотъ старикъ называетъ себя Платономъ Ивановичемъ Поповымъ⁶⁰, увѣряетъ, что былъ сосланъ въ Иркутскъ по исторіи Петрашевецъ и тамъ близко познакомился съ Мат<вѣемъ> Иван<овичемъ> Мур<авьевымъ> Апост<оломъ>. Но послѣднее неправда, Мат<вѣй> Иван<овичъ> никогда не жилъ въ Иркутскъ и въ Сибири изъ Петрашевецъ зналъ

⁵⁹ Трифановский Дмитрий Семенович (1842 или 1843–1924) — первый русский врач-гомеопат, известный своими добротой и бескорыстием (бесплатно лечил бедняков).

⁶⁰ Попов Платон Иванович — чиновник Петербургской таможни, привлекался Следственной комиссией к допросу по делу петрашевец, но не подвергся взысканию (см.: Дело петрашевец: в 3 т. М., Л.: АН СССР, 1951. Т. 3. С. 499).

одного Ястржемскаго⁶¹. Можетъ быть Плат<онъ> Иван<овичъ> смѣшиваетъ гр<афа> Мурав<ьева> Амурск<аго>⁶² съ Мат<вѣемъ> Иванов<ичемъ>. — Теперь остается узнать отъ Васъ, дѣйствительно ли онъ былъ товарищемъ покойнаго Θεодора Михайловича, остался ли онъ въ живыхъ и гдѣ въ данное время находится. Этотъ живетъ близъ Смоленскаго рынка, въ приходѣ Николы на Щепяхъ, по <л. 19> Никольской ул<ицѣ> въ домъ Шурыгина, въ заднемъ флигель. — Я Вамъ буду очень благодарна, если Вы потрудитесь отвѣтить мнѣ на все это, потому что докторъ нашелъ Попова съ семьей въ самомъ плачевномъ положеніи и принимаетъ въ немъ сердечное участіе. Если все что Плат<онъ> Ив<ановичъ> сообщилъ о себѣ Триф<ановскому> – дѣйствительно, тогда, можетъ быть, кто нибудь изъ оставшихся въ живыхъ товарищей его тоже приметъ въ немъ участіе и напишетъ разбитому старику нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

Я очень жалю, милая Анна Григорьевна, что Вы не завернули къ намъ, когда были въ послѣдній разъ въ Москву.

Въ первой части посмертнаго изданія сочиненій Вашего мужа я съ особеннымъ интересомъ прочла матеріалы для его біографіи, въ которыхъ выдается переписка Θεодора Михайловича со знакомыми. <л. 19 об.> Мы не воображали, что у насъ съ нимъ столько общаго родного. Первая часть читается вѣсьми съ жадностью, у насъ ее постоянно берутъ. Въ ней вся дѣятельность покойнаго и его направленіе обрисовываются ясно, доступно пониманію всякаго. Такое обстоятельное знакомство съ покойнымъ Θεодоромъ Михайловичемъ должно принести громадную пользу нашему больному обществу, оно изцѣлитъ не мало язвъ и образумитъ много головъ.

Вы, вѣроятно, давно уже продали все изданіе и скоро начнете печатать второе; тогда я куплю у Васъ 2 экземпляра и пошлю ихъ въ Сибирь моимъ друзьямъ — двумъ учительницамъ.

Матвѣй Ивановичъ и я поздравляемъ Васъ съ наступающими праздниками, цѣлуемъ дѣтей. Крѣпко обнимаю Васъ добрыйшая Анна Григорьевна. Не забывайте преданную Вамъ

А. Сазановичъ <л. 20>

Р. С. «Близъ Арбата, Пречистенскій бульваръ, домъ Іерусалимскаго подворья, кв<артира> Мурав<ьева> Апост<ола>» <л. 20 об.>

⁶¹ Ястржембскій (Ян Фердинанд) Иван Львович (1814–1886) — петрашевец, приговорен к смертной казни, замененной шестью годами каторги, куда его отправили в одной партии с С. Ф. Дуровым и Ф. М. Достоевским.

⁶² Муравьев-Амурскій Николай Николаевич, граф (1809–1881) — государственный деятель, с 1847 по 1861 г. служил генерал-губернатором Восточной Сибири.

<11.>

Москва.

23 Марта.

1885 г.

Христосъ Воскресе!
Многоуважаемая Анна Григорьевна.

Матвѣй Ивановичъ и я поздравляемъ Васъ и дѣтокъ Вашихъ съ наступленіемъ радостнаго праздника Пасхи, желаемъ Вамъ вѣкъ здоровья, бодрости и всего самаго утѣшительнаго.

Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца я ежедневно собиралась писать Вамъ и выслать деньги за два эк<земпляра> 2го изданія Сочиненій Ѳеодора Михайловича; но наплывъ различныхъ суетливыхъ дѣлъ всегда мѣшалъ мнѣ взяться за перо<.> — Послѣ первыхъ праздничныхъ дней я тотчасъ вышлю деньги и два адреса, по которымъ и прошу Васъ высылать книги въ Сибирь; <л. 21> кромѣ того прошу отложить для меня еще два эк<земпляра> этого изданія; за послѣдніе я отдамъ деньги, когда Вы будете въ Москвѣ; исполнѣ надѣясь, что это будетъ въ маѣ или іюнѣ.

Я поручила книгопродавцу Васильеву выслать Вамъ только что вышедшую книгу Влад<имира> Ѳеод<оровича> Чижа: «Достоевскій какъ психопатологъ». — Кажется, я уже говорила Вамъ объ этомъ «Очеркъ»; онъ былъ напечатанъ прошлаго года въ «Русскомъ Вѣстникѣ»⁶³. Авторъ его находится въ Лейпцигѣ уже второй годъ и занимается у Вундта⁶⁴, готовясь быть впослѣдствіи профессоромъ. У него всѣ задатки ученаго, наука для него первое наслажденіе въ жизни, при этомъ онъ уменъ и исполнѣ русскій человекъ. <л. 21 об.> Мат<вѣй> Иван<овичъ> слава Богу здоровъ, моему глазу нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ онъ меня не беспокоитъ; въ общемъ я теперь совершенно здорова и даже потолстѣла, чего за мной никогда не водилось.

Прошу обнять за меня дѣтокъ, Мат<вѣй> Ив<ановичъ> ихъ благословляетъ и шлетъ Вамъ искреннѣ привѣтъ.

Преданная Вамъ и любящая Васъ
А. Сазановичъ <л. 22>

⁶³ Чиж В. Ф. Достоевский как психопатолог. М.: Университетская типография, 1885. 123 с. Первая публикация: Русский Вестник. 1883. Т. CLXXI. Май. С. 272–316; Т. CLXXI. Июнь. С. 825–885. Оба издания включены в «Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского» (1906), составленный А. Г. Достоевской.

⁶⁴ Вундт Вильгельм Максимилиан (1832–1920) — немецкий врач, физиолог и психолог, профессор философии Лейпцигского университета, основатель первой в мире психологической лаборатории, преобразованной в Институт экспериментальной психологии.

<12.>

Добрѣйшая, многоуважаемая
Анна Григорьевна!

Матвѣй Ивановичъ и я поздравляемъ всѣхъ Васѣ съ праздниками Рождества Христова и съ наступающимъ новымъ годомъ, отъ души желаемъ Вамъ встрѣтить эти дни въ радости и спокойствіи.

Я уже получила изъ Лондона отъ Кати Телферъ⁶⁵ большую благодарность <л. 24> за высланныя Вами книги. Спасибо, что поторопились посылкой. Я тоже давно получила отъ Васѣ четыре тома, т. е. 2, 3, 4, 6. Недостаетъ 1 и 5. Вѣроятно Вы издаете ихъ не по порядку.

Мы доставили книгами истинное счастье сибирячкамъ. Отъ Девятовой я сегодня получила восторженное письмо. Она чрезвычайно довольна, что Вы сами написали ей и она съ <л. 24 об.> радостью поторопилась отвѣтить Вамъ, излить свою признательность. Матвѣй Ивановичъ сердечно привѣтствуетъ Васѣ и благословляетъ дѣтокъ, которыхъ прошу поцѣловать за меня.

Уважающая и любящая Васѣ
А. Сазановичъ

Москва.

24 Декабря.

1885 г. <л. 25>

<13.>

Добрѣйшая и Многоуважаемая Анна Григорьевна, благодарю за сочувствіе моему тяжкому горю. — Матвѣй Ивановичъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ можно всю жизнь одинаково любить, а слѣдовательно и одинаково уважать. Я до сихъ поръ не могу хорошенько придти въ себя отъ неожиданной кончины безцѣннаго старца. Вѣдь я давно увѣрила себя, что онъ непременно проживетъ до ста лѣтъ и даже за сто лѣтъ. Между тѣмъ болѣзнь началась уже съ прошлаго года, когда въ Январѣ ему грозилъ параличъ сердца; тогда бѣда миновала; но съ тѣхъ поръ кровообращеніе стало совершаться медленнѣе, отчего слабѣлъ весь организмъ.

Наружно Матвѣй Ивановичъ цвѣлъ здоровьемъ, <л. 27> поэтому я не помышляла о такой близкой разлукѣ съ человѣкомъ, на которомъ сосредоточивались всѣ мои земныя привязанности. Его крѣпкое сложеніе дало ему силы долго перемогать-ся: онъ лежалъ въ постель всего два дня.

Всѣ невзгоды жизни я умѣла переносить съ должною твердостью, не считая ихъ настоящимъ несчастьемъ. Но кончина дорогого Матвѣя Ивановича меня поколебала; я оказалась самой малодушнѣйшей женщиной въ мірѣ.

⁶⁵ Телфер Екатерина (Catherine Telfer), урожденная Муравьева — переводчица русской литературы.

У меня теперь въ распоряженіи всѣ бумаги покойнаго, вся его переписка съ товарищами и посторонними знакомыми.

Что Вы намѣрены дѣлать съ письмами Матвѣя Ивановича и его товарищей, которыя я когда то передала Ѳеодору Михайловичу. Не соединить <л. 27 об.> ли ихъ всѣ вмѣстѣ и не издать ли ихъ отдѣльной книгой?

Я ищу другую квартиру и къ 1 Юню должна оставить домъ Іерус<алимскаго> подворья, такъ какъ нашу квартиру сдали къ этому сроку. Затѣмъ я намѣрена до сентября проблуждать съ Сережей сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Крыму. — Въ первыхъ числахъ Юня, вѣроятно, еще буду въ Москвѣ. Надѣюсь, Анна Григорьевна, Вы завернете ко мнѣ, если будете здѣсь. Я слишкомъ давно Васъ не видѣла. — Черкните, въ Петер<бургъ> ли Вы въ данное время?

Цѣлую Вашу молодежь.

Душевно Вамъ преданная

А. Сазановичъ

Москва.

8/20 Мая.

1886 г. <л. 28>

Когда устроюсь въ новой квартирѣ, тогда буду просить Васъ всегда останавливаться у меня. <л. 28 об.>

<14.>

Москва. Плющиха, домъ Дювернуа, близъ Дѣвичьяго поля.

25/6 Августа.

1886 г.

Многоуважаемая Анна Григорьевна, очень жалѣю, что и этотъ годъ мнѣ не пришлось съ Вами повидаться. Я надѣялась, что Вы ко мнѣ завернете и собиралась потолковать съ Вами относительно бумагъ и писемъ товарищей моего безцѣннаго Матвѣя Ивановича, которыя теперь въ моемъ полномъ распоряженіи. Все чрезвычайно интересно и многое весьма поучительно для нынѣшней молодежи.

Кое что помѣщу въ «Русскомъ Архивѣ», а затѣмъ, хорошенько подобравъ и выбравъ бумаги, не издать ли <л. 36> ихъ отдѣльною книгой? Я положительно не желаю возиться съ редакціями, — тошнехонько съ этими господами.

Не знаю, гдѣ Вы теперь находитесь, поручаю юному технологу, Никол<лаю> Александр<овичу> Обручеву, передать Вамъ эти строчки и фотографическія карточки покойнаго.

Матвѣй Ивановичъ любилъ умную учащуюся и трудящуюся молодежь, поэтому Ник<олай> Алек<сандровичъ> пользовался его особеннымъ расположеніемъ.

На этомъ основаніи я смѣло представляю его Вашему семейству и предоставляю Вашему благосклонному вниманію.

Крѣпко цѣлую Вашихъ дѣтокъ и прошу Васъ вспомнить объ преданной Вамъ

А. Сазановичъ <л. 36 об.>

<15.>

Уважаемая Анна Григорьевна, я остановилась въ Сѣвер<ной> Гостин<ицѣ> № 56. Сегодня меня не будетъ дома. Извѣстите меня, когда можете меня принять и когда придти ко мнѣ. Тогда я соображусь съ моимъ свободнымъ временемъ.

Преданная Вамъ
А. Сазановичъ <л. 38>

<16.>

Москва.

16/28 Ноября.

1886 г.

Многоуважаемая, добрыйшая Анна Григорьевна, я очень рада, что угодила Вамъ карточками нашего дорогого Матвѣя Ивановича. Мнѣ чрезвычайно пріятно, что его переписка со мной послужитъ въ пользу училища, открытаго въ память незабвеннаго Ѳедора Михайловича; котораго покойный высоко цѣнилъ и считалъ лучшимъ наставникомъ общества. Вы имѣли полное право самостоятельно распорядиться этой перепиской какъ своимъ наслѣдствомъ. — Припомните, когда я пріѣхала изъ Румыніи, тогда Вашъ мужъ очень заинтересовался перепиской Матвѣя Ивановича <л. 5> со мной и пожелалъ выбрать себѣ одно изъ его писемъ; но, прочитавъ всѣ, онъ затруднился выборомъ, такъ онъ ему понравились, и просилъ меня подарить ему всѣ до одного. Я съ радостью уступила ему драгоценную для меня переписку; въ полной увѣренности, что она не пропадетъ безслѣдно; а будетъ своевременно напечатана вмѣстѣ съ автографами его товарищей. Я нашла въ бумагахъ покойнаго всѣ мои письма къ нему изъ Румыніи, поэтому и спросила у Васъ о судьбѣ отвѣтныхъ его писемъ ко мнѣ; полагая, что Вы, въ хлопотахъ и заботахъ по изданіямъ, могли о нихъ забыть. Я выписала изъ Сибири свою старую знакомую, которая пробудетъ у меня годъ; <л. 5 об.> она въ восторгѣ отъ Москвы; я хочу познакомить ее и съ Петер<бургом>; куда мы и собираемся послѣ новаго года. Безъ нея я не скоро двинулась бы съ мѣста; такъ какъ и у меня много хлопотъ и заботъ; я до сихъ поръ не найду времени для отдыха; хотя въ послѣднемъ сильно нуждаюсь.

Обручевъ много обѣщающій юноша; онъ настойчивъ въ умственномъ трудѣ; самъ пролагаетъ себѣ дорогу; можно поручиться, что изъ него выйдетъ ученый и во всякомъ случаѣ человекъ незаурядный. Онъ очень благодарилъ меня за знакомство съ Вами и остался чрезвычайно доволенъ Вашимъ любезнымъ пріемомъ.

Извѣстите меня, когда Семейскій полагаетъ печатать письма Матвѣя Ивановича. <л. 6>

До пріятнаго свиданья, добрыйшая Анна Григорьевна, увидимся, — потолкуемъ обо всемъ, а въ письмѣ всего не передашь.

Уважающая Васъ и преданная
Вашей семьѣ всею душой
А. Сазановичъ <л. 6 об.>

<17.>

Москва.
21 Апрель.
1887 г.

Воистину воскрес!

Уважаемая Анна Григорьевна, я понимаю, что Вы всегда заняты и Вамъ нельзя быть особенно точной въ перепискѣ, также какъ и мнѣ.

Я очень рада извѣстію, что Вы еще въ Петерб<ургу>. Значитъ, мы скоро увидимся. — Я выѣзжаю изъ <л. 30> Москвы 26 Апр<еля> съ утр<а> 9 ч<асовымъ> поѣздомъ и останусь въ Петерб<ургу> до 6 мая. Лѣто провожу въ «Петровско-Разумовскомъ» собственно для удовольствія Серёжи⁶⁶, которому уже 18 лѣтъ. Съ науками мы покончили, — время упущено; но «на нѣтъ и суда нѣтъ»; а все же въ 5 лѣтъ многое сдѣлано; въ общемъ онъ очень и очень выправился, такъ что я имъ весьма довольна.

До скорого свиданья, дорогая <л. 30 об.> Анна Григорьевна, а пока заочно встѣхъ Васъ цѣлую.

Преданная Вамъ
А. Сазановичъ <л. 31>

<18.>

Петровско-Разумовское, дача Порто, близъ послѣдняго дачнаго проѣзда къ Академіи.

15 Іюля.
1887 г.

Уважаемая, добрыйшая
Анна Григорьевна!

Я получила отъ своихъ хорошихъ знакомыхъ Преображенскихъ выписку о дѣйствіяхъ Плоцкаго губернатора Л. И. Черкасова и о результатахъ польско-ксендзовскихъ гоненій на него. Прошу Васъ, въ память патріотическихъ чувствъ покойнаго Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола, немедленно передать прилагаемую выписку К. П. Побѣдоносцеву⁶⁷, послѣдній былъ нѣсколько знакомъ съ покойнымъ въ Твери. Я могла бы передать ее М. Н. Каткову⁶⁸; онъ знаетъ и уважаетъ Серг<ея> Егоров<ича> Преображенскаго, какъ неподкупнаго истинно русскаго

⁶⁶ Лескевич Сергей — сын Анны Бородинской, воспитанницы М. И. Муравьева-Апостола. После смерти декабриста Сергей был на попечении Сазанович.

⁶⁷ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — правовед, государственный деятель, писатель, действительный тайный советник.

⁶⁸ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) — публицист, издатель, литературный критик, редактор газеты «Московские Ведомости» и журнала «Русский Вестник».

человѣка; къ несчастію у Каткова недавно былъ нервный ударъ, ему теперь лучше, хотя онъ все еще <л. 7> въ опасности.

Шипкинскій герой завязанный полякъ и скрытно дѣйствуетъ за своихъ. Матвѣй Ивановичъ удивлялся и огорчался назначенію врага на самостоятельное мѣсто въ непріязненномъ намъ краѣ⁶⁹.

По газетамъ я узнала, что Васѣ не было въ Ст<арой> Рус<сѣ> при посѣщеніи Велик<имъ> Княз<емъ> школы драгоцѣнной памяти Ѳ. М. Достоевскаго, изъ чего заключаю, что здоровье Вашей дочери не позволило Вамъ преждевременно оставлять чужіе края.

Я провожу льто съ Сережей въ Петр<овско> Разум<овскомъ> ему очень весело со своимъ сверстникомъ Порто и его сестрами, у которыхъ собирается разнообразная молодежь.

Себѣ я предоставляю пока единственное развлеченіе — радоваться чужому веселію. Впрочемъ, по Вашему совѣту, я хочу обратить нѣкоторое вниманіе на Ав<густу> Пав<ловну>, поэтому къ зимѣ попробую выглянуть изъ своего внутренняго заключенія и попробую не отчуждаться всѣхъ личныхъ человѣческихъ удовольствій; тогда, <л. 7 об.> можетъ быть сдѣлаюсь еще полезнѣе для другихъ.

Вы ужасно поразили меня тѣмъ, что я держу себя въ вѣчномъ загонѣ; вѣдь я этаго сама за собой никогда не замѣчала, привыкнувъ съ ранняго дѣтства все уступать другимъ, а самой стушевываться, да стушевываться. Теперь я даже припоминаю довольно основательную причину подобнаго образа дѣйствій. Покойная Марья Константиновна ежедневно твердила мнѣ: — «всѣ люди, какъ люди», «одинъ чертъ въ рогожку». Вотъ я и начала съ пятилѣтняго возраста тщательно прятать эту рогожку отъ постороннихъ глазъ, а когда скрыть ее не было возможности, то я дѣйствовала такъ, чтобъ эту рогожку мнѣ прощали. Такимъ путемъ я приобрѣла на всю жизнь самую ослиную скромность, всегда приносившую мнѣ лишніе непріятности, что и предсказывалъ мнѣ мой наставникъ И. Д. Якушкинъ⁷⁰, серьезно озабоченный такою безобразною крайностью, тѣмъ болѣе, что она мирно уживается съ другою совершенно ей противоположной, о которой я пока благоразумно умолчу до времени, когда Ваша замѣчательная наблюдательность <л. 8> ее уловитъ.

Надѣюсь, добрыйша Анна Григорьевна, что Вы черкнете мнѣ въ отвѣтъ словечко о приложенной выпискѣ.

Привѣтствую Вашу молодежь и крѣпко жму Вашу руку<.>

Уважающая Васѣ

А. Сазановичъ

Р. S. Мой городской адресъ: Плющиха, домъ Дювернуа. <л. 8 об.>

⁶⁹ Вместо: краѣ — было: краю

⁷⁰ Якушкин Иван Дмитриевич (1794–1857) — декабрист, мемуарист, основатель и педагог Ланкастерской школы в Ялutorовске.

<19.>

Добрѣйшая и многоуважаемая
Анна Григорьевна!

Я была у Васъ въ Ялтѣ въ день Вашего отъѣзда къ больному брату⁷¹. Вашъ сторожъ сказалъ мнѣ, что Вы, во всякомъ случаѣ, возвратитесь въ хуторъ до окончательнаго отбытія въ Петер<бургъ> поэтому я еще разъ заѣзжала къ Вамъ, но опять неудачно.

Мы возвратились изъ Крыма ко 2^{му} Ноябрью. Я отыскала у себя 37 писемъ Матвѣя Ивановича, пополняющихъ тѣ, которыя я уже вручила Вамъ. Если они теперь Вамъ нужны, то я перешлю ихъ по полученіи отъ Васъ вѣсточки. — Будутъ ли эти письма возвращены Вамъ послѣ печати или Севебскій завладѣетъ ими?

Я занимаюсь подборомъ бумагъ и писемъ Мат<вѣя> Иван<овича> полученныхъ мною по духов<ному> завѣщ<анію> и собираюсь ихъ издать отдѣльной книгой, поэтому его переписка со мной не можетъ быть изъ нея выключена. Пожалуйста, устройте такъ, чтобъ за мной оставалось право владѣть этими письмами и печатать ихъ. Я забыла, сколько писемъ Мат<вѣя> Иван<овича> я подарила Феодору Михайловичу, этими конечно Вы располагаете по <л. 11> своему усмотрѣнію, но вѣроятно дадите мнѣ копіи съ нихъ, а прочія, если можно возвратите мнѣ по напечатаніи.

По духов<ному> завѣщ<анію> Мат<вѣй> Иван<овичъ> оставилъ мнѣ всю свою бібліотеку. Между сочиненіями его отца, у меня есть его переводъ съ греческаго, напечатанный въ 1821 г. въ типогр<афіи> Н. Греча, съ текстомъ подлинника «Облака Аристофана». Бартеневъ⁷², въ разговоръ объ этой книгѣ, упомянулъ, что переводъ до сихъ поръ считается превосходнымъ, онъ высказалъ желаніе купить у меня право на ея изданіе. Но спустя нѣкоторое время, сообщилъ мнѣ, что этимъ правомъ теперь всякій можетъ пользоваться. Я не знаю насколько все это вѣрно. — Не посоветуете ли Вы мнѣ самой издать эту книгу, если только она, какъ учебное пособіе, можетъ быть принята въ гимназіяхъ и если я имѣю право ее издавать. Прошу Васъ, добрѣйшая Анна Григорьевна, спросить о томъ и о другомъ у одного Побѣдоносцева, чтобъ не разглашать о намѣреніи изданія.

У меня хранится переписка попечит<еля> Москов<скаго> универ<ситета> гр<афа> П. А. Капниста⁷³ съ Матвѣемъ Ивановичемъ и со мной по случаю покупки за безцѣнокъ у Мат<вѣя> Иван<овича> права на имѣніе въ Полтав<ской> губ<ерніи> Миргород<скаго> <л. 11 об.> уѣзда и желанія защититься отъ газетныхъ нападокъ за такой неблагородный торговый оборотъ, защититься именемъ

⁷¹ Сниткин Иван Григорьевич (1849–1887) — младший брат А. Г. Достоевской.

⁷² Бартенев Петр Иванович (1829–1912) — историк и литературовед, основатель и издатель исторического журнала «Русский Архив».

⁷³ Капнист Павел Александрович, граф (1840–1904) — писатель, чиновник министерства юстиции, попечитель Московского учебного округа и Московского университета (1880–1895), сенатор.

Мат<вья> Иван<овича>, подѣ которымъ онѣ желалѣ напечатать статью своего сочиненія. Теперь — при жизни Свистунова⁷⁴, ихъ сообщника, эту интересную переписку напечатать нельзя; но Семеvскій можетъ ее купить для будущаго времени. Я дала бы ему прочесть переписку въ подлинникъ, но предоставила бы ему копію для печати; а объ условіяхъ цѣны я прибѣгла бы, если позволяете, къ Вашему содѣйствию; потому что относительно денежныхъ дѣлъ я чрезвычайно глупа; это всякому бросается въ глаза, и всякій старается воспользоваться моей слабой стороною.

Моя нерасчетливость въ деньгахъ и потеря на О. И. Ивановой⁷⁵ 26/т<ысячъ> р<ублей> заставляетъ меня подумать поправить свои промахи какими нибудь способами. — Иванова теперь живетъ съ дочерью въ Петер<бургъ> ея имѣніе въ концѣ текущаго мѣсяца будетъ продаваться съ аукціона, если она опять не вывернется какимъ <л. 12> нибудь фокусомъ или счастливымъ случаемъ. Ея пенсія на 1000 р<ублей> арестована должниками. Она обѣщала предупредить, когда мнѣ слѣдуетъ подавать векселя ко взысканію, чтобъ мои деньги не пропали. Между тѣмъ она предоставила всѣ выгоды постороннимъ, а меня упростила оставаться въ бездѣйствіи. Такое предательство непонятно, когда ей приходится все равно тонуть.

Надѣюсь, уважаемая Анна Григорьевна, получить отъ Васъ скорую вѣсточку. Прошу передать отъ меня привѣтъ Вашей молодежи.

Уважающая и душою преданная Вамъ
А. Сазановичъ

Москва.

23 февр<аля>.

1888 г. <л. 12 об.>

<20.>

Москва.

24 Марта.

1888 г.

Многоуважаемая и добрыйшая
Анна Григорьевна!

Ваше послѣднее письмо очень меня опечалило тѣмъ, что со дня кончины Вашего брата Вы не переставали тревожиться и послѣ выздоровленія дочери сами свалились съ ногъ. —

Всѣ эти тяжелыя невзгоды преходящи; но самая непріятная для меня новость, это Ваша давнишняя и постоянная бользнь, которую я не подозрѣвала въ Васъ, считая за самую здоровую и выносливую женщину.

⁷⁴ Свистунов Петр Николаевич (1803–1889) — корнет лейб-гвардейского Кавалергардского полка, декабрист, губернский секретарь, мемуарист.

⁷⁵ Иванова Ольга Ивановна, урожд. Анненкова (1830–1891) — дочь декабриста И. А. Анненкова.

Аллопатія въ этихъ болѣзняхъ безсильна. Пожалуйсто, обратитесь къ электро-гомеопатіи графа Маттеи⁷⁶. Гомеоп<атическая> аптека на Пескахъ, Вы тамъ узнаете, кто въ Петер<бургъ> льчитъ элек<тро>-гом<еопатіей>. Въ Москвѣ есть отличный элек<тро>-гом<еопатъ> Конст<антинъ> Иван<овичъ> Сокологорскій⁷⁷, живетъ въ собственномъ домѣ, на Зубовскомъ бульварѣ.

Я задержала нѣсколькими днями обѣщанныя письма дорогаго Матвѣя Ивановича потому, что для меня списывали письма гр<афа> Капниста. Я посылаю подлинникъ вмѣстѣ съ копіей; первый убѣдитъ Семев<скаго> въ достовѣрности переписки почеркомъ графа и приложеннымъ почтовымъ конвертомъ, <л. 13> а второй (если купитъ переписку) можетъ оставить себѣ. Подлинникъ, во всякомъ случаѣ, прошу взять у него назадъ. Переписку гр<афа> Капниста сейчасъ печатать нельзя, но для будущаго времени онъ долженъ бы ее купить, и не по числу печатныхъ листовъ, а по содержанію. — Дѣло идетъ о плутовствѣ прокутившихся аристократовъ, которые, не имѣя денегъ, непозволительными способами купили за безцѣнокъ у Матвѣя Ивановича милліонную землю, когда онъ пламенно желалъ уступить ее земству, дававшему съ перваго слова цѣлой 100/т. больше; а при добросовѣстности уполномоченныхъ можно было повернуть дѣло одинаково быстро, какъ повернули прокутившіеся.

Въ то время ихъ продѣлка произвела много шума и о нихъ писали въ нѣсколькихъ газетахъ; вслѣдствіи чего гр<афъ> Капн<истъ> придумалъ все исправить, выпросивъ у Матвѣя Ивановича маленькое одолженіе — печатать оправдательную статейку, своего сочиненія, за подписью самаго М. И. Муравьева-Апостола. Съ этою цѣлью завязалась переписка съ Матвѣемъ Ивановичемъ и наконецъ со мной, такъ какъ, послѣ отказа, уполномоченный Матвѣя Ивановича рѣшилъ печатать статью отъ его имени помимо его желанія; такую вольность позволялъ себѣ воспитанникъ іезуитовъ, П. Н. Свистуновъ, товарищъ по дѣлу; <л. 13 об.> но я стала камнемъ предковенія для этихъ господъ.

Имѣя привычку оставлять копіи съ важныхъ писемъ, я сохранила сполна всю переписку съ гр<афомъ> Капн<истомъ>, которую посылаю Вамъ и прошу продать ее Семев<скому> за возможно большую цѣну. Подлинныя письма графа завязаны вмѣстѣ съ моими отвѣтами къ нему.

Со смерти отца Матвѣя Ивановича еще не минуло 50 лѣтъ, но, по словамъ нашего нотаріуса (которыя я просила еще проверить), въ духов<номъ> завѣщаніи Матвѣя Ивановича есть параграфъ, дающій мнѣ право печатать «Облака, комедію Аристофана», раньше истекшаго срока; что я и сдѣлаю, такъ какъ денежная затрата не велика; а на распространеніе книги буду надѣяться на Ваше содѣйствіе.

Какъ совѣтуете: печатать ее теперь или осенью?

⁷⁶ Электро-гомеопатия графа Ч. Маттеи, и ее применение к лечению болезней (перевод с фр. яз.). М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1880. 399 с.

⁷⁷ Сокологорский Константин Иванович (1812–1890) — московский врач, был у постели умирающего Н. В. Гоголя.

Письма дорогого Матвѣя Ивановича я тщательно просмотрѣла; если въ тѣхъ, что у Васъ въ рукахъ, встрѣтятся имя Соф<ьи> Яков<левны> Гречениной, рожденной Тулиновой, то прошу оставить только начальныя буквы. Въ Сибири мы знали ее ребенкомъ, впоследствии убѣдились, что изъ нея выработалась неблаговидная искательница приключеній изъ любви къ искусству. — Вообще печатайте полное имя только извѣстныхъ людей. <л. 14> Мнѣ также припомнилась неумѣстная моя поправка въ письмѣ офицера С. Θ. Чижъ, на что постороннее лице не имѣетъ права, поэтому прошу возстановить слѣдующее: «что происходило въ душѣ каждаго передъ сраженіемъ», «про то знаетъ только онъ самъ». Эту фразу, тогда колеблющагося въ вѣрѣ юноши, я замѣнила: «про то знаетъ одинъ Господь».

Когда собираетесь въ Крымъ?

Сообщите обо всемъ, не отлагая въ долгій ящикъ.

Желающая встѣмъ Вамъ здоровья и всего самаго лучшаго —

Душевно уважающая и преданная

А. Сазоновичъ <л. 14 об.>

<21.>

Москва.

26 Марта.

1888 г.

Многоуважаемая и добрыйшая

Анна Григорьевна!

Я забыла вложить въ конвертъ сочиненіе графа Капниста, которое онъ желалъ напечатать за подписью Матвѣя Ивановича; спѣшу его выслать сегодня. Это копія, — подлинникъ оставляю у себя.

Преданная и уважающая Васъ

А. Сазоновичъ <л. 15>

<22.>

Переяславъ, Полтавск<ая> губ<ернія>, домъ д-ра Казачковскаго.

29 Іюня, 1888 г.

Многоуважаемая, добрыйшая

Анна Григорьевна!

Я получила Ваше письмо и посылку во время сборовъ въ Малороссію, къ двоюродной сестрѣ. Марья Степановна Казачковской, гдѣ теперь и нахожусь, располагая пребыть до первыхъ чиселъ Августа.

Спасибо за всѣ хлопоты, которыя я доставила Вамъ. Въ увѣренности, что Вы возвратили мнѣ всю переписку съ гр<афомъ> Капнистомъ, я не расшивала пакета, чтобъ безъ меня, при переездѣ на новую квартиру, не растеряли писемъ.

Мой новый Москов<скій> адресъ: «Новинскій бульваръ, лѣвый» «флигель Ахлестышева».

Когда я жила въ Петерб<ургѣ> Семеvскій просилъ меня доставить ему мои записки, и остался весьма доволенъ ихъ началомъ, обѣщалъ 70 р<ублей> съ листа, но въ трудную для меня минуту жизни обидно притѣснилъ, поэтому я взяла ихъ назадъ и прекратила занятіе не производительной работой; съ возвращеніемъ Ѳеодора Михайловича изъ за границы, посовѣтовавшись <л. 33> съ нимъ и заручившись его вѣскимъ одобреніемъ, я отнесла ихъ въ От<ечественныя> Зап<иски>; но, послѣ свиданья съ Матвѣемъ Ивановичемъ, я опять взяла рукопись назадъ; хотя имѣла и имѣю въ виду пересмотрѣть и закончить свои воспоминанія. Семеv<скій> послѣ кончины Мат<вѣя> Иван<овича> писалъ мнѣ опять, изъявлялъ желаніе заполучить всѣ бумаги покойнаго для выборокъ, давалъ 50 р<ублей> за листъ; но вспоминая его прежнія продѣлки со мной, я ограничилась благодарностью, попробовала испытать Бартенева безъ предварительныхъ денежныхъ условій, ожидая таковыхъ отъ самаго издателя по напечатаніи статей; онъ исказилъ послѣднія, переработавъ нѣкоторые на свой ладъ, измѣнивъ смыслъ, и напечаталъ безъ моего просмотра, что меня огорчило гораздо больше, нежели замѣтна денежнаго вознагражденія лѣстливыми похвалами къ моей особѣ. Послѣ этого я снова попыталась черезъ Васъ отвѣдать сладость сношеній съ Семеv<скимъ>; который нынче, передъ моимъ отъѣздомъ посылъ меня, отлично понимая, что я недовольна Бартеvевымъ, если повернулась къ нему. Прежде всего онъ освѣдомился о количествѣ выцѣженныхъ <л. 33 об.> бумагъ его собратомъ, затѣмъ опять просилъ моихъ записокъ, бумагъ и писемъ покойнаго Мат<вѣя> Иван<овича> для выборокъ, прибавляя, что такимъ образомъ достигается его естественное желаніе платить возможно меньше, тогда какъ я тоже весьма естественно, желала бы получать возможно больше, кромѣ того онъ предлагалъ, все что я собираюсь напечатать отдѣльной книгой, пустить, ради моей выгоды, приложеніемъ къ его журналу, а пока могу печатать выдержки изъ нея въ Рус<скую> Стар<ину>. Я обѣщалась объ этомъ подумать, намѣреваясь предварительно посовѣтоваться съ Вами. Прощаясь со мной въ прихожей, онъ показалъ альбомъ автографовъ, жалѣя, что забылъ предложить мнѣ черкнуть свою фамилію въ числѣ нашихъ общихъ знакомыхъ; я обрадовалась, что увернулась отъ этого. Но Семеv<скій> быстро явился въ гостиную, нашелъ чернильницу и продиктовалъ, что воспитанница М. И. Мур<авьева> Апост<ола>, благоговѣя передъ его памятью, собираетъ все относящееся къ его біографіи, намѣреваясь издать ее у своего знакомаго М. И. Семеv<скаго> при Рус<ской> Стар<инѣ>. Хотѣлъ прибавить у добраго знакомаго, но я воспротивилась. Мнѣ этотъ день нездоровилось, <л. 34> онъ пришелъ къ вечеру, просидѣлъ до 11^{ми} ч<асовъ>, утомилъ меня до послѣдней степени и въ эту минуту неожиданно подвернулся съ альбомомъ и перомъ, такъ что я писала подъ его диктовку, какъ дурочка.

Впрочемъ, если Вы найдете не выгоднымъ для меня издавать біографію Матвѣя Ивановича при его журналѣ, то этотъ фокусъ, я полагаю, ни къ чему меня не обязываетъ. О письмахъ Мат<вѣя> Иван<овича> и обо всемъ переговоримъ при свиданіи. Нынѣшній годъ непременно увидимся въ Крыму, или въ Петерб<ургѣ>.

Очень рада познакомиться съ Екат<ериной> Θεод<оровной> Юнге⁷⁸. Ваша рекомендація сулитъ мнѣ отрадное знакомство. Я сама нуждаюсь въ обществѣ добрыхъ, разумныхъ людей. Вѣдь мы всѣ болѣе или менѣе несчастны, — погорюемъ вмѣстѣ легче будетъ.

Въ свободную минуту извѣстите, когда выѣдете изъ Руссы. Адресъ: Переяславъ, Полтав<ская> губ<ернія> домъ д<окто>ра Казачковского, на имя Марьи Степан<овны> его жены, съ передачею мнѣ. — Привѣтствую Вашу молодежь, желаю Вамъ всего самого утѣшительнаго.

А. Сазановичъ

Въ послѣднемъ письмѣ Вы почти ничего не сказали о своемъ здоровіи, упомяните въ слѣдующемъ по обстоятельнѣ.⁷⁹ <л. 34 об.>

Текстологическая справка

<А. П. САЗАНОВИЧ к Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ. Без даты>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29842. Л. 1–1 об.

В верхнем правом углу л. 1 запись рукой А. Г. Достоевской:

Авг. Павл. Сазановичъ
воспит. Муравьева-Апостола

Опубликовано с сокращениями: Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. С. 182. Полностью публикуется впервые.

<1. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 7.05.1879>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 1–2.

На конверте:

С. Петербургъ.⁸⁰
Кузнечный переулокъ, д. № 5, кв. № 10.
Ея Высокоблагородію
Марья⁸¹ Григорьевна
Достоевской.
Старую Руссу.

На штемпеле: 8 МАЯ 1879 МОСК. ПОЧТ. ЦЕНТР. ОТДѢЛ.

На обороте конверта штемпели: 9 МАЯ 1879 С. ПЕТЕРБУРГЪ; 17 МАЯ 1879 С. ПЕТЕРБУРГЪ; 18 МАЯ 1879 СТАРАЯ-РУССА

⁷⁸ Юнге Екатерина Федоровна, урожд. Толстая (1843–1913) — художница, мемуаристка.

⁷⁹ Перевернутая фраза: *Въ послѣднемъ письмѣ Вы ∞ по обстоятельнѣ.* — вписана вверху листа.

⁸⁰ *С. Петербургъ* зачеркнуто. Слева на конверте вписано: *Свѣдѣн<ій> нѣтъ.*

⁸¹ Так в рукописи.

К оборотной стороне конверта приложен лист с записью почтового работника:

*п. 58 округу
Г^{жа} Достоевская
По заявленью выбыла
Старую Русу. <пис.?> Счастливецъ
9^е Мая
<Подпись>.*

Опубликовано с сокращениями: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 481. (Литературное наследство; т. 86.)
Полностью публикуется впервые.

<2. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 16.06.1879>

Источник текста: ОР РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 1–2 об.

Опубликовано с сокращениями: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 484–485. (Литературное наследство; т. 86.)
Полностью публикуется впервые.

<3. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 1.02.1881>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 4–4 об.

Опубликовано с сокращениями: Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 540. (Литературное наследство; т. 86.)
Полностью публикуется впервые.

<4. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 4.01.1882>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 6–7 об.

На конверте:

*Въ С. Петербургъ
Е. В.
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской
По Лиговкѣ на углу Гусева переулка д. 8 кв. 19*

На штемпеле: 4 ЯНВ 1882 МОСК. ПОЧТ. ЦЕНТР. ОТДѢЛ.

На обороте конверта штемпель: 5 ЯНВ 1882 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<5. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 21.01.1882>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 9–10.

Публикуется впервые.

<6. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 11.02.1882>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 11–12 об.

На конверте:

Въ С. Петербургъ

Е. В.

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской

По Лиговкѣ, на углу Гусева переулка д. 8, кв. 19

На штемпеле: 12 ФЕВ 1882 МОСК. ПОЧТ. ЦЕНТР. ОТДѢЛ.

На обороте конверта штемпель: 13 ФЕВ 1882 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<7. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 17.02.1882>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 3–3 об.

Публикуется впервые.

<8. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 21.02.1884>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 14–15.

На конверте:

С. Петербургъ

Ея Высокородію

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

По Лиговкѣ, на углу Гусева пер. домъ 8, квар. 19.

Со вложеніемъ двадцатипяти рублей (25 р.), отъ М. И. Муравьева-Апостоля,

Пречистенскій бульваръ, домъ Іерусалимскаго подворья.

На штемпеле: 22 ФЕВ 1884 МОСКВА

На обороте конверта штемпели: 23 ФЕВ 1884 МОСКВА; 24 ФЕВ 1884
С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<9. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 24.03.1884>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 17–18.

Публикуется впервые.

<10. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 18.12.1884>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 19–20 об.

Публикуется впервые.

<11. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 23.03.1885>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 21–22.

На конверте:

*С. Петербургъ.
Ея Высокоблагородію
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.*

Знаменская, д. 2, кв. 5, противъ церкви Знаменія Божіей Матери.

На штемпеле: 24 МАР 1885

На обороте конверта штемпель и записи расчетов: 25 МАР 1885 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<12. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 24.12.1885>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 24–25.

На конверте:

*С. Петербургъ
Ея Высокоблагородію
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.*

Знаменская, домъ 2 (противъ церкви), кв. 5.

На штемпеле: 25 ДЕКАБРЯ 1885 МОСКВА

На обороте конверта штемпель: 26 ДЕК 1885 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<13. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 8/20.05.1886>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 27–28 об.

На конверте:

*С. Петербургъ.
Ея Высокоблагородію
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.*

Знаменская ул. домъ 2ой, кв. 5^я.

На штемпеле: 8 МАЯ 1886 МОСКВА

На обороте конверта штемпель: 9 МАЯ 1886 С. ПЕТЕРБУРГЪ

Публикуется впервые.

<14. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 25/6.08.1886>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 36–37 (л. 37 чистый)
Публикуется впервые.

<15. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ. Без даты>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 38.
Публикуется впервые.

<16. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 16/28.11.1886>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 5–6 об.
На л. 6 об. запись рукой А. Г. Достоевской:

М. И. Семевскій почему-то отказался печатать письма Матвѣя Ивановича, а такъ какъ другаго издателя было найти трудно, то я оставила письма у себя, внеся въ пользу школы имени Θεодора Михайловича триста рублей.

Публикуется впервые.

<17. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 21.04.1887>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 30–31.
На конверте:

С. Петербургъ.
Ея Высокоблагородію
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.

Знаменская ул., домъ 2, противъ церк<ви,> кв. 5.

На штемпеле: 22 АПРѢЛЯ 1887 МОСКВА
На обороте конверта штемпель: 23 АПР 1887 С. ПЕТЕРБУРГЪ
Публикуется впервые.

<18. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 15.07.1887>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 7–8 об.
На конверте:

С. Петербургъ.
Е. В.
Аннѣ Григорьевнѣ
Достоевской.
Знаменская ул. домъ 2ой кв. 5ая
Очень нужное.

На штемпеле: 16 ЮЛЯ 1887 МОСКВА
На обороте конверта штемпель: 17 ЮЛ. 1887 С. ПЕТЕРБУРГЪ
Публикуется впервые.

<19. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 23.02.1888>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 11–12 об.

Публикуется впервые.

<20. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 24.03.1888>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 13–14 об.

Публикуется впервые.

<21. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 26.03.1888>

Источник текста: РГБ. Ф. 93.П.8.65. Л. 15.

На конверте:

С. Петербургъ.

Ея Высокоблагородію

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

Малая Итальянская, д. 18, кв. 15.

Отъ А. Сазановичъ. Плющиха, домъ Дювернуа.

На штемпеле: 26 III 1888 ВЪ МОСКВѢ

На обороте конверта штемпели: 27 МАР. 1888 С. ПЕТЕРБУРГЪ; 26 МАР-ТА 1888 МОСКВА

Публикуется впервые.

<22. А. П. САЗАНОВИЧ к А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ от 29.06.1888>

Источник текста: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30254. Л. 33–34 об.

На конверте:

Новгородская губ. г. Старая Русса.

Ея Высокоблагородію

Аннѣ Григорьевнѣ

Достоевской.

Собственный домъ.

На штемпеле: 29 ИЮН 1888 ПЕРЕЯСЛАВЪ

На обороте конверта штемпели: ½ ЮЛ. 1888 МОСКВА; 4 ЮЛ. 1888 СТАРАЯ РУССА НОВГОР. ГУБ.

Публикуется впервые.

Список литературы

1. Андрианова И. С., Алоэ С. Коллекция А. Г. Достоевской: автографы на итальянском языке // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 1. С. 99–123 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649505818.pdf (21.09.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6021
2. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Примечания // *Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917*. М.: Бослен, 2015. С. 692–765.
3. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. 544 с.
4. Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М. А. П. Созонович — мемуаристка и общественная деятельница // *Тюменский край и писатели XVII–XIX веков*. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 68–77.
5. Бойчук Л. Л. Вступительная статья: [из переписки М. И. Муравьева-Апостола с А. П. Созонович; два письма А. П. Созонович к Н. В. Баснину] // *Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах*. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. [Т. 16]. С. 564–569 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rag/rag-5642.htm> (21.09.2022).
6. Евангелие Ф. М. Достоевского: в 3 т. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://denismc.beget.tech/book3.html#1> (21.09.2022).
7. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // *Неизвестный Достоевский*. 2015. № 2. С. 44–53 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (21.09.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464
8. Коган Г. Забытый роман XIX в. в творческих исканиях Достоевского // *Достоевский и мировая культура: альманах*. 1993. № 1. Ч. II. С. 92–105.
9. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. «...Когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге»: Достоевский в Тобольске 9–20 января 1850 г. // *Неизвестный Достоевский*. 2021. Т. 8. № 3. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633523128.pdf (21.09.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503
10. Новолодская-Панфилова Е. Сибирская семья декабриста // *Ялutorовская жизнь*. 2017. № 49 (14842). 27 апреля. С. 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://tyumedia.ru/i/f/900/208900/49.pdf> (21.09.2022).
11. Рабкина Н. А. Версия и документ // *Прометей: альманах*. М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 3. С. 122–133 [Электронный ресурс]. URL: <https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5956&p=2> (21.09.2022).
12. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса и адресаты Достоевского (К проблеме краеведческого комментирования адресных записей писателя) // *Неизвестный Достоевский*. 2017. № 4. С. 90–140 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (21.09.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361

References

1. Andrianova I. S., Aloe S. Autographs in Italian: Anna Dostoevskaya's Collection. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 99–123. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649505818.pdf (accessed on September 21, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.6021 (In Russ.)
2. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. Notes. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. 1846–1917 [Dostoevskaya A. G. Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015, pp. 692–765. (In Russ.)

3. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [Encyclopedic Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Ambience": in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2. 544 p. (In Russ.)
4. Bespalova L. G., Bespalova Yu. M. A. P. Sozonovich Is a Memoirist and a Social Activist. In: *Tyumenskiy kray i pisateli XVII–XIX vekov* [Tyumen Region and Writers of the 17th–19th Centuries]. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1998, pp. 68–77. (In Russ.)
5. Boychuk L. L. Introductory Article: from the Correspondence of M. I. Muravyov-Apostol with A. P. Sozonovich; Two Letters from A. P. Sozonovich to N. V. Basnin. In: *Rossiyskiy Arkhiv: istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh* [Russian Archive: History of the Fatherland in the Testimonies and Documents of the 18th–20th Centuries: Almanac]. Moscow, Studiya TRITE Publ., Rossiyskiy Arkhiv Publ., 2007, vol. 16, pp. 564–569. Available at: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rag/rag-5642.htm> (accessed on September 21, 2022). (In Russ.)
6. *Evangelie F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Gospel of Dostoevsky: in 3 Vols]. Tobolsk, Vozrozhdenie Tobol'ska Publ., 2017. Available at: <http://deniskmc.beget.tech/book3.html#1> (accessed on September 21, 2022). (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on September 21, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
8. Kogan G. Forgotten Novel of the 19th Century in the Creative Searches of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac], 1993, no. 1, part 2, pp. 92–105. (In Russ.)
9. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. "...As We Were Awaiting Our Future Fate in Prison": Dostoevsky in Tobolsk on January 9–20, 1850. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 3, pp. 5–30. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1633523128.pdf (accessed on September 21, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5503 (In Russ.)
10. Novolodskaya-Panfilova E. Siberian Family of the Decembrist. In: *Yalutorovskaya zhizn'*, 2017, no. 49 (14842), 27 April, p. 6. Available at: <https://tyumedia.ru/i/f/900/208900/49.pdf> (accessed on September 21, 2022). (In Russ.)
11. Rabkina N. A. Version and Document. In: *Prometey: al'manakh* [Prometheus: Almanac]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1967, vol. 3, pp. 122–133. Available at: <https://d1825.ru/viewtopic.php?id=5956&p=2> (accessed on September 21, 2022). (In Russ.)
12. Tikhomirov B. N. St. Petersburg Addresses and Dostoevsky's Addressees (On the Problem of Regional Commentaries on Address Books of the Writer). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2017, no. 4, pp. 90–140. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514461706.pdf (accessed on September 21, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3361 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Андреанова Ирина Святославовна, кандидат филологических наук, руководитель Международного центра изучения Достоевского Института филологии, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Irina S. Andrianova, PhD (Philology), Head of the International Center for the Study of Dostoevsky, Associate Professor of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5663-9140>; e-mail: yarysheva@yandex.ru.

Вяль Елена Николаевна, специалист Международного центра изучения Достоевского Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); e-mail: muzi37@mail.ru.

Elena N. Vial, Specialist of the International Center for the Study of Dostoevsky, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, 185910, Russian Federation); e-mail: muzi37@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 21.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6381

EDN: UEPBXF

**Перевод как решение проблем текстологии
(из опыта перевода воспоминаний А. Г. Достоевской
на испанский язык)**

А. Гонсалес

Университет Буэнос-Айреса

(г. Буэнос-Айрес, Аргентина)

e-mail: alexgon80@hotmail.com

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты работы над переводом полного издания воспоминаний А. Г. Достоевской на испанский язык, который выйдет в 2023 г. в Мадриде. Работа над ним велась в 2022 г. на основе русскоязычного издания, вышедшего в 2015 г. в издательстве «Бослен» под редакцией И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. Советские издания этого текста не являются полными. На испанский язык воспоминания жены писателя переводились лишь однажды: издание вышло в 1978 г. в Буэнос-Айресе и было переиздано в 2021 г. в Мадриде. Однако оно изобилует сокращениями и является вторичным переводом: его источником является не издание на русском языке, а перевод на итальянский язык. Эти обстоятельства, несомненно, искажают текст мемуаров А. Г. Достоевской для испаноязычных читателей. Редакторы российского издания 2015 г. провели тщательную текстологическую экспертизу белого автографа мемуаров жены писателя. Однако в процессе его перевода удалось уточнить и прокомментировать некоторые особенности текста, выявить ошибки памяти («Эренбрейтштейн» вместо необходимого «Эберштайнбург» и др.) и возможные опiski автора воспоминаний. Первый полный перевод мемуаров жены Достоевского на испанский язык рождался в плотном сотрудничестве переводчика и редакторов-составителей русскоязычного издания 2015 г.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, воспоминания, мемуары, перевод, испанский язык, текстология, автограф, рукопись, редактор

Для цитирования: Гонсалес А. Перевод как решение проблем текстологии (из опыта перевода воспоминаний А. Г. Достоевской на испанский язык) // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 148–158. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6381. EDN: UEPBXF

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6381

EDN: UEPBXF

**Translation as a Solution to Textual Problems
(from the Experience of Translating
the Memoirs of A. G. Dostoevskaya into Spanish)**

Alejandro A. González

*University of Buenos Aires
(Buenos Aires, Argentina)*

e-mail: alexgon80@hotmail.com

Abstract. The article presents some results of the work on the translation of the complete edition of A. G. Dostoevskaya's memoirs into Spanish, which will be published in Madrid in 2023. This work was carried out in 2022 based on a Russian-language edition published in 2015 by the Boslen publishing house and edited by I. S. Andrianova and B. N. Tikhomirov. The Soviet editions of this text are not complete. The memoirs of the writer's wife were translated into Spanish only once: the publication was published in 1978 in Buenos Aires and republished in 2021 in Madrid. However, it is replete with abbreviations and is a secondary translation: its source is not the original publication in Russian, but its translation into Italian. These circumstances undoubtedly distort the text of A. G. Dostoevskaya's memoirs for Spanish-speaking readers. The editors of the 2015 Russian edition conducted a thorough textual examination of the white autograph of the memoirs of the writer's wife. However, in the process of its translation, it was possible to clarify and comment on certain features of the text, to identify memory errors ("Ehrenbreitstein" instead of the correct "Ebersteinburg," etc.) and possible typos of the memoirs' author. The first complete translation of Dostoevsky's wife's memoirs into Spanish was born in close cooperation between the translator and the editors/compiler of the 2015 Russian-language edition.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, memoirs, translation, Spanish, textology, autograph, manuscript, editor

For citation: González A. Translation as a Solution to Textual Problems (from the Experience of Translating the Memoirs of A. G. Dostoevskaya into Spanish). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 148–158. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6381. EDN: UEPBXF (In Russ.)

.....

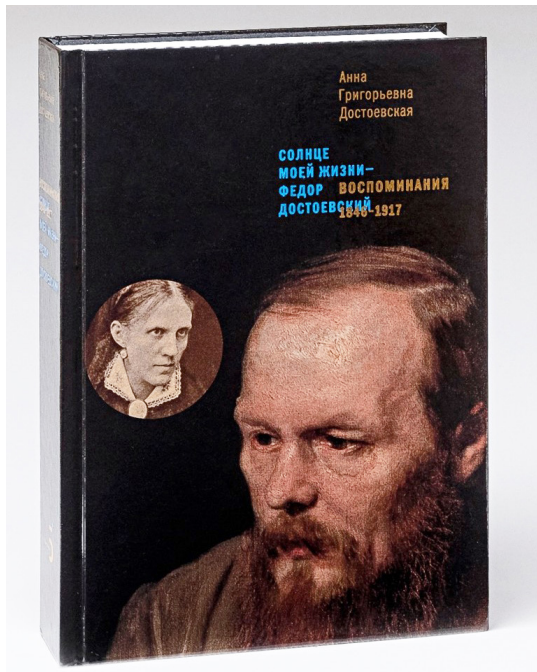
Воспоминания о жизни супругов Достоевских являются главным литературным трудом спутницы великого писателя. Над этой рукописью, повествуя о событиях 1846–1911 гг., А. Г. Достоевская работала с 1911 по начало 1917 г. Однако до 2015 г. читателям не был известен полный текст мемуаров. Существовавшие издания содержали центральную и важнейшую часть воспоминаний — от первой встречи писателя и стенографистки осенью 1866 г. до его смерти и похорон в январе 1881 г. Лишь некоторые главы, посвященные жизни мемуаристки до замужества и после смерти Достоевского, публиковались в различных периодических и непериодических изданиях¹.

В 2015 г. появилось полное издание воспоминаний А. Г. Достоевской на русском языке. Оно было выпущено московским издательством «Бослен» и подготовлено после тщательной текстологической экспертизы рукописи И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомировым. Это издание содержит обстоятельную вступительную статью «Любить Достоевского: Анна Григорьевна Достоевская и ее воспоминания», снабжено многочисленными редакторскими примечаниями, которые предлагают читателю ценную контекстуальную информацию о событиях, людях и местах, упомянутых автором. В результате такой скрупулезной работы редакторов у читателя складывается полная картина исторической эпохи, в которой жил и творил Достоевский, появляется представление о материальных трудностях супругов Достоевских, о местах, посещенных ими за границей и в России, о быте в Старой Руссе, об отношениях писателя к людям, встречавшимся на его жизненном пути, и т. д. Дополняют это объемное издание приложение с обзором жизни А. Г. Достоевской в мемуарах, письмах и документах и обширный набор иллюстраций и фотографий как Достоевских, так и людей и мест, связанных с ними.

Итак, отличительная черта последнего по времени издания воспоминаний жены Достоевского — его полнота. Как пишут сами редакторы, «существующие на сегодняшний день издания выходили с сокращениями: в них отсутствует большинство глав, посвященных жизни и деятельности Анны Григорьевны после смерти Достоевского. Некоторые страницы, например повествующие о знакомстве писателя с Великими князьями, о посещении по приглашению Императора Александра II Зимнего дворца, исключались в изданиях 1980-х гг. по идеологическим соображениям. Имели место и мелкие цензурные изъятия текста. В настоящем издании впервые мемуары жены Достоевского публикуются в полном объеме: личность и судьба Анны Григорьевны Достоевской не оставят равнодушными читателей, любящих

¹ Из периодических: сб. «Книга. Исследования и материалы», журнал «Красный архив» и некот. др. Из непериодических: Достоевская А. Г. Воспоминания / под ред. Л. П. Гроссмана. М.; Л.: Госиздат, 1925; Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. М.: Худож. лит., 1971 (2-е изд. — М., 1981; 3-е изд. — М., 1987); Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Тихомирова и И. С. Ярышевой. СПб.: Азбука, 2010.

творчество великого русского писателя Федора Достоевского» [Андрианова, Тихомиров: 39]. Из этого следует, что данное издание мемуаров на сегодняшний день является единственным надежным и полным источником для перевода текста на другие языки мира.

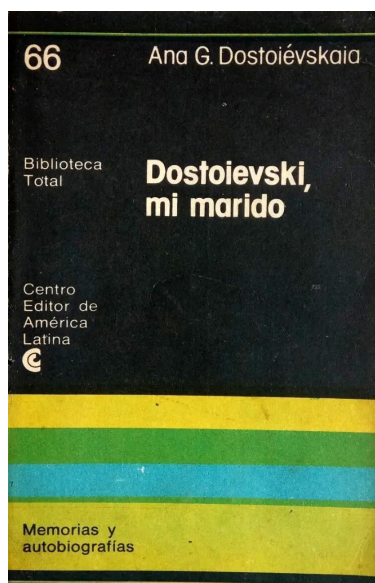
Илл. 1. Первое полное издание воспоминаний А. Г. Достоевской (М.: Бослен, 2015)

Fig. 1. The first complete edition of the memoirs of A. G. Dostoevskaya (Moscow, Boslen Publ., 2015)

Воспоминания А. Г. Достоевской публиковались на многих языках в 1920–1970-е гг. Но поскольку все переводы были сделаны на базе предыдущих изданий, то можно безошибочно заявить, что до сих пор не выходило в свет ни одного полного издания этих мемуаров на ином языке, кроме русского. Другими словами, только те переводы воспоминаний жены Достоевского, которые возьмут в качестве источника данное российское издание 2015 г., смогут считаться полными.

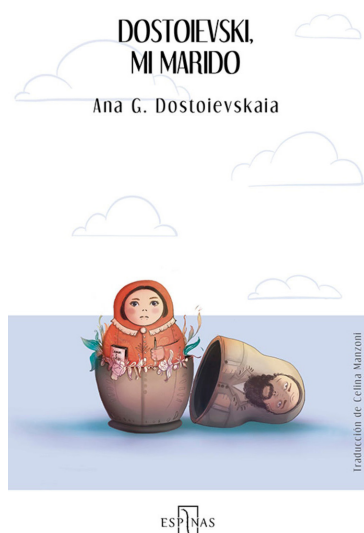
Волею судеб в 2021 г. я стал первым переводчиком этого издания воспоминаний и в данной статье поделюсь своими текстологическими наблюдениями. Однако прежде следует сказать несколько слов о судьбе мемуаров А. Г. Достоевской в испаноязычном мире, так как это позволит читателям понять всю важность нового перевода, который можно смело назвать издательским событием.

На испанский язык мемуары жены великого писателя были переведены только однажды. Книга “Ana G. Dostoiévskaja. Dostoiévski, mi marido” вышла в 1978 г. в издательстве “Centro Editor de América Latina” в Буэнос-Айресе. К сожалению, она представляет собой перевод с перевода: переводилось не русскоязычное издание, а издание на итальянском языке «Dostoevskij, mio marito. Il privato di un genio» (Milano, Bompiani, 1977), содержащее огромные купюры и сокращения (неслучайно в нем всего 283 страницы). В этом смысле судьба воспоминаний А. Г. Достоевской на испанском языке до последнего времени была довольно печальной: прямых переводов, хотя бы с неполных советских изданий, не существовало вообще. Тем не менее книга оказалась востребованной, и этот единственный перевод на испанский язык был вновь выпущен в конце 2021 г. мадридским издателем “Espinás”. Книга охватывает, и то не в полном объеме, только период с 1866 по 1881 г. (период знакомства и жизни мемуаристки с Ф. М. Достоевским); из нее исключены примечания самой А. Г. Достоевской, которые она делала в рукописи; отсутствуют и редакторские примечания, необходимые для понимания текста.

Илл. 2. Аргентинское издание воспоминаний А. Г. Достоевской (1978)

Fig. 2. Argentine edition of the memoirs of A. G. Dostoevskaya (1978)

Илл. 3. Испанское издание воспоминаний А. Г. Достоевской (2021)

Fig. 3. Spain edition of the memoirs of A. G. Dostoevskaya (2021)

² «Анна Г. Достоевская. Достоевский, мой муж» (исп.).

Узнав, что в 2015 г. было опубликовано издание воспоминаний жены Достоевского в полном объеме на русском языке, я сразу понял, что его непременно надо перевести на испанский. По всему вышесказанному нетрудно догадаться, что среди испаноговорящих читателей не было даже представления о том, чем на самом деле являются воспоминания Анны Григорьевны, насколько они важны для познания биографии великого писателя и для понимания некоторых моментов его художественного мира. Не говоря уже о том, насколько они освещают жизнь самой мемуаристки и помощницы гения, ее вклад в сохранение и распространение литературного наследия мужа.

После того как определилось издательство, я приступил к труду над переводом. И можно сказать, что, в отличие от большинства случаев из моего опыта подготовки переводов, воспоминания А. Г. Достоевской я переводил не один. Постоянное сотрудничество с редакторами российского издания очень помогло мне во время работы и, безусловно, положительным образом сказалось на качестве перевода и примечаний.

По моим наблюдениям, перевод одновременно очень хорошо способствует уточнению текста, с которого он делается. Для этого подчас даже требуется новое обращение к рукописи, по которой готовилось оригинальное издание. Так, приступив к переводу описаний мест Баден-Бадена, которые посетили молодожены Достоевские во время заграничного путешествия, в российском издании я прочитал следующие слова Анны Григорьевны:

«Любимейшая прогулка наша была в Neues Schloß — Новый замок, а оттуда по прелестным лесистым тропинкам в Старый замок, где мы непременно пили молоко или кофе. Ходили и в дальний замок Эренбрейтштейн (верст восемь от Бадена) и там обедали и возвращались уже при закате солнца»³.

На первый взгляд, в этой фразе все кажется правильным лексически, грамматически, синтаксически. Однако, когда я искал название «Эренбрейтштейн», чтобы выяснить его написание латинскими буквами (Ehrenbreitstein), выяснилось, что данное место, крепость на высоком холме на правом берегу Рейна, находится от Баден-Бадена в 243 километрах (!) — на невероятном расстоянии, которое никак не могли пройти пешком супруги. Изучая окрестности Баден-Бадена, я нашел поселок Эберштайнбург (Ebersteinburg), расположенный в 3 км от центра города, в горах на высоте 460 м между долинами рек Оос и Мург, над долиной Рейна, с видом на Шварцвальд, Вогезы и Пфальц. Это древнее поселение, первые упоминания о котором относятся

³ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. С. 217. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

к 1085 г., а сделанные здесь исторические находки восходят к кельтам⁴. Могла ли мемуаристка просто перепутать одно название с другим?

То, что мои сомнения оправданны, подтвердили редакторы российского издания мемуаров. Б. Н. Тихомиров сообщил, что действительно, Анна Григорьевна в мемуарах ошиблась с названием места, тогда как в своем стенографическом дневнике 1867 г. указала его правильно и описала подъем в горы:

«Когда мы осмотрели замок, то мне пришло в голову отправиться в **Ebersteinburg**, который отсюда находится недалеко. Но дороги мы не знали, поэтому мы вышли из других ворот замка и пошли к камню, где была надпись: “Auf de Felsen”⁵. Мы пошли по очень старинной маленькой лестнице, по которой было очень трудно идти, потому что камни падали под ногами, но мы шли под руку <...>. По этим ступенькам мы взошли к какому-то зданию; вероятно, это было вроде крепости, потому что тут, на скале, находится старинного устройства стена; потом мы поднимались все выше и выше, и оттуда открылся нам великолепнейший вид. <...> Скалы, по которым мы шли, были порфиновые, того самого камня, из которого сделана ваза в Летнем саду, но, разумеется, здесь не в отделанном виде. Мы поднимались все выше и выше и под конец потеряли дорожку, так что и решились возвратиться назад» (выделено мной. — А. Г.)⁶.

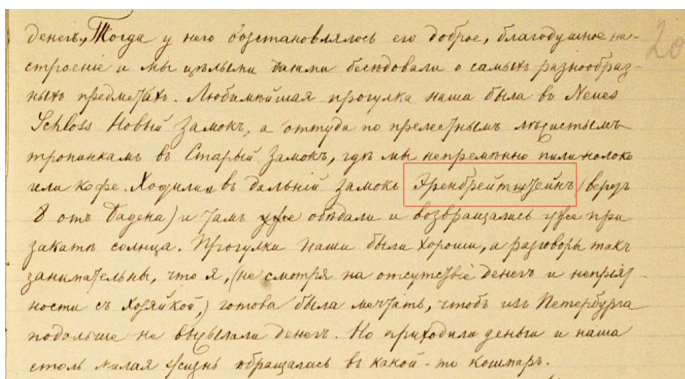
При этом, как уточнила И. С. Андрианова, в беловом автографе воспоминаний⁷, название написано тоже как “Ehrenbreitstein” («Эренбрейтштейн»). Следовательно, это была аберрация памяти автора, а не ошибка набора рукописи. Благодаря такому тщательному подходу нам удалось избежать ошибок в испанском переводе.

⁴ Ebersteinburg die Sonnenterrasse Baden-Badens [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebersteinburg.de/index.php> (17.08.2022).

⁵ На скалы (нем.).

⁶ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М.: Наука, 1993. С. 166.

⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 93. III. 1. 1. 792 л.

Илл. 4. Фрагмент рукописи воспоминаний А. Г. Достоевской с записью «Эренбрейтштейн»

Fig. 4. A fragment of the manuscript of the memoirs of A. G. Dostoevskaya with the entry "Ehrenbreitstein"

Илл. 5. «Руины Эберштайнбурга близ Бадена». Гравюра на стали. Около 1850 г.⁸

Fig. 5. "The ruins of Ebersteinburg near Baden". Steel engraving. Around 1850

Приведем другой пример из воспоминаний А. Г. Достоевской:

«Обычно Федор Михайлович прямо диктовал роман по рукописи. Но если он был доволен своею работою или сомневался в ней, то он прежде диктовки прочитывал мне всю главу за раз. Получалось более сильное впечатление, чем при обыкновенной диктовке» (322).

⁸ Использовано изображение, опубликованное в Интернет-магазине графики, картин и книг для любознательных исследователей и опытных коллекционеров Kunstfreund (The image used was published in the online shop for graphics, paintings and books for curious researchers and experienced collectors Kunstfreund) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kunstfreund.eu/Ebersteinburg-Baden-Baden-Ansicht-der-Ruine-Ruine-Ebersteinburg-bei-Baden> (17.08.2022).

Здесь логика фразы, вероятно, требует слова «недоволен»: «Но если он был <не>доволен своею работою или сомневался в ней...». Однако редакторы русскоязычного издания подтвердили, что в автографе так и написано, — описка это Достоевской или нет, остается неизвестным. Возник вопрос: оставить все так или «вторгнуться» в авторский текст и поменять слово на противоположное по значению, применив конъектуру: «<не>доволен»? Пришлось принимать решение переводчика и оставить, как у автора, сделав сноску внизу страницы, где предложить читателю оба варианта прочтения: «Возможно, Анна Григорьевна имела в виду “недоволен”...».

И. С. Андрианова и Б. Н. Тихомиров помогали мне не только как редакторы издания воспоминаний А. Г. Достоевской, но и как носители русского языка. К примеру, в тексте жены писателя читаем:

«Дело было так: в зиму 1870 года был назначен аукцион обстановки и вещей какой-то умершей немецкой герцогини. Продавались бриллианты, платья, белье, меха и проч., и залы ее отеля были переполнены публикой» (243).

В испанском языке нет такого общего слова как «белье» в русском, используемого для называния одновременно и предметов нижней одежды, и постельных и столовых принадлежностей из ткани. Это слово, образованное от прилагательного «белый», «является исконно русским и употребляется только в русском языке»⁹. Нам же, испаноговорящим, нужно уточнить, о каком белье идет речь: нижнем (“ropa interior”), столовом (“mantelería”), постельном (“ropa de cama”) — для каждого свое слово. Я принял решение перевести «белье» в данном отрывке воспоминаний Достоевской как “ropa de cama” — «постельное белье».

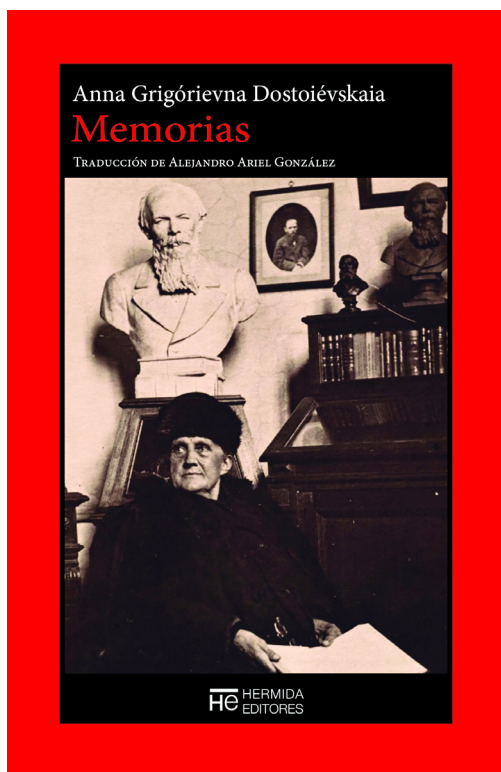
Однако в некоторых случаях мне как переводчику было просто невозможно принять решение по комментированию текста. Так, мемуаристка записала, что почитатели Достоевского пожертвовали на надгробный памятник ему 3 241 рубль и что само сооружение монумента обошлось в 3 326 рублей 95 копеек (494). При этом в начале текста следующей главы («Школа имени Ф. М. Достоевского») она указала, что у профессора О. Ф. Миллера, помогавшего ей с организацией памятника, осталось около 3 000 рублей из всех расходов (495). Откуда взялись эти 3 000 рублей? Может быть, почитатели Достоевского пожертвовали не 3 241 рубль, а 5 241? Вновь редакторы по моей просьбе обратились к рукописи, и в ней действительно оказалось указано 3 241 рубля. Пришлось оставить, как у автора воспоминаний, и без комментария.

Из всех редакторских примечаний российского издания я выбрал для перевода самые содержательные для испаноговорящего читателя, который живет в других культурных, социальных и географических координатах. Включая примечания переводчика, общий объем примечаний составляет 447 единиц.

⁹ Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: Юнвес, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text15/005.htm#%D0%B7_18 (17.08.2022).

Что же касается структуры текста, то испанское издание несколько отличается от русского. Как мне представлялось, публикация первой полной версии воспоминаний А. Г. Достоевской предоставила уникальную возможность включить в книгу в качестве приложения примечания жены писателя к его сочинениям. Этот материал публиковался на русском (см.: [Гроссман], [Панюкова, 2016а, 2016b]), но никогда раньше не издавался на испанском языке.

Итак, в наступающем 2023 г. в Мадриде увидит свет первое полное за пределами России издание воспоминаний А. Г. Достоевской. Объем текста — 890 страниц (оно не включает иллюстраций и фотографий) — превысил объем издания 2015 г. Этот перевод не мог бы появиться без коллективной работы переводчика и редакторов-составителей российского издания.

Илл. 6. Обложка воспоминаний А. Г. Достоевской в переводе на испанский язык (2023)

Fig. 6. Cover of the memoirs of A. G. Dostoevskaya translated into Spanish (2023)

Список литературы

1. Андрианова И. С., Тихомиров Б. Н. Любить Достоевского: Анна Григорьевна Достоевская и ее воспоминания // Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1918. М.: Бослен, 2015. С. 10–39.
2. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому: материалы, библиография и комментарии. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1922. 118 с.
3. Панюкова Т. В. Примечания А. Г. Достоевской к произведениям Ф. М. Достоевского (две редакции) // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2. С. 70–80 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1471945236.pdf (17.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2725 (a)
4. [Панюкова Т. В.] Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского / публ. и примеч. Т. В. Панюковой // Неизвестный Достоевский. 2016. Т. 3. № 2. С. 81–137 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (17.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741 (b)

References

1. Andrianova I. S., Tikhomirov B. N. Loving Dostoevsky: Anna Grigorievna Dostoevskaya and Her Memoirs. In: *Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. 1846–1918* [Dostoevskaya A. G. Memoirs. 1846–1918]. Moscow, Boslen Publ., 2015, pp. 10–39. (In Russ.)
2. Grossman L. P. *Seminariy po Dostoevskomu: materialy, bibliografiya i kommentarii* [Seminary on Dostoevsky: Materials, Bibliography and Comments]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 118 p. (In Russ.)
3. Panyukova T. V. The Notes of A. G. Dostoevskaya to Literary Works of F. M. Dostoevsky (Two Editions). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 70–80. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1471945236.pdf (accessed on August 17, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2725 (In Russ.) (a)
4. Panyukova T. V. Notes A. G. Dostoevskaya to Compositions F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 81–137. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1468928687.pdf (accessed on August 17, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2016.2741 (In Russ.) (b)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гонсалес Алехандро Ариель, независимый исследователь, переводчик, Университет Буэнос-Айреса (г. Буэнос-Айрес, Аргентина); **Alejandro A. González**, Independent Researcher, Translator, University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8808-8251>; e-mail: alexgon80@hotmail.com.

Поступила в редакцию / Received 11.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.11.2022

Принята к публикации / Accepted 20.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6321

EDN: ZUDAXB

**Достоевский и Аполлон Григорьев
(художественные воплощения, трансформация
и переоценка русского почвенничества)**

С. А. Кибальник

Институт русской литературы (Пушкинский Дом),

Российская академия наук

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Аннотация. В статье развита гипотеза известного исследователя творчества Достоевского и Ап. Григорьева Б. Ф. Егорова о том, что некоторые реплики и черты характера Мити Карамазова «напоминают григорьевские», а также рассмотрено предположение В. А. Туниманова о близости художественных натур этих двух писателей. Автор статьи сформулировал гипотезы о наличии в творчестве Достоевского и других — как серьезных, так и карикатурных — отзвуков личности Григорьева. Особое внимание уделено характеру проблематизации и даже опровержения «почвенничества» в позднем творчестве Достоевского. Так, в «Братьях Карамазовых» почвенничество опровергается как образом Дмитрия Карамазова, так и всем строем романа. Окончательное разоблачение общественно-политических иллюзий в отношении если не русского народа, то русского крестьянства было дано уже не Достоевским, а его ближайшим «тайным учеником» и одновременно «опровергателем» Чеховым (и вслед за ним Буниным). Достоевский до конца жизни сохранял родство с Григорьевым в своей приверженности идеалу «живой жизни», который звучит как в пламенных декларациях «смешного человека», так и в умудренных житейским опытом заветах старца Зосимы, а также в верности «народной правде», открытой Григорьевым в творениях Пушкина.

Ключевые слова: Достоевский, Аполлон Григорьев, Братья Карамазовы, Дмитрий Карамазов, прототип, почвенничество

Для цитирования: Кибальник С. А. Достоевский и Аполлон Григорьев (художественные воплощения, трансформация и переоценка русского почвенничества) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 159–170. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6321. EDN: ZUDAXB

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6321

EDN: ZUDAXB

**Dostoevsky and Apollon Grigoryev
(Artistic Incarnations, Transformation and Reassessment
of Russian “Pochvennichestvo”)**

Sergey A. Kibalnik

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),

Russian Academy of Sciences

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article develops the hypothesis set forth by Boris Egorov, a famous researcher of the work of Dostoevsky and Ap. Grigoriev, which claims that “some of the remarks and character traits of Mitya Karamazov are reminiscent of Grigoriev’s,” and also considers the assumption made by Vladimir Tunimanov about “closeness, partially turning into congeniality” of the “artistic natures of the two principal writers of the soil.” The presence in the work of Dostoevsky of other echoes or “shadows” of Grigoriev’s personality, both serious and caricature, is also discussed. Particular attention is paid to the nature of the problematization and even refutation of “pochvennichestvo” in Dostoevsky’s late works. Thus, in “The Brothers Karamazov,” “pochvennichestvo” is more likely to be refuted, both in the image of Dmitry Karamazov and in the whole structure of the novel. The socio-political illusions regarding if not the Russian people, then at least the Russian peasantry, have already been ultimately exposed, not by Dostoevsky, but by his closest “secret student” and at the same time, as is typical for such cases, by the debunker Chekhov (and subsequently by Bunin). Dostoevsky maintained a closeness to Grigoriev until the end of his life in his commitment to the ideal of “living life,” which resounds both in the fiery declarations of the “ridiculous man,” and in the wise precepts of the elder Zosima, as well as loyalty to the “people’s truth” discovered by Grigoriev in the works of Pushkin.

Keywords: Dostoevsky, Apollon Grigoriev, The Brothers Karamazov, Dmitry Karamazov, prototype, pochvennichestvo

For citation: Kibalnik S. A. Dostoevsky and Apollon Grigoryev (Artistic Incarnations, Transformation and Reassessment of Russian “Pochvennichestvo”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 159–170. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6321. EDN: ZUDAXB (In Russ.)

.....

1

В статье «Судьба Аполлона Григорьева» Александр Блок назвал этого русского поэта и критика «буйным, благородным и страждущим юношей с душою Дмитрия Карамазова» [Блок: 496]. Впоследствии Б. Ф. Егоров, как и полагается исследователю, обратил внимание на оборотную сторону блоковского наблюдения: «...некоторые реплики и черты характера Мити Карамазова у Достоевского напоминают григорьевские» [Егоров: 6].

В. А. Туниманов поставил вопрос более широко: о «близости, частично переходящей в конгениальность» самих «художественных натур двух крупнейших литераторов-почвенников» [Туниманов: 38]. Близость эта предопределила, по Туниманову, «эстетико-идеологическое родство многих суждений, сопоставлений и выводов А. Григорьева и Ф. Достоевского», обусловленное «общими философско-эстетическими принципами анализа явлений жизни и литературы, единых критериях (или "критериумах", как писал Григорьев), среди которых особенно важны два, теснейшим образом связанные — "живой жизни" и "народности", составившие фундамент, "аксиоматику" почвенничества» [Туниманов: 47].

Развивая этот подход, С. Н. Носов рассматривал вопрос о сходстве с Аполлоном Григорьевым не только образа Дмитрия Карамазова, но и героев Достоевского вообще: «В представлениях о человеческой судьбе, подвластной лишь воле осознаваемого как влекущая сила "рока", Ап. Григорьев был близок героям Достоевского, действительно жил теми "роковыми страстями", мучился теми "высшими идеями", которыми жили и мучались герои Достоевского. Даже ежедневная, будничная жизнь Григорьева в своей сумбурности и лихорадочности нередко достигала той почти **фантастической накаленности, стремительности психологических коллизий и перемен**, которая стала отличительной чертой романов Достоевского. Идеальная любовь к Л. Я. Визард, подлинно "фатальная" мучительная страсть к М. А. Дубровской, **бесконечно тяжелые отношения с отцом**¹, неспособность побороть губительное пристрастие к алкоголю, отчаянные попытки склеить из "лоскутков" славянофильства, западничества, шеллингианства и собственных "темных" прозрений новое органическое мировидение, бегство от долгов и жизненных неурядиц сначала в чуждую русской натуре Григорьева жаркую и солнечную Италию, затем в далекий провинциальный Оренбург, ссоры с друзьями и единомышленниками, разочарования, "загулы души", новые надежды и бурная журналистская деятельность — таков пунктир жизни Григорьева, столь напоминающий даже чисто внешне драматическое разворачивание сюжета "Братьев Карамазовых"» [Носов, 1988: 58].

¹ Здесь и далее в цитатах выделено нами. — С. К.

2

Предположение автора первой постсоветской биографии Григорьева С. Н. Носова (см.: [Носов, 1990]) о сходстве некоторых моментов жизненного пути поэта с сюжетом «Братьев Карамазовых» все же представляется преувеличением. Зато отмеченная им принадлежность и Григорьева, и Дмитрия Карамазова к одному психотипу: натурам «сумбурным и лихорадочным» — очевидна и требует развития.

И Григорьев, и Карамазов были людьми неуравновешенными, склонными к запоям, «роковым» любовным увлечениям и даже подвергались тюремному заключению. Как люди искренние и увлекающиеся, они страстно влюблялись, были привержены «цыганщине», ценили поэзию (у Дмитрия эта последняя черта явлена в его склонности к декламированию чужих поэтических произведений), глубоко страдали и приходили к новым убеждениям через сильные переживания.

Подобное восприятие личности Григорьева Достоевским удостоверяют его отзывы о нем:

«...один из русских Гамлетов нашего времени (настоящих Гамлетов)»;
«Григорьев был бесспорный и страстный поэт; но он **был и капризен и порывист как страстный поэт**»;
«Григорьев не мог бы ужиться вполне спокойно ни в одной редакции в мире»;
«Может быть, из всех своих современников он был **наиболее русский человек как натура** (не говорю — как идеал; это разумеется)»².

Между тем о Дмитрие Карамазове отец его, Федор Павлович, после первой встречи с ним «вывел лишь, что молодой человек легкомыслен, буен, со страстями, нетерпелив, кутила» (Д30; т. 14: 12). И это впечатление не противоречит характеристике, данной ему повествователем: «...все знали или слышали о чрезвычайно тревожной и "кутящей" жизни, которой он именно в последнее время у нас предавался, равно как всем известно было и то необычайное раздражение, до которого он достиг в ссорах со своим отцом из-за спорных денег» (Д30; т. 14: 63).

Об этом же сходстве свидетельствуют параллели, имеющиеся в переписке Григорьева с Достоевским и в тексте романа. Так, Григорьев в письме, адресованном Н. Н. Страхову, следующим образом обращался к Достоевскому:

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 135–136. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

«Я горжусь тем, что во времена хандры и омерзения к российской словесности я способен пить мертвую, *нищать*ся — но не написать в жизнь свою ни одной строки, в которую бы я не верил **от искреннего сердца**...»³.

В то же время отдельная глава «Братьев Карамазовых», включающая исповедь Дмитрия Алеше, озаглавлена: «Исповедь **горячего сердца. В стихах**». В ней Дмитрий говорит, что «влюбиться можно и ненавидя», что он теперь «летит» и при этом «боится», но ему «сладко». Он то и дело цитирует Пушкина и Шиллера (ДЗ0; т. 14: 96–99) — поэтов, творчеству которых был отвержен Григорьев⁴ и любовную лирику которых сопоставлял в своей статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»⁵. И периодически рыдает, как григорьевский Виталин (см.: 297 и др.)⁶. Вместе с тем с самого начала в изображении Дмитрия видна критическая дистанция, выражающаяся уже в том, что следующие главы романа названы «Исповедь горячего сердца. В анекдотах» и «Исповедь горячего сердца. "Вверх ногами"» (ДЗ0; т. 14: 100–113).

Эту критическую дистанцию Достоевского по отношению к Григорьеву в целом верно наметил своим замечанием о **«разрушавшей, в сущности, его личность стихийности»** С. Н. Носов [Носов, 1988: 63]. Более развернуто он обозначил ее следующим образом: «Григорьев в конце концов, следуя логике своих стихийных стремлений и мятежной личной судьбы, **пришел к индивидуалистически окрашенному и в религиозно-мистическом свете осмысленному анархизму**. Достоевский же, погружаясь в глубины личностной психологии, в сферу подсознательного в человеческой душе, с тревогой осознал и отразил всю **деструктивность дремлющих в человеческой личности и готовых заявить о себе в ситуации "бунта" эгоистических и разрушительных инстинктов** и именно вследствие признания

³ Григорьев А. Письма / изд. подгот. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 1999. С. 267. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Письма* и указанием страницы в круглых скобках.

⁴ См.:

«...Поговорим, мой милый,
О Шиллере, о славе, о любви! —

сказал мне нынче Вольдемар, с тою редкою обаятельною улыбкою, за которую я забываю все пытки, какими он меня мучит» (Григорьев Ап. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 324). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

⁵ Сочинения Аполлона Григорьева. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1876. Т. 1. С. 280–281.

⁶ При этом в словах Дмитрия Карамазова отражаются строки из поэмы Ап. Григорьева «Вверх по Волге» (1862). См. об этом: [Криницын].

объективной силы и власти индивидуализма отказался от его апофеоза...» [Носов, 1988: 71]⁷.

В сюжете «Братьев Карамазовых» это находит выражение в том, что Дмитрий Карамазов, не будучи убийцей своего родного отца (отметим, что весьма напряженные отношения с отцом были и у Григорьева), лишь по чистой случайности не лишил жизни взрастившего его, как родного сына, Григория, которому нанес тяжелое ранение и оставил истекающего кровью. В тюрьме Дмитрий начинает испытывать какое-то универсальное сочувствие ко всему страждущему человечеству и обретает инстинктивную веру в русского человека и в Бога. И то, и другое находит обоснование в выше приведенных отзывах Достоевского о Григорьеве. Так что его острое переживание смерти поэта и так и не осуществившееся намерение написать о ней, отразившееся в подготовительных материалах к «Дневнику Писателя» (см.: Д30; т. 23: 182, 186; т. 24: 232, 235), в конечном итоге и выразилось, по-видимому, в образе Дмитрия Карамазова.

Очевидно, что сам Достоевский, передавший старшему из братьев Карамазовых значительную часть истории своих взаимоотношений с опекуном П. А. Карепиным по поводу доставшегося ему от отца наследства, был одним из прототипов Дмитрия. Учитывая то, что главным прототипом Ракитина, как было недавно мной показано, является Н. Н. Страхов, с которым у Достоевского действительно было немало скрытых разногласий (см.: [Кибальник, 2021a]), в образе Дмитрия Карамазова, напоминающего самого писателя в молодости, он вполне мог изобразить другого своего близкого соратника по журнальной деятельности первой половины 1860-х гг.

Кстати, в этом случае образ Дмитрия Карамазова оказывается в то же время внутренне полемичным по отношению к тургеневскому Лаврецкому, одним из основных прототипов которого послужил, как известно, сам Григорьев. Образом этим Достоевский как бы возражает Тургеневу: вот каков был в действительности Григорьев, а образ Лаврецкого, увы, представляет собой его поэтизацию Тургеневым.

3

Очевидно, стоит попытаться конкретизировать и вопрос о других если не прототипах, то «теньях» или отблесках личности Григорьева в творчестве Достоевского. Тем более что образу Дмитрия Карамазова как наиболее

⁷ Григорьеву казалось, например, «преступным перед совестью» «сжать живую силу в определения» (*Письма*: 172). Соответственно, ему была, по-видимому, чужда идея постепенного самовоспитания личности, выраженная Достоевским в емком утверждении: «...сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека. Тут дисциплина» (Д30; т. 25: 47). И в этом последнем различии, помимо теоретического «разномыслия», играла роль разная субъективно-личностная ориентированность: у Достоевского — на познание своего «я», познание человеческой души и обуздание ее «темных» стихий, у Григорьева — на предельное раскрепощение личностного «я», на слияние личностных стремлений со стихийными векторами времени.

яркому воплощению типа личности, если не разрушаемой, то доводимой до беды страстями, предшествовали у Достоевского предварительные подходы к его созданию.

Как показал И. З. Серман, на опровержении григорьевско-страховского деления людей на тех, что принадлежат к «хищному» типу, и тех, которые относятся к «смирному» типу, строятся образы Вельчанинова и Труссоцкого из «Вечного мужа» [Серман: 140–142]. В связи с этим могут быть поставлены и вопросы о таких героях Достоевского, как Лев Мышкин и даже Парфён Рогожин из романа «Идиот», а также Версиков и Аркадий Долгорукий из «Подростка».

Очевидно, что в каждом из них можно найти некоторые, достаточно сильно преломленные отражения личности и судьбы Григорьева. Так, настойчивое стремление Мышкина спасти Настасью Филипповну в общих чертах напоминает отношения Григорьева с Марией Дубровской. «Ты погибала без возврата, / А я мечтал тебя спасти», — писал об этом сам Григорьев в своей поэме «Вверх по Волге» (1862) (227). Соответственно, своей роковой влюбленностью в Настасью Филипповну он имеет отдаленное сходство с Рогожиным.

Кстати, имя этой героини Достоевского, быть может, отчасти навеяно одним флорентийским стихотворением Григорьева из цикла «Борьба»:

«Воображая важную картину,
Которую, наверное, найду;
Такую же, как и всегда и прежде,
А именно: **тревожный дух в Надежде**
Филипповне (сей первый дух забот —
Неутомливый дух самогрызенья)...» (122–123).

Аркадий Долгорукий в «Подростке», не будучи, в отличие от Григорьева, незаконнорожденным, сам объявляет себя таковым, глубоко переживая отсутствие формального отцовства Версикова по отношению к нему. В то же время долгий путь Версикова к браку со своей бывшей крепостной отдаленно напоминает гражданский брак Григорьева с Дубровской.

В творчестве Достоевского можно, впрочем, найти и более хронологически близкие к его общению с Григорьевым, и более вероятные отблески его личности. Одним из них нам представляется Дмитрий Разумихин. В этом герое в первую очередь справедливо усматривали черты характера горячо любимого брата Достоевского Михаила, бывшего на год старше него (см. об этом: [Викторович]). Однако некоторые свойства Разумихина: подверженность запоям и волокитство за женщинами из самых разных слоев общества — всё же имеют мало общего с М. М. Достоевским. Зато они прямо роднят его с Аполлоном Григорьевым.

Григорьев так же был погодком с Федором Достоевским, только родившимся на год позже писателя, а скончался он в том же, что и Михаил Достоевский, 1864 г. Причем это также отчасти произошло в связи с его напряженным и временами не лишенным драматизма участием в журнальных предприятиях братьев Достоевских.

Достоевский, несомненно, не переставал сожалеть по поводу утраты своего яркого соратника, у которого было больше всего данных для того, чтобы стать главным истолкователем творчества писателя (см., напр.: [Шульц]). С годами, тем не менее, он все более и более критически смотрел на личность поэта, отдельные черты которой явно были разрушительными.

Можно предположить, что со временем в связи с этим у него появились и еще более отдаленные, своего рода карикатурные, «отблески» личности Григорьева. Не исключено, что один из них даже представляет собой капитан Лебядкин. Его вопиюще мезальянская влюбленность в Лизавету Тушину и псевдопоэтические стихи имеют некоторые параллели как в неоднократных любовных неудачах Григорьева, так и в его отдельных неудачных, напрашивающихся на пародию стихотворных строках.

Например:

«Пусть вечно когти разгляжу,
Лишь подойду я близко.
Я по тебе с ума схожу,
Прелестный друг мой — киска!» (124–125).

Следующие довольно неказистые строки Григорьева:

«Отчего б не годилось,
Говоря примерно?
Значит, просто всё хоть брось...
Очень уж скверно!» (111) —

даже входят, между прочим, в его знаменитую «Цыганскую венгерку».

Отдаленно корреспондирует с Григорьевым (особенно если принять во внимание его пристрастие к игре на гитаре) и незаконнорожденный брат Карамазовых Смердяков. Своеобразный бунт Смердякова против сложившегося положения вещей в форме убийства отца Федора Павловича Карамазова и его самоубийство по отношению к безудержному бунтарству Григорьева, выразившемуся в конце концов в его смерти, которая также отчасти похожа на самоубийство⁸, — явления в известной степени аналогичные.

⁸ Будучи в который уже раз выкуплен из долгового отделения, Григорьев, уже неспособный вернуться к нормальной жизни, скончался от инсульта. См.: Григорьев Ап. Воспоминания / ред. и коммент. Иванова-Разумника. М.; Л.: Academia, 1930. С. 509. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Воспоминания* и указанием страницы в круглых скобках.

Разумеется, если хотя бы некоторые из этих наших предположений сколько-нибудь основательны, то все же необходимо оговориться и подчеркнуть, что эти «отблески» личности Григорьева в творчестве Достоевского имеют характер карикатуры. Причем связаны они не только и даже, может быть, далеко не в первую очередь с Григорьевым.

Эти предположения вряд ли и в дальнейшем могут быть подкреплены убедительными доказательствами. Высказывая их здесь, мы в полной мере сознаем их рискованность.

4

Так или иначе, все высказанные выше соображения в общем подтверждают суждения моих предшественников в освещении темы «Григорьев, Достоевский и почвенничество». С. Н. Носов писал об этом так: «...как Григорьев не мог уместить в "почвеннические" постулаты всю сложность своего как бы пульсирующего от приступов полного отчаяния к всплескам новой веры мирозерцания, так и для Достоевского вся многогранность взгляда на человека и мир, на потаенные мотивы стремлений и поступков человека лишь в высшей степени условно могла совпадать с идеей приверженности народной "почве". <...> Может быть, основной парадокс этих двух концепций, столь близких и столь разных, в том, что они были созданы в русле "почвенничества", во многом противореча в то же время основным "почвенническим" постулатам» [Носов, 1988: 62, 71].

Действительно, во многом опираясь на теоретическую разработку Григорьевым почвеннической идеологии, Достоевский вслед за последним все время проблематизировал ее в своем собственном творчестве. Так, в «Записках из Мертвого Дома» он показал, что если дворяне и захотят сблизиться с народной «почвой», то представители последней все равно никогда не примут их за «своих».

Правда, в «Записках из подполья» справедливо усматривают не только проблематизацию, но и развитие почвеннической идеологии, напоминая отдельные произведения самого Григорьева. По замечанию В. А. Туниманова, «"род", в котором Григорьев советовал писать Достоевскому, был ему, как критику-поэту и художнику, особенно близок: первая часть повести (метафизический бунт против Стены, философия и психология Подполья) многими чертами сродни бунту, "диалектическим коленцам" "ненужного человека" в "Безвыходном положении" и "Плачевных размышлениях"» [Туниманов: 46]. Стоит при этом отметить, что «народная правда», как она выражена в образе Лизы, как бы одерживающей в повести Достоевского моральную победу над «подпольным парадоксалистом», у самого Григорьева прямо никак не выражена.

Между тем в «Братьях Карамазовых» Достоевский развивает идеи уже не столько почвенничества, сколько «социального христианства». В отличие от многих предыдущих произведений, в которых он питал такие иллюзии,

на сей раз он показывает, что в России, как и на Западе, по-братски, увы, не в состоянии относиться друг к другу даже родные братья (см. об этом: [Кибальник, 2021b]). А почвенничество — как образом Дмитрия Карамазова, так и всем строем своего романа — он теперь, скорее, опровергает.

В своем последнем романе Достоевский показывает русских дворян ведущими себя так, что народ, вроде капитана Снегирева и его сына (пусть они и дворяне, но крайне обедневшие), может только чураться их. А сам этот народ настолько косный и неразвитый, что идеализировать его тоже не приходится. Об этом ярко свидетельствует образ Григория Кутузова, считавшего «драконом» собственного сына, родившегося шестипалым, и давшего убийственное для участи Дмитрия, но ни на чем, кроме его феноменального упрямства, не основанное показание о нем.

Возможно, впрочем, эта проблематизация или даже отступничество от почвенничества в «Братьях Карамазовых» представлены отчасти в «аполлоногригорьевском изводе». Ведь поэт также был далек от идеализации крестьянства и дворовых, а свои идеалы приобщения к народной «правде» и «живой жизни» связывал в основном с другими сословиями.

Единственное, в чем можно заметить своеобразную перекличку с «почвенничеством» в этом романе, это воплощенные в образе Дмитрия Карамазова надежды на обретение веры. Ведь сам Григорьев «силу» и «будущее» видел как раз в том, что «идеал еще расплывается в беспредельности, **что он только вера, вера в жизнь и в народ**» (*Воспоминания*: 356). Что, кстати сказать, роднит Достоевского не только с Григорьевым, но и с Ф. И. Тютчевым.

Окончательное разоблачение каких-либо иллюзий в отношении русского крестьянства было воплощено уже, однако, в творчестве не Достоевского, а А. П. Чехова — его ближайшего тайного «лучшего ученика» и одновременно, как водится в таких случаях, «опровергателя». В целом ряде своих произведений из жизни крестьянства, прежде всего в повестях «Мужики» (1897) и «В овраге» (1899), Чехов, кажется, окончательно покончил с тенденцией к идеализации русского крестьянства. Довершил это Бунин (повести «Деревня», 1910, «Суходол», 1912). А в современной русской культуре обширная и плодотворная традиция так называемой «деревенской прозы» венчается таким писателем, как, например, Роман Сенчин, окончательно порывающий с какими-либо почвенническими иллюзиями и доводящий до *pes plus ultra* чеховскую деидеализацию русского крестьянства.

Пожалуй, в чем Достоевский до конца жизни сохранил родство с Григорьевым, — это его приверженность идеалу «живой жизни», который звучит как в пламенных декларациях «смешного человека», так и в умудренных житейским опытом заветах старца Зосимы, а также верность «народной правде», открытой им в творениях Пушкина [Туниманов: 47].

Список литературы

1. Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. Т. 5. С. 487–522.
2. Викторovich В. А. «Были бы братья...»: М. М. Достоевский как прототип Разумихина // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 41–55.
3. Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — поэт, прозаик, критик // Григорьев Ап. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 5–28.
4. Кибальник С. А. Анти-Невроз. О том, как Н. Н. Страхов оклеветал Ф. М. Достоевского и почему эта клевета будет жить вечно? // Достоевский в медийном пространстве современной русской культуры: коллективная монография / отв. ред. С. А. Кибальник. СПб.: Петрополис, 2021. С. 56–84. (a)
5. Кибальник С. А. Философский интертекст творчества Достоевского. СПб.: Петрополис, 2021. С. 254–255. (b)
6. Криницын А. Б. Отражение поэзии Ап. Григорьева в прозе Достоевского // Достоевский и мировая культура: петербургский альманах. СПб., 2020. № 38. С. 127–129.
7. Носов С. Н. Проблема личности в мировоззрении Ап. Григорьева и Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 52–71.
8. Носов С. Н. Аполлон Григорьев: судьба и творчество. М.: Сов. писатель, 1990. 192 с.
9. Серман И. З. Достоевский и Ап. Григорьев // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 130–142.
10. Туниманов В. А. Ап. Григорьев в письмах и «Дневнике писателя» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 22–47.
11. Шульц С. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2020. Т. 65. № 1. С. 193–207. DOI: 10.1556/060.2020.00009

References

1. Blok A. A. The Fate of Apollon Grigoriev. In: *Blok A. A. Sobranie sochineniy: v 8 tomakh* [Blok A. A. Collected Works: in 8 Vols]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1962, vol. 5, pp. 487–522. (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. “If There Were Brothers...”: M. M. Dostoevsky as a Prototype of Razumikhin. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, vol. 22, pp. 41–55. (In Russ.)
3. Egorov B. F. Apollon Grigoriev — Poet, Prose Writer, Critic. In: *Grigor'ev Ap. Sochineniya: v 2 tomakh* [Grigoriev A. Writings: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 5–28. (In Russ.)
4. Kibal'nik S. A. Anti-Nevrozov. About How N. N. Strakhov Slandered F. M. Dostoevsky and Why This Slander Will Live Forever? In: *Dostoevskiy v mediynom prostranstve sovremennoy russkoy kul'tury* [Dostoevsky in the Media Space of Modern Russian Culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2021, pp. 56–84. (In Russ.) (a)
5. Kibal'nik S. A. *Filosofskiy intertekst tvorchestva Dostoevskogo* [Philosophical Intertext of Dostoevsky's Works]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2021, pp. 254–255. (In Russ.) (b)
6. Krinitsyn A. B. Reflection of the Poetry of Ap. Grigoriev in Dostoevsky's Prose. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: peterburgskiy al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Petersburg Almanac]. St. Petersburg, 2020, no. 38, pp. 127–129. (In Russ.)

7. Nosov S. N. The Problem of Personality in the Worldview of Ap. Grigoriev and F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 8, pp. 52–71. (In Russ.)
8. Nosov S. N. *Apollon Grigor'ev: sud'ba i tvorchestvo* [Apollon Grigoriev: Fate and Works]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990. 192 p. (In Russ.)
9. Serman I. Z. Dostoevsky and Ap. Grigoriev. In: *Dostoevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 130–142. (In Russ.)
10. Tunimanov V. A. Ap. Grigoriev in Dostoevsky's Letters and "A Writer's Diary". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 7, pp. 22–47. (In Russ.)
11. Shul'ts S. Dostoevsky, Apollon Grigoriev, Bakhtin. In: *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 193–207. DOI: 10.1556/060.2020.00009. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Sergey A. Kibalnik, PhD (Philology), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences (nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>; e-mail: kibalnik007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 02.11.2022

Принята к публикации / Accepted 04.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6541

EDN: JCVNSC

Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание»

Т. А. Касаткина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация. О Достоевском и исихазме говорили немного — и с наибольшей очевидностью и убедительностью в том случае, когда упоминания о деятелях исихазма присутствовали непосредственно в тексте, как это было в случае «Братьев Карамазовых». Однако исихазм может быть рассмотрен как оптимальная объяснительная структура уже для романа «Преступление и наказание». Именно в нем она присутствует наиболее очевидно не с точки зрения поверхностных отсылок или внешнего сюжета, развивающегося в «на-сущном видимо-текущем» (так Достоевский обозначал происходящее на поверхности бытия), а с точки зрения глубинного сюжета, связывающего происходящее в романе с «концами и началами» (так Достоевский называл истоки и итоги событий, находящиеся за пределами очевидного, вне времени). Исходное название романа — «Пьяненькие», выросшего затем в «Преступление и наказание», и обнаруживаемое в нем свойство героев: быть «пьяными без вина», быть принимаемыми за пьяных в трезвом состоянии, укрывать за иллюзией опьянения свое пред- и постпреступное состояние — связывают опьянение с грехом и преступлением по преимуществу. Прямой антитезой такому состоянию оказывается трезвение, которое есть главное действие участников исихастской традиции, собрание текстов которой, «Добротолюбие», называется в переводе, организованном Паисием Величковским, «Словеса и главизны священного трезвения». Разделение сердца и ума, которым охарактеризованы два главных героя-преступника в романе, есть основная характеристика нижеестественного состояния человека согласно исихазму. Обращение к исихазму позволяет объяснить и то, почему героиня, занимающая высшее положение в духовной структуре романа, характеризуется словами «Бога узрит».

Ключевые слова: Достоевский, исихазм, Добротолюбие, Преступление и наказание, Пьяненькие, евангельские цитаты, авторская теория творчества

Для цитирования: Касаткина Т. А. Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 171–185. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6541. EDN: JCVNSC

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6541

EDN: JCVNSC

Dostoevsky and Hesychasm: “Crime and Punishment”

Tatiana A. Kasatkina

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract. Not much has been said about Dostoevsky and hesychasm, and mainly with the greatest evidence and persuasiveness in the case when direct references to the figures of hesychasm appeared directly in the text of Dostoevsky’s novel (“The Brothers Karamazov”). However, hesychasm can be considered as an optimal explanatory structure already for the novel “Crime and Punishment.” In this novel hesychasm is most obviously present, not from the point of view of superficial references or an external plot developing in the “apparent flow of life” (as Dostoevsky designated what happens on the surface of being), but from the point of view of the deepest plot, in which what happens in the novel is connected with “ends and beginnings” (so Dostoevsky called the origins and the results of events that are beyond the obvious, beyond time). The original title of the novel, “The Drunkards,” which later became “Crime and Punishment,” as well as the characteristics of the characters found in “Crime and Punishment” (to be “drunk without wine,” to be mistaken for a drunk in a sober state, to hide behind the illusion of intoxication their pre- and post-criminal state), strictly associate drunkenness with sin and a crime. The direct opposition to this state is sobriety, which the participants of the Hesychast tradition strive to achieve, and the collection of texts of this tradition, “Philokalia,” is called in the translation by Paisii Velichkovsky: “Words and Beginnings of Sacred Sobriety.” The separation of heart and mind, which characterizes the two main criminal characters of the novel, is the main characteristic of the pre-natural state of a person according to hesychasm. Hesychasm also makes it possible to explain why the heroine, who occupies the highest position in the spiritual structure of the novel, is characterized by the words “She will see God.”

Keywords: Dostoevsky, hesychasm, The Philokalia, Crime and Punishment, The Drunken, biblical quotes, author’s theory of art

For citation: Kasatkina T. A. Dostoevsky and Hesychasm: “Crime and Punishment”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 171–185. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6541. EDN: JCVNSC (In Russ.)

О Достоевском и исихазме говорили немногие, очень разные во всех смыслах исследователи, главным образом применительно к роману «Братья Карамазовы», что достаточно очевидно, поскольку в нем прямо называется инициатор перевода «Добротолюбия» на славянский язык и начальник (это слово употребляю здесь в соответствии с его внутренней формой и исходным значением) возрождения традиции умного делания в России XIX в. прп. Паисий Величковский. Инициированное его учениками возрождение старчества, которое по сути и есть возрождение исихастской традиции в России, становится одним из двигателей внешнего сюжета романа. Также, хотя значительно менее конкретно, речь об исихазме

у Достоевского шла применительно к роману «Идиот»¹. Рита Клейман обосновывала причастность прп. Паисия Величковского к творческой истории «Бесов» и «Подростка», кроме очевидных «Братьев Карамазовых» [Клейман: 172–173]. Но, насколько мне известно, никто не ставил этой темы в отношении «Преступления и наказания» и даже вскользь не предполагал ее наличия там. Однако именно в этом романе она присутствует наиболее очевидно не с точки зрения поверхностных отсылок или внешнего сюжета, развивающегося в «насушном видимо-текущем» (как очевидное присутствие старчества в «Братьях Карамазовых»), а с точки зрения сюжета, связывающего происходящее в романе с «концами и началами»². Соответственно, в «Преступлении и наказании» эта тема порождает самую глубинную его проблематику. Полагаю, что все странности и парадоксы романа, с которыми исследователи часто не представляют, что делать, складываются в стройную и внятную систему, если мы смотрим на роман в перспективе исихазма.

Первое название романа, выросшего затем в «Преступление и наказание» или вошедшего в него как основа, придавшего, как пишет Борис Тихомиров, рассказу о преступлении «дыхание большой эпической формы» (и, увы, неизбежно поминаемый во всех исследованиях, касающихся этого замысла, «социальный фон») [Тихомиров: 21], было «Пьяненькие».

Предлагая свой текст А. А. Краевскому, Достоевский писал:

«NB. Роман мой называется "Пьяненькие" и будет в связи с теперешним вопросом о пьянстве. Разбирается не только вопрос, но представляются и все его разветвления, преимущественно картины семейств, воспитание детей в этой обстановке и проч. и проч.» (письмо А. А. Краевскому от 8 июня 1865 г., Петербург) (ДЗ0; т. 28; 127).

Собственно, это почти все, что нам известно о замысле Достоевского. На основании этого письма большинство исследователей было склонно рассматривать замысел Достоевского в социологическом и даже в социально-

¹ О «Братьях Карамазовых» см.: [Григорьев], [Хоружий, 2008, 2009]. Об «Идиоте» см.: [Башкиров], [Иванов]. И тот, и другой роман упоминаются в следующих исследованиях: [Котельников], [Богданова].

² Я использую здесь язык описания, созданный самим Достоевским. Определяя отличие взгляда («глаза») художника от взгляда, которым человек наиболее часто смотрит на действительность, Достоевский говорит: «Нам знакомо одно лишь насушное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала — это всё еще пока для человека фантастическое» (Дневник Писателя. 1876. Октябрь. Гл. 1. III. Два самоубийства. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 145. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках). «Насушное видимо-текущее» — точное обозначение, принятое Достоевским для исключительно внешнего плана реальности, для описания факта, как его воспринимает позитивист. «Концы и начала» — так он обозначает внутренний план реальности, не говоря уже о том, что это — и «непрямое», без выговаривания «последнего слова» обозначение самого Христа, Который есть «Альфа и Омега, начало и конец» (Откр. 1:8) и Который для Достоевского — основа и цель, глубина и конечный смысл всякой реальности.

этнографическом ключе, что очень напоминает иногда случающийся (даже и до сих пор) подход исследователей к «Запискам из Мертвого дома». Н. Н. Вильмонт отчасти идеологизировал пьянство и, более того, предположил, что оно в романе «Пьяненькие» и потом в «Преступлении и наказании» может рассматриваться как форма социального протеста [Вильмонт: 91]. Однако, как и в случае «Записок из Мертвого дома», такой подход не оправдан. Борис Тихомиров, хотя тоже изначально отмечает «социальный фон» как главное в романе, далее сдвигает акценты: «Скорее всего, замысел "Пьяненьких" был не только нраво- и бытописательным, но и предполагал выходы к метафизической проблематике» [Тихомиров: 23].

Я бы продолжила эту линию, предложила бы сдвинуть акценты еще больше, сказав, что Достоевский, как всегда, не выходил *к*, а исходил *от* проблематики духовной и находил ее воплощение в фигурах и событиях повседневной жизни. То есть, когда он собирался писать о пьяненьких, он имел в виду нечто гораздо более масштабное и укорененное в человеческой природе, чем бытовое пьянство и его страшные последствия. Видимо, нужно чаще проговаривать, на мой взгляд, очевидное: Достоевский нраво- и бытописательных и даже социальных романов не писал, а писал что-то совершенно другое, и логично предположить, что в данном случае он описывает Краевскому внешнюю, событийную сторону предполагаемого произведения, а вовсе не его идею.

Напомню слова Достоевского о зарождении художественного произведения в письме Майкову, поэту, на понимание которого он мог рассчитывать (в отличие от Краевского):

«...поэма, по-моему, является как самородный драгоценный камень, алмаз, в душе поэта, совсем готовый, во всей своей сущности, и вот это первое дело поэта **как создателя и творца**, первая часть его творения. Если хотите, так даже не он и творец, а жизнь, могучая сущность жизни, Бог живой и сущий, совокупляющий свою силу в многообразии создания **местами**, и чаще всего в великом сердце и в сильном поэте, так что если не сам поэт творец (а с этим надо согласиться, особенно Вам как знатоку и самому поэту, потому что ведь уж слишком цельно, окончательно и готово является вдруг из души поэта создание), — если не сам он творец, то, по крайней мере, душа-то его есть тот самый рудник, который зарождает алмазы и без которого их нигде не найти. Затем уж следует второе дело поэта, уже не так глубокое и *тайнственное*, а только как художника: это, получив алмаз, обделать и оправить его. (Тут поэт почти только что ювелир)»³ (Д30; т. 29; 39).

³ В цитатах полужирный шрифт — выделено цитируемым автором; курсив — выделено мной.

Из слов этих ясно видно, что, согласно Достоевскому, художественное произведение не «растет из сора» повседневности, не складывается из жизненных деталей, наблюдений и литературных заимствований: оно является как целостная идея самого высокого плана, которую затем автор *проявляет* сквозь элементы повседневной жизни, для чего он эти элементы «поправляет» — выражение, употребленное Достоевским в «Мужике Марее» (ДЗ0; т. 22: 47) для описания работы автора с воспоминанием, — граня тем самым, как ювелир, тело идеи таким образом, чтобы алмаз *проявился*, засиял максимально для него возможным светом.

Чтобы понять замысел «Пьяненьких», посмотрим, как он отразился в «Преступлении и наказании». Прежде всего необходимо указать на то обстоятельство, что пьянство в «Преступлении и наказании» странным образом понимается гораздо шире собственно пьянства как такового. Можно сказать, что в романе есть два вида пьяных: пьяные от вина и непьющие, но при этом принимаемые за пьяных. Ко второй группе относятся два главных героя романа, Свидригайлов и Раскольников — два героя, замысливших преступление. Это я давно отметила в своих работах (см., напр.: [Касаткина, 2015: 151–153]) и не раз наглядно показывала: в их случае пьянство буквально становится пьянством греха — и в характерное для пьяного человека состояние непьющие герои погружаются в момент и после совершения или несвершения своего преступления. То, что после несвершения преступления происходит то же самое, что и после совершения, явственно свидетельствует о том, что речь идет не о преступлении как о переступании границы, нарушении пространства другого человека, а именно о состоянии самого преступника, о его нарушении себя, то есть о грехе. Раскольников в своей теории о состоянии преступника в процессе и после совершения преступления так описывает это погружение:

«...преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то *упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием*, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность. По убеждению его, выходило, что это *затмение рассудка и упадок воли* охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму...» (ДЗ0; т. 6: 58).

Раскольников называет это состояние болезнью, но совершенно очевидно, что перед нами точнейшее описание состояния опьянения.

Если относительно Раскольникова и Свидригайлова такое состояние легко прослеживается сквозь весь роман, то Разумихин «напивается без вина» (и именно он употребит это выражение: «Зачем мне теперь напиваться. Ты меня и без вина напоил. Пьян ведь я, Родька! Без вина пьян теперь...»

(ДЗ0; т. 6: 341)) — всего один раз, и этот раз очень характерен, потому что, хотя «опьянеет» он очень, на наш взгляд, привлекательно — от любви и надежды, однако именно в этой ситуации сей почти идеальный герой Достоевского оказывается очевидно причастен греху как промаху, в его случае — промаху видения, отказу от прямого восприятия действительности, искажению ее в нравящуюся ему сторону, в «свою пользу»: он соглашается признать виновным Миколку, чтобы не признавать виновным Раскольникова, только что сделавшего его счастливым. Достоевский удивительно точно фиксирует это искажение взгляда, тоже свойственное пьяному, когда человек, *зная в глубине себя правду*, тем не менее принимает и выдает желаемое за действительное:

«Он торопился; но, уже выходя и уж почти затворив за собою дверь, вдруг отворил ее снова и сказал, *глядя куда-то в сторону*:

— Кстати! Помнишь это убийство, ну, вот Порфирий-то: старуху-то? Ну, так знай, что убийца этот отыскался, сознался сам и доказательства все представил» (ДЗ0; т. 6: 340).

Заметим, кстати, что эти промахи мимо истины совершенно не свойственны главному *пьяному от вина* герою романа Мармеладову. Он, пьяный от вина, разрушающего жизнь его и его семьи, тем не менее научается острее видеть правду и бесстрашнее ее высказывать. В его речи появляется даже выражение: «И видел я» — и это прямая библейская цитата, появляющаяся в Библии несколько раз именно для того, чтобы обозначить начала видений пророками будущего, надвременного бытия или самого предвечного Бога⁴. Таким образом, как это ни странно покажется на первый взгляд, именно опьянение грехом представлено в романе как пьянство по преимуществу. Вино соединяет с Богом (оно — та материя, что претворяется в Его кровь и принимается как причастие) — разделяет с Богом и туманит прямое восприятие бытия грех. Однако Достоевский как всегда многомерно строит свое художественное высказывание: пьянство (как пристрастие и зависимость) — тоже грех и тоже убийство и себя, и ближнего.

Отдельная линия движения концепта «пьяный, пьянство» в романе представляет сходство пьяного без вина состояния с состоянием опьянения еще и как вариант *внешнего прикрытия* от разоблачения опьяненных грехом героев, как их мимирию (я имею в виду ситуации, подобные пробуждению Раскольникова после преступления: «Если бы кто зашел, что бы он подумал? Что я пьян, но...» (ДЗ0; т. 6: 71)).

Систематизируя то, что мы видим в романе, можно сказать так: вино (и как раз поэтому это та материальная субстанция, которая претворяется в кровь Господню) снимает границы, соединяет человека с Богом (а значит, и со *все*м), позволяет даже без соответствующего действия причаститься

⁴ См. об этом подробнее: [Касаткина, 2019: 104–106].

восторгу, охватывающему человека в порыве самоотдачи, раскрытия всему; пьянство оставляет человека включенным в общее грешащее тело человечества (в романе это выражено краткой сценой-притчей: Раскольников, спускаясь в распивочную, видит двух пьяных, которые «друг друга *поддерживая и ругая, взбирались* на улицу» (ДЗ0; т. 6: 10)); в то время как «пьянство без вина» не только отрывает от Бога, но и исключает грешника из этого общего тела.

Вспомним, что первое значение греческого слова, которое мы переводим как грех, — *промах*, это значение отразилось и в русском *огрех*. Грех в своем существе и есть непопадание человеком в настоящего себя, и этот *промах мимо себя* вполне ясно проявляется в поведении и даже походке пьяного, чье тело при любом движении оказывается не в том положении и совершает не то действие, в каком оказалось бы и которое совершило бы тело трезвого. Достоевский хорошо помнит об этом значении, и недаром в эпилоге романа Раскольников думает, что не находит в своем поступке ничего, кроме простого **промаху** (слово «промаху» Достоевский выделяет в тексте) (ДЗ0; т. 6: 417).

Достоевский, понимая грех таким образом, как промах и как пьянство без вина, прямо держится терминов православной аскетики. В писаниях св. отцов, собранных в «Добротолюбии», перевод которого был инициирован и в значительной степени осуществлен прп. Паисием Величковским, путь восхождения человека от его нынешнего, грешного, состояния к очищенному от греха состоянию воссоединения с Богом называется *трезвением*: «Глаголется бо трезвение праведно, путь в Царствие ведущий, и в сущее внутрь нас, и в будущее»⁵. Трезвение, согласно «Добротолюбию», есть *художество духовное*, которое позволяет «узреть Бога», а именно этой способностью маркирована Лизавета, представляющая собой точку духовного верха в романе. Если в контексте Нагорной проповеди (то есть если мы считаем это евангельской цитатой и истолковываем через такое соотнесение) сказанное про нее Соней «Бога узрит» читается как отсылка к одному из блаженств (выделенному из ряда остальных произвольно по непонятной причине), то в контексте «Добротолюбия» именно стремление узреть Бога есть очевидная и *единственная* точка духовного устремления трезвеющих, и остальные евангельские блаженства в такой перспективе видятся ее аспектами, способами ее описания в полноте⁶.

⁵ Добротолюбие, или Слова и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодуховенных отец (на ц.-слав.) / Святые богодуховенные отцы в переводе Паисия Величковского: в 4 ч. Репр. изд. Тутаяв (Яросл. обл.): Православное Братство святых князей Бориса и Глеба, 2000. С. 328 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Paisij_Velichkovskij/dobrotolyubie-ili-slovesa-i-glavizny-svjashhennogo-trezvenija/ (23.10.2022).

⁶ Удивительна интуиция Бориса Тихомирова, который, не имея в виду предложенную здесь исихастскую перспективу рассмотрения романа, значительно облегчающую понимание, усомнился в том, что раскольниковское высказывание: «Страдание и боль всегда

Николай Михайлович Новиков (хранитель и собиратель для современного читателя исихастских практик) о трезвении пишет так:

«Трезвение — одно из центральных понятий православной аскетики. Метод или достигаемое посредством него состояние контроля над деятельностью ума и сердца. Метод трезвения активно практиковался уже первыми пустынными отцами. Прпп. Антоний Великий и Арсений Великий, как и другие отцы, постоянно акцентируют внимание на этом предмете. Прп. Макарий Великий отмечает, что "духовная брань и молитва немислимы без трезвения", что "только душа, подвизающаяся посредством великого трезвения, может сподобиться победы в духовной брани". Учение об этой исихастской практике, прочно утвердившееся в традиции раннего монашества, встречаем у аввы Евагрия, в аскетическом богословии свт. Василия Великого, Иоанна Златоуста и далее в отеческих писаниях вплоть до нашего времени. *Примечательно, что это понятие входит в заглавие основного труда прп. Никодима Святогорца, которое буквально переводится как "Добротолюбие святых трезвенников", а в переводе прп. Паисия Молдавского [Величковского] это звучит как "Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения"*» [Новиков: 41].

Таким образом, Достоевский мог рассчитывать на нужную ему ассоциацию даже у людей, не читавших «Добротолюбие» дальше заглавия.

В свете исихастского учения также становится более чем понятна неоднократно отмеченная исследователями⁷ доминанта образа Раскольникова — раскол между сердцем (устремленным к самоотдаче) и умом, стремящимся переложить бремя жертвы на другого (это стремление — по сути, принести другого в жертву себе, использовать его в целях возвеличения своего «я» — и называется в аскетике «нижеестественным» состоянием, можно сказать, состоянием опьянения)⁸, поскольку главное следствие падения человека —

обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» (ДЗ0; т. 6: 203) — имеет происхождение из книги Екклесиаста (Еккл. 1:18). Он пишет: «...необходимо признать, что Раскольников значительно трансформирует смысл ветхозаветного высказывания. <...> ...в суждении Раскольникова принципиальную важность имеет контрапунктическое скрещение "широкого сознания" и "глубокого сердца", отсутствующее у Екклесиаста. Широкость сознания и глубокость сердца почти зримо образуют здесь страдальческий "крест", на котором, по Раскольникову, символически распинаемы "истинно великие люди"» [Тихомиров: 306–307]. Я бы сказала, что эти взаимодополняющие параметры (широта и глубина) практически прямо (хотя и неосознаваемо для Раскольникова) указывают на то, что речь должна идти о едином органе, о соединенном уме и сердце.

⁷ Из совсем недавних работ, отмечающих это качество как «амбивалентность» героя, см.: [Боборыкина: 56].

⁸ Моменты самоотверженных помогающих действий Раскольникова в этом свете начинают полностью соответствовать начальному этапу раскрытия сердца: **«Раскрытие сердца начинается с моментов деятельного соединения ума с сердцем, которые поначалу могут быть очень краткими. <...> Прежде этого человек может многократно сводить ум в сердце, однако ум пока не способен там удержаться, не удастся его там собрать, так как ум еще не готов к соединению с сердцем. Именно на это свойство раскрытости указывает**

разделение ума и сердца, начало их автономного функционирования, становящегося источником всех искажений реальности, всех самообманов, которые есть ничто иное как «пьяная» расфокусировка восприятия.

Соответственно, главная цель трезвения — воссоединение ума с сердцем, удержание и укоренение ума в сердце, ибо именно и только путем сведения ума в сердце достигается очищение сердца и просветление ума: они начинают вновь работать как единый орган, фокусируются, что ведет к обретению человеком своего естественного состояния, открывающего путь к преображению и обожению человека.

Интересно, что Достоевский прямо показывает моменты соединения ума и сердца Раскольникова до совершения преступления и наступающее в этот момент осознание ужаса и грязи их раздельного бытия. Вот один из них, сразу после «пробы», где мы видим сошедшимися все ключевые концепты исихастской темы романа:

«Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже оставался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

"О Боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое *сердце*! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц..."

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения. Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его *сердце* еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице» (Д30; т. 6: 10).

Поясню аскетические термины человеческих состояний, опираясь на язык Достоевского. Нижеестественное состояние — это субъект в состоянии «я» (препятствующего, как скажет Достоевский в записи «Маша лежит на столе...», возлюбить ближнего своего как самого себя); это субъект, объективирующий все, кроме себя самого, приносящий таким образом в жертву себе весь мир. Естественное состояние — состояние субъекта, увидевшего в других полноправных субъектов (то есть увидевшего в них

прп. Григорий Синаит, говоря, что надлежит "ум собрать в сердце, если, конечно, оно **открыто**"» [Новиков: 41]. Все движения оказания помощи у Раскольникова как раз и свидетельствуют о раскрытии сердца и о том, что слова Порфирия о нем как о подвижнике (Д30; т. 6: 351) (как и слова Пороха о нем как об аскете и монахе, звучащие «непонятно почему» непосредственно перед признанием Раскольникова: «Вам все эти красоты жизни, можно сказать, — nihil est, аскет, монах, отшельник!..» (Д30; т. 6: 407)) — нечто гораздо более серьезное, чем «просто метафоры», непонятно с чего к тому же появившиеся в речи Пороха.

«тоже себя»⁹, поскольку ощущение другого субъектом нам доступно только посредством эмпатии), прекратившего объективацию и, как следствие, устремившегося к самоотдаче. Вышеестественное состояние — окончательное устранение искажений восприятия реальности, вызванных объективирующим взглядом; видение не иллюзорных границ и поверхностей всех вещей, но их внутренних пространств; переход из мира, где каждый утесняет и вытесняет каждого, в мир, где каждый становится новым пространством для каждого, новой возможностью самоосуществления.

Конкретные пассажи «Добролюбия», как ключи, проясняют образно-символическую структуру романа. Например: «Сластолюбивое сердце темницею и узами бывает душе во время исхода: трудолюбивое же дверь есть отверста»¹⁰ — полностью, на сочетании языков «Добролюбия» и Достоевского, объясняет посмертие в виде «бани с пауками» для Свидригайлова: оказывается, он заперт в своем собственном сердце, где пауки — классический в языке Достоевского символ сладострастия.

Становится прозрачно ясно, почему в «Преступлении и наказании» два главных героя. Это два варианта разделения сердца и ума: у Раскольникова поражен и уловлен ум, а у Свидригайлова — сердце. Становится понятно и то, почему Свидригайлов — умнейший герой Достоевского, а Раскольников — добрейший. Ум Свидригайлова совершенно свободен, как и сердце Раскольникова, мгновенно бросающееся все отдать первому встречному. Кстати, Свидригайлов тоже отдает — и очень умно, просчитывая все так, чтобы деньги возрастали для тех, кому отданы (отданные деньги Раскольникова, действие которых мы можем проследить, растрачиваются с катастрофическими последствиями). Но Свидригайлова ведет в желаниях его сладострастное, непросветленное умом сердце, а Раскольникова — его бессердечный ум. И поэтому самоотверженный порыв Раскольникова каждый раз прекращается и обесценивается начавшим действовать умом. Заметим, что Раскольников называет свое преступление *глупостью* — частым в его устах словом применительно к его умным действиям и осуществлению его теории (при этом он говорит, что пошел на преступление не как дурак, а как умник, то есть *ведомый умом*). А Свидригайлов употребляет слово «глупо», кажется, только один раз — когда речь идет о сердце, о бескорыстном действии сердца:

«...эти десять тысяч рублей у меня свободны, то есть совершенно, совершенно мне не надобны. Не примет Авдотья Романовна, так я, пожалуй, еще *глупее* их употреблю» (ДЗ0; т. 6: 223).

⁹ Напомню, что в «Сне смешного человека» устремившийся к преображению после растления целой планеты герой Достоевского цитирует эту заповедь без запятой: «Главное — люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь как устроиться» (ДЗ0; т. 25: 119), что переводит «как себя» из разряда сравнения («люби так же, как себя») в разряд идентификации («люби, ибо они — тоже ты»).

¹⁰ Добролюбие, или Слова и главизны священного трезвения... С. 44.

Заметим также, что плененный ум Раскольникова заставляет его совершить преступление (глупое, непродуманное, неподготовленное, потому что как только путем подготовки оно прояснилось бы в образе, сердце заблокировало бы действие ума), но свободное сердце позволяет ему спастись. Свободный ум Свидригайлова дает ему возможность идеально подготовить преступление, задуманное сердцем, и он же не дает его осуществить, пролив сердце на мгновение. Но ум не может сам по себе спасти и вывести к жизни, и пленение сердца губит героя.

Продолжать можно долго, но мне кажется, что фундаментальная аллюзия романа на христианский путь обожения уже очевидна. В свете сказанного становится ясен духовный, а не социальный смысл первоначального названия романа — «Пьяненькие», равно как и обоснованность и великий смысл эпилога, завершающегося слишком неоправданно сильными в любой другой перспективе словами:

«Но тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неизвестною действительностью» (ДЗ0; т. 6: 422).

Переход же из доестественного состояния в естественное и затем вышеестественное, когда стираются границы, начертанные на бытии нашим алчным к нему отношением, иными словами просто не может быть описан.

Я бы здесь и закончила этот первый подступ к теме «Исихазм в "Преступлении и наказании"», если бы не вековечный вопрос, который, конечно, и сейчас первым был бы задан некоторыми читателями: а откуда Достоевский знал об исихазме в 1860-х гг.¹¹

«Добротолюбие» впервые на славянском языке издается в 1793 г. В 1822 г. оно было переиздано попечением митрополита Филарета (Дроздова), затем

¹¹ Хочу еще раз подчеркнуть: полагаю, что методологически верно, во всяком случае, в ситуации Достоевского, характеризующейся утратой его огромной библиотеки, лишь частично восстановленной в описании [Библиотека], по дефолту считать, что если какие-то тексты радикально проясняют произведения писателя, он их знал, если какие-то факты указывают на присутствие в подкладке образа определенной исторической фигуры — он о ней знал. Дальше можно пытаться установить конкретные источники, которыми он пользовался, но это предмет отдельного исследования. При ином подходе случается немало конфузных историй. Одна из самых конфузных, на мой взгляд, — странные предположения некоторых авторов, писавших о романе «Идиот», откуда бы Достоевский мог знать о Франциске Ассизском (почему-то они были убеждены, что Франциск становится широко известен в России лишь на рубеже XIX–XX вв.: из-за этой убежденности я не буду называть авторов статей, поскольку еще совсем недавно такая убежденность была практически консенсусом, и не только в пределах науки о Достоевском), в то время как Франциск — не только фигура, присутствующая в упомянутых в романе европейских «Историях», которые могли быть для исследователей не слишком доступны, но и фигурант «Жизни Иисуса» Ренана, о функции которой в романе эти исследователи говорили в тех же самых статьях.

переиздавалось в 1832, 1840, 1851, 1857, 1880 и 1902 гг. Всего переизданий «Добротолюбия» насчитывается шесть (см.: [Говорун])¹².

Напомню строки из письма Достоевского к брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г., сразу по выходе из каторги:

«Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть "Отечеств<енных> записок". Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых [в примечании под строкой: Висо, Гизо, Тьерри, Тьера, Ранке, и т. д. и т. д.], экономистов и отцов Церкви. Выбирай дешевлешие и компактные издания. *Пришли немедленно*» (Д30; т. 28;: 171–172).

И в том же письме еще раз: «Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, "Отечеств<енные> записки", отцов Церкви и историю Церкви» (Д30; т. 28;: 173).

И вновь в письме от 27 марта:

«А теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски). Наконец, Коран и немецкий лексикон. Конечно, не всё вдруг, а что только можешь. Пришли мне тоже физику Писарева и какую-нибудь физиологию (хоть на французском, если на русском дорого). Издания выбирай дешевлешие и компактные. Не всё вдруг, помаленьку. Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!» (Д30; т. 28;: 179).

Самым полным и доступным собранием св. отцов на тот момент и было «Добротолюбие». Независимо от того, смог ли послать Михаил Михайлович брату в ответ на его просьбу эту книгу в 1854 г., у Достоевского, учитывая его настойчивое желание, было много времени и возможностей ознакомиться с ней до осени 1865 г.

Список литературы

1. Башкиров Д. Л. Пространство слова в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: исихазм и творчество Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2003. № 17. С. 168–195.
2. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
3. Боборыкина Т. А. «Преступление и наказание»: хореография текста и текст хореографии // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 48–77.
4. Богданова О. А. Мотив «рая на земле» в художественном сознании Ф. М. Достоевского // Новый филологический вестник. 2016. № 1 (36). С. 64–77.

¹² См. также: К 225-летию издания «Добротолюбия» в России преподобным игуменом Назарием Валаамским // Валаамъ. Официальный сайт Валаамского монастыря [Электронный ресурс]. URL: <https://valaam.ru/publishing/21780/> (21.10.2022).

5. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер. Заметки русского германиста. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
6. Говорун С. Из истории «Добролюбия» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/iz-istorii-dobrotolyubiya> (20.10.2022).
7. Григорьев Дм. (протоиерей). Преподобный Амвросий и старец Зосима Достоевского: у истоков религиозно-философских взглядов писателя // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2001. Т. 16. С. 150–163.
8. Иванов В. В. Исихазм и поэтика косноязычия у Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 321–327 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2510> (23.10.2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2510
9. Касаткина Т. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
10. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.
11. Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985. 202 с.
12. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-плеяда, 2002. 382 с.
13. Новиков Н. М. Начало молитвы: беседы о внутренней жизни. М.: Путь умного делания, 2015. 656 с.
14. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 556 с.
15. Хоружий С. С. Антропология исихазма и антропология Достоевского (на материале «Братьев Карамазовых») // ВикиЧтение. Открытый научный семинар: Феномен чело- века в его эволюции и динамике. 14.05.08 [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/60919> (23.10.2022).
16. Хоружий С. С. «Братья Карамазовы» в призме исихастской антропологии // Достоев- ский и мировая культура: альманах. М., 2009. № 25. С. 13–56.

References

1. Bashkirev D. L. The Space of the Word in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Idiot": Hesychasm and Works of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. Moscow, 2003, no. 17, pp. 168–195. (In Russ.)
2. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
3. Boborykina T. A. "Crime and Punishment": Choreography of the Text and Text of the Choreography. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal]*, 2022, no. 3 (19), pp. 48–77. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. The Motif "Paradise on Earth" in the Artistic Consciousness of F. M. Dostoevsky. In: *Novyy filologicheskij vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2016, no. 1 (36), pp. 64–77. (In Russ.)
5. Vil'mont N. *Dostoevskiy i Shiller. Zametki russkogo germanista [Dostoevsky and Schiller. Notes of a Russian Germanist]*. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1984. 280 p. (In Russ.)
6. Govorun S. Iz istorii "Dobrotolyubiya" [From the History of "The Philokalia"]. Available at: <https://azbyka.ru/iz-istorii-dobrotolyubiya> (accessed on October 20, 2022). (In Russ.)

7. Grigor'ev Dm. (Archpriest). Saint Ambrose and Elder Zosima by Dostoevsky: At the Origins of the Religious and Philosophical Views of the Writer. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, vol. 16, pp. 150–163. (In Russ.)
8. Ivanov V. V. Hesychasm and Poetics of Inarticulation in Fyodor Dostoevsky's Works. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 321–327. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2510> (accessed on October 23, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2510 (In Russ.)
9. Kasatkina T. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in Everyday Life: A Two-Part Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
10. Kasatkina T. A. *Dostoevskiy kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyy sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: An Artistic Method of Expression]. Moscow, Vodoley Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)
11. Kleyman R. Ya. *Skvoznye motivy tvorchestva Dostoevskogo v istoriko-kul'turnoy perspektive* [Through Motifs of Dostoevsky's Work in Historical and Cultural Perspective]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1985. 202 p. (In Russ.)
12. Kotel'nikov V. A. *Pravoslavnye podvizhniki i russkaya literatura. Na puti k Optinoy* [The Orthodox Ascetics and Russian Literature. On the Way to the Optina]. Moscow, Progress-pleyada Publ., 2002. 382 p. (In Russ.)
13. Novikov N. M. *Nachalo molitvy: besedy o vnutrenney zhizni* [The Beginning of Prayer: Discourses on the Inner Life]. Moscow, Put' umnogo delaniya Publ., 2015. 656 p. (In Russ.)
14. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 556 p. (In Russ.)
15. Khoruzhiy S. S. Anthropology of Hesychasm and Anthropology of Dostoevsky (Based on "The Brothers Karamazov"). In: *Vikichtenie. Otkrytyy nauchnyy seminar: Fenomen cheloveka v ego evolyutsii i dinamike. 14.05.08* [WikiReading. Open Scientific Seminar: The Human Phenomenon in its Evolution and Dynamics. 14.05.08]. Available at: <https://culture.wikireading.ru/60919> (accessed on October 23, 2022). (In Russ.)
16. Khoruzhiy S. S. "The Brothers Karamazov" in the Prism of Hesychast Anthropology. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. Moscow, 2009, no. 25, pp. 13–56. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Касаткина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая научно-исследовательским центром «Ф. М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>; e-mail: t-kasatkina@yandex.ru.

Tatiana A. Kasatkina, PhD (Philology), Director of Research, Head of the Research Centre "Dostoevsky and World Culture", A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0875-067X>; e-mail: t-kasatkina@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 23.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.11.2022

Принята к публикации / Accepted 24.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481

EDN: SALUMA

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет

В. В. Борисова

Московский государственный лингвистический университет

(г. Москва, Российская Федерация)

Государственный музей истории российской литературы

им. В. И. Даля

(Музейный центр «Московский дом Достоевского»)

(г. Москва, Российская Федерация)

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. В статье представлен развернутый комментарий знаменитого высказывания Родиона Раскольникова, в котором актуализируется амбивалентная семантика образов «дрожащей твари» и пророка. Оно представляет собой двойную парафразу, восходящую к «Подражаниям Корану» А. С. Пушкина. Как показали результаты нарративного и текстологического анализа «Преступления и Наказания», эта особенность словоупотребления позволяет дифференцировать позиции автора и героя. Также в статье доказывается, что в каноническом тексте Достоевского мысль Раскольникова оформлена как «чужое слово», графически и пунктуационно маркированное, о чем сигнализируют кавычки, курсив, начальное двоеточие и восклицательный знак в конце. В цитируемом тексте дважды чередуются восклицание Раскольникова и прямая речь пророка в интерпретации героя романа. Позицию Раскольникова автор подвергает сокрушительной «сюжетной критике», развенчивая его религиозные и нравственные ошибки, в том числе противопоставление Христа Магомету, которое Достоевский снимает в эпилоге романа, упоминая об Аврааме, «отце всех верующих». Его фигура является ключевой в системе отношений исторического и духовного родства трех мировых религий. В контексте антропологии и генеалогии Священной истории последнее видение Раскольникова символизирует его возвращение в «лоно Авраамово». Герой, подобно благоразумному разбойнику в одном из вариантов иконографического сюжета, словно оказывается рядом с «праотцом». В результате проведенного историко-культурного и текстологического анализа сделан вывод о том, что Достоевский вслед за Пушкиным воспроизвел в романе эффект со-бытия героя с главными фигурами Священной истории.

Ключевые слова: Достоевский, Преступление и Наказание, Священная история, Авраам, Христос, Магомет, Раскольников

Для цитирования: Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 186–198. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481. EDN: SALUMA

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481

EDN: SALUMA

F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in the Context of Sacred History: Abraham, Christ, Mohammed

Valentina V. Borisova

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation)

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center

"Moscow House of Dostoevsky")

(Moscow, Russian Federation)

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. The article presents a detailed commentary on the famous statement of Rodion Raskolnikov, which actualizes the ambivalent semantics of the images of the "trembling creature" and the prophet. As the results of the narrative and textual analysis of "Crime and Punishment" show, this feature of word usage makes it possible to differentiate between the positions of the author and the hero. The article also proves that in the canonical text by Dostoevsky Raskolnikov's thought is framed as a "foreign word," graphically and punctuationally marked, as indicated by quotation marks, italics, an initial colon and an exclamation mark at the end. In the quoted text, Raskolnikov's exclamation and the direct speech of the prophet in the interpretation of the hero of the novel alternate twice. The article shows how the author exposes his position to crushing "plot criticism," debunking Raskolnikov's religious and moral mistakes, including the opposition of Christ to Mohammed, which the author eliminates in the epilogue of the novel by mentioning Abraham, "the father of all believers." His figure is a key one in the system of historical and spiritual kinship of the three world religions. In the context of anthropology and genealogy of the Sacred History, Raskolnikov's last vision symbolizes his return to the "bosom of Abraham." The hero, like a prudent robber in one of the variants of the iconographic plot, seems to be next to the "forefather." As a result of the conducted historical, cultural and textual analysis, the author concludes that Dostoevsky, following Pushkin, reproduced the effect of the hero's co-existence with the main figures of Sacred History in his novel.

Keywords: Dostoevsky, Crime and Punishment, Sacred History, Abraham, Christ, Mahomet, Raskolnikov

For citation: Borisova V. V. F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in the Context of Sacred History: Abraham, Christ, Mohammed. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 186–198. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481. EDN: SALUMA (In Russ.)

.....

Б. Н. Тихомиров, комментируя ряд «установителей и законодателей человечества», среди которых Раскольников назвал Магомета, отметил, что мысль героя, стремящаяся объять всемирную историю человечества, «базируется на фактах *внехристианской* истории» [Тихомиров, 2005: 237]. На наш взгляд, религиозный контекст романа «Преступление и Наказание» — это вся Священная история человечества, понимаемая как история его отношений с Богом, в которой великий след оставили Авраам, Христос, Магомет, упоминаемые Раскольниковым.

В романе Ф. М. Достоевского русский православный студент вдруг странным образом восклицает:

«О, как я понимаю "пророка", с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся "дрожащая" тварь! Прав, прав "пророк", когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объяснить! Повинуйся, дрожащая тварь, и — *не желай*, потому — не твое это дело!..»¹.

В Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах к этому фрагменту дан историко-литературный комментарий с указанием на его предполагаемые источники (ДЗ0; т. 7: 382–383). Отмечено, что выражение «*дрожащая тварь*» восходит к Корану и стихам Пушкина из цикла «Подражания Корану», к строкам из которого писатель обращается и в романе «Подросток» (ДЗ0; т. 7: 382; см. также: ДЗ0; т. 13: 175). В Библиотеке Достоевского был экземпляр Корана на французском языке². С этого французского перевода К. Николаев сделал русский перевод, дважды выходявший в 1864–1865 гг.³ В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» объявление о продаже этой книги стояло рядом с извещением о продаже «Записок из Мертвого Дома» (8 мая 1865 г.).

На основе этого реального и историко-литературного комментария Б. Н. Тихомиров развернул убедительную интерпретацию [Тихомиров, 2016: 317–319], отметив, что Пушкин перевел «на язык Корана евангельский стих», исходя из переключки обращения Христа к своим ученикам: «...шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари» (Мк. 16:15) — и Аллаха к Мухаммеду:

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 212. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома и страницы в круглых скобках. См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2016. Т. 6. С. 236.

² Le Koran / traduction nouvelle, faite sur le texte arabe, par M. Kasimirski; nouvelle edition, avec notes, commentaires et preface du traducteur. Nouvelle edition. Charpentier, Libraire-Editeur, 1844. 521 p.

³ Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским: с примечанием и жизнеописанием Магомета / с фр. пер. К. Николаев. М.: Шамоу, 1864. 156 с.

«Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуи,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй»⁴.

В ряду идеальных императивов Аллаха последний призыв в пушкинском переложении несомненно выражает идею милосердного отношения к человеку, чрезвычайно важную и в художественной антропологии Достоевского, в которой образ «дрожащей твари» генетически связан с библейским представлением о человеке как «Божьей твари». Для самого Достоевского «дрожащая тварь» — это прежде всего дитя человеческое. Не случайно в произведениях писателя всегда «дрожат» испуганные и страдающие дети, по отношению к которым проверяются все герои-идеологи, претендующие на роль новых «установителей и законодателей человечества» (см.: [Борисова, 1997b]).

Вместе с тем, сохраняя высокий нравственно-религиозный смысл пушкинской цитаты, укорененной в Евангелии и Коране, Достоевский реализовал в романе возможность актуализации противоположного отношения к «дрожащей твари». Как показывают результаты нарративного и текстологического анализа «Преступления и Наказания», эта особенность словоупотребления позволяет дифференцировать позиции автора и героя. Хотя в своей функциональной амбивалентности образ «твари дрожащей» соотносится с кругозором автора и героя одновременно, он приобретает разное аксиологическое значение: высокое для самого автора и низкое для героя. Вульгарной цитацией выражения «дрожащая тварь» Раскольников искажает характер отношений между человеком и Богом, между человеком и пророком.

В устах Раскольникова кораническая сура в пушкинском переложении в буквальном смысле превращается в сатанинский стих. Бог якобы посылает жестокого пророка к своей твари и сам относится к ней с презрением. Пророку, Богу приписывается совершенно невозможное ни по Библии, ни по Корану отношение к человеку. В то время как согласно православной традиции, «Бог любит тварь Свою и мучается за нее, мучается грехом ее. Бог простирает руки к твари Своей, просит ее, призывает ее, ожидает к Себе блудного сына Своего» [Флоренский: 293–294].

Раскольников искажает этот религиозный смысл, что в конечном счете приводит его к трагической ошибке. Как отметил С. Г. Бочаров, в речи героя происходит «семантический сдвиг богоборческого характера» [Бочаров: 94]. Аллаху и его пророку Раскольников приписывает презрительное и жестокое отношение к «дрожащей твари». В восприятии петербургского студента

⁴ Пушкин А. С. Подражания Корану // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 188.

образ Мухаммеда периода Медины актуализируется как образ пророка-завоевателя в субъективно-психологическом («я понимаю») и искаженном историческом плане за счет наполеоновской аллюзии («ставит батарею») (см.: [Борисова, 1997a]). Батарея поперек улицы — это деталь из биографии французского императора, отдававшего приказ стрелять по церкви в Париже и мечети в Каире. Такая интертекстуальная контаминация была задана еще Пушкиным:

«Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно»⁵.

Эволюция историко-культурного сращения «Наполеон-Магомет», центрального в теории Раскольникова о великих людях, исторические и литературные источники аналогии «Наполеон и Магомет» раскрыты в недавней статье Н. Н. Подосокорского [Подосокорский]. Однако по крайней мере с двумя тезисами исследователя мы не можем согласиться. В первом из них он абсолютизирует традиционное негативное представление о мусульманском пророке: «Студент Раскольников видит в Наполеоне <...> нового Магомета со свойственными мусульманскому пророку чертами: фанатизмом, безжалостным отношением ко всякому, кто встает на его пути, непоколебимой верой в собственное призвание, долженствующей изменить мир» [Подосокорский: 92]. Во втором случае Миколка, «который берёт на себя вину Раскольникова, невольно претендует тем самым и на место последнего в качестве потенциального мессии (?! — В. Б.)», принадлежит, по мнению Н. Н. Подосокорского, к мистической секте русских раскольников-почитателей Наполеона, что в корне противоречит функциональной роли этого «народного двойника» главного героя в романе Достоевского (см. об этом: [Борисова, 1996], [Тихомиров, 2016: 426–429]).

Заметим, что в оформлении высказывания Раскольникова о «дрожащей твари» и «пророке» большую роль играет графика [Захаров, 1979]: в кавычки заключены ключевые слова, маркирующие двойную парафразу, восходящую, как уже отмечено, к Корану и стихам Пушкина. Она приобретает в тексте романа важное характеризующее значение, раскрывая нравственную амбивалентность героя: «Тварь ли я дрожащая или *право* имѣю...»⁶. С одной стороны, он утверждает свое «право» как новый «пророк» и «законодатель человечества»; с другой — сам выглядит «тварью дрожащей»: после преступления Раскольников все время дрожит, его сотрясает болезненная, нервная дрожь.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 36.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 404. Далее ссылки на издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Θ. Д.* и указанием страницы в круглых скобках.

О том, насколько важно в произведениях Достоевского различать позиции автора и героя, писалось много раз. «То, что о своей идее говорит герой, часто сбивает с толку <...> не только читателей, но и критиков <...>, но разобраться в том, в чем запутался герой романа, необходимо» [Захаров, 2007: 530]. Однако до сих пор не обращалось внимания на то, что мысль Раскольникова в романе оформлена как «чужое слово», о чем свидетельствует канонический текст «Преступления и Наказания»:

«О, какъ я понимаю "пророка", съ саблей, на конѣ: Велить Аллахъ, и повинуйся, "дрожащая" тварь! Правъ, правъ "пророкъ", когда ставитъ гдѣ-нибудь поперегъ улицы хор-р-ошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостаивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь и — *не желай*, потому, — не твое это дѣло!..» (Ө. Д.: 266).

Разница в пунктуационных знаках между современными изданиями и каноническим текстом здесь принципиальна. Как верно в данном случае замечает Н. Н. Подосокорский, «в "Преступлении и наказании" критика Магомета <...> принадлежит не самому писателю, но его герою» [Подосокорский: 94]. Речь Раскольникова маркируется графическими способами выражения смысла, причем кавычки и курсив свидетельствуют о двух уровнях интертекстуальной цитации в приведенном фрагменте (см. показательный пример анализа такой цитации: [Касаткина]).

В нем дважды чередуются восклицание героя («О, как я понимаю "пророка", с саблей, на коне») и прямая речь пророка в интерпретации Раскольникова («Велит Аллах, и повинуйся, "дрожащая" тварь!»), о чем сигнализирует начальное двоеточие и восклицательный знак в конце. Затем вновь следует ответная реплика героя с наполеоновскими реминисценциями, выдержанная в сниженном разговорном стиле («Прав, прав "пророкъ", когда ставит где-нибудь поперег улицы хор-р-ошую батарею и дует в правого и виноватаго, не удостаивая даже и объясниться!»), и вводится, уже во второй раз, императив пророка («Повинуйся, дрожащая тварь<,> и — *не желай*, потому, — не твое это дело!..»). В мифотворческом воодушевлении Раскольников создает свой образ жестокого мусульманского пророка, который с высокомерным презрением смотрит на «дрожащую тварь».

Такую позицию героя, по сути отождествляющего себя с мусульманским пророком, автор подвергает сокрушительной «сюжетной критике» (критике героя через сюжет романа) [Назирова: 64], развенчивая первую религиозную и нравственную ошибку Раскольникова. Вид по-детски незащитной перед ударом топора Лизаветы, жесты и выражение лица которой повторяет потом Соня, заставил героя осознать этический и эстетический крах своего мифотворчества. Величаяв поза пророка с саблей на коне Раскольникову не удалась, обернувшись, помимо «пошлости» и «подлости», тем, что «новый» Магомет и Наполеон полез «под кровать к старушонке».

Вторая религиозная ошибка героя связана с противопоставлением Христа Магомету, «закон» которого, в понимании Раскольникова, это закон силы. Христианскую же позицию, олицетворяемую прежде всего Соней Мармеладовой, он поначалу считает проявлением слабости и смеется над ней. Но, по сути, герой Достоевского искажает оба «закона», не воспринимая гуманистического содержания ни в христианстве, ни в исламе. Их ущербное противостояние автор снимает в эпилоге романа, упоминая об Аврааме, «отце всех верующих», в «лоно» которого возвращается Раскольников.

Как показала С. А. Мартыанова⁷, Достоевский здесь воссоздает иконографический сюжет, уходящий корнями в иудаизм. В нем «лоно Авраама, Исаака и Иакова» — это место утешения в Шеоле. С греческого оригинала Библии «лоно» буквально переводится как грудь, пазуха, складка. В русском языке родственной выражению «лоно Авраамово» является разговорная идиома «у Бога / Христа за пазухой»⁸, обозначающая высшую степень защиты. В символическом плане под библейским топомосом имеется в виду блаженный приют страдальца, обретающего покой и утешение, подобно убогому Лазарю, умершему нищим и отнесенному Ангелами на лоно Авраамово (Лк. 16:20–31). В Евангелии души людей, отходящих от мира сего с благодатию Божиею и с покаянием во грехах своих, попадают в руки Божии: «Праведныхъ же души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется ихъ мука» (Прем. 3:1). Также лоно Авраамово выступает как эквивалент Царствия Небесного: «Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ прїидутъ и възлегутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Иаковомъ во Царствїи Небеснѣмъ» (Мф. 8:11).

В христианской иконографии «лоно Авраамово» чаще всего — принадлежность композиции Страшного суда. Например, на фреске Дмитриевского собора во Владимире изображен восседающий вместе с Исааком и Иаковом Авраам, на коленях или за пазухой которого видны души праведных, представленных в виде детей. Отсюда иносказательное выражение «дети Авраама» (Лк. 3:8). В целом, библейская метафора «находиться в лоне Авраама» значит быть соединенным с ним, как дитя, сидящее на коленях любящего отца и укрывающееся за его пазухой. Как женское лоно рождает ребенка для земной жизни, так в лоне Авраамовом человек рождается для новой жизни.

⁷ См. ее доклад «Иконографический сюжет "Лон Авраамово" в финале романа "Преступление и Наказание"», прочитанный на XLVII Международной конференции «Достоевский и мировая культура в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского 11 ноября 2022 г. Доступна к просмотру видеозапись выступления с докладом: https://vk.com/dostoevskyconference?z=video-76064271_456239031%2F264afe92a456fc8e6d%2Fpl_wall_-76064271 (12.11.2022).

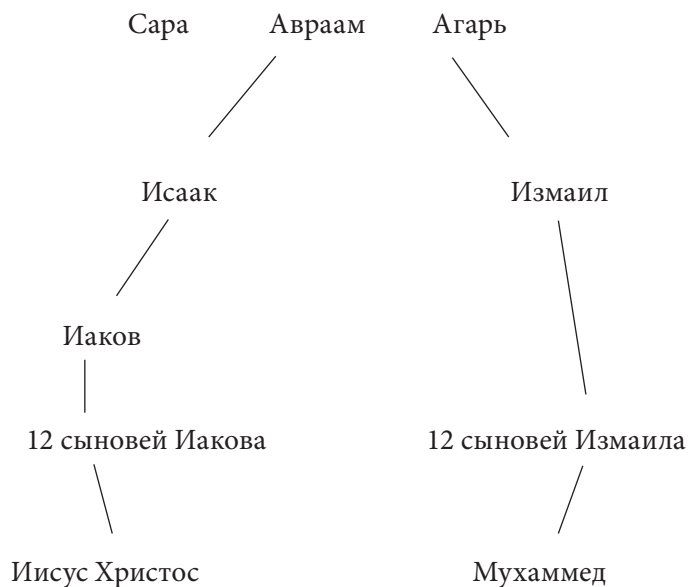
⁸ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 83.

Илл. 1. Лоно Авраамово (праотцы Иаков, Исаак и Авраам).
Успенский собор во Владимире. Даниил Черный, ок. 1408 г.

Fig. 1. Bosom of Abraham (forefathers Jacob, Isaac and Abraham).
Cathedral of the Dormition in Vladimir. Daniil Cherny, 1408

Как пишет известный французский историк культуры Ж. Баше, фигура Авраама, главного ветхозаветного патриарха, родоначальника трех великих религий (иудаизма, христианства и ислама), «отца всех верующих» (Рим. 4:11), равно почитаемого иудеями, христианами и мусульманами, «является ключевой в системе отношений» их исторического и духовного родства (цит. по: [Лучицкая: 83]), что подтверждается антропологией и генеалогией Священной истории:

Здесь отражена кровнородственная и духовная связь авраамических религий и пророков. На наш взгляд, без учета этой религиозной генеалогии невозможна адекватная интерпретация последнего видения Раскольникова, в основе которого, по справедливому мнению О. Меерсон, лежит «интертекст-прецедент библейский» [Меерсон: 15]:

«Съ высокаго берега открывалась широкая окрестность. Съ дальняго другаго берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ необозримой степи, чуть примѣтными точками чернѣлись кочевыя юрты. Тамъ была свобода, и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы само время остановилось, точно не прошли еще вѣка Авраама и стадъ его. Раскольниковъ сидѣлъ, смотрѣлъ неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила въ грезы, въ созерцаніе; онъ ни о чемъ не думалъ, но какая-то тоска волновала его и мучила» (Ө. Д.: 526).

В трижды повторенном местоимении «там» О. Меерсон также обнаружила конкретную отсылку к библейскому «лону Авраамову» [Меерсон: 20], созерцание которого вызывает у Раскольникова необъяснимую тоску. Это тоска по раю, соотнесенному в данном случае с «лоном Авраамовым», хронотоп которого вызывает ассоциации с палестинской пустыней, где когда-то жило племя первого патриарха. Созерцая «долину Авраама», Раскольников, подобно благоразумному разбойнику, изображенному на одной из икон, словно оказывается рядом с праотцом. В этой связи О. Меерсон справедливо подчеркнула, что здесь «вырисовывается <...> именно картина» [Меерсон: 26], вербально воспроизведенная Достоевским.

Илл. 2. Разбойник в раю.
Святой монастырь Русану
(Греция). XVI в.

Fig. 2. The robber in paradise.
The Holy Monastery of Rousanou
(Greece). XVI century

Видение Раскольникова символизирует переворот в его душе: он больше не сознает себя оторванным от людей и — шире (благодаря упоминанию об Аврааме) — от человечества в его прошлом и настоящем. По мнению К. Кроо, «Раскольников "переходит из одного мира в другой" в смысле его выхода из старого слова. Истории этого выхода предстоит продолжаться, но ее Достоевский, в качестве "теперешнего рассказа", все-таки решает окончить. Этим он семантически завершает фигуру своего героя, полностью преобразая присоединенную к ней наполеоновскую семантику» [Кроо: 139] и, добавим, актуализируя библейскую и кораническую традиции, которые органично контаминируются в романе.

Об этом свидетельствует, например, внутренняя связь видения Раскольникова с евангельской притчей о богаче и нищем (Лк. 16:22–25). Умерший Лазарь «отнесен был Ангелами на лоно Авраамово», который принял его как свое «чадо». К. Кроо справедливо полагает, что эта притча отсылает и «к образу бога-отца-судьи в мармеладовской модели воскресения <...>. Фигура Бога, в прощении которого отражается самоосуждение самого грешника, становится фигурой бога-отца» [Кроо: 159]. Кроме того, с фанбульной точки зрения роман «Преступление и Наказание», как мы писали ранее [Борисова, 1991: 70–71], в целом является развернутым переложением «Девятого подражания Корану» Пушкина. В начале жизненного пути Раскольников похож на «усталого путника», который «на Бога роптал». В эпизоде он преобразается подобно пушкинскому пророку:

«И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь»⁹.

Таким образом, разворачивая в своем романе сюжет Раскольникова, Достоевский вслед за Пушкиным воспроизвел эффект со-бытия героя с главными фигурами Священной истории.

Список литературы

1. Борисова В. В. Синтезизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 63–89.
2. Борисова В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 65–73.
3. Борисова В. В. Магомет // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С. 96. (а)

⁹ Пушкин А. С. Подражания Корану. С. 193.

4. Борисова В. В. «Тварь дрожащая» // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С. 118. (b)
5. Бочаров С. Г. «Ты человечество презрел». Об одном сюжете русской литературы: Достоевский и Пушкин // Pro memoria: [сб. мат-лов Междунар. конф., 28–30 мая 2001 г., Петербург]: памяти акад. Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995). СПб.: Наука, 2003. С. 87–105.
6. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
7. Захаров В. Н. «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 529–544.
8. Касаткина Т. А. Пунктуация как художественный прием: «только открывающая привычка» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 77–84.
9. Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. 288 с.
10. Лучицкая С. И. Ж. Баше. «Авраамово лоно (Авраам и структуры родства на средневековом Западе)». (Аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий: сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 82–98.
11. Меерсон О. Авраам и Исаак — свидетели покаяния Раскольникова // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2013. № 30 (2). С. 9–26.
12. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.
13. Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143.
14. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 470 с.
15. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. 905 с.

References

1. Borisova V. V. Synthetism of Religious and Mythological Subtext in the Works of F. M. Dostoevsky (the Bible and the Koran). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [Works of F. M. Dostoevsky: the Art of Synthesis]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 1991, pp. 63–89. (In Russ.)
2. Borisova V. V. About One Folklore Source in Dostoevsky's Novels. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 65–73. (In Russ.)
3. Borisova V. V. Mahomet. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 96. (In Russ.) (a)

4. Borisova V. V. "Creature Trembling". In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 118. (In Russ.) (b)
5. Bocharov S. G. "You Have Despised Humanity". On a Plot of Russian Literature: Dostoevsky and Pushkin. In: *Pro memoria: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii, 28–30 maya 2001 g., Peterburg: pamyati akademika Georgiya Mikhaylovicha Fridlendera (1915–1995)* [Pro Memoria: Collection of Materials of the International Conference, May 28–30, 2001, St. Petersburg: in Memory of Academician Georgy Mikhailovich Fridlender (1915–1995)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 87–105. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Word and Italics in "Crime and Punishment". In: *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. "Orthodox View": Ideas and Ideal. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007, vol. 7, pp. 529–544. (In Russ.)
8. Kasatkina T. A. Punctuation as an Artistic Tecnique: "Only Opening Quotation Marks". In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Current State of Research]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 77–84. (In Russ.)
9. Kroo K. "Tvorcheskoe slovo" F. M. Dostoevskogo — geroy, tekst, intertekst ["Dostoevsky's Creative Word" — Hero, Text, Intertext]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)
10. Luchitskaya S. I. J. Baschet. "Abraham's Bosom (Abraham and the Paternity Structures in the Western Medieval Society)". (The Analytical Review). In: *Istoricheskoe znanie na rubezhe stoletiy: sbornik obzorov i referatov* [Historical Knowledge at the Turn of the Century: Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 82–98. (In Russ.)
11. Meerson O. Abraham and Isaac as the Witnesses of Rascolnikov's Repentance. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac], 2013, no. 30 (2), pp. 9–26. (In Russ.)
12. Nazirov R. G. *Tvorcheskies printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative Principles of F. M. Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
13. Podosokorskiy N. N. The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel "Crime and Punishment": the Image of "Napoleon-Prophet" and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2022, no. 2 (18), pp. 89–143. (In Russ.)
14. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 470 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
16. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadsati pis'makh* [The Pillar and the Ground of the Truth. An Essay on Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 905 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr'skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 07.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6521

EDN: IUJUNE

**«Особый шарм»
Аркадия Ивановича Свидригайлова**

О. Ю. Юрьева

*Иркутский государственный университет
(г. Иркутск, Российская Федерация)*

e-mail: yuolyu@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка разгадать, в чем заключается для современного читателя обозначенный в статье Б. Н. Тихомирова особый «шарм» Свидригайлова — героя романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Вдохновенно разрабатывая «характерологию и психологию нового типа» (Б. Н. Тихомиров), писатель в образе Свидригайлова явил «прототип» героя модернизма и постмодернизма, в том числе посредством создания внутри произведения — в виде «свидригайловского текста» — «романа в романе». В статье показано, что «шарм» Свидригайлова открывается как притягательность героя, перешагнувшего из века XIX в век XX. Достоевский не только повлиял на литературу постмодернизма, но и создал прототип постмодернистского романа, в котором повествовательная структура строится как нарратив не автора, а героя и где господствуют законы криптопоэтики, фрагментарность композиции, смещение планов повествования — от реального воспроизведения событий до иллюзорно-сновиденческих, а то и бредовых ассоциаций героя. В статье сделан вывод, что герой Достоевского близок современному герою модернизма и постмодернизма с его установкой на игру и мифологизацию, с его ироничностью, цинизмом, безверием, театрализацией жизненных коллизий, смешением планов бытия и небытия.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Свидригайлов, модернизм, постмодернизм, роман в романе, игра, ирония, театрализация, мифологизация, деконструкция

Для цитирования: Юрьева О. Ю. «Особый шарм» Аркадия Ивановича Свидригайлова // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 199–213. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6521. EDN: IUJUNE

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6521

EDN: IUJUHE

The “Special Charm” of Arkady Ivanovich Svidrigailov

Ol'ga Yu. Yurieva

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)*

e-mail: yuolyu@yandex.ru

Abstract. The article attempts to unravel what the special “charm” of Svidrigailov, the hero of the F. M. Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment,” suggested in the article by B. N. Tikhomirov, is for the modern reader. As he develops the “characterology and psychology of a new type” with inspiration (B. N. Tikhomirov), the writer reveals the “prototype” of the modernist and postmodernist hero in the image of Svidrigailov. The techniques include the creation of “novel within a novel” within the work in the form of a “Svidrigailov text.” The article shows that Svidrigailov’s “charm” is revealed as the charisma of a hero who stepped from the 19th into the 20th century. Dostoevsky not only influenced the literature of postmodernism, but also created a prototype of a postmodern novel, in which the narrative is structured as that of the hero, rather than the author, and where the laws of cryptopoetics, fragmentary composition, shifting narrative plans — from real reproduction of events to illusory-dreamlike, and even delusional associations of the hero prevail. The article concludes that Dostoevsky’s hero is close to the contemporary hero of modernism and postmodernism with his attitude to the game and mythologization, his irony, cynicism, lack of faith, theatricalization of life collisions, integration of the levels of being and non-being.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Svidrigailov, modernism, postmodernism, novel within a novel, play, irony, theatricalization, mythologization, deconstruction

For citation: Yurieva O. Yu. The “Special Charm” of Arkady Ivanovich Svidrigailov. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 199–213. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6521. EDN: IUJUHE (In Russ.)

Об особом «шарме» Свидригайлова заставил задуматься Б. Н. Тихомиров, размышлявший в одной из своих статей о том, почему то, что было «резко и смело» обозначено в образе Свидригайлова в подготовительных материалах, в окончательной редакции романа присутствует «прикровенно» и «гадательно», «более в намеке, чем в актуальном изображении», что и придает образу особый «шарм» [Тихомиров: 146]. Действительно, в чем заключается этот «шарм» героя? То, что Свидригайлов самый странный и загадочный герой романа «Преступление и наказание», сомнению не подлежит. Несомненно и то, что он привлекает пристальное внимание, вызывает неподдельный интерес, хотя особой симпатии читатель к нему не испытывает. Более того, в восприятии читателя часто возникает образ злодея, интригана, подлеца и преступника. Можно предположить, что «особый шарм» Свидригайлова — феномен многоплановый и многосоставный.

Исключительно ценным Б. Н. Тихомиров считает суждение И. Л. Волгина, отметившего, что «Свидригайлов — это не просто *имя персонажа* одного из произведений Достоевского, но *универсальный художественный тип*, имя, за которым встает определенная *художественная концепция человека* в творчестве писателя. И именно в этом своем качестве как *имя-концепт* Свидригайлов и появляется в творческом наброске за пределами корпуса ПМ к "Преступлению и наказанию"» (цит. по: [Тихомиров: 148])¹.

Б. Н. Тихомиров по черновым наброскам и рукописям восстанавливает художественную генеалогию героя и приходит к выводу, что «во многих подготовительных набросках Свидригайлов предстает как несравненно более масштабная, интеллектуально более мощная, этически и психологически более противоречивая личность, чем в окончательном тексте романа», «осуществив писатель в полной мере в образе Свидригайлова в печатной редакции то, что уже наработано им в черновых материалах, трудно сказать, кто бы в "Преступлении и наказании" оказался главным героем. Свидригайлов черновых набросков реально *теснил* Раскольникова в творческом сознании Достоевского и угрожал потеснить его в тексте романа» [Тихомиров: 146].

Особенно обращают на себя внимание слова Бориса Николаевича о том, что «достойная центра» мощная фигура Свидригайлова «оказалась в "Преступлении и наказании", фигурально выражаясь, *в чужом романе*» и что «Достоевский намечает фабульный каркас *его — Свидригайлова — собственного романа*, романа, в котором он, без какой бы то ни было оглядки на приводящие обстоятельства, станет действительно центральным героем» [Тихомиров: 147–148].

Каков же он, этот «собственный роман» Свидригайлова, в котором Достоевский «вдохновенно разрабатывает характерологию и психологию нового типа» [Тихомиров: 148]? Не образуют ли главы о Свидригайлове некий «текст в тексте», «роман в романе», в котором «шарм» Свидригайлова раскрывается как притягательность героя, обладающего «характерологией и психологией нового типа», перешагнувшего из века XIX в век XX?

Влияние Достоевского на литературу постмодернизма уже отмечалось исследователями. Как замечает Р. С.-И. Семькина, оно «объясняется прежде всего единой исходной позицией: действительность иррациональна. Достоевский и постмодернисты отразили кризисное сознание, "эпистемологическую неуверенность" человека в современном им мире. Для Достоевского и постмодернистов была характерна особая оптика видения мира, мира как хаоса, в котором отсутствуют какие-либо критерии ценностей и смысловой ориентации. Доминантой данного мира, по утверждению И. Хассана, является "кризис веры". Таким образом, так называемая "постмодернистская

¹ Это суждение было высказано в ходе дискуссии по докладу автора настоящей статьи на XXVI Международной конференции «Достоевский и современность» (май 2011 г.) в Старой Руссе.

чувствительность" задолго до появления постмодернизма уже была "главным нервом" мироощущения Достоевского» [Семыкина: 74]. Писатель стал создателем метанарратива, матрицы, определившей и в некоторой степени предопределившей русскую литературу XX в.: и модернизм, и соцреализм, и авангард, и концептуализм, и постмодернизм.

По мнению Р. С.-И. Семыкиной, «Достоевский профетически предупреждает о катастрофе обезбоженного мира, фатальном итоге идеологической цивилизации, постмодернисты осмысляют мир (как текст), "генерируют новые смыслы" в ситуации тотального тупика. Полифоническое мышление Достоевского "встречается" с практикой постмодернизма, разрушающего диктатуру монологизма, "единственно верного решения", заменяющего его разноголосицей существующих альтернатив. Есть все основания говорить о "длящемся" диалоге (полилоге) Достоевского и писателей-постмодернистов» [Семыкина: 74].

Но Достоевский не просто «повлиял» на постмодернизм, писатель внутри «реализма в высшем смысле», в виде «свидригайловского текста», «романа в романе», создал прототип постмодернистского романа, в котором повествовательная структура строится как нарратив не автора, а героя, где господствуют законы криптопоэтики, фрагментарность композиции, смещение планов повествования от реального воспроизведения событий до иллюзорно-сновиденческих, а то и бредовых ассоциаций главного героя. Не в этом ли особый «шарм» Свидригайлова, во времена Достоевского выразившийся «прикровенно» и «гадательно», а в наше время явственно проявившийся в его близости современному герою модернизма и постмодернизма с его установкой на игру и мифологизацию, с его ироничностью, цинизмом, безверием, театрализацией жизненных коллизий, смешением планов бытия и небытия. Свидригайлов задолго до героя постмодернизма явил ключевые доминанты нового сознания: добро и зло — относительны, все позволено, все безразлично. Остается только мировая скука и пошлость. И как истинный герой постмодернистского романа, борясь со скукой и пошлостью, герой Достоевского погружается в них все глубже и глубже.

Возможно, «шарм» Свидригайлова — еще и в некотором «отрицательном обаянии», которым обладает герой. Никто, наверное, не сможет сказать, что Свидригайлов — его любимый герой, но то, что герой привлекает внимание, вызывает огромный интерес, обладает особой, загадочной притягательностью, которая требует объяснения, — несомненно. Причина — в современности образа, в близости его герою постмодернизма, чертами которого Свидригайлов обладает в полной степени, с его проблематичным характером, алогизмом мышления, неадекватностью поступков, с мучающими его фатальными страхами перед небытием, с непредсказуемостью поведения, эпатажем.

Одной из главных составляющих образа Свидригайлова является ирония, ставшая универсальным атрибутом и мировоззренческим основанием постмодернизма. Характеризуя Свидригайлова как ироника, Т. А. Касаткина замечает, что ироник знает о ценностях, но не признает их, «ценности

разрушаются им, каждому тезису находится антитезис, но синтеза никогда не происходит». Одно из свойств ироника — «неразличение добра и зла, стирание между ними границ» [Касаткина: 144].

Как и герой постмодернизма, Свидригайлов — автор и творец своих отношений с миром. Ощущение усталости, истощенности бытия и бессмысленности окружающего мира преследует героя. Происходящие события не оказывают на Свидригайлова никакого воздействия, он не детерминирован ничем: ни моралью, ни этикой, ни религией, ни совестью. Мир для него — средство самопознания и самоутверждения. С миром Свидригайлов выстраивает свои отношения, вернее, он выстраивает свой мир, и этот мир — мир театральный, искусственный, игровой, а сам герой — и режиссер, и актер, и критик, старающийся вовлечь в свою театральную постановку окружающих.

Уже во внешности Свидригайлова подчеркивается масочность, кукольность:

«Это было какое-то странное лицо, похожее какъ бы на маску: бѣлое, румяное, съ румяными, алыми губами, съ свѣтло-бѣлокурою бородой и съ довольно еще густыми бѣлокурыми волосами. Глаза были какъ-то слишкомъ голубые, а взглядъ ихъ какъ-то слишкомъ тяжелъ и неподвиженъ. Что-то было ужасно непріятное въ этомъ красивомъ и чрезвычайно моложавомъ, судя по лѣтамъ, лицѣ»².

Вся жизнь Свидригайлова в романе выстраивается как игра, игра с любовью (как объект любви Марфы Тимофеевны и как субъект любви к Дунечке), игра с Раскольниковым, игра с жизнью, в конце концов, игра со смертью.

Реальность отвратительна Свидригайлову. В ней он не видит ни смысла, ни цели:

«Вѣрите ли, хотя бы что-нибудь было; ну, помѣщикомъ быть, ну, отцомъ, ну, уланомъ, фотографомъ, журналистомъ... н-ничего, никакой спеціальности! Иногда даже скучно...» (Ө. Д.: 451–452).

Он — никто, и поэтому реальная жизнь как бы подвергается им эстетической деконструкции. Именно игровое поведение удовлетворяет идеалам индивидуального самовыражения, свойственного Свидригайлову. Его можно рассматривать как тип героя, которого назовут *Homo ludens* — человек играющий.

Свидригайлов театрализует действительность, пытаясь игрой опровергать жизнь, в которой ему скучно. Он создает некое театрализованное пространство и создает этот подчас сюрреалистический театр с известной долей изящества. Игра становится у Свидригайлова методом жизнетворчества. Мимикрия, обман, фантазия изначально заложены в онтологию игры, и мы

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. VII. С. 450. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ө. Д.* и указанием страницы в круглых скобках.

видим, как Свидригайлов окружает себя системой симулякров, мистифицирует, провоцирует окружающих. Может представиться злодеем, подлецом, тираном, а когда захочет — «человѣкомъ съ весьма обворожительными манерами» (Θ. Д.: 483).

Девизом Свидригайлова могут служить слова:

«Всякъ объ себѣ самъ промышляетъ и всѣхъ веселѣй тотъ и живетъ, кто всѣхъ лучше себя сумѣетъ надуть» (Θ. Д.: 463).

Он и «надувает» и себя, и окружающих: исполняет роль супруга и даже тирана с хлыстом (но ведь это нравится женщинам), исполняет роль хозяина, льстит, прикидывается, «джентльменничает», ради достижения своих целей может даже «прикинуться алчущимъ и жаждущимъ свѣта» (Θ. Д.: 458), играет, «грубостію своего обращенія и насмѣшками» прикрывает от других «всю истину» своего отношения к Дунечке (Θ. Д.: 35). Вот он, как сам признается, разыгрывает спектакль, пытаясь затянуть в свои сети Дунечку:

«...постарался прикинуться пораженнымъ, смущеннымъ, ну, однимъ словомъ, сыгралъ роль не дурно» (Θ. Д.: 458).

Вот он распоряжается похоронами Катерины Ивановны.

Вот он ставит стул с другой стороны двери — чтобы в следующий раз подслушивать разговоры Сонечки и Раскольникова, сидя, как в партере.

Вот он «программирует» Раскольникова на «случайную встречу» в трактире, ловко манипулируя его сознанием и разыгрывая перед ним спектакль с отъездом на Елагин, но, «отѣхавъ не болѣе ста шаговъ, расплатился съ коляской и самъ очутился на тротуарѣ» (Θ. Д.: 468).

И, наконец, напоследок разыгрывает приготовления к своей женитьбе, где невеста — куколка, а поведение Свидригайлова — игра в жениха. Театральный нарратив налицо и акцентируется:

«Посмотрѣли бы вы, какъ я разговорился съ папашей и съ мамашей! Заплатить надо, чтобы только посмотрѣть на меня въ это время» (Θ. Д.: 462).

Причем, затеявая свадьбу, герой изначально знает, что это лишь постановка, и претворять ее в жизнь он изначально не намеревался.

Даже его самоубийство срежиссировано. Если самоубийца выбирает тихое, укромное место, без свидетелей и очевидцев, то Свидригайлов, как режиссер, тщательно выбирает место действия. Он идет «по скользкой, грязной, деревянной мостовой», вдоль «уныло и грязно» смотрящих «ярко-желтыхъ деревянныхъ домиковъ съ закрытыми ставнями» (Θ. Д.: 492):

«Грязная, издрогшая собачонка, съ поджатымъ хвостомъ перебѣжала ему до рогу. Какой-то мертво-пьяный, въ шинели, лицомъ внизъ, лежалъ поперекъ тротуара. <...> Высокая каланча мелькнула ему влѣво. — Ба! — подумалъ

онъ, — да вотъ и мѣсто, зачѣмъ на Петровскій? По крайней мѣрѣ при официальномъ свидѣтелѣ...» (Ө. Д.: 492).

Вот она, подходящая декорация, вот зритель. По привычке он «чуть не усмѣхнулся этой новой мысли и поворотилъ въ —скую улицу» (Ө. Д.: 492).

И только один спектакль пошел не по задуманному сценарию. Это свидание с Дуней, спектакль, который неожиданно погружает героя в реальность, когда он пытается спастись, найти опору, обрести спасительную, жизнестроительную идею в любви к Дунечке и в помощи Раскольникову. Как замечает Т. А. Касаткина, Дуня для Свидригайлова — «последняя зацепка, последняя надежда спастись от дурной бесконечности иронии, от неотвратимого самоистребления. Последняя надежда на цель, на веру. <...> Здесь холодный ироник, с усмешкой запланировавший свой "вояж", вдруг безумно поверил в возможность еще для себя жизни» [Касаткина: 151].

Мелодраматический спектакль дается через восприятие героя, его режиссерское видение и осмысление:

«Дуня подняла револьверъ и, мертво-блѣдная, съ побѣлѣвшею, дрожавшею нижнею губкой, съ сверкающими, какъ огонь, большими черными глазами смотрѣла на него...» (Ө. Д.: 477–478).

Свидригайлов мог легко справиться с Дуней, отнять у нее револьвер, но он этого не делает, провоцируя ее на выстрелы. Согласимся с Т. А. Касаткиной, что «не "мужское благородство" в поединке проявляет Свидригайлов, когда дает возможность выстрелить еще и еще — он делает свою гибель практически неотвратимой» [Касаткина: 153]. Свидригайлов готов умереть «от руки любимой женщины, когда понял, что ошибался, что Дуня совсем не любит его» [Касаткина: 154].

Как замечает В. Н. Захаров, «шулер в жизни» Свидригайлов и в этой ситуации — игрок, «еще до приезда в Петербург Свидригайлов поставил жизнь на карту: или Дуня — или вояж в "Америку" (самоубийство). Для него Дуня — залог будущей жизни», и своим отказом она «вынесла ему окончательный приговор» [Захаров: 537].

Режиссер теряет власть над происходящим, реальность побеждает, маска слетает с героя:

«Злобная и насмѣшливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавшихъ еще губахъ его» (Ө. Д.: 476).

Как отмечает Т. А. Касаткина, это была «злоба и насмешка прежде всего над собой — он, и поверил!» [Касаткина: 151]. Он вдруг чувствует себя не актером в собственном спектакле, не игроком и шулером, а человеком. Свидригайлов выпадает из созданного им мира, как бы проваливается в авторский

текст, что свидетельствует о поражении, полном распаде его театрализованного, игрового, ложного пространства. Дунечкино «никогда» окончательно разрушает надежды на спасение. Участь Свидригайлова решена, «ему надо согласиться в душе принять последний приговор, окончательно отказать от последней надежды», «"вояж" стал неизбежен» [Касаткина: 155].

«Надутый», выстроенный игровой мир Свидригайлова лопается, как мыльный пузырь. Но самое трагическое, что он это знал и в счастливую развязку явно не верил! А значит, эта попытка — тоже часть игры. И еще один нюанс, отмеченный Т. А. Касаткиной, — непрерывность театрального действия, в которое герой превращает свою жизнь: «Своим самоубийством он подчеркнуто заканчивает незаконченное Дуней: берет оставленный ею пистолет и стреляет в правый висок — в правый же висок попала Дуня» [Касаткина: 154].

Окончание спектакля имеет поистине трагедийный финал, где каждое движение имеет символический смысл, который раскроется позже:

«Свидригайловъ простоялъ еще у окна минуты три; наконецъ медленно обернулся, осмотрѣлся кругомъ и тихо провелъ ладонью по лбу. Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаянія» (Ө. Д.: 478).

Проведя ладонью по лбу, Свидригайлов как бы снимает с себя налет реальности, в которую он переместился ради свидания с Дунечкой в надежде на спасение. Он вновь надевает маску и возвращается в свой сюрреалистический театр: идет кутить, встречается с какими-то певчими, которые «увлекли его наконецъ въ какой-то увеселительный садъ, гдѣ онъ заплатилъ за нихъ и за входъ. Въ этомъ саду была одна тоненькая, трехлѣтняя елка и три кустика. Кромѣ того, выстроенъ былъ "вакзалъ", въ сущности распивочная, но тамъ можно было получить и чай, да сверхъ того стояли нѣсколько зеленыхъ столиковъ и стульевъ. Хоръ скверныхъ пѣсенниковъ и какой-то пьяный мюнхенскій Нѣмецъ въ родѣ паяца, съ краснымъ носомъ, но отчего-то чрезвычайно унылый, увеселяли публику» (Ө. Д.: 480).

Как сценографическая составляющая зловещего спектакля выглядит и разразившаяся гроза:

«Между тѣмъ вечеръ былъ душный и мрачный. Къ десяти часамъ надвинулись со всѣхъ сторонъ страшныя тучи; ударилъ громъ, и дождь хлынулъ, какъ водопадъ. Вода падала не каплями, а цѣлыми струями хлестала на землю. Молнія сверкала поминутно, и можно было сосчитать до пяти разъ въ продолженіе cadaго зарева» (Ө. Д.: 480).

В современной культурологической традиции игровой принцип рассматривается как один из основных феноменов человеческого бытия, посредством которого была найдена «некая универсальная сфера деятельности», «некое универсальное пространство, примиряющее человекoв,

дающее им хоть какие-то шансы, оправдывающие их порой невыносимое существование» [Хейзинга: 9].

Игра, театрализация жизни предстает как эстетический миф героя о самом себе, где реальное и воображаемое в релятивистском сочетании не различаются, где размываются ценностные ориентации, а жизнь как бы опровергается игрой. Свидригайлов создает образ «возможного другого», одновременно дистанцируясь от него и сближаясь с ним, а маска становится не только способом самовыражения и самоутверждения героя, но и замещает его собственную личность. В какой-то момент становится ясно, что «поединок» Свидригайлова и Дунечки оборачивается фактом борьбы героя с собственным симулякром — маской, ролью. Трагедия же состоит в том, что сил выйти из игры, переиграть маску уже не остается.

Как герой-нарратор Свидригайлов создает миф о себе и своей жизни, наполняя ее симулякрами, провокациями, иронической ложью. Он говорит о себе:

«...я человекъ развратный и праздный» (Θ. Д.: 279), «скверный и пустой человекъ», «развратникъ и потаскунъ, который серьезно полюбить не въ состояніи» (Θ. Д.: 455), «я вѣдь человекъ мрачный, скучный» (Θ. Д.: 461), «я человекъ грѣшный», «я люблю клоаки именно с грязнотой» (Θ. Д.: 463), «самъ я бѣлоручка, этого и придерживаюсь» (Θ. Д.: 474).

В высказываниях о нем другие герои просто повторяют его самохарактеристики:

«...онъ мнѣ показался ужасенъ, ужасенъ» (Пульхерия Александровна) (Θ. Д.: 286); «это самый развращенный и погибшій въ порокахъ человекъ, изъ всѣхъ подобнаго рода людей!», «человекъ хитрый и обольстительный насчетъ дамъ» (Лужин) (Θ. Д.: 286, 288); «этотъ человекъ очень къ тому же былъ непріятенъ, очевидно чрезвычайно развратенъ, непременно хитеръ и обманчивъ, можетъ быть, очень зол. Про него ходятъ такіе рассказы» (Θ. Д.: 445), «вы, можетъ быть, и самый опасный человекъ, если захотите вредить» (Θ. Д.: 450), «въ Свидригайловѣ онъ убѣдился какъ въ самомъ пустѣйшемъ и ничтожнѣйшемъ злодѣе въ мірѣ» (Θ. Д.: 454), «развратный, низкій, сладострастный человекъ!» (Θ. Д.: 464), «грубый злодѣй, сладострастный развратникъ и подлецъ» (Раскольников) (Θ. Д.: 468).

Как верно отмечает Т. А. Касаткина, «все чувствуют, что для него нет ничего обязательного, непререкаемого, непреступного — и ждут от него всего самого ужасного, и, установившись на этом, не верят ничему доброму от него исходящему, во всем ищут иных причин и нечистых целей» [Касаткина: 146].

Свидригайлов с видимым удовольствием мистифицирует и провоцирует окружающих. Даже рассказывая о своих вполне благородных поступках,

он представляет их так, что выглядит, как восклицает Раскольников, «развратнымъ, низкимъ, сладострастнымъ человѣкомъ» (Ө. Д.: 464). На что Свидригайлов отвечает с присущей ему дразнящей и провокационной иронией:

«А знаете, я нарочно буду вамъ этакія вещи рассказывать, чтобы слышать ваши вскрикиванія. Наслажденіе!» (Ө. Д.: 464).

Онтологическая «странность» Свидригайлова заключается в его «непроницаемости», «непрозрачности», «непонятности» для окружающих и для мира, в котором его объявили преступником и негодяем, вынесли приговор, сообразно существующей морали и закону, но главное — основываясь на его же провоцирующих подсказках. А между тем список его добрых, благородных дел гораздо представительнее, чем список злодеяний, в которых его подозревают.

Не является ли Свидригайлов тем новым типом европейца, который Г. Гессе назвал богодьяволом и которого увидел именно в героях Достоевского, в которых внешнее и внутреннее, добро и зло, Бог и сатана неразрывно слиты [Гессе: 106]? Неслучаен вопрос, которым задается Свидригайлов:

«Тутъ весь вопросъ: извергъ ли я, или самъ жертва? Ну, а какъ жертва?» (Ө. Д.: 270).

«Изверг» и «жертва» в одном лице — сугубо постмодернистский дискурс.

Поведение Свидригайлова не подчиняется «логике здравого смысла». Ему свойственен симуляционный, провокативный тип поведения. Провокация как поведенческий модус особенно явственно выявляется в его отношениях с Раскольниковым. Он профанирует его действия, его теорию, его мысли и поступки, о чем и догадывается Раскольников:

«Вы, кажется, нарочно хотите меня раздражить...» (Ө. Д.: 467).

Характер взаимоотношений Свидригайлова с миром строится по принципу децентрации, рассеивания твердых смыслов любого явления с помощью построения парадоксов, перевертышей, разрушительной иронии. Свидригайлов «не-слышит» и «не-слушает», ему неинтересны окружающие, а если интерес проявляется, то только в том случае, когда он ищет какую-либо выгоду или пользу для себя (причем, отнюдь не материального плана).

Свидригайлов деконструирует действительность в симулятивную гиперреальность театра абсурда, где размываются границы между истинным и ложным, где все подвергается осмеянию и отрицанию, что выражается в постоянном смехе Свидригайлова, в его улыбке, насмешке, ухмылке, осмеивающей иронии и самоиронии и т. д. Смех Свидригайлова имеет особые семантические нюансы. Вообще, смех — это образ коммуникации. Посредством смеха человек заявляет миру о себе, точнее — о своем состоянии.

Но смех Свидригайлова носит симулятивно-наигранный характер и зачастую не имеет ситуативной обусловленности.

Герой часто смеется: он может «спокойно разсмѣяться» (Ө. Д.: 269), «опять разсмѣлся» (Ө. Д.: 272), «прибавилъ онъ, опять засмѣявшись» (Ө. Д.: 273), «вдругъ расхохотался» (Ө. Д.: 278), «вдругъ громко и коротко разсмѣлся» (Ө. Д.: 282), «продолжалъ Свидригайловъ, колыхаясь отъ смѣха» (Ө. Д.: 421), у него «плутовская улыбка» (Ө. Д.: 451), «хохоча отвѣчалъ Свидригайловъ» (Ө. Д.: 453), «захохоталъ Свидригайловъ» (Ө. Д.: 463), «хохоталъ во все горло» (Ө. Д.: 464). Многочисленны его «ха-ха» и «хе-хе-хе». Смех героя становится то маской, то защитой и прикрытием, то стеной, которую герой возводит между собой и окружающей жизнью, за смехом он скрывает свой страх, проявления совести, отрицание.

Герой отказывается от рационалистического объяснения мира и утверждает приоритет мистического, субъективного мышления. Как отмечает В. Н. Захаров, Свидригайлов «предстает перед Раскольниковым в мистических бликах потустороннего мира» [Захаров: 536]: «"Посещения" призраков придают жизни Свидригайлова фантастический колорит. Призраки приходят, правда, за тем только, чтобы справить мелочные житейские дела. Чем обыденнее призраки, тем призрачнее действительность. А призрачно сиюминутное настоящее Свидригайлова — жизнь, отлетающая в прошлое, жизнь без будущего» [Захаров: 536]. Как полагает В. Н. Захаров, «рассказы Свидригайлова о привидениях и его предсмертный кошмар передают безысходность отрицания морали. Свидригайлов циничен, его широкий ум без направления» [Захаров: 536]. «Широкий ум без направления» — емкая характеристика героя постмодернизма!

Т. А. Касаткина пишет, что «зыбкость», «фантазийность» отразились в структуре образа героя: «...Свидригайлову не только являются привидения, причем, как это было многократно отмечено, предельно "бытовые" привидения, что ощутимо размывает границы реального мира, — Свидригайлов пытается это обосновать логически: "Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и порядка. Ну, а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира..." <...>. Иронику, вышедшему в дурную бесконечность иронии, именно и должны являться привидения — ибо он, разрушив все абсолютные ценности, тем самым и нарушил "земной порядок". Однако, повторим, Свидригайлову не только являются привидения, он не только в своем ночном кошмаре упорно не различает границ сна и яви, но он сам является как привидение (Раскольникову, а, возможно, и Соне в свою последнюю ночь — недаром дети Капернаумова убежали в неопisanном ужасе)» [Касаткина: 147].

Обращаясь к снам Свидригайлова, Т. А. Касаткина продолжает: «...второе видение и эстетически воспринимается как безобразное и вызывает вдруг у Свидригайлова ценностную реакцию: «Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка. "Как! пятилетняя! — прошептал в ужасе Свидригайлов, — это... что ж это такое?" <...>. В этот момент для него вдруг возрождается ценность целомудрия. <...> ...вдруг оказываются какие-то незабываемые ценности, и его, оказывается, еще волнуют вопросы "гражданина и человека". И видно, не напрасна была надежда Свидригайлова на Дуню: да, была в нем самом еще зацепка, можно было еще ему жить» [Касаткина: 156].

Как полагает В. Н. Захаров, «в реакции Свидригайлова на этот поворот услужливой фантазии проявляется нравственная оценка, за которой стоит решимость истребить самого себя. <...> То, что всё именно так разыгралось в воображении Свидригайлова, бесконечно унизило его, удостоверив его в неискоренимости его свидригайловской натуры. В этом эпизоде кошмара выражается свидригайловское отношение к "деткам", многое объясняющее в романе: не чуждый гуманных побуждений, он низок, подл и жесток в "идеале Содомском"» [Захаров: 540].

Сны, грезы, бред Свидригайлова — своего рода онейрический текст, в котором раскрываются страхи, прозрения, подозрения, комплексы героя. Он как бы выступает аналитиком своей онейрической прозы в процессе своего повествования. В снах Свидригайлова — его представления о действительности, о ее отвратительности, лживости, глубине разложения, о своем незавидном месте в ней.

Не случайно в самом начале романа Достоевский как бы предваряет введение в роман снов героев, указывая на ту роль, которую они играют в прояснении сути характеров героя, их судеб и событий. Это своеобразная метапроза о снах, занимающая значительное место в произведениях Достоевского [Савельева: 4]:

«Въ болѣзненномъ состояніи сны отличаются часто необыкновенною выпуклостію, яркостью и чрезвычайнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процессъ всего представлѣнія бывають при этомъ до того вѣроятны и съ такими тонкостями, неожиданными, но художественно соотвѣтствующими всей полнотѣ картины подробностями, что ихъ и не выдумать на яву этому же самому сновидцу, будь онъ такой же художникъ, какъ Пушкинъ или Тургеневъ. Такіе сны, болѣзненные сны, всегда долго помнятся и производятъ сильное впечатлѣніе на разстроенный и уже возбужденный организмъ человѣка» (Ө. Д.: 57).

Метафизическая реальность, которую чувствует, видит и пытается осмыслить Свидригайлов, действующие законы вечного возвращения не совпадают с наличным бытием и потому включаются в подсознательную игру воображения, явленную в снах, грезах и бреде героя. Он понимает,

чувствует, что жизнь нельзя «переиграть», что нужно расплачиваться вначале своими близкими, а потом и собственной жизнью за совершенные деяния, а игра в жизнь обращается в человеческую трагедию.

Как полагает Р. Г. Назиров, «для изолировавшегося от общества мыслителя экзистенциалистского типа не может быть внешней опоры: каждый экзистенциалист в принципе тяготеет к солипсизму, а потому должен в полном одиночестве решать проблему бытия. Только приняв опору в Соне, отказавшись с её помощью от экзистенциалистской позиции, Раскольников смог вернуться к жизни. Свидригайлов, увидев невозможность какой бы то ни было внешней опоры, приходит к логическому концу» [Назиров].

Свидригайлов явно испытывает мучительный экзистенциальный страх перед будущим. Но не потому, что боится, как сложится его жизнь. Он об этом вообще не думает: «Для ироника существует только один выход — уничтожение своей личности в том или другом виде, но это может быть уход в небытие или отрицание своей личности для "жизни вечной"» [Касаткина: 144]. Свидригайлов равнодушен к любым проявлениям зла или добра, убийца Раскольников интересует его лишь как объект для исследования, удовлетворения любопытства. Он не обижается на нелицеприятные отзывы о себе, на оскорбления потому, что мнение людей его мало интересует. В мире героя будущее как временной континуум не присутствует, «у Свидригайлова нет будущего...» [Захаров: 536].

Тайну превосходства Свидригайлова над Раскольниковым Р. Г. Назиров видит в том, что Свидригайлов (как истинный герой постмодернизма) не дорожит жизнью, «не слишком» хочет жить. Он может себе позволить барскую роскошь швырнуть свою жизнь к подножию каланчи на Петербургской стороне. Аристократическое, высокомерное *taedium vitae* ставит его выше тех, кто любит эту жизнь вопреки всем её ужасам» [Назиров].

Он не верит в Бога, но верит в мир иной, называя себя «мистикомъ отчасти» (Ө. Д.: 453). Вечность как темная, тесная комната «с пауками по углам» — проекция страхов Свидригайлова, что иной мир так же страшен и уродлив, как реальный. И тогда что есть его самоубийство? Этот побег, «вояж» в Америку, поиск земли обетованной — последний акт провалившегося спектакля, проигранной игры с жизнью (шулер, сам себя обманувший?) и желание выяснить, что же будет, когда «закроется занавес». Мотив «возвращения» явственно проявляется в «свидригайловском тексте». Свидригайлов все время пытается выйти из одного круга жизни и перейти в другой. Но при этом постоянно возвращается. Поэтому смерть становится попыткой вырваться, выйти наконец-то в другую жизнь.

Свидригайлов признается «в непростительной слабости»: «...боюсь смерти и не люблю, когда говорить о ней» (Ө. Д.: 453). Почему же он «одолел» этот страх, и этим поражает Раскольникова? Может, потому, что в самоубийстве Свидригайлов, идя ва-банк, ищет не смерти, а иной жизни?

Прав Б. Н. Тихомиров, проницательно увидевший в герое Достоевского огромный потенциал, во многом не реализованный в рамках хронотопа романа «Преступление и наказание». Он — прототип, предтеча нового героя нового романа XX столетия, своей масштабностью и мощью уже изначально возвышающийся над своими современными «младшими собратьями».

Список литературы

1. Гессе Г. Братья Карамазовы, или Закат Европы // Гессе Г. Письма по кругу. М.: Прогресс, 1987. С. 104–115.
2. Захаров В. Н. «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 529–544.
3. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского: типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
4. Назиров Р. Г. Загадка Свидригайлова. К 200-летию Ф. М. Достоевского // Бельские просторы [Электронный ресурс]. URL: <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-10-15/10-2021-romen-nazirov-zagadka-svidrigaylova-k-200-letiyu-f-m-dostoevskogo-2548382> (02.09.2022).
5. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы: Жазушы, 2013. 520 с.
6. Семькина Р. С.-И. «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского и «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева: диалог сознаний // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2004. № 33. С. 74–86.
7. Тихомиров Б. Н. Другой Свидригайлов: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы) // Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения: межвуз. сб. науч. трудов. М.; Иркутск: ФБГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования», 2011. Вып. 25: Ф. М. Достоевский: О творчестве и судьбе. К 190-летию со дня рождения. С. 141–152.
8. Хейзинга Й. Homo ludens: статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

References

1. Gesse G. The Brothers Karamazov, or The Downfall of Europe. In: *Gesse G. Pis'ma po krugu* [*Hesse H. Letters in a Circle*]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 104–115. (In Russ.)
2. Zakharov V. N. "Orthodox View": Ideas and Ideal. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007, vol. 7, pp. 529–544. (In Russ.)
3. Kasatkina T. A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnykh orientatsiy* [*Characterology of Dostoevsky. Typology of Emotional Value Orientations*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 336 p. (In Russ.)
4. Nazirov R. G. The Riddle of Svidrigailov. In: *Bel'skie prostory*. Available at: <https://belprost.ru/articles/literaturovedenie/2021-10-15/10-2021-romen-nazirov-zagadka-svidrigaylova-k-200-letiyu-f-m-dostoevskogo-2548382> (accessed on September 2, 2022). (In Russ.)
5. Savel'eva V. V. *Khudozhestvennaya gipnologiya i oneyropoetika russkikh pisateley* [*Artistic Hypnology and Oneuropoetics of Russian Writers*]. Almaty, Zhazushy Publ., 2013. 520 p. (In Russ.)

6. Semykina R. S.-I. “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky and “Moscow-Petushki” by Venedikt Erofeev: Dialogue of Consciousnesses. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts]. Ekaterinburg, 2004, no. 33, pp. 74–86. (In Russ.)
7. Tikhomirov B. N. Another Svidrigailov: An Unrealized Intention of Dostoevsky at the Beginning of 1867 (Remarks and Suppositions). In: *Tri veka russkoy literatury: aktual'nye aspekty izucheniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Three Centuries of Russian Literature: Essential Aspects of Study: Interuniversity Collection of Scientific Works]. St. Petersburg, Moscow, Irkutsk, 2011, issue 25, pp. 141–152. (In Russ.)
8. Huizinga J. *Homo ludens: stat'i po istorii kul'tury* [Homo ludens: Articles on the History of Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ, 1997. 416 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юрьева Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8424-4202>; e-mail: yuolyu@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.11.2022

Принята к публикации / Accepted 01.12.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483

EDN: ILGACJ

Ф. М. Достоевский и К. Е. Голубов

Н. Саису

*Нагойский университет иностранных исследований
(г. Нагоя, Япония)*

e-mail: saisu.naohito.o31@kyoto-u.jp

Аннотация. В статье рассмотрена роль духовных исканий К. Е. Голубова в творчестве Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. Писателю были интересны старообрядцы, перешедшие в единоверие (инок Парфений, Павел Прусский, К. Е. Голубов). Опубликованные в 1868 г. Н. И. Субботиным выдержки из работ К. Е. Голубова стали поводом для размышлений Достоевского о свободе, о России и Западе, о том, кто для русских нигилистов мог бы послужить примером возвращения к почве, к народной жизни, выступить духовным наставником в продвижении человека к истине. Пришедший к единоверию старообрядец с неприятием относился к европейскому пути развития. Его позиция в отношении к дарвинизму была близка взглядам последовательного антидарвиниста Н. Н. Страхова. Достоевский связал образ К. Е. Голубова с представлением о «новых русских людях». Включив в высказывание Мышкина суждение купца из старообрядцев, писатель имел в виду П. Прусского и К. Е. Голубова. Жизнь и мысли К. Е. Голубова тесно связаны с концептом «русского человека», который, по мнению Достоевского, после духовного кризиса и долгих исканий обретает русского Бога и русскую землю.

Ключевые слова: Достоевский, К. Е. Голубов, старообрядцы, единоверие, Запад и Россия, русский человек, дарвинизм, Идиот, Атеизм

Благодарность. Исследование выполнено по гранту «Грантовая помощь для стипендиатов Японского общества содействия развитию науки» (проект № 20J00263).

Для цитирования: Саису Н. Ф. М. Достоевский и К. Е. Голубов // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 214–222. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483. EDN: ILGACJ

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483

EDN: ILGACJ

F. M. Dostoevsky and K. E. Golubov

Naohito Saisu

*Nagoya University of Foreign Studies
(Nagoya, Japan)*

e-mail: saisu.naohito.o31@kyoto-u.jp

Abstract. The article examines the place and role of K. E. Golubov's spiritual quest in the context of F. M. Dostoevsky's work of the late 1860's. Dostoevsky pondered what may lead young Russian nihilists back to the soil, to Russian folk life, and who may become their spiritual mentors. Dostoevsky was interested in K. E. Golubov's personality and world outlook and in the very fact of his conversion to Edinoverie as a natural progression of the modern man towards the truth. The writer was close to the former Old Believer, who was averse to the modern European development path. K. E. Golubov's position on Darwinism as a cultural phenomenon was primarily close to that of the staunch anti-Darwinist N. N. Strakhov. The Old Believer firmly believed that man has a spiritual nature, unlike animals. Golubov's stance on man could not fail to attract Dostoevsky's attention. Besides, the views of the former Old Believer and the writer are similar in regard to the consequences of the dissemination of natural scientific ideas in modern society, whose spiritual foundations have been shaken: both defend the divinely inspired spiritual nature of man. Dostoevsky, in a letter to A. N. Maykov dated December 11 (23), 1868, depicted K. E. Golubov as the link to the idea of 'new Russian people'. In "The Idiot", by creating a scene of Myshkin's speech at Yepanchin's party and by including a remark of the Old Believer merchant in his speech, the writer was implicitly referring to P. Prussky and K. E. Golubov, introducing the theme of "their" God and the exceptionally sharp contrast between the East and the West.

Keywords: Dostoevsky, K. E. Golubov, Old Believers, Edinoverie, West and Russia, Russian Man, Darwinism, The Idiot, Atheism

Acknowledgements. The study was carried out by Grant-in-Aid for JSPS Fellows (Project No. 20J00263).

For citation: Saisu N. F. M. Dostoevsky and K. E. Golubov. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 214–222. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6483. EDN: ILGACJ (In Russ.)

Во второй половине 1860-х гг. внимание Достоевского привлекли старообрядцы, которые присоединились к единоверию: инок Парфений (1806–1878), Павел Прусский (1821–1895), К. Е. Голубов (1842–1889).

В письме А. Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 г. из Дрездена писатель подробно объясняет содержание и план своего будущего романа «Житие великого грешника», отмечая, что в романной сцене, происходящей в монастыре, участвуют персонажи, имеющие реальные прототипы, в том числе инок Парфения, Павла Прусского и Константина Голубова:

«Тут же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему Чаадаеву не просидеть года в монастыре? Предположите, что Чаадаев,

после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, за границей, на французском языке, брошюру, — очень и могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие: Белинский наприм<ер>, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип.) В монастыре есть и Павел Прусский, есть и Голубов, и инок Парфений. (В этом мире я знаток и монастырь русский знаю с детства.) Но главное — Тихон и мальчик»¹.

Слова «в этом мире я знаток» свидетельствуют о том, что писатель был знаком не только с жизнью русских монастырей, но и с жизнью старообрядцев.

Так, Достоевский высоко ценил книгу инока Парфения «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инок Парфения» (1856)² [Якубович], [Баршт], [Mochizuki]. В молодости инок Парфений принадлежал к поповцам (т. е. старообрядцам, признающим церковную иерархию и священство), но в религиозных исканиях и странствиях обратился к единоверию.

Достоевский был впечатлен личностью В. И. Кельсиева, который в 1860-х гг. совместно с А. И. Герценом издал в Лондоне четыре тома «Сборника правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862), где были опубликованы секретные документы чиновников Министерства внутренних дел о старообрядцах и сектантах. Кельсиев задался целью установить контакты и вел пропаганду среди религиозных групп, собираясь организовать политическое восстание с помощью раскольников. Поняв несостоятельность своей программы, он разочаровался в своих ожиданиях и в 1867 г. вернулся в Россию. Раскаяние и возвращение Кельсиева на родину впечатлили Достоевского. В письме А. Н. Майкову от 21 октября 1867 г. он сообщал:

«Об Кельсиеве с умилением прочел. Вот дорога, вот истина, вот дело!» (Д30; т. 28₂: 227).

Впервые вопрос об отношении Достоевского к Павлу Прусскому и Голубову затронула Н. Ф. Буданова [Буданова, 1975: 178–180; Буданова, 2007]. Она обратила внимание на сходство суждений К. Е. Голубова и литературного персонажа с фамилией Голубов и отметила, что Достоевский, скорее всего, узнал о Павле Прусском и Голубове из статьи Н. И. Субботина «Русская

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 118. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Заглавные буквы в написании имен Бога, вынужденно пониженные в этом издании по цензурным требованиям того времени, восстанавливаются.

² Парфений А. П. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника Святая Горы Афонския инок Парфения: в 4 ч. М.: Тип. Александра Семена, 1856.

старообрядческая литература за границей», опубликованной в июльском и августовском номерах журнала «Русский Вестник» за 1868 г.³ В июльском номере «Русского Вестника» были напечатаны IX–XII главы второй части, в августовском номере — начало третьей части романа «Идиот». Именно в это время Достоевский познакомился с незаурядной личностью Голубова.

Первая статья Субботина посвящена религиозно-нравственным взглядам Голубова, цитаты из сочинений которого занимают более половины текста. Во второй статье речь идет о том, как Павел Прусский и его ученики пришли к единоверию. В Пруссии и Иоганнисбурге (совр. польский город Пиш) при Павле Прусском Голубов издавал старообрядческие книги и журнал «Истина» (1863–1868), перешел в единоверие и вернулся в Россию, остался в Пскове, где продолжал издательскую деятельность⁴.

В статьях «Живот мира», «Истинное благо», «Плод жизни», «Образованность» и в переписке с Н. П. Огаревым («Частные письма об общем вопросе») К. Е. Голубов писал, что социальная иерархия и неравенство между людьми необходимы для стабильности государства, высказывался против женской эмансипации и отмены крепостного права⁵. Он отрицал западные идеи прогресса, пользу западного просвещения и науки. Прозападное ускоренное самоусовершенствование, с его точки зрения, обернется рассогласованностью «правды с терпением», «жизни с верою». *Неограниченной* свободе, несущей «бесчиние» и разврат, автор решительно противопоставляет истинную свободу, неразрывно связанную с «самостеснением» (Субботин, № 7: 116).

В Пруссии Голубов познакомился с трудами западноевропейских философов, которые нашли отражение в его сочинениях, чего нельзя сказать о трудах инок Парфения.

С начала 1860-х гг. в России стали издавать труды Дарвина. О Дарвине писал, например, Н. Н. Страхов (статья «Дурные признаки. (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов»)»⁶) (см. об этом: ДЗ0; т. 29; с. 250). Как подчеркивает Н. Г. Михновец, Страхов был убежден, что жизнь человека есть «тайна для ума» [Михновец: 135]. Критик настаивал на необходимости разграничения религиозно-философского и научного понимания природы, а как следствие,

³ Субботин Н. И. Русская старообрядческая литература за границей. Кн. 1–2 // Русский Вестник. М., 1868. № 7. С. 103–129; № 8. С. 325–352. Далее ссылки на сочинение приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Субботин* и указанием номера журнала и страницы в круглых скобках.

⁴ См.: Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. Т. 27. С. 702–703.

⁵ К примеру, в письме Огареву он критиковал статью А. И. Герцена «Порядок торжествует» (1866), увидевшую свет в журнале «Колокол». В письмах к Огареву Голубов называет себя мужиком: «Вы не оскорбитесь, любезный Николай Платонович, что я разгулялся в выражениях простоватых: с мужика много требовать, надеюсь, вы не будете. Я только говорю вам об нашем мужицком русском понятии дел общественных» (Субботин, № 7: 123).

⁶ Страхов Н. Н. Дурные признаки (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов») // Время. 1862. № 11. Современное обозрение. С. 158–172.

на недопустимости перенесения ее законов, идеалов и норм на жизнь человека⁷. В отношении к дарвинизму Достоевский, который также проявлял внимание к нему⁸, видел близость антизападных взглядов К. Е. Голубова и Н. Н. Страхова.

В письме Достоевского А. Н. Майкову от 11 (23) декабря 1868 г. из Флоренции, где речь шла об окончании романа «Идиот» (1868) и о плане замысла романа «Атеизм», писатель представил К. Е. Голубова как «одного из грядущих русских людей»:

«А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Прусском, о котором напечатана статья с выписками в июньском⁹ номере "Русского вестника". Это не тип грядущего русского человека, но, уж конечно, один из грядущих русских людей» (ДЗ0; т. 28₂: 328).

В том же письме Достоевский писал А. Н. Майкову:

«Вы, конечно, не можете себе вообразить, как Ваши письма меня здесь оживляют. Вот уже с мая месяца не читал ни одной русской газеты! Получаю только один "Русский вестник", и день получения книжки — целый праздник» (ДЗ0; т. 28₂: 327).

Бесспорно, Достоевский читал эти статьи о Павле Прусском и о Голубове. Их личности совпадают с типом «русского человека», который, странствуя, ищет настоящую русскую веру (русскую землю, русского Бога, русского Христа).

С темой «русского человека» перекликается одно высказывание князя Мышкина на вечере у Епанчиных в четвертой части романа «Идиот» (см.: ДЗ0; т. 8: 450–451), о чем писал Г. М. Фридлендер [Фридлендер: 405]¹⁰. Сначала герой Достоевского высказывает свое отрицательное отношение к католицизму и Риму, затем переходит к рассуждению об особенностях современного русского человека. В своем мнении он ссылается на суждение своего знакомого купца-старообрядца:

«И не нас одних, а всю Европу дивит в таких случаях русская страстность наша: у нас коль в католичество перейдет, то уж непременно иезуитом станет, да еще из самых подземных; коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насилием, то есть, стало быть, и мечом! Отчего это, отчего разом такое иступление? Неужто не знаете? Оттого, что он отечество нашел,

⁷ Страхов Н. Н. Дурные признаки. С. 163.

⁸ Об интересе Достоевского к идеям дарвинизма, их критике в его публицистическом и художественном творчестве см.: [Михновец], [Зохраб].

⁹ Достоевский ошибочно указывает, что статья о Голубове и Павле Прусском напечатана в июньском, а не в июльском и августовском номерах.

¹⁰ Подробнее о «трансформации» (воспользуемся выражением исследователя) реплики Мышкина в замысел «Атеизм» пишет Б. Н. Тихомиров (см.: [Тихомиров, 2008]).

которое здесь просмотрел, и обрадовался; берег, землю нашел и бросился ее целовать! Не из одного ведь тщеславия, не всё ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали! Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно *уверуют* в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда! "Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет". Это не мое выражение. Это выражение одного купца из старообрядцев, с которым я встретился, когда ездил. Он, правда, не так выразился, он сказал: "Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался". Ведь подумать только, что у нас образованнейшие люди в хлыстовщину даже пускались... Да и чем, впрочем, в таком случае хлыстовщина хуже, чем нигилизм, иезуитизм, атеизм?" (ДЗ0; т. 8: 452–453)¹¹.

Стоит обратить внимание на то, что Мышкин говорит о своей встрече со старообрядцем, отсылая ко времени, когда он «ездил». Из романного повествования, правда, не ясно, куда именно он ездил. Однако можно предположить, что он встретился с этим человеком во время пребывания в Европе (в Швейцарии). С нашей точки зрения, допустимо предположить в этом старообрядце, побывавшем в Европе и заявившем: «Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался», — Павла Прусского или Голубова, которые вернулись в Россию.

Принципиальное значение имеет противопоставление двух высказываний: самого старообрядца («Кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался») и его мышкинской «редакции» («Кто почвы под собой не имеет, тот и Бога не имеет»). В первом случае выражена большая страстность, а также, что примечательно, представление о Боге как о «своем». Именно так охарактеризованы взгляды купца из старообрядцев.

Между замыслом «Атеизма» и сценой в светской гостиной, где Мышкин фактически выступил с программными заявлениями, есть ключевой концепт — «русский человек», который характеризует «русскую идею»

¹¹ 11 (23) декабря 1868 г. в письме к А. Н. Майкову Достоевский высказывал подобные суждения, говоря о герое задуманного романа «Атеизм»: «Лицо есть: русский человек нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — вдруг, уже в летах, теряет веру в Бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая; глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в Бога действует на него колоссально. <...> Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины — и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (ДЗ0; т. 28₂: 329).

Достоевского¹². С 1860-х гг. понятие «русский человек» занимает важное место и в публицистике, и в художественных произведениях писателя, при том что в проблемно-тематическом аспекте оно претерпевало изменения (см: [Туниманов: 193–224], [Тихомиров, 2012: 161–190], [Буданова, 1996: 200–212]).

В задуманном романе «Атеизм» герой обретает русскую веру и землю («почву»), предстает как «русский человек», пройдя через атеизм, иезуитство, хлыстовщину и т. д. Проблемно-тематический объем этого понятия, с нашей точки зрения, расширяется благодаря включению в него ассоциаций с Павлом Прусским и Голубовым, их жизнью и трудами.

Подобно «русскому человеку», о котором говорит князь Мышкин, пересмотрел свои взгляды и герой романа «Бесы»:

«За границей Шатов радикально изменил некоторые из прежних социалистических своих убеждений и перескочил в противоположную крайность. Это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки» (ДЗ0; т. 10: 27).

Как отметила Н. Ф. Буданова, Князь и Шатов в значительной степени становятся выразителями идей К. Е. Голубова, личность которого фигурировала первоначально как самостоятельный персонаж в творческом замысле Достоевского [Буданова, 1975: 179].

В реплике Мышкина на светском вечере, как представляется, отражен не только взгляд самого автора, но и точка зрения Голубова. Кроме того, радикальность заявления Мышкина в большей мере отвечает позиции Голубова, нежели Достоевского.

Жизнь и взгляды К. Е. Голубова тесно связаны с концептом «русского человека», который, с точки зрения Достоевского, после глубокого духовного кризиса и долгих исканий, сменив разные идеологические позиции, в конце концов обретает русского Бога и русскую землю. Переход старообрядцев в единоверие на примере нескольких лиц был особенно интересен писателю, потому что в его понимании единоверие ближе к «русскому Богу», чем старообрядчество. В частности, для Достоевского-почвенника важно было, что после общения с русскими западниками и изучения западной философии и новых направлений в естествознании К. Е. Голубов вернулся в Россию и обратился к единоверию.

¹² Об истории концепта «русская идея» в русской философии см.: [Гулыга], [Песков].

Список литературы

1. Баршт К. А. О выписках из «Сказания о странствии и путешествии...» Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2017. Сб. 8 / отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. С. 87–107.
2. Буданова Н. Ф. <Примечания к роману «Бесы». § 3> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 12. С. 178–183.
3. Буданова Н. Ф. От «общечеловека» к «русскому скитальцу» и «всечеловеку» (Лексические заметки) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 200–212.
4. Буданова Н. Ф. Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Данииловых» (Новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 86–101.
5. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2018. 333 [3] с. (Сер.: Жизнь замечательных людей; вып. 1013.)
6. Зограб А. Достоевский и Дарвин // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2012. № 28. С. 30–64.
7. Михновец Н. Г. «Дарвинский» дискурс в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Su Fedor Dostoevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore. Napoli: La Scuola di Pitagora, 2012. С. 127–144.
8. Песков А. М. «Русская идея» и «русская душа»: очерки русской историософии. М.: ОГИ, 2007. 104 с.
9. Тихомиров Б. Н. Атеизм // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 280–283.
10. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 504 с.
11. Туниманов В. А. Творчество Достоевского: 1854–1862. Л.: Наука, 1980. 296 с.
12. Фридлендер Г. М. <Примечания к роману «Идиот». § 8> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. С. 404–410.
13. Якубович И. Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 136–143.
14. Mochizuki T. Вокруг дискуссий о церковном суде в «Братьях Карамазовых» // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. Granada: Universidad de Granada, 2017. No. 16. С. 172–182.

References

1. Barsht K. A. On Extracts from “The Tale of Wandering and Journey...” by F. M. Dostoevsky. In: *Khristianstvo i russkaya literatura [Christianity and Russian Literature]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, collection 8, pp. 87–107. (In Russ.)
2. Budanova N. F. Notes on the Novel “Demons”. Paragraph 3. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, vol. 12, pp. 178–183. (In Russ.)
3. Budanova N. F. From “Common Man” to “Russian Wanderer” and “Universal Man” (Lexical Notes). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 200–212. (In Russ.)

4. Budanova N. F. Pavel Prussky and His Book “Conversations About the Coming of the Prophets Elijah and Enoch, About the Antichrist and the Weeks of the Danilovs” (New Materials on the Topic “Dostoevsky and the Old Believers”). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, vol. 18, pp. 86–101. (In Russ.)
5. Gulyga A. V. *Tvortsy russkoy idei* [The Creators of the Russian Idea]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2018. 333 p. (Ser.: Life of Wonderful People; Issue 1013.) (In Russ.)
6. Zokhrab A. Dostoevsky and Darwin. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2012, no. 28, pp. 30–64. (In Russ.)
7. Mikhnovets N. G. “Darwinian” Discourse in “Winter Notes on Summer Impressions” and “Notes from the Underground” by F. M. Dostoevsky. In: *Su Fedor Dostoyevskij. Visione filosofica e sguardo di scrittore* [About Fedor Dostoyevsky. Philosophical Vision and Writer's Gaze]. Napoli, La Scuola di Pitagora Publ., 2012, pp. 127–144. (In Russ.)
8. Peskov A. M. “Russkaya ideya” i “russkaya dusha”: ocherki russkoy istoriosofii [“Russian Idea” and “Russian Soul”: Essays on Russian Historiosophy]. Moscow, Ob”edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo Publ., 2007. 104 p. (In Russ.)
9. Tikhomirov B. N. Atheism. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Word Reference]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 280–283. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. “...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom”: stat'i i esse o Dostoyevskom [“...I Deal with this Mystery Because I Want to Be Human”: Articles and Essays on Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)
11. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoyevskogo: 1854–1862* [Works of Dostoevsky: 1854–1862]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 296 p. (In Russ.)
12. Fridlender G. M. Notes on the Novel “The Idiot”. Paragraph 8. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 9, pp. 404–410. (In Russ.)
13. Yakubovich I. D. To the Characterization of Stylization in “The Adolescent”. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 3, pp. 136–143. (In Russ.)
14. Mochizuki T. Discussions About the Ecclesiastical Court in “The Brothers Karamazov”. In: *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. Granada, University of Granada Publ., 2017, no. 16, pp. 172–182. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Саусу Наохито, старший преподаватель, **Naohito Saisu**, Senior Lector, Nagoya University Нагойский университет иностранных исследований (г. Нагоя, Япония); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-1038>; e-mail: saisu.naohito.o31@kyoto-u.jp.

Поступила в редакцию / Received 10.08.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.10.2022

Принята к публикации / Accepted 21.10.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6484

EDN: IKNKAM

Секретный надзор за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе: в поисках неизвестных источников

Ю. В. Юхнович

*Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
(филиал «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе»)
(г. Старая Русса, Российская Федерация)*

e-mail: yulyayu@list.ru

Аннотация. Старорусский период биографии Ф. М. Достоевского отмечен целым рядом событий, имен, фактов, документальных свидетельств. Некоторые из них заслуживают особого внимания, поскольку позволяют открыть неизвестные страницы жизни писателя и его семьи. К их числу можно отнести формулярный список исправника Э. М. Готского-Даниловича (1830–1895), осуществлявшего тайный надзор за Ф. М. Достоевским во время его пребывания в Старой Руссе с 1872 по 1875 г. Материалы дела об отставном подпоручике Федоре Достоевском были частично утрачены. Однако сохранились некоторые документы, подтверждающие участие Готского-Даниловича в организации надзора за писателем. В статье впервые приведено описание послужного списка исправника. Этот документ позволил сделать ряд интереснейших наблюдений, дополнить существующие сведения о старорусском окружении семьи Достоевских, а также обозначить темы для дальнейшего исследования, посвященного причинам утраты записной тетради Готского-Даниловича, ее поиску и возможному содержанию.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Э. М. Готский-Данилович, окружение, Старая Русса, надзор, исправник, архивный документ, формулярный список

Для цитирования: Юхнович Ю. В. Секретный надзор за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе: в поисках неизвестных источников // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 223–230. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6484. EDN: IKNKAM

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6484

EDN: IKNKAM

Secret Surveillance of F. M. Dostoevsky in Staraya Russa: in Search of Unknown Sources

Yulia V. Yukhnovich

*Novgorod State United Museum-Reserve
(branch “Museums of F. M. Dostoevsky in Staraya Russa”)
(Staraya Russa, Russian Federation)*

e-mail: yulyayu@list.ru

Abstract. Dostoevsky's life in Staraya Russa is marked by a number of events, names, facts, documentary evidence. Some of them deserve special attention, because they allow to reveal unknown pages in the life of the writer and his family. These include the formulary list of the police officer E. M. Gotsky-Danilovich (1830–1895), who secretly monitored F. M. Dostoevsky

during his stay in Staraya Russa in 1872–1875. The case materials related to retired lieutenant Fyodor Dostoevsky were partially lost. However, some documents have been preserved, confirming the participation of Gotsky-Danilovich in the organization of surveillance of the writer. The article provides a description of the service record of the police officer for the first time. This document allows to make a number of interesting observations, supplement existing information about the Staraya Russa milieu of the Dostoevsky family, and identify topics for further research on the causes of the loss of the Gotsky-Danilovich notebook, the search for it and its possible content.

Keywords: F. M. Dostoevsky, E. M. Gotsky-Danilovich, environment, Staraya Russa, supervision, police officer, archival document, formulary list

For citation: Yukhnovich Yu. V. Secret Surveillance of F. M. Dostoevsky in Staraya Russa: in Search of Unknown Sources. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 223–230. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6484. EDN: IKNKAM (In Russ.)

Интерес исследователей к неизвестным материалам, открывающим новые факты, связанные с биографией Ф. М. Достоевского и его окружением, трудно переоценить. Однако значительная их часть еще не введена в научный оборот. Особого внимания заслуживают документы, относящиеся к старорусскому периоду жизни писателя: семейная переписка, официальные бумаги, содержащие сведения об истории дома Достоевских и церковно-приходской школы его имени, которая была открыта стараниями его жены Анны Григорьевны с целью повышения уровня духовного образования местных жителей.

Отдельным предметом изучения уже давно стал корпус документов «Дело канцелярии новгородского губернатора об отставном подпоручике Федоре Достоевском», хранящийся в Государственном архиве Новгородской области (ГАОНО) и состоящий из 36 листов деловой переписки старорусских исправников Э. М. Готского-Даниловича, а затем сменившего его на этом посту П. И. Новикова (с 1863 г. — помощник старорусского исправника, в 1875 г. вступил в должность исправника) (см. об этом: [Богданова: 36], [Рейнус: 25–26]) с правительством канцелярии новгородского губернатора Э. В. Лерхе и петербургским генерал-адъютантом Ф. Ф. Треповым, прошений Ф. М. Достоевского и его старорусского друга И. И. Румянцева об оформлении заграничного паспорта на имя писателя, а также экземпляра этого паспорта¹.

Впервые материалы дела о секретном надзоре за писателем были опубликованы А. З. Жаворонковым и С. В. Беловым в 1963 г. на страницах журнала «Русская литература» [Жаворонков, Белов]. В начале статьи авторы приводят краткий комментарий и, ссылаясь на исследование Л. П. Гроссмана [Гроссман: 278–279, 293], делают вывод о том, что надзор за Достоевским

¹ В настоящее время эти документы оцифрованы и в полном объеме опубликованы на сайте ГАОНО: Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 2663 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gano.novarchiv.org/gano/documents?oid=9551957> (01.08.2022). Далее ссылки на этот источник приводятся в тексте статьи с указанием листа в круглых скобках.

продолжался до конца 1870-х – начала 1880-х гг.² Однако, судя по записи, сделанной на титульном листе дела и его последнему документу от 5 января 1876 г., в котором Ф. Ф. Трепов уведомляет Э. В. Лерхе о том, что *«отставной подпоручикъ Федоръ Михайловъ Достоевскій на основаніи предложенія Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 9 Іюля прошлаго года за № 2438, отъ надзора полиціи освобожденъ»* (27), — это далеко не так.

На этот факт обратила внимание В. С. Нечаева. В статье «Когда был снят секретный надзор за Ф. М. Достоевским» она отмечала: «...надо считать бесспорным, что секретный надзор был снят с Достоевского летом 1875 г., о чем Достоевский не знал до 1880 года. Весной этого года через А. А. Киреева он представил свое ходатайство о снятии с него надзора, после чего ему сообщили, что он освобожден от него еще в 1875 г. Прошение Достоевского (и письмо Киреева к нему от 10 марта) следует датировать не 1879, а 1880 годом <...>. И поэтому никак нельзя, как это делают С. Белов и А. Жаворонков, утверждать, что секретный надзор продолжался до "начала 1880-х годов", т. е. до смерти писателя» [Нечаева: 172].

Доказательством этому могут служить материалы, приведенные Г. Ф. Коган в разделе «Разыскания и сообщения» «Литературного наследства» за 1973 г., предположившей, что первоначально уведомление о снятии надзора за писателем не дошло до Старой Руссы [Коган: 602]. Почему официальный документ не был получен, и Достоевский узнал о снятии надзора лишь спустя пять лет? Ответить на этот вопрос удастся благодаря тщательному анализу документов, связанных с этим периодом. Часть из наиболее важных, составляющих личные записи старорусского уездного исправника, который осуществлял наблюдение за писателем во время его пребывания на Новгородской земле, была утеряна. Об этом писал А. З. Жаворонков: «Старорусское полицейское "дело" о Достоевском пока не найдено. Новый исправник, вступивший в Старой Руссе на место полковника Готского, столь унижавшего Достоевского, получил "дело" о нем в неполном виде; исчезло даже предписание новгородской канцелярии от 30 мая 1872 г. о надзоре за Достоевским» [Жаворонков: 344]. Действительно, в официальном письме от 27 декабря 1875 г., отправленном в канцелярию новгородского губернатора новым исправником П. И. Новиковым, есть такое свидетельство:

² Л. П. Гроссман в своем исследовании, представляющем летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, приводит письмо А. А. Киреева к писателю от 10 марта 1879 г. с просьбой составить докладную записку на имя министра внутренних дел о возможном снятии полицейского надзора. Там же приводится следующее свидетельство: «...»по собранным сведениям оказалось, что Ф. Достоевский был освобожден от полицейского надзора еще в 1875 г. по соглашению о том управляющего Мин. в. д. с главн. нач. III Отделен. с. е. и. в. канц., о чем ему было объявлено на поданную им в 1880 г. докладную записку». (Опись делам канц. Мин. вн. дел, подлежащих уничтожению, 28 апреля 1898 г. Л. 72; сообщил Ю. Г. Оксман.) Это официальное "свидетельство" неправильно. См. 10/III 1879 г.» [Гроссман: 278, 293].

«Изъ переписки объ отставномъ подпоручикѣ Ѳеодорѣ Михайловѣ Достоевскомъ видно, что секретный надзоръ за Г. Достоевскимъ учрежденъ по предписанію Господина Губернатора отъ 30 мая 1872 года, № 109, между тѣмъ предписанія этого въ числѣ сданныхъ мнѣ дѣлъ не оказалось.

А потому имѣю честь просить Канцелярію Г. Губернатора выслать мнѣ копію съ онаго» (24).

Об уездном исправнике Эдуарде Михайловиче Готском-Даниловиче, осуществлявшем надзор за Ф. М. Достоевским с 1872 по 1875 г., сохранилось очень мало сведений. В энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» сообщается краткая информация: «Готский-Данилович Эдуард (Эдгард) Михайлович [?–12(24).1.1895, Петербург] полковник, старорусский уездный исправник, впоследствии генерал-майор, которому было поручено вести негласный надзор за Достоевским и который, по всей вероятности, встречался с писателем в Старой Руссе» [Белов: 207].

Отсутствуют точные данные о том, что Достоевский был знаком с исправником. Однако известно, что с Готским-Даниловичем встречалась Анна Григорьевна, хлопотавшая о выдаче заграничного паспорта мужу. Впоследствии в воспоминаниях Анна Григорьевна писала: «В то время исправником был полковник Готский, довольно легкомысленный, как говорили, человек, любивший разъезжать по соседним помещикам <...> глуповатый и болтливый полицейский»³. Описывая встречу с Готским-Даниловичем, Анна Григорьевна упоминала «объемистую тетрадь в обложке синего цвета»⁴, которую показал ей исправник. Эта тетрадь представляла собой материалы дела о полицейском надзоре за Достоевским и включала личные записи Готского-Даниловича, начиная с момента первого приезда писателя в Старую Руссу. Местонахождение тетради неизвестно. Сохранились только отдельные официальные письма старорусского исправника, которые отсылались им в правительство канцелярии новгородского губернатора. Намеренно ли Готский-Данилович изъял материалы дела о надзоре за писателем? Что это был за человек?

В настоящее время в фондах филиала Новгородского музея-заповедника «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе» хранится заверенная копия формулярного списка о службе полковника армейской кавалерии Готского-Даниловича, датируемая мартом 1872 г.⁵ Документ этот был выдан Эдуарду Михайловичу Готскому-Даниловичу на предмет определения его дочери Александры в Екатерининский институт. Он представляет собой таблицу на шести листах и содержит данные о происхождении, возрасте,

³ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. М.: Бослен, 2015. С. 329.

⁴ Там же. С. 329–330.

⁵ Новгородский государственный музей-заповедник. Книга поступлений № 28894.

вероисповедании, местах обучения и службы, знаках отличия, наличии имений, об участии в военных походах, судимостях и штрафах, времени отпусков, отставок, семейном положении и детях, заверен сургучной печатью и подписями помощника исправника П. И. Новикова, секретаря и столоначальника. Согласно сведениям, представленным в списке, в марте 1872 г., т. е. за два месяца до приезда Ф. М. Достоевского в Старую Руссу, Э. М. Готскому-Даниловичу было сорок два года. Родился он в 1830 г., происходил из дворян Могилевской губернии католического вероисповедания. 1 апреля 1841 г. поступил в Павловский кадетский корпус. 15 августа 1845 г. был произведен в унтер-офицеры, а спустя два года — в прапорщики Гренадерского полка короля Фридриха-Вильгельма III, входившего в состав Российской императорской армии, после чего прикомандирован к Кавалерийскому, а затем к Дворянскому полкам. 30 марта 1852 г. отмечен чином штабс-капитана, в 1854 г. произведен в капитаны и назначен старшим адъютантом в Штаб Корпуса инженеров путей сообщения. С 1859 по 1863 г. состоял в должности майора. В октябре 1861 г. был командирован в Новгородскую губернскую строительную и дорожную комиссию для проведения следствия в связи с нарушениями, открывшимися в Новгородской арестантской роте. В 1863 г., успешно завершив это дело, высочайшим приказом определен старорусским уездным исправником с производством в подполковники. Под его руководством осуществлялся пристальный надзор за важнейшими объектами Старорусского уезда: заведением минеральных вод, зданием бывшего удельного ведомства и старорусским Путевым дворцом. В июле 1866 г. Готский-Данилович получил благодарность от министра внутренних дел Валуева за особое усердие, оказанное им при подготовке к курортному сезону. Был награжден премией в размере 1500 рублей серебром за раскрытие дела о производстве фальшивых кредитных билетов. 7 апреля 1867 г. вступил в должность полковника и показал особое рвание к службе, отыскав преступников, совершивших убийство двух старорусских мещанок — Тихановой и Суриной. Отмечен орденом Святой Анны II степени, орденом Святого Станислава II степени, бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853 и 1856 гг. В сражениях не участвовал, под следствием и судом не был. Состоял в браке с дочерью действительного статского советника, девицей Софией Андреевной Цез, имел от этого брака дочь Александру 1861 г. рождения. Со стороны жены владел 3200 десятинами земли и 200 душ крестьян в Холмском и Торопецком уездах Псковской губернии.

Представленные сведения, полученные из формулярного списка Э. М. Готского-Даниловича, помогают сделать следующий вывод: полковник, исполнявший обязанности старорусского уездного исправника, был человеком законопослушным и очень старательным, что позволило ему добиться определенных успехов на профессиональном поприще, заслужить

расположение высшего руководства и получить награды за усердную службу. Этим, скорее всего, объяснялся пристальный интерес Готского-Даниловича к личности Ф. М. Достоевского, за которым ему было поручено наблюдать как за бывшим политическим преступником. Судя по сохранившимся отчетным документам, это дело у исправника находилось на особом контроле. В одном из его рапортов сказано:

«...во время проживанія въ Г. Старой Руссь Достоевскій жизнь велъ трезвую, избѣгалъ общества людей, даже старался ходить по улицамъ менѣе многолюднымъ, каждую ночь работалъ въ своемъ кабинетъ за письменнымъ столомъ продолжая таковую до 4^{хв} часовъ» (2–2 об.).

Такой скрупулезный отчет позволяет сделать вывод, что за писателем и его семьей в Старой Руссе постоянно следили. Добавим к этому, что старорусская переписка Достоевских, по личному усмотрению исправника, была подвержена перлюстрации⁶. А значит, он был осведомлен обо всех бытовых подробностях жизни писателя. Это обстоятельство подтверждается и свидетельством Анны Григорьевны, которая детально воспроизвела свой разговор с Готским-Даниловичем в книге воспоминаний:

«— Как? Так мы находимся под вашим просвещенным надзором, и вам, вероятно, известно все, что у нас происходит? Вот чего я не ожидала!

— Да, я знаю все, что делается в вашей семье, — сказал с важностью исправник, — и я могу сказать, что вашим мужем я до сих пор очень доволен.

— Могу я передать моему мужу вашу похвалу, — насмешливо говорила я.

— Даже прошу вас передать, что он ведет себя прекрасно и что я рассчитываю, что и впредь он не доставит мне хлопот»⁷.

Этот разговор состоялся в апреле 1875 г., за несколько месяцев до снятия надзора с писателя⁸. Очевидно, в словах исправника, приведенных Анной

⁶ В письме от 16 (28) июня 1874 г. Ф. М. Достоевский выказывал недоумение по поводу задержки писем, отправляемых Анной Григорьевной из Старой Руссы: «Но вот что уже серьезно. Первое письмо твое (от пятницы) помечено 7-м числом ст<арого> стиля, а на конверте штемпель Старой Руссы 10-м, а петербургский 11-м. Это странно. Если ты пода-ла в пятницу или даже в субботу, то как же мог ваш почтмейстер отослать письмо только лишь 10-го числа. Поговори об этом почтмейстеру настоятельно. Я, пожалуй, пришлю конверт для улики». См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 330. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30 и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁷ Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. С. 330.

⁸ Сам Достоевский так отреагировал на известие Анны Григорьевны о тайном надзоре, учиненном старорусским исправником: «— Кого-кого они не пропустили мимо глаз из людей злонамеренных <...>, а подозревают и наблюдают за мною, человеком, всем сердцем и помыслами преданным и Царю и отечеству. Это обидно!». См.: Там же. Позже в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский выразил иронический взгляд на исправников, упомянув о них в сцене разговора Федора Павловича со старцем Зосимой (каламбур об исправнике-Направнике) (Д30; т. 14: 38) и в описании Михаила Макаровича Макарова,

Григорьевной, был заключен скрытый смысл. Значимым в данном случае представляется следующее высказывание: «...рассчитываю, что и впредь он не доставит мне хлопот...».

Утраченная записная тетрадь Э. М. Готского-Даниловича — это еще один важный источник, который может пролить свет на события старорусской жизни Ф. М. Достоевского и его семьи. Но пока тайна этого документа не раскрыта.

Список литературы

1. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. 573 с.
2. Богданова Н. Л. Знакомство через уездного исправника // Достоевский и современность: материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2003 года. Великий Новгород, 2004. С. 34–38.
3. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М., Л.: Academia, 1935. 383 с.
4. Жаворонков А. З. Полицейское дело о секретном надзоре за Ф. М. Достоевским в Старой Руссе (1872–1876) // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1965. Т. 24. Вып. 3. С. 334–340.
5. Жаворонков А. З., Белов С. В. Дело об отставном подпоручике Федоре Достоевском // Русская литература. 1963. № 4. С. 197–202.
6. Коган Г. Ф. Достоевский в документах III Отделения // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 596–605. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)
7. Нечаева В. С. Когда был снят секретный надзор за Ф. М. Достоевским // Русская литература. 1964. № 2. С. 170–172.
8. Рейнус Л. М. Три адреса Ф. М. Достоевского. Л.: Лениздат, 1985. 80 с.

References

1. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [Encyclopedic Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Ambience": in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p. (In Russ.)
2. Bogdanova N. L. Through the District Police Officer. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XVIII Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2003 goda* [Dostoevsky and Modernity: Materials of the 28 International Staraya Russa Readings of 2003]. Veliky Novgorod, 2004, pp. 34–38 (In Russ.)

указывая на характерную особенность людей этой профессии, заключающуюся в слепом подчинении правилам военной службы: «Души я, господа, более военной, чем гражданской» (ДЗ0; т. 14: 407). В образе исправника Михаила Макаровича, отставного подполковника, прибывшего в Скотопригоньевск «всего назад три года», но заслужившего «общее сочувствие тем, главное, что "умел соединить общество"» и «должность свою исполнял не хуже многих других» (ДЗ0; т. 14: 406–407), можно увидеть и черты старорусского исправника, так усердно исполнявшего надзор за Достоевским.

3. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 383 p. (In Russ.)
4. Zhavoronkov A. Z. Police Case on the Secret Supervision of F. M. Dostoevsky in Staraya Russa (1872–1876). In: *Izvestiya AN SSSR. Otd. lit-ry i yazyka* [The Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language], 1965, vol. 24, no. 3, pp. 334–340. (In Russ.)
5. Zhavoronkov A. Z., Belov S. V. The Case of Retired Lieutenant Fyodor Dostoevsky. In: *Russkaya literatura* [The Russian literature], 1963, no. 4, pp. 197–202. (In Russ.)
6. Kogan G. F. Dostoevsky in the Documents of the 3 Section. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. New Materials and Researches]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 596–605. (Ser.: Literary Heritage; vol. 86.) (In Russ.)
7. Nechaeva V. S. When the Secret Surveillance of F. M. Dostoevsky Was Removed. In: *Russkaya literatura* [The Russian literature], 1964, no. 2, pp. 170–172. (In Russ.)
8. Reinus L. M. *Tri adresa F. M. Dostoevskogo* [Three Addresses of F. M. Dostoevsky]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 80 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юхнович Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, заведующая филиалом «Музеи Ф. М. Достоевского в Старой Руссе» (наб. Достоевского, 42/2, г. Старая Русса, Российская Федерация, 175202); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-8934>; e-mail: yulyayu@list.ru.

Yulia V. Yukhnovich, PhD (Philology), Head of the Branch of F. M. Dostoevsky Museums in Staraya Russa (nab. Dostoevskogo 42/2, Staraya Russa, Novgorodskaya obl., 175202, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-8934>; e-mail: yulyayu@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 18.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421

EDN: SLKSMR

«Схватка с Градовским»: причины и следствия

В. А. Викторovich

*Государственный социально-гуманитарный университет
(Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. Выступление правоведа и публициста А. Д. Градовского против «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского, а также ответ последнего в «Дневнике Писателя» 1880 г. занимают видное место в золотом фонде русской мысли. Впервые предпринято исследование предыстории этого эпизода. С 1869 до 1878 г. Градовский был союзником Достоевского, но уже в 1879 г. стал его противником. Основная причина расхождения — разный подход к проблеме взаимоотношений народа и интеллигенции, их роли в истории страны, в ее настоящем и будущем. Позиция Градовского сводилась к учительному значению интеллигенции при поддержке ее прогрессивных усилий со стороны государства, при этом народ оказывался «пассивным материалом». Достоевский, напротив, настаивал на активной, действенной природе народных идеалов, отсюда его призыв услышать и понять свой народ — программная установка январского «Дневника Писателя» 1881 г., ставшего последним словом русского мыслителя в этом споре. В Приложении впервые публикуется статья А. Д. Градовского «Ответ г. Достоевскому», написанная между 12 и 20 августа 1880 г., но не отданная в печать.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Пушкинская речь, А. Д. Градовский, полемика, славянофильство, западничество, народ, Россия, Европа

Для цитирования: Викторovich В. А. «Схватка с Градовским»: причины и следствия // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 231–261. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421. EDN: SLKSMR

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421

EDN: SLKSMR

“The Fight with Gradovsky”: Causes and Consequences

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The speech of the lawyer and publicist A. D. Gradovsky against F. M. Dostoevsky’s “Pushkin Speech,” as well as the latter’s response in the “Diary of a Writer” in 1880, occupy a prominent place in the golden fund of Russian thought. For the first time, a study of the background of this episode has been undertaken. In 1869–1878, Gradovsky was an ally of Dostoevsky, but in 1879 he already became his opponent. The main reason for this divergence is their different approaches to the problem of the relationship between the people and the intelligentsia, their role in the country’s history, in its present and future. Gradovsky’s position

was reduced to the value of the intelligentsia as educators, with its progressive efforts being supported by the state, while the people were viewed as “passive material.” Dostoevsky, on the contrary, insisted on the active, effective nature of popular ideals, hence his call to hear and understand his people — the key goal set in the January 1881 “Diary of a Writer,” which became the last remark of the Russian thinker in this dispute. An article by A. D. Gradovsky “The Answer to G. Dostoevsky,” written between August 12 and 20, 1880, but not published, is published for the first time in the appendix.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Pushkin’s Speech, A. D. Gradovsky, polemics, Slavophilism, Westernism, the people, Russia, Europe

For citation: Viktorovich V. A. “The Fight with Gradovsky”: Causes and Consequences. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 231–261. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6421. EDN: SLKSMR (In Russ.)

5 октября 1880 г. историк-народовед П. Д. Голохвастов написал Н. Н. Страхову:

«А что за прелесть его Август “Дневника”! Ведь эта схватка с Градовским чуть ли не такое же *событие*, как и Речь его»¹.

Имелся в виду августовский «Дневник Писателя» Ф. М. Достоевского 1880 г., состоявший из трех глав: первая — предисловие, вторая — «Пушкинская речь», а третья была отдана полемике с А. Д. Градовским.

Об истории последней главы Достоевский рассказал в письме к Е. А. Штакеншнейдер 17 июля 1880 г.:

«...предисловие и речь я отправил в Петербург в типографию и уж и корректуру получил, как вдруг и решил написать и еще новую главу в “Дневник” *profession de foi*, с обращением к Градовскому. Вышло два печатных листа, написал — всю душу положил...»².

18 июля Достоевский также сообщал В. Ф. Пуцыковичу о «Дневнике Писателя»:

«В нем и ответы критикам, преимущественно Градовскому. Дело уже идет не о самолюбии, а об идее. Новый, неожиданный момент, проявившийся в нашем обществе на празднике Пушкина (и после моей Речи), они бросились *заплывывать* и затирать, испугавшись нового настроения в обществе, в высшей степени ретроградного по их понятиям. Надо было восстановить

¹ Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881) / публ. и комм. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 519. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. Т. 30. Кн. 1. С. 198. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Уточнения текстов в результате сверки с рукописями не оговариваются.

дело, и я написал статью до того ожесточенную, до того разрывающую с ними все связи, что они теперь меня проклянут на семи соборах» (ДЗ0; т. 30: 199–200).

О том же 25 июля К. П. Победоносцеву:

«...и, наконец, ответ критикам, главное, Градовскому. Но это не ответ критикам, а мое *profession de foi* на всё будущее. Здесь уже высказываюсь окончательно и непокровенно, вещи называю своими именами. Думаю, что на меня подымут все камни. <...> То, что написано там, — для меня роковое» (ДЗ0; т. 30: 204).

1

Так получается, что мы должны быть благодарны А. Д. Градовскому: его системно аргументированное неприятие «Пушкинской речи» вызвало в ответ «окончательное» и «непокровенное» высказывание Достоевского. Другие критики, а их было немало, и среди них весьма авторитетные (Г. И. Успенский, Н. К. Михайловский, А. Н. Пыпин и др.), не смогли вызвать такую реакцию. Данное обстоятельство отчасти объяснил в своих мемуарах О. Ф. Миллер:

«Еддоръ Михайловичъ былъ особенно огорченъ статьей А. Д. Градовскаго. "Зачѣмъ на своихъ нападать?" — сказалъ онъ мнѣ о ней по возвращеніи своемъ изъ Старой-Русы. Этимъ объясняется полемическая рѣзкость лѣтняго *Дневника писателя*, такъ непріятно поразившая многихъ, въ томъ числѣ и извѣстную часть молодежи»³.

Что подразумевалось под ключевым словом «*свои*»?

Доктор государственного права с 1868 г. (диссертация «История местного управления в России»), с 1869 г. ординарный профессор Петербургского университета и постоянный автор либеральной газеты «Голос» Александр Дмитриевич Градовский (1841–1889) в том же 1869 г. стал известен Достоевскому в качестве сотрудника ежемесячного журнала «Заря» (издавался с января 1869 по февраль 1872 г.). Его вместе с Н. Я. Данилевским и В. В. Кашпиревым называет Н. Н. Страхов, отправляя «коллективную» просьбу об участии писателя в новом журнале, а тот благодарит их всех четверых поименно 26 февраля 1869 г. (ДЗ0; т. 29: 20). Январский номер «Зари» получил высокую оценку Достоевского:

«...видно, что <...> совокупилось уже много новых сотрудников, очень замечательных по направлению (глубоко-русскому и национальному). Первый

³ Миллеръ Ор. Памяти Еддора Михайловича Достоевскаго // Русская мысль. 1881. Кн. 3. С. VIII.

номер "Зари" произвел на меня впечатление сильное и именно своим откровенным и сильным направлением..." (Д30; т. 29₁: 25).

Достоевский особо выделил при этом начало цикла Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» с его концепцией русской национальной политики как противостояния Европе и статью Н. Н. Страхова о самобытном реализме романа Л. Н. Толстого «Война и мир», но очевидно, что «глубоко-русскому и национальному» направлению соответствовала и статья А. Д. Градовского в том же номере под названием «Политические теории XIX века. II. Бенжамен Констан. Гл. I–III»⁴. В ней классик французского либерализма критикуется за отвлеченность его представлений об основополагающем начале свободы личности, игнорирующих ее культурно-историческое, т. е. национальное наполнение. Именно это последнее способно, по мысли русского правоведа, соединить между собою свободных индивидов («неделимых» на тогдашнем философском языке). В это время Градовский, следует отметить, пережил глубокое воздействие двух сильнейших умов славянофильства — А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, эклектически совместившихся в его сознании с параллельным влиянием либерала-западника К. Д. Кавелина. Молодой Градовский явственно клонился в сторону славянофильства, потому апология земства в указанной докторской диссертации, публиковавшейся частями в 1867–1868 гг. в «Журнале министерства народного просвещения» и «Русском вестнике», вызвала резкие оценки («квиеизм самобытника») западных журналов «Дело» и «Отечественные записки».

Дальнейшее движение в этом направлении привело ученого к постулированию национального начала в области его основной специализации — философии государственного права. Ряд публичных лекций и статей были собраны им в книге «Национальный вопрос в истории и в литературе» (СПб., 1873). На нее вполне сочувственно откликнулся еженедельник «Гражданин» (1873. № 44. 29 октября), редактируемый Ф. М. Достоевским. Автором рецензии, скорее всего, был старый знакомый Градовского Н. Н. Страхов, он поддержал «необщепринятую точку зрѣнія», высказанную «молодымъ профессоромъ», который «видитъ "въ народности нормальную основу каждаго государства"»⁵.

С особым сочувствием, очевидно, разделявшимися и редактором «Гражданина», цитировалось предисловие к книге:

⁴ Первая часть «Политические теории XIX столетия. I. Бюшез. "Traité de politique et de science sociale. Paris. 1866"» была опубликована в «Журнале министерства народного просвещения» (1867. Ноябрь — Декабрь). Главы IV–IX второй части были опубликованы в мартовской и апрельской книжках «Зари» 1869 г.

⁵ <Страховъ Н. Н.?) Национальный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. А. Градовскаго. СПб., 1873 // Гражданинъ. 1873. № 44. 29 октября. С. 1181.

«Наконецъ національная теорія видить условія народнаго прогресса не въ той или другой компликаціи государственныхъ формъ, не въ томъ или другомъ сочетаніи частей государственнаго механизма, а въ возрожденіи *духовныхъ силъ народа*, въ его самосознаніи и обновленіи его идеаловъ. Такова была мысль Фихте, видѣвшаго спасеніе Германіи въ народномъ воспитаніи, такова была мысль славянофиловъ, чаявшихъ возрожденія Россіи отъ пробужденія въ обществѣ извѣстныхъ нравственныхъ идеаловъ»⁶.

В разработке «теории национально-прогрессивного государства» Градовский опирался прежде всего на концепцию И. Г. Фихте, который в «Речах к немецкой нации» (1808) определял нацию как коллективную личность со всеми ее правами. Из того же источника (с публичных лекций о Фихте 1871 г. и начинался «национальный вопрос» Градовского) ученый почерпнул представление об особом, неповторимом вкладе каждой нации в общечеловеческую цивилизацию. Переход от Фихте к славянофилам (следующий цикл публичных лекций Градовского был посвящен им), заметный и в цитированном фрагменте, казался вполне органичным. Во всяком случае, Ю. Ф. Самарин и И. С. Аксаков тепло приняли молодого ученого в свою компанию. Особую роль в формировании взглядов Градовского сыграли «естественные» национально-освободительные и национально-объединительные процессы в современной Европе, разрушавшие постройки «искусственной государственности» в духе Меттерниха⁷. Наиболее привлекательной в этом плане ему представлялась фигура К. Б. Кавура, сыгравшего исключительную роль в объединении Италии⁸. Европейские идеи либерального национализма Градовский переносил на русскую почву, взрыхленную реформами Александра II. Вскоре представился случай применить теорию к реальным историческим событиям, завершавшим формирование независимых этнократических государств на Балканах.

Начиная со статьи «За славян (К русскому обществу)» (Голос. 1876. 8 июля) Градовский вплоть до весны 1878 г. чрезвычайно активно выступает в прессе в поддержку русских добровольцев в Сербии и затем прямой

⁶ <Страховъ Н. Н.?) Національний вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. С. 1182. См. также: Градовскій А. Д. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1901. Т. 6. С. 5–6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Градовскій* и указанием страницы в круглых скобках.

⁷ На сходные мысли наводил исторический процесс и Достоевского еще в 1864 г.: «Прежнее построение Европы искусственно-политическое всё более и более падает перед стремлением к национальным народным построениям и обособлениям <...>. Построиться иначе — может быть, главная задача 19-го века. Тогда-то и возможны будут правильные международные отношения, и догадаются, может быть, народы, что не следует мешать друг другу и интриговать друг против друга. Потому что каждая нация, живя для себя, в то же время, уже тем одним, что *для себя* живет, — для других живет. (NB. Каждая нация принесет свою часть развития в общенародное целое и проч.)» (ДЗ0; т. 20: 191).

⁸ См.: Градовскій А. Граф Кавур // Голос. 1877. №№ 293 и 294. 1 и 2 декабря.

войны с Турцией в защиту славян, против двуличия европейской политики и унижительного для России Берлинского трактата. Сформировалась до известной степени единая платформа его многочисленных и ярких выступлений вкупе со «славянской» публицистикой «Дневника Писателя» Достоевского 1876–1877 гг.

Воодушевление 1876 г. в октябре сподвигло Градовского на выступление с публичными лекциями в пользу балканских славян «Значение идеала в общественной жизни», затем опубликованными в журнале «Вестник Европы» (1877, № 1) с посвящением памяти Ю. Ф. Самарина. Само обращение к категории идеала, трактуемого как «склад нравственных убеждений человека», спасительный для данного общества, было весьма показательно и во многом близко Достоевскому. Градовский как бы откликался на проблему, поставленную в мартовском «Дневнике Писателя» 1876 г. (кстати говоря, в полемике с «Голосом»):

«...без идеалов, то есть без определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности» (ДЗ0; т. 22: 75).

Безыдеальный прагматизм стремится общество к неизбежному краху, полагает и Градовский, рисуя картину катастрофического развития, очень узнаваемую для нас:

«Голая страсть къ н а ж и в ё и къ матеріальнымъ наслаждениямъ способна породить с п е к у л я ц і ю, но не дастъ странѣ правильнаго и дѣйствительно производительнаго труда. <...> Цѣль дѣйствительной экономической реформы — увеличеніе суммы производства и правильное распредѣленіе богатствъ. Но безъ поднятія нравственнаго уровня общества трудъ всегда будетъ обращаться не на тяжкія, хотя и производительныя его отрасли, а на занятія легкія и въ данную минуту наиболѣе прибыльныя съ личной точки зрѣнія. Земледѣліе придетъ въ упадокъ <...>, мануфактуры заглохнутъ, но процвѣтутъ мелкое торгашество, темныя банковыя операціи <...>. Въ результатѣ вмѣсто типа трудовой личности, общество выработаетъ типъ хищника, обращающаго всѣ усилія общества въ свою пользу.

Для того, чтобы совершилось дѣйствительное экономическое обновленіе, необходимо, чтобы въ сознаніи каждаго вкоренилось убѣжденіе, что общество составляетъ одно цѣлое, солидарное въ своихъ интересахъ...»⁹.

Это «сознание солидарности», работающее как идеал, и будет спасительным для нации. Так называемый восточный вопрос, солидарность россиян с угнетенными братьями-славянами, вызвавшая «взрывъ всѣхъ лучшихъ

⁹ Трудные годы (1876–1880): очерки и опыты. А. Градовскаго. СПб., 1880. С. 31. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Трудные годы* и указанием страницы в круглых скобках.

человѣческихъ чувствъ», по тогдашнему убеждению Градовского, должна была стать началом нравственного пробуждения общества: «...въ этомъ движеніи — залогъ нашего внутренняго развитія» (*Трудные годы*: 34).

Такая концовка породила большие сомнения редакции западнического «Вестника Европы», где лекции были опубликованы, так что автор вынужден был обратиться к редактору:

«...решительное и безусловное исключение окончания конечно наводит меня на некоторые размышления. Я поместил его не в качестве "ораторского приема", но в виде выражения одного из глубочайших убеждений моих. В таком виде оно было понято и публикой. Не поместить его теперь, исключив безусловно, значило бы показать этой публике, что я, увлекшись ораторскою прытью, произнес несколько необдуманных слов, от коих после сам покраснел. Положение не совсем удобное для человека, два часа твердившего о крепости убеждений»¹⁰.

При этом Градовский хочет остаться «своим» и для «Вестника Европы»:

«Но по крайнему разумению моему, окончание моей статьи не так расходится с Вашими взглядами. Вы доказываете, что современное движение не есть признак зрелости нашего общества; и я не утверждаю противного. Я говорю только, что современное движение есть зародыш чего-то лучшего. С этим согласитесь и Вы. Не станете же Вы утверждать, что порывы общества в последнее время не выше того безобразного застоя, в котором мы обретались в последнее время, когда общественное затишье нарушалось только червонными вальтами, да безобразиями Любимовых? Я надеюсь, что общество наше заживет с этой минуты другими интересами и что оно сумеет отнестись к разным реакционным похотям так же, как к процессу Овсянникова, т. е. как к нравственному безобразию. Надеюсь, что это будет понято и в правительственных сферах. Я надеюсь, но при этом никак не следует, чтобы мы перестали заниматься нашими внутренними вопросами, чтобы одно славянское движение принесло нам внутреннее обновление. Да этого я и не высказываю. Я говорю только, что мы возвратимся к нашим внутренним вопросам с другим настроением. Если бы этой надежды у меня не было, тогда не стоило бы начинать чтений и указывать обществу на его язвы. Тогда я стал бы на Чаадаевскую высоту и объявил бы, что Россия не способна к культуре, что мы — племя отверженное и что, чем скорее мы исчезнем с лица земли, тем лучше»¹¹.

¹⁰ Письмо А. Д. Градовского М. М. Стасюлевичу 6 ноября 1876 г. // РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 465. Л. 7–9. Упоминаемые «червонные вальеты» и Овсянников — герои нашумевших уголовных процессов; под «безобразиями Любимовых» подразумеваются выступления Н. А. Любимова, соратника М. Н. Каткова, за пересмотр университетского устава (отмена автономии, введение назначаемости профессуры, госконтроль над экзаменами), что вызвало скандал и обструкцию против него коллег в Московском университете.

¹¹ Там же.

Градовский, очевидно, не убедил своего корреспондента, но концовка была напечатана, хотя и в сопровождении редакционного примечания:

«...мы ни разъ высказывали возраженія на подобныя взгляды. <...> ...укажемъ на то, что есть уже факты, оправдывающіе ту нашу осторожность, съ которой мы отнеслись къ нашему "оживленію". Наступающее охлажденіе по своей быстротѣ ни въ чемъ не уступаетъ тому "оживленію". Впрочемъ, нельзя и теперь не раздѣлять добрыхъ желаній автора, нельзя отказываться питать его надеждъ, — мы только не чувствуемъ себя въ силахъ гарантировать исполненія этихъ желаній и осуществленія добрыхъ надеждъ»¹².

Вскоре дискуссия получила новое развитие. 12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции, и в апрельском «Дневнике Писателя» был дан ответ «нашим мудрецам», полагающим «где уж нам воевать», «капут России и жалеть нечего!»:

«Да, если б могло так случиться, что мы будем побиты, или хотя и побьем врага, но под давлением обстоятельств замирим пустяками, — о, тогда мудрецы, конечно, восторжествуют. И какой, какой опять начнется свист и гам и цинизм на несколько лет, какая опять вакханалия самооплевания, пощечин и самодрознения, — и это не для вызова к воскресению и силе, а именно ради торжества собственного бесчестия, безличности и бессилия. <...> Нет, нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня как прежде...» (ДЗ0; т. 25: 96).

Сопоставим. 25 мая того же года в передовой, без подписи, статье «Война и ее значение для России» газеты «Голос» Градовский страшится возможного финала:

«Недодѣланная война — хуже пораженія, потому что она родитъ новую войну и порождаетъ ее послѣ того, какъ силы страны значительно истощены» (Градовскій: 533).

Кроме прочего, продолжает он, придется затем расплачиваться «застоемъ во всѣхъ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, деморализаціею цѣлаго общества». Чтобы этого не произошло, призывает публицист, «намъ нужно полнѣйшее самообладаніе»:

«Мы не должны пугаться ни трудностей, сопряженныхъ съ военными дѣйствіями <...>, ни частныхъ неудачъ, всегда возможныхъ» (Градовскій: 534).

17 ноября Градовский в «Голосе», теперь уже за полной подписью, повторит свою мысль в статье «Цели войны и условия мира с Турціей»: «Гнилой, неудовлетворительный миръ — это угроза миру въ будущемъ» (Градовскій: 542).

¹² Вѣстникъ Европы. 1877. № 1. С. 323.

То, чего так боялись и Градовский, и Достоевский, случилось 1 июля 1878 г., когда европейскими странами и Россией был подписан трактат, подготовленный Берлинским конгрессом. Были аннулированы многие результаты, достигнутые русской армией в освобождении балканских славян. Добровольно отказавшись сыграть свою роль до конца, Россия тем самым теряла историческое лицо. Самоотверженность «за други своя» народа и его армии кончились банальной европейской дележкой, крохи которой достались и Российскому государству. Кто знает, сколько весят обманутые народные чаяния на весах истории? Нравственные потери, кажущиеся не столь важными рядом с ресурсными затратами, в исторической перспективе оказываются куда более разрушительными. Требуется осознать, что потеряла тогда Россия.

«Просыпалась, — писал Достоевский, переключаясь с приведенным выше письмом Градовского к Стасюлевичу, — великая идея, вознесшая, может быть, сотни тысяч и миллионов душ разом над косностью, цинизмом, развратом и безобразием, в которых купались до того эти души» (ДЗ0; т. 25: 14).

Теперь эта идея была публично растоптана. Самым громким протестом против подготовки дипломатами «постыдного» соглашения прозвучала 22 июня 1878 г. речь И. С. Аксакова на заседании Московского славянского общества, где он был председателем:

«Кривдѣ и наглости Запада по отношенію къ Россіи <...> нѣтъ ни предѣла, ни мѣры»¹³.

По приказу царя Славянское общество было закрыто, а публицист выслан из Москвы. Задолго до выступления Аксакова, когда только началось дипломатическое давление Европы, Градовский опубликовал в «Голосе» (1878. № 21. 21 января) статью «Мир с Турцией», где заявил:

«Теперь намъ предлагаютъ уйти изъ Турціи *ни съ чѣмъ*. Побѣдоносному народу, совершившему чудеса храбрости и искусства, говорятъ: твои побѣды — не побѣды, твое самоотверженіе смѣшно, твоя кровь дешевле воды, твое мужество ничего не доказываетъ, твои интересы не имѣютъ значенія. Вы племя илотовъ! Вы вздумали освободить какихъ-то презрѣнныхъ варваровъ, которыхъ даровой трудъ необходимъ для нашихъ промышленныхъ выгодъ» (Градовскій: 561).

Публицист предупреждает Запад:

«Не расшевеливайте, господа, этого народа! Не ставьте его судьбу на карту!» (Градовскій: 561).

¹³ Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22-го Июня 1878, въ Московскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. Berlin, 1878. С. 8–9.

Чуть позже в статье «Что же дальше?» (Голос. 1878. № 84. 25 марта) обратился Градовский и к правительственным «сферам», усомнившимся в «правоте русско-го дела» перед всеильной Англией и ее «интересами» (прочитывался намек на закулисную деятельность русского посла в Великобритании П. А. Шувалова, заранее договорившегося о российских уступках с британским кабинетом):

«Это нѣчто худшее, чѣмъ честный страхъ предъ войною, въ виду великихъ жертвъ, ею требуемыхъ. Это нравственное разложіе, полная потеря созна-нія народнаго достоинства» (Градовскій: 577).

Нехватка «народного достоинства» на одном конце и высокомерное отношение к «презренным варварам» на другом — вот тот корень проблемы, коло-ниальная подкладка западной цивилизации, что была обнаружена Градов-ским в современных событиях. В статье «Внутреннее противоречие Берлин-ского конгресса» (Голос. 1878. № 177. 28 июня) он формулирует ее четко и едко:

«Биконсфильдъ въ качествѣ *человѣка*, не можетъ продать въ рабство по-слѣдняго изъ болгаръ; но Биконсфильдъ въ качествѣ перваго министра Бри-танскаго королевства можетъ продать болгарскій народъ въ рабство турец-кому народу? Итакъ, болгаринъ будетъ рабомъ не потому, что онъ *человѣкъ*, такъ какъ современная философія и англійская конституція воспрещаютъ порабощеніе *человѣка* *человѣку*; но онъ будетъ рабомъ въ качествѣ болгарина, т.-е. *человѣка* низшей *расы*. Какое утѣшеніе! Какое торжество цивилизаціи!» (Градовскій: 589).

Таков Градовский в 1876–1878 гг.; можно сказать, что он оказался тогда в одном окопе с Достоевским. Либеральный консерватор (или консерватив-ный либерал)¹⁴, как мы видели, продолжал и дополнял сказанное Достоев-ским. Бывало и так, что Достоевский шел по следам Градовского. Так, после смерти Ю. Ф. Самарина в заключительной главке мартовского «Дневника Писателя» 1876 г. (окончание работы над текстом — 29 марта, выход в свет — 31 марта) горячо и сильно было сказано об утрате «полезнейшего деятеля», «твердого и глубокого мыслителя» (ДЗ0; т. 22: 102). Градовский еще раньше в «Голосе» (1876. № 84. 24 марта) заявил об отличительном качестве покой-ного, составлявшем суть того идеала, о котором автор некролога тогда же говорил в упомянутых публичных лекциях: это способность к «обществен-ному служенію» — «рѣдкій, даже странный типъ русскаго гражданина» (Трудные годы: 36).

¹⁴ См.: Градовский А. Что такое консерватизм? // Русская речь. 1880. № 2. С. 199–234. См. также: [Плященко].

2

Итак, до весны и лета 1878 г. Достоевский и Градовский — явные союзники и в известной мере единомышленники. Но вот всего через год Градовский печатает статью «Задача русской молодежи» (Голос. 1879. № 211. 1 августа), где советует студенческой молодежи вместо «хождения в народ» сосредоточиться на учебе, чтобы пополнить ряды русской интеллигенции и решить, в этом качестве, задачу просвещения народа. По поводу этой статьи Достоевский высказался крайне резко в письме К. П. Победоносцеву 24 августа 1879 г.:

«Я слишком понимаю, почему Градовский, приветствующий студентов как интеллигенцию, имел своими последними статьями такой огромный успех у наших европейцев: в том-то и дело, что он все лекарства всем современным ужасам нашей неурядицы видит в той же Европе, в одной Европе» (ДЗ0; т. 30₁: 121).

Какие «последние статьи» Градовского имеются в виду (в академическом 30-томнике эти слова не комментируются)? Это прежде всего большая статья «Социализм на западе Европы и в России», печатавшаяся в трех первых номерах ежемесячного журнала «Русская речь» 1879 г. В отличие от Европы, утверждал ученый, «соціализмъ не имѣтъ у насъ почвы» (*Трудные годы*: 225). Хотя «общимъ источникомъ всѣхъ нашихъ теоретическихъ направленийъ остается до сихъ поръ з а п а д н а я Е в р о п а» (*Трудные годы*: 228), там, в отличие от нас, присутствует преемственность идей. Кроме того, и это, пожалуй, главное:

«У насъ трудно еще указать на учрежденія, которыя-бы могли дѣйствовать в о с п и т а т е л ь н о, образуя характеръ и направляя самые теоретическіе помыслы челоѣка». В период реформ у нас «пошла погоня за н а ж и в о й», не давшая развиться, например, местному самоуправлению «какъ зародышу новаго бытія» (*Трудные годы*: 230, 243, 247).

В конечном счете Градовский вышел на проблему, краеугольную и для него, и для Достоевского, — взаимоотношение интеллигенции и народа. Последний представлялся ему «прекрасным по натуре своей ребенком», которым управляют исключительно «инстинкты»:

«Мы понимаемъ, что одними инстинктами жить нельзя; но народныхъ теоретическихъ формулъ еще нѣтъ, какъ нѣтъ русской гаммы для русской музыки» (*Трудные годы*: 272).

Получается, что «народную теоретическую формулу» может выработать только оттолкнувшаяся от народных «инстинктов» интеллигенция при поддержке государства.

Не так понимал проблему интеллигенции и народа Достоевский. За год до обращения Градовского к молодежи (за ее умы тогда шла борьба),

18 апреля 1878 г. Достоевский написал письмо студентам Московского университета, где иначе определял ситуацию:

«...молодежь отшатнулась *от народа*» и «ничего в нем не зная, напротив, глубоко презирая его основы, например веру, идут в народ — не учиться народу, а учить его, свысока учить, с презрением к нему — чисто аристократическая, барская затея!» (ДЗ0; т. 30₁: 22, 23).

«Например, веру» — как бы походя, не акцентируя, намечает Достоевский тему, особенно деликатную и не рассчитанную на беспроblemное понимание в условиях массовой секуляризации образованного сословия. В статье «Социализм на западе Европы и в России» Градовский как будто отвечает Достоевскому:

«Слышится упрекъ [молодежи] въ нерелигіозности и безбожіи, но упрекъ этотъ получаетъ оригинальный смыслъ, если вспомнить, что Богъ играетъ вообще довольно малую роль въ нашемъ міросозерцаніи и что имя Божіе призывается въ видѣ элемента "порядка", а не въ качествѣ животворящей силы, проникающей все нравственное существо человѣка» (*Трудные годы*: 271).

Некоторое сожаление по поводу таким образом сложившегося «нашего миросозерцания» — мерцающий проблеск, лежащий на все суждения либерального публициста, когда речь заходит о религии. В статье «Задача русской молодежи» сказано более определенно: да, в средние века духовенство было «всемогущей силой», но в современной цивилизации такой силой становится интеллигенция, умеющая «выразить стремленія и понятія цѣлаго общества въ данную минуту его развитія» (*Трудные годы*: 286, 287). В силу этого призыв Достоевского к молодежи принять народ и его веру получает у Градовского в той же статье ироническое истолкование:

«...это значить усвоить себѣ его вѣрованія, его нравы, его взгляды на семью и на государство, на Бога, на иконы и святыхъ угодниковъ, на церковь и священника, на міръ, на старшину и старосту...» (*Трудные годы*: 284).

Достоевский не мог не оценить предложенный семантический ряд с его полускрытой насмешкой над не «нашим миросозерцанием».

Думается, что писатель обратил внимание еще на одну деталь. Слова «христианство», «христианский» нередко звучат в выступлениях Градовского, но практически не упоминается имя самого Христа. Позднее, в письме Достоевскому 20 августа 1880 г. И. С. Аксаков по этому поводу очень точно заметил:

«Выдернут изо всего мирозерцания — Христа, и не понимают, что всё разом убили»¹⁵.

Для Достоевского народная вера в Христа и есть выражение самых глубинных **народных идеалов**. Их, по Достоевскому, можно было выразить одним словом: «православие». Слово это вызывало аллергию у либеральной общественности, между тем, по справедливому замечанию современного исследователя, эволюция Достоевского от начала шестидесятых к семидесятым годам (шедшая как бы в обратную сторону по сравнению с тем же Градовским) закономерно привела писателя к «принципиально религиозной концепции», когда «русская идея» «мыслится не только как *национальная*, но и как *христианская*» [Тихомиров: 163, 179].

Градовский читал лекции о значении идеалов (октябрь 1876 г.), когда Достоевский уже вполне высказался в февральском «Дневнике Писателя» того же года:

«А идеалы его [народа] сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом...» (Д30; т. 22: 43).

Градовский же вслед за Руссо, Токвилем и Прудоном толковал об **идеалах общества** и соответствующих им учреждениях. «Есть у народа идеалы или совсем их нет — вот вопрос нашей жизни и смерти», — считал Достоевский (Д30; т. 22: 74). Для Градовского такой вопрос вообще не стоял, поскольку, по его представлению, производством идеалов должно заниматься образованное сословие, а народ — это только матрица, потому что его мировидение не созрело до миропонимания. Позднее в полемике с «Пушкинской речью» Градовский определит это как «самый важный пунктъ въ нашемъ разномыслии съ г. Достоевскимъ»:

«Требуя смиренія предъ народною правдою, предъ народными идеалами, он принимаетъ эту "правду" и эти идеалы как нѣчто готовое, неизблемое и вѣковѣчное. Мы позволимъ себѣ сказать ему — нѣтъ! *Общественные идеалы нашего народа находятся еще въ процессѣ образования, развитія*»¹⁶.

Вслед за лекциями об идеалах Градовский в декабре 1876 г. прочел три публичные лекции «Национальный вопрос». Национальная идея, утверждает он, должна быть «формулирована въ видѣ самостоятельнаго политическаго

¹⁵ Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому / публ., вступ. ст. и коммент. И. Л. Волгина // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 4. С. 353. Уточнено по рукописи: ОР РГБ. Ф. 93.П.1.20. Л. 5.

¹⁶ Градовский А. Мечты и действительность. По поводу рѣчи Ф. М. Достоевскаго // Голосъ. 1880. № 174. 25 июня. См. также: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/dostkrit/1880/gol/gol80-174.html> (10.09.2022).

принципа», а спонтанные ее проявления, например, «въ образѣ орлеанской дѣвы» (*Трудные годы*: 78) являются лишь «зародышемъ» (любимое словцо Градовского в данном контексте), «пассивнымъ матерьяломъ» (*Трудные годы*: 65) для самосознания нации в творениях высокой культуры. До их проявления народность обретается в «періодѣ физическаго <...> ея образования» (*Трудные годы*: 79). В «Задаче русской молодежи» Градовский применяет к народу близкие понятия «масса» и «физическая сила» (*Трудные годы*: 287).

Обращаясь к периоду славянских событий 1876–1877 гг., мы можем наблюдать, как уже тогда расходились «союзники», Достоевский и Градовский, в вопросе мотивации русского движения «за братушек». И тот, и другой отрицали у России мотив территориальных завоеваний, однако далее пути их расходились.

Вот что писал тогда Достоевский:

«Вся земля русская вдруг заговорила и вдруг свое главное слово сказала. Солдат, купец, профессор, старушка божия — все в одно слово. И ни одного звука, заметьте, об захвате, а вот, дескать: "на православное дело". Да и не то что гроши на православное дело, а хоть сейчас сами готовы нести свои головы. И опять-таки, заметьте, что эти два слова: "на православное дело" — это чрезвычайно, чрезвычайно важная политическая формула и теперь, и в будущем. Даже можно так сказать, что это формула нашего будущего» (*ДЗ0*; т. 23: 101).

Как видим, два истока представшей перед Россией задачи выделяет Достоевский: это «великая идея, завещанная ей рядом веков», то есть полученное ею наследие Византии, православная вера, а затем, что не менее важно, сохранение этого наследия в народном сознании:

«Движение, охватившее народ русский прошлым летом, доказало, что народ не забыл ничего из своих древних надежд и верований...» (*ДЗ0*; т. 25: 68);
«...не воля народа обозначилась, — уточнял он важнейший момент расхождения с союзниками типа Градовского, — а великое сострадание его, во-первых, во-вторых, ревность о Христе, а в-третьих, собственное как бы покаяние его, вроде как бы говения...» (*ДЗ0*; т. 25: 213).

Способность русского народа к покаянию, воспитанная веками православной веры, составляет, по Достоевскому, одну из фундаментальных черт национального характера. В этом и прежде всего в этом писатель видит залог великого будущего для России. Славянский вопрос, как он полагал, явился едва ли не промыслительно:

«Высшая просвещенная часть народа, интеллигенция его, как у нас, так и на Востоке, мало-помалу стала к идее православия равнодушнее, стала даже отрицать, что в этой идее заключается обновление и воскресение в новую, великую жизнь как для Востока, так и для России. В России, например, в огромной части

ее образованного сословия перестали и даже как бы отучились видеть в этой идее главное назначение России, завет будущего и жизненную силу ее» (ДЗ0; т. 25: 68).

В этих условиях и в этом состоянии духа русская интеллигенция в значительной части своей «не поверила» (ДЗ0; т. 25: 69) искренним православным побуждениям своего народа. В случае же А. Д. Градовского произошла подмена мотивов в трактовке народного движения: универсальный христианский был замещен национально-социальным.

Унижение России на Берлинском конгрессе, остро пережитое Градовским, повело к дальнейшей переоценке ценностей. Его статью «Прошедшее и настоящее» (Русская речь. 1879. № 9) открывает главка «1856 и 1879 годы», где проводится сравнение поражений в Крымской войне и в дипломатической фазе русско-турецкой: тогда «мы сдались не предъ в н ѣ ш н и м и силами западнаго союза, а предъ нашимъ в н у т р е н н и м ъ безсиліемъ» (*Трудные годы*: 293). Не то же ли и теперь? — вопрошает публицист, — еще и при удручающем обстоятельстве: теперь Россия «сдалась предъ одною у г р о з о ю коалиціи» (*Трудные годы*: 296).

Это свидетельство нашего внутреннего разложения. И тогда, и теперь беда породила желчь, отрицание, но разного качества. Тогда нас повела вера в перемены, а ныне теряется «вѣра въ себя и въ свою страну», новое отрицание «исходитъ изъ предположенія н е с о с т о я т е л ь н о с т и общества, изъ недовѣрія къ народнымъ силамъ, изъ убѣжденія, что народъ неспособенъ къ высшимъ формамъ жизни». Потому «наши западные друзья» резонно указывают «на полную несостоятельность нашего отечества» (*Трудные годы*: 297–299) и потому освобожденная нами Сербия уже тяготеет к Западу, к тому же готовится и Болгария. В этой ситуации отказ от продолжения и развития реформ, убежден Градовский, ведет страну к непредсказуемому «темному будущему».

Следующая главка статьи называется «Россия и Европа» в противовес бывшему соратнику Н. Я. Данилевскому. Градовский теперь исходит из того, что «намъ нужно довѣріе другихъ народовъ, хорошая репутація въ ихъ средѣ» (*Трудные годы*: 302). Фраза «что скажетъ Европа?» заново переоценивается как получившая «весьма опредѣленный и почтенный смыслъ» (*Трудные годы*: 303):

«Онъ означаетъ, что Россія, какъ держава въ культурномъ смыслѣ е в р о п е й с к а я , должна въ дѣлахъ своихъ сообразоваться съ извѣстными общими требованіями европейской цивилизаціи» (*Трудные годы*: 303).

Мы помним, как Градовский совсем недавно разоблачал презрение Европы к недостаточно цивилизованным странам; теперь же мы читаем у него, что «общечеловѣческіе интересы» являются критерием, по которому «народы европейскіе опредѣляютъ принадлежность той или иной націи къ своему кругу»: к Персии или Бирме отношение совсем иное, нежели к Италии или Англии. Россию, если она не исправится, не примут в круг избранных, «отогнавъ въ Азію, чему мы нерѣдко сами помогаемъ» (*Трудные*

годы: 302–303). Замечательно, что через год после этого высказывания Достоевский в январском «Дневнике Писателя» 1881 г. провозгласит неизбежность и целесообразность движения России «в Азию».

Вернемся к ситуации накануне «Пушкинской речи». В статье «Реформы и народность» в апрельском номере «Русской речи» 1880 г. Градовский словно предугадал слова Достоевского о «скитальцах», заявив, что *«западничество явилось этимъ средствомъ искусственной, внутренней эмиграціи изъ крѣпостной Россіи»*, и просил не называть их изменниками (Градовскій: 358). Объяснил и оправдал он также отрыв западников от народной почвы:

«Найти положительныя, твердыя начала въ народныхъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ и идеалахъ было совсѣмъ мудрено, ибо къ нимъ давнымъ-давно всѣ относились *отрицательно*, да и самый народъ лежалъ подъ спудомъ. <...> Богъ, жившій въ сердцахъ народа, былъ уже давно непонятенъ; съ "философской" точки зрѣнія онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ фетиша и признавался только внѣшнимъ образомъ, ради приличія, *pour les gens*»¹⁷ (Градовскій: 360).

Столкновение бывших союзников стало неизбежным.

3

Теперь понятно, **с чем** подошел Градовский к «Пушкинской речи» Достоевского и как прочитал ее в статье «Мечты и действительность» (Голос. 1880. № 174. 25 июня).

Либеральный публицист для начала вновь встал на защиту «скитальцев»: они бежали или становились лишними людьми не потому, что оторвались от «народной правды», как утверждает Достоевский. Напротив, они по своему выражали ее, но вынуждены были уступить силе Сквозников-Дмухановских и Держиморд. А главное, сама-то «народная правда» заключается прежде всего в том, что «всякій русскій человѣкъ, пожелавшій сдѣлаться просвѣщеннымъ, *непремѣнно* получить это просвѣщеніе изъ западноевропейскаго источника, **за полнѣйшимъ отсутствіемъ источниковъ русскихъ**» (жирный шрифт наш. — В. В.). В народе нашем, как полагает публицист «Голоса», есть-таки положительные начала, но они пребывают «въ видѣ зародыша» и требуют «*образованія, развитія*» в сторону, разумеется, европейской просвещенности¹⁸.

Через две недели Градовский постарался усилить свою позицию в статье «Тревожный вопрос» (Голос. 1880. № 188. 8 июля). Еще О. Ф. Миллер заметил, что в этой статье публицист «пошел далее» в споре с Достоевским¹⁹, не называя его имени (что затруднило ее вхождение в кругозор достоевсковедов).

¹⁷ Для людей (*фр.*).

¹⁸ Градовскій А. Мечты и дѣйствительность. См. также: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/dostkrit/1880/gol/gol80-174.html> (10.09.2022).

¹⁹ Миллер О. Ф. Пушкинский вопрос // Русская мысль. 1880. Кн. 12. С. 22.

«Возрожденіе, говорятъ намъ, — прозрачно намекалъ Градовскій, — возможно чрезъ общеніе съ народомъ, чрезъ проникновеніе его духомъ и его правдою. Это было бы прекрасно, еслибъ, дѣйствительно, въ глубинѣ народнаго духа было заключено нѣчто определенное, незыблемое, вѣчное и ясно проявленное въ какомъ-нибудь откровеніи. Но бѣда въ томъ, что Россійскіе возгласы о "народномъ духѣ", по научному своему значенію, относятся не къ нашему времени, а ко временамъ прошлымъ» (*Градовскій*: 385).

На русскую историю Градовскій смотрит глазами современной либеральной науки (обращаясь за поддержкой к работам С. М. Соловьева). Все усилия нашего народа, утверждает он, ушли «на борьбу за матеріальное существованіе», русский народ «не имѣлъ еще возможности наполнить созданное имъ государственное тѣло духовнымъ содержаніемъ, могущимъ имѣть всемірно-историческое значеніе», примерно то же произошло и с православной церковью, образовавшей «форму безъ содержанія». Выход виделся в соединении интеллигенции («мысль») с народом («тело») ради преодоления дикой отсталости последнего, пребывающего «въ XIV вѣкѣ». Образовавшимся разрывом, полагал Градовскій, объясняется «европейничанье» и «"міровая скорбь" русскихъ скитальцевъ» (*Градовскій*: 387, 388, 390–391).

В первой главе «Дневника Писателя» 1880 г. «Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине» Достоевскій сосредоточился на этой проблеме, пока не называя Градовскаго. Начинает он тоже с определения «отрицательного типа нашего», скитальца, и, что интересно, выводит теперь на передний план то его качество, которое в Речи акцентировано не было: теперь это человек, «в родную почву и в родные силы ее не верующій, Россию и себя самого <...> в конце концов отрицающій» (*Д30*; т. 26: 129). В уста обобщенного либерального оппонента Достоевскій вкладывает признание, услышанное от Градовскаго (как в «Мечтах и действительности», так и в «Тревожном вопросе»), язвительно утрируя его:

«Знайте, что мы направлялись Европой, наукой ее и реформой Петра, но уж отнюдь не духом народа нашего, ибо духа этого мы не встречали и не обоняли на нашем пути...» (*Д30*; т. 26: 134).

В третьей главе «Дневника Писателя», теперь уже назвав Градовскаго, Достоевскій доводит мотив презрѣнія европейски образованнаго сословія к народу, что называется, до геркулесовых столпов, чем лично будет обижен Градовскій.

Достоевскій между тем нащупывает глубинную причину расхожденія, кроющуюся в различном пониманіи слова «просвѣщеніе». Есть науки и ремесла, в которых Россіи «неоткуда и получить их, кроме как из западноевропейскихъ источниковъ», а есть «просвѣщеніе духовное», которое «нам нечего черпать» из названныхъ источниковъ «за полнейшимъ присутствіемъ (а не отсутствіемъ) источниковъ русскихъ» (*Д30*; т. 26: 150). В этом, собственно,

и заключался корень разномыслия. Оппоненты Достоевского были убеждены, что фундамент, на котором должна строиться русская культура и социум, — это исключительно и навсегда европейское просвещение. Достоевский же, не отрицая величайшего значения для нас достижений Европы, видит неизбежность нового этапа взаимоотношений. Его предопределяет, во-первых, сомнительный диктат якобы универсальных «правил» западного мира, а во-вторых, иные, открытые Пушкиным, коренные начала русского мирозерцания, которых Градовскому «не видно нигде». Последующая история России подтвердила многие сомнения Градовского и даже усилила их вплоть до сегодняшних мрачных констатаций окончательного вырождения народа. Между тем сомневающимся следовало бы учесть, что невиданные испытания, выпавшие на долю страны в XX в., не стерли ее в пыль, как то обыкновенно случалось с империями. Этот факт (при всех возможных оговорках), как нам представляется, склоняет чашу весов скорее на сторону Достоевского, нежели Градовского со товарищи. XXI в. заново поставил вопрос «быть или не быть» России в ее субъектности. Качество народного мирозерцания, очевидно, окажется решающим фактором. Станет ясно, по Достоевскому или по Градовскому пойдет теперь наша история.

Другой пункт, в котором принципиально разошлись спорщики, это соотношение, условно говоря, морали и права. Достоевский обозначил свою позицию предельно жестко: «Не вне тебя правда, а в тебе самом» (ДЗ0; т. 26: 139). Признавая этот постулат за «святая святых» убеждений писателя, Градовский в статье «Мечты и действительность» сетует, что у проповедника «личной нравственности» «нѣтъ и намека на идеалы общественные»²⁰. Автор «Голоса» идет еще дальше, формулируя фундаментальную позицию в развернувшейся вокруг «Пушкинской речи» полемике:

«Личная и общественная нравственность не одно и то же»²¹. Отсюда слѣдуетъ, что никакое общественное совершенствованіе не можетъ быть достигнуто только чрезъ улучшение личныхъ качествъ людей, его составляющихъ»²².

²⁰ Градовскій А. Мечты и дѣйствительность. См. также: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/dostkrit/1880/gol/gol80-174.html> (10.09.2022).

²¹ Градовскій едва ли не повторяет ситуацию, описанную Достоевским в февральском выпуске «Дневника Писателя» 1877 г.: «...выступают политики, мудрые учителя: есть, дескать такое правило, такое учение, такая аксиома, которая гласит, что нравственность одного человека, гражданина, единицы — это одно, а нравственность государства — другое. А стало быть, то, что считается для одной единицы, для одного лица — подлостью, то относительно всего государства может получить вид величайшей премудрости! Это учение очень распространено и давнишнее, но — да будет и оно проклято! <...> Что правда для человека как лица, то пусть остается правдой и для всей нации» (ДЗ0; т. 25: 48–50; см. также: ДЗ0; т. 23: 65).

²² Градовскій А. Мечты и дѣйствительность. См. также: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/dostkrit/1880/gol/gol80-174.html> (10.09.2022).

Спорить трудно: **только** через нравственность еще никакое общество не развивалось. Но отменяет ли «трезвость» Градовского «утопизм» Достоевского? У последнего тот же вопрос поставлен несколько иначе: а может ли общество улучшаться **без** совершенствования входящих в него личностей? В «Дневнике Писателя. Единственном выпуске на 1880» примерно так, вопросом на вопрос, Достоевский и отвечал Градовскому:

«Чем соедините вы людей для достижения ваших гражданских целей, если нет у вас основы в первоначальной великой идее нравственной?» (ДЗ0; т. 26: 164).

Столкнулись два мировоззрения, два не понимающих друг друга языка. Спор, бесконечно длящийся, пожалуй, со знаменитого письма Белинского к Гоголю. Вряд ли он когда-нибудь закончится пошлым примирением сторон, обосновавшихся в разных плоскостях общественного самосознания. Однако если говорить о русской литературе (флагмане национальной культуры), то она, что очевидно на ее вершинах, предпочла поставить нравственный закон впереди социального.

4

12 августа 1880 г. вышел единственный на этот год «Дневник Писателя», включавший в себя полемику с Градовским. Очевидно, сразу же по прочтении «Дневника» Градовский садится за «Ответ г. Достоевскому» (указано: [Бирюкова], [Кийко]), но так и не отдает его в печать: ответ получился страстный и даже пристрастный (см. Приложение), в нем заметно проступила личная обида на жесткую критику. Отложив в сторону написанную статью, Градовский пишет другую под названием «Либерализм и западничество» (Голос. 1880. 27 августа). Первый биограф ученого замечает: «...ее можно признать как бы продолжением спора, начатого по поводу знаменитой речи на Пушкинском празднике. В частном письме от 21 августа он и прямо говорит об этом, отмечая, что "Дневник" Достоевского слишком личен, почему ему пришлось бы отвечать лично же: во избежание этого он и решился возбудить некоторый общий вопрос» [Шахматов]. Направленность статьи «Либерализм и западничество» против «Дневника Писателя» Достоевского заметили и современники (см.: Слово. 1880. Сентябрь. С. 97–98), хотя имя Достоевского и здесь, как и в «Тревожном вопросе», не названо.

В статье «Либерализм и западничество» утверждается, что борьба западников и славянофилов ушла в безвозвратное прошлое, их окончательный союз ради возрождения России был заключен во время подготовки крестьянской реформы. Исходя из этого положения, Градовский бросает упрек, что совершенно очевидно, автору «Пушкинской речи» и «Дневника Писателя»:

«Что же мы видим теперь? Старый спор между двумя литературными школами, спор "давно уже решенный и взвешенный судьбою", переносится в наше время, когда уже нет места ни западничеству, ни славянофильству в их

прежнем виде. Старые распри поднимаются искусственно вновь и притом в таком виде, от которого покраснели бы старые, истые славянофилы»²³.

Современная ситуация, полагает Градовский, ставит множество острых вопросов, «не умозрительного характера, а самые жизненные» (выпад вновь в адрес Достоевского), и все они сводятся к одному:

«...как пустить в ход все духовные, умственные и промышленные силы нашего народа, чтоб он в самом деле явился мощною *народностью* не в "идее" только и не в "возможности", а на самом деле, на миру». А это значит — «*содействовать улучшению условий, в которых он [народ] живет* и от качества которых зависит развитие его нравственных и материальных сил»²⁴.

«Умозрительность», «только возможность» — так прочитывает Градовский идею «всечеловечности» Достоевского (в статье иронически упомянуты «всечеловеки»), т. е. опять же как далекую от насущной действительности «мечту». В реальности же народ нуждается в «улучшении условий», без этого он пребывает в «спячке» и «представляет пассивную массу, из которой можно лепить что угодно». Такое вполне позитивистское представление о народе и оспаривал Достоевский с беспощадной горячностью. Что же касается его «мечтательности» и якобы утопизма, следует осознать, что «либерал» Градовский и «консерватор» Достоевский обладали разноприродным зрением: первый видел близко лежащее насущное (торможение реформ), второй же смотрел вдаль, как в прошлое, так и в будущее, и видел современные проблемы из их исторической перспективы. «Улучшение условий», социальных и экономических, из этой перспективы не исключалось, но ставилось в зависимость от состояния духовного стержня народа.

Не удержался Градовский и от полемических излишеств, бросив в адрес Достоевского едкие формулировки: «мистические завывания», «залезает в чужую душу» (а именно «допрашивает западников, как и почему они "любят" крестьянина»), «становится нахально в роль исповедника»... Резкие выпады смягчало лишь то обстоятельство, что объект нападок не назывался по имени, при этом внимательному читателю было понятно, в чей огород летели увесистые камни. Концовка статьи завершала эту полускрытую полемику и обличала степень обиды Градовского на оппонента:

«Пора, наконец, прекратить это "рассмотрение чужой души", это выворачивание наизнанку чужих побуждений, эту инквизицию, положительно отравляющую существование каждого, кто имеет несчастье говорить об общественных вопросах»²⁵.

²³ Градовский Александр. Либерализм и западничество // Голос. 1880. № 236. 27 августа.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Градовский был оскорблен в своем искреннем народолюбии. Вскрытие Достоевским подлинной природы чувства своего оппонента показалось тому «выворачиванием наизнанку», что по смыслу данного выражения так и было: писатель выставил на всеобщее обозрение не казовую сторону либерального «народничества», а именно его изнанку.

А. Ф. Кони в воспоминаниях о Градовском встал на защиту обиженного: он, уверял мемуарист,

«былъ другомъ *своего* народа и болѣлъ за него душою. Но проповѣдь "всечеловѣчества" русскаго человѣка, но выдвиганіе его священной миссіи провозгласить изстрадавшемуся человѣчеству свое новое слово, которое будетъ откровеніемъ и о которое разобьются волны не разрѣшимыхъ западомъ вопросовъ — пугали его. Онъ совершенно правильно боялся, что возвеличеніе русскаго человѣка надъ всѣми, безъ указанія ему на необходимость культурнаго и нравственнаго самосовершенствованія, — можетъ повести къ развитію въ немъ и въ обществѣ крайняго самомнѣнія и грубаго тщеславія. А эти свойства, въ свою очередь, остановятъ всякое развитіе»²⁶.

Знаменитый юрист, как видим, был столь же далек, как и сам Градовский, от понимания христиански-жертвенного смысла *всечеловечества*, «возвеличенного» Достоевским. В личном же народолюбии Градовского автор «Дневника Писателя» вряд ли сомневался, ему чужд был сам **тип** восприятия народа как неразвившегося дитяти, объект форматирования со стороны интеллигенции и «правильного» государства (в то время Градовский был в большом фаворе у либерально настроенных властей)²⁷. Услышать и понять свой народ — в этом заключалась программная установка январского

²⁶ Кони А. Ф. Памяти Александра Дмитриевича Градовского // Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 277.

²⁷ В конце 1880 г., когда стала выходить газета «Русь» под редакторством И. С. Аксакова, Градовский не принял аксаковскую критику «европеизма» в формировании земских учреждений и выступил со статьей «Не архитектуры, а жизни (По поводу мнений газеты "Русь")» (Русская речь. 1880. № 12). Достоевский в письме Аксакову 3 декабря 1880 г. не преминул заметить: «Мертвец проповедует жизнь, и поверьте, что мертвеца-то и послушают, а Вас нет. Вы в Ваших письмах ко мне утверждали, что это человек умный, хотя и порченный, а Орест Федорович Миллер передавал мне, что Вы интересуетесь знать его, то есть Градовского, мнение о "Руси". Ну вот Вы теперь знаете его мнение. Вы-де проглядели новую, живую, *национальную* струю в нашем обществе в последнее 25-ти летие, вызванную реформами. И укорив, что Вы проглядели, поклявшись, что она *есть, существует*, тут же сейчас спрашивает: "При каких условиях возможен наш собственный нравственный рост, то есть при каких условиях мы будем становиться нравственнее, трудолюбивее, чище, образованнее, крепче характером, рачительнее к пользе общей; при каких условиях эта святая идея отечества будет ближе нашему сердцу и вниманию?" и т. д. и т. д. Ну, да ведь если уж он открыл такой клад, эту новую национальную струю, — то чего же спрашивать и затрудняться решением? Факт совершился, и преклонись. Описывай струю, изучай ее течение, откуда взялась она и ее доблести — вот и разрешение ответа. Иначе ведь, если он не умеет разрешить вопрос, то, значит, и не существует струи, и она ему только так показалась. Но он не разрешает и в конце сваливает дело о создании струи на правительство. Это колоссально хорошо» (Д30; т. 30₁: 232–233).

«Дневника Писателя» 1881 г., ставшего последним словом русского мыслителя в этом споре.

После 1881 г., унесшего жизнь великого писателя и потрясшего страну накатом «красного колеса», Градовский будет уже в новых условиях возвращаться к дискуссии с Достоевским и настаивать на своей позиции, несмотря на видимое усиление авторитета своего противника. В этом контексте обращает на себя внимание его статья «По поводу одного предисловия (Н. Страхов. Борьба с западом в нашей литературе. СПб. 1882 г.)» (Вестник Европы. 1882. № 5). Градовский иронизирует по поводу тех, кто уверяет,

«что главная и даже единственная причина всѣхъ нашихъ золь *есть культъ Запада* <...>; что въ европейской культурѣ нѣтъ ничего всеобщаго и пребывающаго; что Европа все время шла ложнымъ путемъ, и что мы должны искать этого всеобщаго, всечеловѣческаго исключительно въ своихъ "началахъ". Сказать все это — значитъ <...> сдѣлаться служителемъ модныхъ тенденцій, вѣяній дня, начавшихся <...> съ московской рѣчи Достоевскаго, да съ передовыхъ статей *Руси*» (Градовскій: 425).

Страхову в предисловии к указанной книге, полагает Градовский, «хочется увѣрить читателя, что его книга написана во исполненіе тѣхъ "задачъ", которые были указаны Достоевскимъ» (Градовскій: 425), однако это противоречит собственной логике автора: «...отъ г. Страхова далека мысль, что наше спасеніе можетъ прійти отъ непосредственнаго, такъ сказать, воспріятія "народнаго духа". Духъ этотъ живетъ еще на степени безсознательнаго, на степени инстинкта» и потому, как утверждает сам Страхов, имеется единственный способ пробудить его к сознанию — «могущественный европейскій раціонализмъ» (Градовскій: 428).

Градовский солидаризируется с такой постановкой вопроса: обычай, предание, народный инстинкт — «непремѣнно потрясаются, перерабатываются и теряютъ цвѣтъ почтенной старины, какъ только до нихъ дотронется "могущественный раціонализмъ"» (Градовскій: 429). Градовский, надо признаться, искусно нащупал «лазейку» в рассуждениях Страхова, действительно уводившую от Достоевского. После этого развести в разные стороны двух «почвенников» ему не составило труда. Публицист добился таким образом временного тактического успеха, но до победы стратегической было далеко.

В последние годы появился ряд исследований творчества А. Д. Градовского (см.: [Твардовская], [Гуторов, Гуляк], [Плященко]), переиздаются его труды, изживается историческая несправедливость долгого замалчивания, однако остается неизменным факт: ученый и публицист вошел в историю русской мысли прежде всего своей «схваткой» с автором «Пушкинской речи». В заключении цитированной выше статьи 1882 г. он отдает должное своему противнику, хотя и с характерной оговоркой: «...образованная Россія дала своей родинѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевскаго (какъ художника)»...» (Градовскій: 435).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Д. Градовскій

Отвѣтъ г. Достоевскому

I.

Небольшое личное объясненіе

Г. Достоевскій написалъ «четыре лекціи по поводу одной», /якобы/ прочитанной ему мною. Я опять ограничиваюсь «одною» [стат<ей>] замѣткой или, если угодно, лекціею. Но я долженъ начать ее небольшимъ личнымъ объясненіемъ вовсе не ради [моихъ] моихъ личныхъ интересовъ, а ради дѣла.

[Собственно личное] Есть впрочемъ одна чисто личная замѣтка. Г. Достоевскій, обращаясь ко мнѣ, говоритъ что отвѣтъ его написанъ вовсе не для меня, а для читателей. Я въ этомъ никогда не сомнѣвался. [Никакая] [в]/В/сякая полемическая статья, как и всякая статья пишется именно для читателей, а вовсе не для того лица, противъ котораго она направлена. Иначе литературнымъ соперникамъ слѣдовало-бы ограничиться частными письмами. Все это ясно и подразумевается само собой. Для чего-же г. Достоевскому нужно было высказать такую аксіому? Да просто для того, чтобы съ самого начала [«портретировать» меня и пока<затъ>] /принять позу, т. е. показать/ «читателю», что онъ смотритъ на меня чрезъ плечо. Не удобное положеніе, г. Достоевскій; противникамъ лучше смотрѣть прямо въ глаза, особенно [въ] въ такой длинной бесѣдѣ, какую Вы вели со мною. Отъ слишкомъ горделиваго поворота головы шея заболитъ. <л. 1>

Теперь перехожу къ иному личному объясненію. Г. Достоевскій, глядя на меня чрезъ плечо, не [разглядѣлъ] «усмотрѣлъ» одной вещи и потому попалъ въ нѣкоторое недоразумѣніе. Всѣ его «четыре лекціи» написаны въ такомъ тонѣ, какъ будто я принадлежу къ [тому] такъ называемымъ «западникамъ». Не говоря уже о томъ, что теперь по всей Руси едва-ли отыщется истый «западникъ» въ родѣ Чаадаева, я поистинѣ изумленъ причисленіемъ меня къ этому направленію, съ которымъ г. Достоевскій ведетъ немного запоздалую борьбу.

Г. Достоевскій отнесся ко мнѣ такъ, какъ будто я ничего не писалъ кромѣ замѣтки на его рѣчь о Пушкинѣ. Но если-бы онъ потрудился навести справки хотя-бы у И. С. Аксакова (на котораго онъ постоянно ссылается въ своемъ «Дневникѣ»), онъ узналъ-бы кое-что иное. Онъ узналъ бы, что нѣсколько лѣтъ сряду я [спеціально] писалъ статьи и читалъ публичныя лекціи о національномъ вопросѣ; онъ узналъ бы что [въ числѣ] /нѣсколько из/ этихъ лекцій посвящены первымъ славянофиламъ и что къ нимъ одобрительно отнеслись именно славянофилы; что всѣ эти лекціи и статьи собраны въ особую книгу, подъ заглавіемъ «Національный вопросъ» и что книга эта вызвала рѣзкія критики, [конечно] написанныя конечно не въ славянофильскомъ духѣ; онъ узналъ-бы даже, что во время сербско-турецкой и русско-турецкой войны я писалъ много и писалъ въ духѣ, [очень сла<вянскомъ>] /совершенно/ славянскомъ; онъ узналъ-бы наконецъ что мои личныя отношенія къ представителямъ нашего славянофильства были наилучшія и что они остались [очень], напримѣръ, очень довольны моею замѣткой, написанной по поводу смерти Ю. О. Самарина.

Знай г. Достоевскій все это, онъ не счелъ-бы себя въ правъ, зачисливъ меня по «западничеству», бранитъ<ъ>ся на двадцати страницахъ. При нѣкоторой добро-совестности <л. 1 об.> онъ долженъ-бы былъ подумать, что есть же какія-нибудь причины, по которымъ послѣднее время я какъ будто защищаю то, на что прежде нападалъ.

Причины-же эти очень просты. Въ послѣдніе два тяжелыхъ года всѣ мы были свидѣтелями зрѣлища постыднаго и отвратительнаго. Въ то время какъ вся Россія страдала и горѣла отъ стыда за гнусныя покушенія [совершившіяся противъ] на /жизнь ея царя/, вдругъ въ самой печати и отчасти въ обществѣ раздалась обвиненія противъ «русской интеллигенціи», [солидарной яко-бы] /повинной въ двухъ/ тяжкихъ грѣхахъ — /въ/ либерализмъ и въ западничество и солидарной яко-бы съ злодѣйскими покушеніями. Здѣсь была двойная ложь. Во первыхъ [даже] истое западничество, въ старой его формѣ никогда не одобрило-бы этихъ злодѣяній; во вторыхъ современные либералы, развившіеся подъ вліяніемъ реформъ нынѣшняго царствованія, не суть западники. Итакъ безчеловѣчное и поголовное обвиненіе бросалось на людей невинныхъ; во-вторыхъ [набрасывалось] /забрасывалось/ грязью то, что мы привыкли считать лучшимъ пріобретѣніемъ нашего времени. Призывались громы на университеты, на печать, на земскія и городскія учрежденія, на судъ присяжныхъ. Въ эту минуту каждый публицистъ, понимающій свой долгъ, обязанъ былъ сказать всѣмъ этимъ господамъ: вы дѣлаете мерзости. Я и сказалъ это — въ вѣжливой конечно формѣ — и буду говорить [постоян<но>] всякій разъ, какъ раздадутся обвиненія огульныя и ложныя. Я сдѣлалъ это нисколько не мѣняя своихъ убѣжденій. Живи теперь Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, онъ сдѣлалъ-бы то же самое и конечно сильнѣе меня. Авторъ «Революціоннаго консерватизма» не могъ бы поступить иначе.

[Теперь] Вы г. Достоевскій, въ своей рѣчи о Пушкинѣ не бросали такихъ обвиненій, но [подпѣвали имъ — р<?> нѣжно, любовно даже] /изъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ (на которыя/ я и указалъ) могли быть выведены крайне печальные выводы. Я на это указалъ. Въ своемъ [отвѣтъ] /«Дневникъ»/ Вы же <л. 2> не только не устранили этихъ недоразумѣній, а напротивъ, показали зубы, спрятанные во время Пушкинскаго торжества. Вы заставили (стр. 6 и слѣд.) [запа<дниковъ>] предполагаемыхъ западниковъ держать такую рѣчь объ Россіи и объ русскомъ народѣ, что стыдно становится — не за нихъ конечно. Стало-быть я былъ правъ.

Теперь поговоримъ.

II.

«О самомъ основномъ дѣлѣ»

Если-бы Вамъ пришлось прочесть мои лекціи о первыхъ славянофилахъ, Вы увидѣли-бы, что [меня не зачѣмъ обращать] /[мнѣ] мнѣ не зачѣмъ/ говорить о значеніи православія для русскаго народа. Тѣмъ болѣе не зачѣмъ было писать такихъ жалкихъ словъ:

«Впрочемъ что-же я вамъ это говорю? Неужто я хочу убѣдить васъ? Слова мои покажутся вамъ конечно младенческими, почти неприличными». [Нѣтъ] Не покажутся, г. Достоевскій. Все это я очень хорошо понимаю. [Но вот что] /Я вполне/ согласенъ съ Вами, что «христіанство народа нашего есть и должно остаться

навсегда, самую главною [самую] /и/ жизненною основой просвѣщенія его». Если-бы Вы доказывали только это, [такъ] то конечно и «спора» [бы] никакого не вышло-бы. Но вы доказываете не то; вы доказываете вещи невозможныя, съ позволенія сказать, смѣхотворныя.

1^е Вы доказываете, что въ силу того, что народъ нашъ воспріялъ православіе, онъ уже окончательно просвѣщенъ и что въ силу этого не ему учиться у другихъ, а встѣмъ другимъ учиться у него;

2^е Вы доказываете, что всякая попытка введенія чего-либо, невыработаннаго непосредственно народомъ нашимъ, есть отреченіе не только отъ народности, но и отъ Христа [слѣд^{овательно}?>]. <л. 2 об.>

Вѣдь вотъ что вы доказываете на двадцати страницахъ — ни больше, ни меньше. [И послѣ этого вы обвиняете меня въ «искаженіи» вашей мысли.] /Объ этомъ мы и будемъ спорить, ибо не спорить въ/ данномъ случаѣ невозможно.

Есть, видите-ли, маленькая разница, между утвержденіемъ, что «христіанство народа нашего есть и должно остаться навсегда главною основою его просвѣщенія» и утвержденіемъ, что просвѣщеніе это уже закончено. Горькій опытъ показываетъ, что великія духовныя блага могутъ не пойти впрокъ и остаться на степени «основы», и то подгнивающей. Византія также получила православіе и, въ первые вѣка своего существованія, даже разработала его. Въ Византіи раздавались голоса такихъ проповѣдниковъ, какихъ никогда [уже], /быть можетъ/, не услышите христіанскій міръ; въ Византіи сложились тѣ трогательныя молитвы, которыя [мы читаемъ] вдохновляютъ православный людъ до сихъ поръ. И что-же? «Да не постигнетъ насъ участь монархіи греческой» любилъ говорить Петръ-Великій.

На это г. Достоевскій скажетъ, что Греки не прониклись существомъ Христова ученія; они [остались] были слишкомъ для того развращены. Русскіе-же окончательно усвоили себѣ христіанство. Полно, такъ-ли? Чѣмъ-же объяснить тогда быстрое и неудержимое рожденіе сектъ? Вѣроятно, г. Достоевскій не [объяснитъ] взглянетъ ни на расколъ, ни на секты, какъ на [плодъ] «безпорядокъ». Вѣроятно онъ усмотритъ въ нихъ [нѣкоторую духовно] плодъ нѣкоторой духовной жажды и жажды серьезной, ибо народъ не нервныя барыни, внимающія Редстоку. У народа нѣтъ времени на нервы. Но у него есть дѣйствительная духовная жажда, [мы вид^{имъ}?>] есть дѣйствительное исканіе Христа, и онъ не повѣритъ г. Достоевскому, утверждающему, что [жд^{етъ}?>] жажда эта утолена. Г. Достоевскій [постоянно укоряетъ «западниковъ» за то, что они] /немного поторопился рѣшить этотъ «основной» вопросъ/ <л. 3> и рѣшилъ его такъ, что только руками разведешь отъ изумленія.

«Что, говоритъ онъ, въ томъ, что народу мало читаютъ проповѣдей, а дьячки бормочутъ неразборчиво, — самое колоссальное обвиненіе на нашу церковь, придуманное либералами (!), вмѣстѣ съ неудобствомъ церковнославянскаго языка, будто бы непонятнаго простолюдинамъ (А старообрядцы-то? Господи!). За то выйдетъ попъ и прочтетъ "Господи Владыко живота моего", и въ этой молитвѣ вся суть христіанства, весь его катехизисъ, а народъ знаетъ эту молитву наизусть».

Странную роль отводитъ г. Достоевскій русскому духовенству! Дьячки могутъ «бормотать», священники могутъ не читать проповѣдей. Стоитъ только «попу» прочесть (вѣроятно ужъ разборчиво) молитву Ефрема Сирина. Но къ великому сожалѣнію, темная масса, [укр^{ывающаяся}?>] уходящая въ секты, не совсѣмъ съ этимъ согласна. И, по справкамъ, оказывается, что онъ ищетъ именно поученія,

толкованія, проповідди; что вѣрующая душа не вмѣщается въ одинъ обрядъ. Пишутъ объ этомъ и лучшіе представители нашего духовенства. Говорятъ они, что народу нужно катехизическое ученіе, нужно толковое объясненіе основныхъ догматовъ нашей вѣры, нужно разумное преподаваніе Закона Божія въ народныхъ школахъ, нужна проповідь. Указываютъ они чѣмъ берутъ разные штундисты и другіе сектанты — имя имъ легіонъ — жаждутъ они духовнаго оружія, также какъ народъ жаждетъ духовной пищи. А г. Достоевскій съ [высоты] своего кресла кричитъ имъ «цыцъ! довольно съ васъ гимновъ!»...

Именно «цыцъ!» хотя и говорится оно съ видомъ глубочайшаго смиренія и даже подобострастія предъ «народомъ». [Но] Если голодный нищій прійдетъ ко мнѣ [и] попроситъ кусокъ хлѣба, а я скажу ему — «миленькій <л. 3 об.> мой, ты уже сытъ, ты сытъ меня», онъ, вѣроятно, уйдетъ отъ меня съ тѣмъ же чувствомъ, [съ какимъ] какъ будто я вытолкнулъ его за дверь. Даже и худшимъ — ибо въ лицемѣрныхъ словахъ моихъ онъ, кромѣ отказа увидѣлъ бы горькую насмѣшку...

Нѣтъ, г. Достоевскій, для того чтобы христіанство въ самомъ дѣлѣ дало въ насъ [всѣ<?>] роскошный плодъ, чтобы оно дѣйствительно было понятно и проникло во всѣ отношенія наши, освѣщая и освящая ихъ, для этого нужно много усилій и условій.

Вы говорите: «главная школа христіанства, которую прошелъ онъ (народъ) — это вѣка безчисленныхъ и безконечныхъ страданій, имъ вынесенныхъ въ свою исторію, когда онъ, оставленный всѣми, попранный всѣми, работающій на всѣхъ и на вся, оставался лишь съ однимъ Христомъ-утѣшителемъ, котораго и принялъ тогда въ свою душу навѣки и который за то спасъ отъ отчаянія его душу!»

Охъ, какъ народолобиво и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ фальшиво! Капитальнѣйшимъ страданіемъ въ нашей исторіи было, конечно, иго монгольское. Такого мученія и стыда не знала уже Россія. И дѣйствительно тогда она, задавленная Ордой, вытолкнутая изъ Европы, раздираемая внутренними распрями, оставалась съ однимъ Христомъ. И святые подвижники одни поддерживали народный духъ, направляя и дѣятельность князей. И со всѣмъ этимъ, какъ исказилась [жи<знѣ>] духовная жизнь въ это ужасное время! Вѣдь у насъ есть небольшой, но вѣрный итогъ того, съ чѣмъ мы вышли по части вѣры изъ временъ татарскихъ: это Стоглавъ. Прочтите-ка, на что жаловался царь Иванъ Васильевичъ духовному собору; поразмыслите о томъ, сколько дикаго, ужаснаго язычества прокинулось [послѣ<?>] послѣ столькихъ вѣковъ страданій! Да и потомъ, когда новое иго, иго крѣпостнаго <л. 4> права налегло на этотъ народъ, когда онъ въ самомъ дѣлѣ работалъ на всѣхъ и на вся, что-же вышло путнаго?

Вотъ гдѣ [фальши<ь>] фал<ь>шь вашей теоріи: страданіе очищаетъ и возвышаетъ человѣка. Да, страданіе очищаетъ и возвышаетъ, но тогда, когда оно страданіе въ подвигъ, добровольно на себя принятомъ, /въ подвигъ духовной свободы (ибо такой подвигъ завѣщалъ намъ Христосъ)/, а не страданіе отъ рабства, убивающаго и уничтожающаго человѣческую личность, невѣдомо за что и [почему] для чего. Рабство развращаетъ и господствующаго и подвластнаго одинаково. Иго монгольское растлило Орду, растлило и Россію на долгое время; крѣпостное право растлѣвало и высшіе и низшіе классы. А гдѣ растлѣніе, тамъ нѣтъ духа Божія, по крайней мѣрѣ во всей его полнотѣ.

И вотъ, когда пробилъ часъ гражданской свободы для Россіи, когда «пало рабство по манію Царя», усилія лучшихъ людей нашихъ направились именно къ тому, чтобы дать народу духовныя орудія его просвѣщенія. <л. 4 об.>

Комментарии

Печатается по рукописи: Градовский А. Д. Отвѣтъ г. Достоевскому // РО ИРЛИ. Ф. 86. Архив А. Д. Градовского*. Л. 1–4 об. На первом листе помета О. В. Градовской, жены автора: «Не напечатанъ». Этот ответ на полемику с ним Достоевского (Дневник Писателя. Единственный выпуск на 1880. Август. Глава третья. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г. А. Градовским. С обращением к г. Градовскому) публицист составлял, очевидно, сразу после выхода «Дневника» (12 августа 1880 г.) и предназначал для публикации в «Голосе», как и статью «Мечты и действительность» (Голос. 1880. 25 июня), начавшую полемику. Причина отказа от публикации, возможно, слишком личный обидчивый тон, взятый автором. Печатным ответом стала другая статья Градовского — «Либерализм и западничество» (Голос. 1880. 27 августа), о работе над которой автор сообщал 21 августа (см. выше). Таким образом, публикуемую статью можно датировать между 12 и 20 августа 1880 г.

...писалъ статьи и читалъ публичныя лекціи о національномъ вопросѣ; онъ узналъ бы что [въ числѣ] /нѣсколько изъ/ этихъ лекцій посвящены первымъ славянофиламъ и что къ нимъ одобрительно отнеслись именно славянофилы; что всѣ эти лекціи и статьи собраны въ особую книгу, подѣ заглавіемъ «Національный вопросъ» и что книга эта вызвала рѣзкія критики... — Имеется в виду книга А. Д. Градовского «Национальный вопрос в истории и в литературе» (СПб., 1873), излагавшая «теорию национально-прогрессивного государства». В книгу вошли статьи, печатавшиеся в журнале «Беседа» в 1871–1873 гг., а также прочитанные в марте 1873 г. в Петербурге четыре публичные лекции под общим названием «Первые славянофилы». В декабре 1876 г. Градовский прочел еще три лекции по национальному вопросу (опубл.: Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877). На книгу «Национальный вопрос в истории и в литературе» резко-критически откликнулся «Судебный вестник» (1873. 29 и 31 июля) и сочувственно — еженедельник «Гражданин» (1873. 29 октября), редактируемый Ф. М. Достоевским. Как типичное явление «национального формализма» на почве «господствующего мирозозерцания» (Отечественные записки. 1873. № 12. С. 578, 579) ее подверг многословному критическому разбору А. М. Скабичевский, в защиту автора книги выступил «Голос» (1874. 16 января).

...во время сербско-турецкой и русско-турецкой войны я писалъ много и писалъ въ духѣ, [очень сла<вянскомъ>] /совершенно/ славянскомъ... — Начиная со статьи «За славян (К русскому обществу)» (Голос. 1876. 8 июля) Градовский в 1876–1878 гг. напечатал множество статей по так называемому восточному вопросу в основном в газете «Голос», по большей части вошедших затем в изд.: Градовский А. Д. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1901. Т. 6.

...очень довольны моею замѣткой, написанной по поводу смерти Ю. Ѳ. Самарина. — Памяти Юрия Федоровича Самарина (Голос. 1876. 24 марта). О ней И. С. Аксаков писал В. А. Черкасскому 28 марта: «"Московск<ие> ведомости", "Русские", "Современные известия" — все выступили с замечательными статьями, но замечательнее

* Выражаю благодарность Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и ведущему научному сотруднику института К. А. Баршту за помощь в поиске и копировании данного материала.

всех статья Градовского в "Голосе"» (Письма И. С. Аксакова о кончине Ю. Ф. Самарина и реакции на нее общества / вступ. ст., публ. и коммент. Д. А. Бадаляна // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 247). Статья вскоре была перепечатана в сборнике «В память Юрия Федоровича Самарина: Речи, произнесенные в Петербурге и в Москве по поводу его кончины» (СПб., 1876).

Въ послѣдніе два тяжелыхъ года ~ гнусныя покушенія [совершившіяся противъ] на /жизнь ея царя/... — 2 апреля 1879 г. земледелец А. К. Соловьев стрелял в царя, это было третье покушение на жизнь государя (после попыток Каракозова и Березовского 1866 и 1867 гг.). Созданная летом 1879 г. подпольная организация «Народная воля» организовала настоящую охоту на Александра II. После неудавшихся попыток покушения на железной дороге 19 ноября 1879 г. был взорван один из составов царского поезда, а 5 февраля 1880 г. взрыв произошел в Зимнем дворце (исполнитель Степан Халтурин).

...раздались обвиненія противъ «русской интеллигенціи» ~ солидарной яко-бы съ злодѣйскими покушеніями. — С такого рода обвинениями выступала консервативная печать, газеты «Берег», «Московские ведомости», «Гражданин», «Варшавский дневник»... Так, уже на следующий день после покушения Соловьева Катков писал: «Пора и всем нашим умникам прекратить праздномыслие и празднословие, выкинуть дурь из головы и возвратиться к честному и здравому смыслу. <...> Пора <...> перестать быть иностранцами...» (Московские ведомости. 1879. 3 апреля). Через два дня, припомнив обстоятельства польского мятежа 1863 г., Катков среди главных причин, способствовавших возмущению, назвал «антинациональное настроение в интеллигентных сферах общества» (Московские ведомости. 1879. 6 апреля). Этот мотив получил развитие в последующих выступлениях катковского издания. Князь-публицист Н. Н. Голицын с пафосом обратился к адептам фальшивого «прогресса»: «Русская интеллигенция и русское слово! Да будут вам отпущены в день суда те преступления, которыми испещрили и осквернили вы русскую летопись последних 25 лет...» (Московские ведомости. 1880. 20 января; перепечатка статьи из «Русского гражданина»). После покушения Халтурина Катков усилил обвинение: «Нельзя не назвать изменниками и предателями людей, которые мирволят этим бессмысленным злодеям или хотят соблюдать нейтралитет в отношении к ним. Это слабодушие, этот умственный разврат, именующий себя либерализмом, в некоторой части нашего образованного общества, нашей интеллигенции, — вот что делает возможными эти позорные явления, вот что поощряет крамолу и дает дух и смелость ее слугам» (Московские ведомости. 1880. 8 февраля). Новому лидеру верховной власти («диктатору») М. Т. Лорис-Меликову Катков настойчиво советовал: «Не в интеллигенции петербургской, а в русском народе следует искать опоры...» (Московские ведомости. 1880. 21 февраля). А. Д. Градовский протестовал против этих обвинений в статьях «Голоса» 1880 г. «Смута» (14 февраля) и «Где же враг?» (15 марта).

Призывались громы на университеты, на печать, на земскія и городскія учрежденія, на судъ присяжныхъ. — Газета «Берег», основанная в 1880 г. при финансовой поддержке правительства для противодействия либеральной и радикальной печати, усматривала прямую идейную связь «Народной воли» с «междустрочниками» в либеральной прессе. Кроме того, газета опубликовала показательные данные об уровне образования подсудимых по политическим процессам: 80 % получили

образование (из них 32,5 % студенты), 19 % грамотные и 1 % неграмотные (Внутренний отдел // Берег. 1880. 16 марта). Газета Каткова, в свою очередь, писала о «крайней распущенности» студенческой молодежи, «не огражденной от развращающих влияний» (Московские ведомости. 1880. 8 марта). Что касается упомянутых новых учреждений, порожденных реформами, Катков также ставил их в контекст современных событий: «Кроме своих прямых агентов, крамола теперь, как и во время польского мятежа, имеет немало повсюду попустителей благодаря политической деморализации, распространившейся в интеллигентных сферах нашего общества, и хаосу незрелых понятий, которые в нем тогда бродили, а теперь еще более. После польского мятежа дела наши осложнились: появились разные новые учреждения, благотворительные в своей основе, но еще не установившиеся и недостаточно согласованные между собою и с целым и потому производящие нездоровое брожение в умах» (Московские ведомости. 1880. 14 февраля).

Авторъ «Револүціоннаго консерватизма» не могъ бы поступить иначе. — Ю. Ф. Самарин в брошюре «Револүціонный консерватизм» (Берлин, 1875) подверг уничтожающей критике идею дворянского конституционализма, высказанную консервативным публицистом Р. Фадеевым в книге «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)». Градовский явно преувеличивает свою близость к Самарину, которому столь же ненавистен был и либеральный конституционализм. И тот и другой были, по Самарину, «рационализмом в действии», далеко от «свободы живого быта» русского народа. На самом деле социально-политическая программа Самарина, демократического монархиста (если можно так выразиться), была ближе Достоевскому, чем Градовскому.

Если-бы Вамъ пришлось прочесть мои лекціи о первыхъ славянофилахъ ~ о значеніи православія для русскаго народа. — В четвертой лекции цикла «Первые славянофилы» (см. выше) дается «научный» разбор богословских сочинений А. С. Хомякова как «единственной у нас критики религиозных основ западно-европейского просвещения» (Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873. С. 285).

...народъ не нервныя барыни, внимающія Редстоку. — Английский лорд-проповедник Г. В. Редсток (1831–1913), с 1873 по 1878 г. ежегодно посещал Россию и вел религиозные беседы в богатых домах Петербурга (а в 1876 г. и в Москве), образовав в обществе кружок горячих своих приверженцев, большинство из которых были светские дамы. Газета «Голос» (1876. 27 апреля) назвала это «эпидемией религиозного экстаза».

За то выйдетъ попъ и прочтетъ "Господи Владыко живота моего", и въ этой молитвѣ вся суть христіанства, весь его катехизисъ... — Имеется в виду великопостная молитва св. Ефрема Сирина, одного из великих учителей Церкви IV в.: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков». Известно поэтическое переложение этой молитвы, стихотворение Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836). Катехизис — краткое изложение христианского вероучения.

Пишутъ объ этомъ и лучшіе представители нашего духовенства. — Вероятно, Градовский имел в виду И. С. Белюстина, выступавшего в подобном духе в своих статьях и книгах, напр., «О церковном богословии» (4-е изд., СПб., 1874).

«Стоглавъ» — сборник решений Стоглавого собора 1551 г.; состоит из 100 глав. Содержит разъяснения о соотношении норм государственного и судебного права с церковным.

...на что жаловался царь Иванъ Васильевичъ духовному собору... — Царь задал собору 32 вопроса о смешении церковных и языческих, еретических обрядов в народе, вместе с ответами они были зафиксированы в главе 41 «Стоглава». Напр., вопрос 16: «В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют. И как к церкви венчаться проедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священники им о том не возбраняют». Или вопрос 21: «Да по погостам и по селам и по волостям ходят лживые пророки-мужики и жонки, и девки, и старые бабы, наги и босы, и волосы отравив и распустя, трясутся и убиваются. А сказывают, что им являются святая пятница и святая Анастасия и велят им заповедати крестьянам каноны завечивати. Они же заповедают крестьянам в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не прясти, и платья не мыти, и каменья не разжигати и иные заповедают богомерзкие дела творити кроме божественных писаний». Или вопрос 24: «Русали о Иванове дни и в навечерии Рождества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на ночное лещевание, и на безчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И бывает отрокам осквернение и девам растление».

...«пало рабство по манію Царя»... — Из стихотворения Пушкина «Деревня» (1819): «Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный / И рабство, падшее по манию царя».

Подготовка текста и комментарии В. А. Викторovichа

Список литературы

1. Бирюкова Е. Б. Градовский Александр Дмитриевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2: Г–К. С. 8–9.
2. Гуторов В. А., Гуляк И. И. А. Д. Градовский — ученый и социально-политический мыслитель // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 3. С. 19–57.
3. Кийко Е. И. [Комментарий] // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 729–730.
4. Плященко Т. Е. Консервативный либерализм в пореформенной России: история одной неудачи // Тетради по консерватизму: альманах. М.: Фонд ИСЭПИ, 2015. № 4. С. 121–129.
5. Твардовская В. А. Александр Дмитриевич Градовский: научная и политическая карьера российского либерала // Отечественная история. 2001. № 2. С. 28–44; № 3. С. 40–51.
6. Тихомиров Б. Н. «Наша вера в нашу русскую самобытность»: «Русская идея» в творчестве Достоевского // Тихомиров Б. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. С. 161–190.
7. Ш^ахматов^а А. Краткий очерк жизни и деятельности А. Д. Градовского // Градовский А. Д. Собр. соч.: в 9 т. СПб., 1908. Т. 9. С. LXXVI.

References

1. Biryukova E. B. Gradovsky Alexander Dmitrievich. In: *Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian Writers, 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2, pp. 8–9. (In Russ.)
2. Gutorov V. A., Gulyak I. I. A. D. Gradovsky — Scientist and Socio-Political Thinker. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2002, vol. 5, no. 3, pp. 19–57. (In Russ.)
3. Kiyko E. I. Comment. In: *Dostoevskiy F. M. Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Dostoevsky F. M. Collected Works: in 15 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1995, vol. 14, pp. 729–730. (In Russ.)
4. Plyashchenko T. E. Conservative Liberalism in Russia the Post-Reform Period: The History of a Failure. In: *Tetrad' po konservatizmu: al'manakh* [Notebooks on Conservatism: Almanac]. Moscow, Foundation of Institute of Socio-Economic and Political Research Publ., 2015, no. 4, pp. 121–129. (In Russ.)
5. Tvardovskaya V. A. Alexander Dmitrievich Gradovsky: the Scholarly and Political Career of a Russian Liberal. In: *Otechestvennaya istoriya* [National History], 2001, no. 2, pp. 28–44; no. 3, pp. 40–51. (In Russ.)
6. Tikhomirov B. N. “Our Faith in Our Russian Identity”: “The Russian Idea” in Dostoevsky's Works. In: *Tikhomirov B. N. “...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom”: stat'i i esse o Dostoevskom* [Tikhomirov B. N. “...I Deal with This Mystery Because I Want to Be Human”: Articles and Essays on Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2012, pp. 161–190. (In Russ.)
7. Shakhmatov A. Brief Essay on the Life and Work of A. D. Gradovsky. In: *Gradovskiy A. D. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Gradovsky A. D. Collected Works: in 9 Vols]. St. Petersburg, 1908, vol. 9, p. 76. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140410); ORCID: 0000-0001-9576-9522; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, Moscow region, 140410, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-9576-9522; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.11.2022

Принята к публикации / Accepted 12.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Рецензия

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6482

EDN: ILGACJ

Досибирский период биографии Ф. М. Достоевского в новых документальных разысканиях

(Рец. на кн.: Новые архивные и печатные источники
научной биографии Ф. М. Достоевского /
отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.)

М. А. Шалина

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(г. Евпатория, Российская Федерация)*

e-mail: marie_ka@mail.ru

Аннотация. Рецензируемая коллективная монография представляет собой серию статей, каждая из которых, заполняя определенную лакуну наименее изученной первой половины жизни Ф. М. Достоевского, стала примером настоящего расследования запутанных, неясных или вовсе искаженных фактов о писателе и его родословии на базе строгой систематизации уже известных и вновь найденных документальных источников. Основной корпус статей и приложение подготовлены руководителем проекта Б. Н. Тихомировым, три раздела — при участии Е. Д. Маскевич и один — в соавторстве с Н. А. Тихомировой. В исследование вошли различные аспекты, так или иначе повлиявшие на формирование личности и мировоззрения классика, его художественной системы. Читатель узнает много новых деталей не только о Федоре Михайловиче Достоевском, но и о его окружении (отце, братьях — особенно о Михаиле, с которым был наиболее близок; сокурсниках, преподавателях и сослуживцах в Главном инженерном училище и Чертежной Инженерного департамента), а также о коллизиях этого периода, перипетиях времени вхождения Достоевского в литературный круг, месяцах заключения в Петропавловской крепости и деталях отправки осужденных петрашевцев в Сибирь. Сквозь призму научной биографии писателя открываются малоизвестные широкой публике факты истории и культуры России: особенности системы образования (на примере учебного процесса в Главном инженерном училище) или оказание семьям политических заключенных, в том числе Михаилу Достоевскому, материальной помощи из императорской казны. В литературоведческий блок исследования вошел скрупулезный анализ круга чтения юного Достоевского, в известном смысле определившего особенности его художественной поэтики: книги «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета» И. Гибнера, а также готических романов А. Радклиф и многочисленных авторов «псевдорадклифианы». Многие архивные документы, отраженные в монографии, публикуются и вводятся в научный оборот впервые. Логическим завершением представленных авторами данных к научной биографии Достоевского досибирского периода стала первая полная публикация воспоминаний друга юности писателя барона А. Е. Ризенкамппа — с комментарием Б. Н. Тихомирова, дополняющим и в некоторых моментах корректирующим прежние издания мемуаров. Значение рецензируемой монографии трудно переоценить. Видится необходимым продолжение монументального труда авторов по заполнению лакун в научной биографии Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, научная биография, архивные материалы, печатные источники, документальные свидетельства, воспоминания

Для цитирования: Шалина М. А. Досибирский период биографии Ф. М. Достоевского в новых документальных разысканиях (Рец. на кн.: Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского / отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.) // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 262–277. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6482. EDN: ILGACJ

Book Review

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6482

EDN: ILGACJ

The Pre-Siberian Period in the Biography of F. M. Dostoevsky in New Documentary Research

(Review of the Collective Monograph: New Archival and Printed Sources
of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. St. Petersburg,
The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p.)

Marina A. Shalina

*Evpatoria Institute of Social Sciences (Branch)
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
(Evpatoria, Russian Federation)*

e-mail: marie_ka@mail.ru

Abstract. The peer-reviewed collective monograph is a series of articles, each of which, filling a certain lacuna of the least studied first half of F. M. Dostoevsky's life, is an example of a real investigation of confusing, unclear or completely distorted facts about the writer and his genealogy based on a strict systematization of the already known and newly discovered documentary sources. The main body of articles and the appendix were prepared by the project manager B. N. Tikhomirov, three sections — with the participation of E. D. Maskevich, and one — in co-authorship with N. A. Tikhomirova. The study includes various aspects that in one way or another influenced the formation of the personality and worldview of the classic, and his artistic system. The reader will learn numerous new details not only about Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, but also about his milieu (father, brothers, especially Mikhail, with whom he was closest; fellow students, teachers and colleagues in the Main Engineering School and the Drawing Room of the Engineering Department), as well as about the collisions of this period, the vicissitudes of the time of Dostoevsky's entry into the literary circle, months of imprisonment in the Peter and Paul Fortress, and the details of sending convicted Petrashevites to Siberia. Through the prism of the writer's scientific biography, little-known facts of Russia's history and culture are revealed to the general public, i. e., the peculiarities of the education system (using the example of the educational process at the Main Engineering School) and the provision of material assistance from the imperial treasury to the families of political prisoners, including Mikhail Dostoevsky. The literary block of the study included a scrupulous analysis of the reading circle of the young Dostoevsky, which in a certain sense determined the features of his artistic poetics: the book "One Hundred and Four Sacred Stories of the Old and New Testaments" by I. Gibner, as well as Gothic novels by A. Radcliffe, and numerous "pseudo-Radcliffians." Many archival documents reflected in the monograph are published and introduced into scientific circulation for the first time. The logical conclusion of the data added by the authors to the scientific biography of Dostoevsky of the pre-Siberian period was the first complete publication of the memoirs written by Baron A. E. Rizenkampf, a friend of the writer's youth, with a commentary by B. N. Tikhomirov, which supplements and corrects certain points in the previous editions of the memoirs. The importance of the reviewed

monograph cannot be overestimated. It seems necessary to continue the monumental work of the authors to fill in the gaps in the scientific biography of F. M. Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, biography, archival materials, printed sources, documentary evidence, memoirs

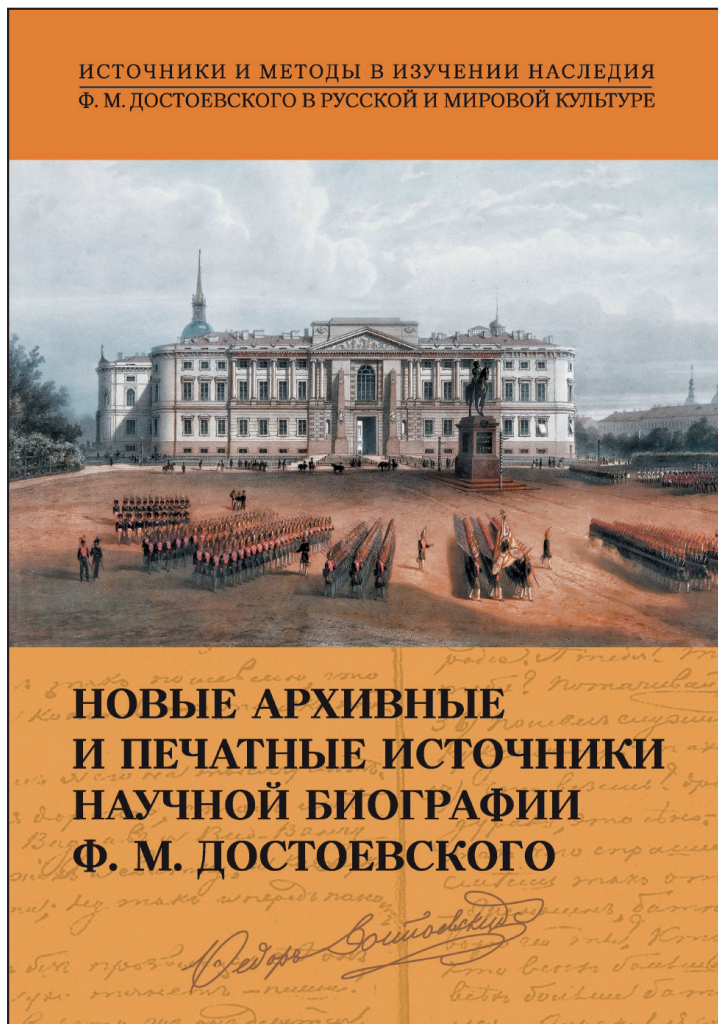
For citation: Shalina M. A. The Pre-Siberian Period in the Biography of F. M. Dostoevsky in New Documentary Research (Review of the Collective Monograph: New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p.). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 262–277. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6482. EDN: ILGACJ (In Russ.)

В 2021 г. мир праздновал двухсотлетний юбилей Федора Михайловича Достоевского, в связи с чем Российским фондом фундаментальных исследований был инициирован конкурс исследовательских проектов по направлению «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре», в результате которого при финансовой поддержке фонда издано более 30 монографий¹. Мы согласны с О. Ю. Юрьевой в том, что это «беспрецедентный случай в литературоведческой науке, <...> своеобразный коллективный научный подвиг, свидетельствующий и об огромном потенциале достоевистики, и о том пиетете перед именем великого русского классика, дань памяти, любовь к которому и признательность вылились в <...> уникальные» труды [Юрьева: 125]. Книгу «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского» следует назвать весомым вкладом в общее большое дело науки о «православном Данте» [Иустин (Попович): 26].

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что, несмотря на обширный массив работ, посвященных родословию и жизнеописанию писателя, до сих пор не выстроена полная научная биография Достоевского, основанная на строго документальной базе и учитывающая всю совокупность существующих печатных и архивных источников. Рецензируемая работа полагает начало масштабного труда по созданию такой целостной и системной научной биографии великого русского классика. Предметом настоящей монографии стал наименее изученный, ранний, период трех десятилетий жизни и творчества Федора Михайловича, куда вошли детские и юношеские годы, учеба в Главном инженерном училище, вхождение молодого писателя в литературный круг, участие в «пятницах» Петрашевского, арест и заключение в Петропавловской крепости, инсценировка казни и отправка в Сибирь. Междисциплинарное взаимодействие специалистов-филологов и историков позволило обоснованно заполнить некоторые немаловажные лакуны, систематизировать данные о полемических аспектах биографии Достоевского, его отца и братьев с сестрами, а также впервые ввести в научный оборот архивные документы, ранее не

¹ Рецензии и обзоры на них см., например: [Дергачева], [Юрьева], [Тарасова].

востребованные исследователями (в частности, материалы из фондов Российского государственного военно-исторического архива).

Илл. 1. Обложка коллективной монографии «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского» (2021)

Fig. 1. The cover of the collective monograph “New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky” (2021)

Безусловным достоинством книги является стремление к максимальной научной объективности, что выразилось в скрупулезнейшей работе ее авторов с документальными источниками, их сопоставлении и тщательной проверке на достоверность. Выявлено и исправлено большое количество ошибок и неточностей в фактической части биографии Достоевского, бытующих в академических публикациях (например, в энциклопедии «Достоевский

и его окружение» [Белов], комментариях к Полному собранию сочинений Достоевского в 30 томах², в трехтомной серии «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» и др.).

Первая статья монографии «Когда родился отец Достоевского? Опыт критического анализа и систематизации источников» касается научной проблемы со столетней историей, сложность разрешения которой — в обилии документов с противоречащими друг другу данными. Это формулярные списки Михаила Андреевича Достоевского, введенные в научный оборот в 1922 г. (с купюрами и неточностями, породившими затем разногласия в определении года его рождения), найденные позже исповедные ведомости, аттестаты и документы учебных заведений, в которых он учился, свидетельство о кончине, а также документы с данными о возрасте братьев и сестер М. А. Достоевского. Диапазон возможной датировки рождения отца писателя, определяемый по этим документам, — с 1786 по 1789 г. (!), причем принятый в достоевковедении вслед за Л. П. Гроссманом 1789 г. («год Великой французской революции» [Волгин, 2018: 37]) оказывается почти на 80 лет «ошибочным "каноном"» [Новые архивные и печатные источники: 12]³.

Представленная Б. Н. Тихомировым систематизация источников является результатом более чем двадцатилетнего внимания самого автора к вопросу. Парадокс ситуации заключается в том, что обилие архивных источников порождает еще большую путаницу и усугубляет ситуацию. Так, «в 1836 г., в исповедной ведомости церкви Петра и Павла при Мариинской больнице для бедных записано, что штаб-лекарю Михаилу Достоевскому 47 лет; а через два года, в 1838 г., в ведомости провинциальной церкви села Моногарова появляется запись, что ему 51 год» (24). Б. Н. Тихомиров устанавливает возможный корень возникших противоречий: два наиболее ранних документа за январь и октябрь 1809 г. из делопроизводства Подольской духовной семинарии, учеником которой был отец Достоевского до поступления в Московскую медико-хирургическую академию, по одному из которых ему 20, а по другому — 21 год (18–20). В результате многочисленных сопоставительных операций исследователем предложена версия о дне рождения М. А. Достоевского: между 20 апреля и 28 ноября 1788 г.

А. С. Бессоновой в 2020 г. опубликованы три обнаруженных в Российском государственном историческом архиве (РГИА, СПб.) документа 1837 г., связанные с отставкой штаб-лекаря М. А. Достоевского: доклад Николаю I Московского Опекунского совета, рапорт главного доктора московской Мариинской больницы для бедных А. А. Рихтера и формулярный список

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

³ Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

о службе, в котором указано, что М. А. Достоевскому 48 лет [Бессонова: 5]. Документы датируются периодом с 12 июня по 18 июля 1837 г., т. е. подтверждают «1789-й как год его рождения» [Бессонова: 7]. «Однако, — пишет далее исследовательница, — если принять версию Б. Н. Тихомирова о дне рождения М. А. Достоевского между апрелем и ноябрем, то вполне возможно, что отец писателя родился в 1788 г.», тогда «второй формулярный список» «сужает предложенные Б. Н. Тихомировым границы дня рождения Михаила Андреевича: после 18 июля по конец ноября» [Бессонова: 7].

Окончательную точку в этой «детективной истории», как заключили исследователи родословия Достоевского Н. Н. Богданов и А. И. Роговой⁴, может поставить только обнаружение единственно надежного свидетельства — записи о рождении и крещении в метрической книге [Богданов, Роговой: 82].

Две статьи монографии посвящены важному тематическому блоку: детско-юношескому чтению Ф. М. Достоевского, т. е. исследованию той литературной почвы, на которой взрастал талант писателя, и тех первых ярких впечатлений, которыми питалась его фантазия.

По книге «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета» Иоанна Гибнера (Johann Hübner; в совр. библиографических описаниях: Иоганн Гюбнер), как свидетельствует семейное предание, «маленький Федя "учился читать"» (27). Свое трепетное отношение к этой книге писатель вкладывает в уста старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»:

«К воспоминаниям же домашним причитаю и воспоминания о священной истории, которую в доме родительском, хотя и ребенком, я очень любопытно-ствовал знать. Была у меня тогда книга, священная история, с прекрасными картинками, под названием "Сто четыре священные истории Ветхого и Нового завета", и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь на полке лежит, как драгоценную память сохраняю» (Д30; т. 14: 264).

Как отмечают Б. Н. Тихомиров и Н. А. Тихомирова, книги Гибнера пользовались в России чрезвычайной популярностью, издавались «с 1770 по 1863 год более двадцати раз и выходили в нескольких переводах: М. Соколова (1770–1803), В. Богородского (1798–1832), И. Висковатова (1818), П. Яновского (1832–1846) и др.» (28). Проведенная исследователями большая разыскная и аналитическая работа позволила выявить тот факт, что в семейной библиотеке Достоевских находилось издание в переводе В. Богородского (30), а не М. Соколова, как сказано в комментарии ПСС (Д30; т. 29: 214). Однако таких изданий было одиннадцать! Все они были найдены и рассмотрены исследователями *de visu* на предмет соответствия указаниям в воспоминаниях брата и жены писателя (наличие иллюстраций к определенным

⁴ Укажем здесь на допущенную в монографии ошибку в украинской орфографии фамилии исследователя: Роговій вместо Роговий (26).

историям), а также сопоставления двух экземпляров издания, обозначенных А. Г. Достоевской в качестве мемориальных.

Переводы и варианты изданий отличались не только иллюстрациями, включенными в некоторые из них, но и интерпретацией библейских эпизодов. Поэтому так важен вопрос о том, с каким именно вариантом этой книги был знаком в детстве Федор Достоевский и какой экземпляр затем, в зрелые годы, он отыскал, берег «как святыню»⁵ и, без сомнения, использовал в процессе работы над романом «Братья Карамазовы» (фактические и стилистические приметы как литературного «припоминания», так и непосредственного обращения к книге Гибнера аргументированно доказаны авторами).

Означенный вопрос до последнего времени не становился предметом специального исследования⁶, равно как и проблема отражения книги «Сто четыре священные истории...» в творческой лаборатории вершинного романа Достоевского и в целом — в его поэтике. Между тем результатами нового «расследования» стали исправленные ошибки, уточнения и дополнения к академическому комментарию ПСС — в ряде случаев они имеют принципиальный характер. Например, этическая оценка в истории о женах царя Артаксеркса (Ассуира), «надменной Вастии» (Астини) и «прекрасной Эсфири», о которых старец Зосима упоминает именно не в библейских словесных формулах, но по пересказу «Ста четырех священных историй...», где особо отмечено, что «Бог наказует **высокомерие**, возводя смиренных и унижая **надменных**» (полужирный шрифт авторов. — М. III.) (46). Одна из ключевых психологических оппозиций в характерологии Достоевского, как известно, касается гордых и смиренных. Примечательно, что фактом знакомства со Священной историей по книге Гибнера Достоевский наделяет не только благонравного старца Зосиму, но и его антипода Павла Смердякова — в эпизоде дерзкого спора последнего о сотворении мира со своим воспитателем богобоязненным Григорием (50–51).

Принципиально важным является вопрос о восприятии Достоевским истории о страданиях ветхозаветного Иова. Как устанавливают исследователи, в более поздних московских изданиях книги Гибнера в переводе В. Богородского (1819 и 1825) представлен ее «редуцированный» по сравнению с библейским вариант, где нет образа искушающего сатаны и «*субъектом "искушения" праведного Иова оказывается сам Господь*» (здесь и далее курсив авторов. — М. III.) (58). Воспоминания Достоевского о сильном детском потрясении, которое произвел на него образ многострадального Иова, авторы объясняют осознанием разницы между вариантом, услышанным во время богослужения, в котором причиной несчастий праведного

⁵ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 66.

⁶ Авторы указывают на публикацию О. А. Дехановой, посвященную вопросу о том, какое же издание «Ста четырех священных историй...» имелось в библиотеке Достоевских [Деханова].

Иова выступает сатана, и прочитанным в пересказе Гибнера, где «проверяет» праведника Бог.

Пока нельзя сказать однозначно, по какому именно тексту «Ста четырех священных историй...» Достоевский учился читать. Однако сопоставление различий в изданиях, в частности, в истории о многострадальном Иове, открывает перспективу получения обоснованного ответа на этот важный вопрос.

Еще один «литературный» аспект, освещенный в монографии, касается «итальянской мечты» молодого Достоевского (т. е. желания попутешествовать по Италии), навеянной детскими впечатлениями от авантурных романов Анны Радклиф, чьи «Альфонсы, Катарины, Люции, доны Педро и доньи Клары» «въелись» в его голову — некоторыми из них он «бредил» даже в зрелом возрасте (61). Однако предметное обращение к романам популярной английской писательницы обнаружило, что таких героев в ее романах нет (!). Опубликовав шесть произведений, Анна Радклиф предпочла удалиться от назойливой публики; издатели же, пытаясь продлить успех популярного автора, стали выпускать романы-имитации или приписывать ее имени сочинения других людей. Научные разыскания и непосредственное знакомство с текстами «псевдорадклифианы» позволило Б. Н. Тихомирову «составить полный список книг» (18 романов и повестей), которые «были изданы в России "под фирмой" г-жи Радклиф» (65), а также высказать гипотезу о том, что «в семье Достоевских в 1820–1830-е годы читались произведения, которые были лишь приписаны перу Радклиф русскими переводчиками и издателями» (61), что объясняет путаницу в перечисленных Достоевским персонажах. В связи с этим стоит отметить также тему влияния готического романа на поэтику Достоевского, которая, как видится, может обрести новые перспективы развития в свете сделанных автором статьи наблюдений.

Существенным восполнением «белых пятен» в биографии братьев Достоевских наименее изученного периода 1837–1839 гг., т. е. времени поступления Михаила в Инженерный корпус и первых двух лет обучения Федора в Главном инженерном училище, является следующая статья соавторов Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич, в которой доминантным принципом становится «впервые». Впервые введен в научный оборот, а также комментируется ряд документов, обнаруженных в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва): документы из дела М. М. Достоевского, хранящиеся среди бумаг канцелярии директора Инженерного департамента, а также документы делопроизводства Главного инженерного училища («Учебный отчет», «Распределение Годичного экзамена в Главном инженерном училище в 1839 году»). Авторами в подробностях воссоздан процесс подготовки братьев к поступлению, чрезвычайные хлопоты М. А. Достоевского об устройстве сыновей, что еще раз свидетельствует о несправедливости мифа об отце-деспоте. Обретенные

архивные данные позволяют восстановить характер учебного процесса в Инженерном училище, план дисциплин, которые, даже дважды, изучал кондуктор Федор Достоевский, будучи оставленным на второй год из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым⁷, о чем в научной литературе сообщается впервые. Также впервые становится доступным список учебной литературы, по которой в 1838 г. писатель штудировал закон Божий, русский, французский и немецкий языки, рисование с натуры, рисование ситуации, архитектурное рисование, географию, историю, алгебру, геометрию, фортификацию, артиллерию (93–95).

Впервые систематически изучены и представлены данные обо всех 19 преподавателях, читавших курсы у Ф. М. Достоевского, о 20 принимавших у него экзамены (отмечен интересный факт: в экзаменационной комиссии находились всегда другие преподаватели, нежели те, что вели дисциплины, для обеспечения большей объективности оценивания), а также состав одноклассников Достоевского в годы учебы в ГИУ. Многие из этих имен и персоналий вводятся в научный оборот впервые, чем существенно дополняются или корректируются сведения об окружении писателя в материалах предшественников [Белов].

Публикация Б. Н. Тихомирова «Я, нижепоименованный Федор Достоевский... Присяга на верность службы 20 августа 1841 года» вводит в научный оборот особый архивный документ — «датированный 20 августа 1841 г.» «присяжный лист», содержащий «Клятвенное обещание», «под которым стоит двадцать одна подпись-автограф (включая подпись Достоевского) учащихся нижнего офицерского класса Главного инженерного училища», две недели назад «получивших первый офицерский чин — полевых инженер-прапорщиков (XIV класса, согласно Табели о рангах)» (120). Данный важный документ, как отмечает автор, должен быть включен «в корпус текстов Достоевского, напечатанных в академическом собрании сочинений писателя, а настоящая публикация — рассматриваться как *дополнение* к разделу "Официальные письма и деловые бумаги"» (122), существенно пополняя уже имеющиеся сведения, а также позволяя уточнить и расширить представления о круге общения писателя в период обучения в Главном инженерном училище. Отмечено, что больше половины из 20 подписавшихся вместе с Достоевским инженер-прапорщиков, т. е. его однокашников в течение двух лет (в 1840–1841 и в 1841–1842 гг.), не зарегистрированы в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение» [Белов]. Новой персоналией выступает и имя священника церкви

⁷ Б. Н. Тихомиров выясняет, что «из-за конфликта с инженер-капитаном Л. М. Кирпичевым, который при 15 полных баллах поставил ему по алгебре 11, Достоевский был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. "...Преподающий хотел непременно, чтоб я остался, он зол на меня более всех", — писал безутешный второгодник отцу (28; 52). "О ужас! еще год, целый год лишний! Я бы не бесился так, ежели бы не знал, что подлость, одна подлость низложила меня..." — восклицал он в письме к брату (28; 53)» (103).

Михаила Архангела при Главном инженерном училище Гавриила Игнатьевича Розова, приводившего молодых офицеров к присяге и преподававшего в Училище закон Божий.

Статья «Достоевский в чертежной Инженерного департамента» (Б. Н. Тихомиров при участии Е. Д. Маскевич) продолжает восполнение сведений о жизни и окружении Достоевского в следующий период, 1843–1844 гг., когда после окончания Главного инженерного училища начинающий писатель (а Достоевский в это время уже поглощен работой над «Бедными людьми») был зачислен в Санкт-Петербургскую Инженерную команду для службы при Чертежной Инженерного департамента. Обнаруженный в фондах Российского государственного военно-исторического архива «Кондуктный список господ штаб- и обер-офицеров полевых инженеров, числящихся при С.-Петербургской Инженерной команде и находящихся при Чертежной Инженерного департамента» позволил исследователям с помощью привлечения широкого круга справочной литературы ввести в научный оборот информацию о пятнадцати сослуживцах Достоевского. Некоторые из этих имен фигурируют в записных книжках и письмах Достоевского. Так, запись «Офицер. Перебас<кин>» Достоевский делает в ранних набросках к роману «Идиот», об Оскаре же Патоне («Паттоне») пишет брату Михаилу, делясь «общими планами перевода романа Э. Сю "Матильда"» (142). Следует особо отметить, что обозначенный год «в отношении служебной деятельности Достоевского до настоящего времени был совершенно "белым пятном" в его биографии» (134).

Исследование Б. Н. Тихомирова «Стихотворное "Послание Белинского к Достоевскому". Итоги и проблемы изучения» посвящено комплексному рассмотрению проблем анализа известного сатирического текста, написанного в адрес молодого, с триумфом вошедшего в литературный круг Достоевского («Витязь горестной фигуры...»). Авторство его традиционно приписывалось Н. А. Некрасову и И. С. Тургеневу. В. Н. Захаровым в свое время была высказана и доказана, на основании лексико-стилистической и ритмической неоднородности частей текста, гипотеза о третьем участнике данного едкого сочинения, И. И. Панаеве [Захаров, 1985]. Признавая, что «разностороннее освещение различных аспектов изучения стихотворного "Послания Белинского к Достоевскому", осуществленное В. Н. Захаровым, бесспорно, является на сегодняшний день наиболее основательным и полным в отечественной науке» (151), а также поддерживая версию участия Ивана Панаева в написании «Послания...», Б. Н. Тихомиров предлагает иначе рассматривать соотношение авторства трех литераторов⁸. Кроме того,

⁸ Как отмечает автор монографии, В. Н. Захаров видит «творческий процесс трех соавторов, так сказать, *линейно*: Тургенев сочиняет тематически единые первые десять строк (две с половиной строфы) — саркастически-гиперболическое прославление "милого пыща" Достоевского, *затем* следующие десять строк (еще две с половиной строфы) приписывает Панаеву, предложивший свой сюжетный поворот, — глумливый рассказ об обмороке, в который автор "Бедных людей" на "рауте светском" упал от волнения перед светской красави-

он обосновывает гипотезу о двух редакциях стихотворения: ранней, краткой, авторами которой были Некрасов и Тургенев, и пространной, окончательной, возникшей после включения в завершённый текст ещё трех строф, написанных Панаевым (166). «В свете этой гипотезы, — пишет исследователь, — по-новому должна решаться и проблема датировки "Послания...", а именно: не раньше конца марта — начала апреля 1846 г. — для пространной редакции и вторая половина января — март 1846 г. — для краткой (166).

Публикация Б. Н. Тихомирова в соавторстве с Е. Д. Маскевич «Петрашевцы после Семеновского плаца, комендант Набоков и император Николай I. Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских» по материалам Российского государственного исторического архива освещает переломный и драматический период ареста и заключения братьев Достоевских (Михаила, Федора и, ошибочно, Андрея), инсценировки обряда смертной казни и этапирования Федора Михайловича в Сибирь. Статья включает в себя три раздела, в первом из которых публикуются «ходатайство коменданта Петропавловской крепости» генерала И. А. Набокова, «направленное на имя Военного министра, с просьбой разрешить родственникам петрашевцев свидания с ними перед отправкой в места отбывания наказаний, а также последовавшее после всеподданнейшего доклада министра Всемиловитвейшее разрешение на сей счет Николая I» (169). Благодаря этому обращению писателю перед отправкой в сибирский «Мертвый Дом» было разрешено свидание с братом Михаилом, в котором ранее отказывалось. Тогда же, кроме сердечного прощания, состоялась передача личных вещей, книг и бумаг Федора Михайловича, среди которых особо ценной для него была «Детская сказка», опубликованная позже под названием «Маленький герой». Отметим здесь исключительную строгость авторов статьи в оценке надежности источников. Так, подвергается проверке свидетельство В. А. Энгельсона, составившего по просьбе А. И. Герцена записку о «фарсе» на Семеновском плацу [Энгельсон: 75–76], которое до этого либо обходилось исследователями [Волгин, 2017: 804–810] (171), либо использовалось без необходимой верификации [Сараскина: 242]. Знакомство с найденными документами позволило подтвердить частичную достоверность данного свидетельства⁹ (174).

цей; финальную часть (последние три строфы), наиболее соответствующую жанру послания, завершает Некрасов» (156). «...Если в истолковании В. Н. Захарова — продолжает Б. Н. Тихомиров, — авторство Тургенева, Панаева и Некрасова распределяется в последовательности текста по схеме "10–10–12", то в свете моей гипотезы — "8–12–12". Причем срединные двенадцать строк (три полных строфы) — это позднейшая панаевская вставка. И если принять предложенную гипотезу, то — хотя бы в примечаниях или вариантах — 20-стишное стихотворение Некрасова и Тургенева надо печатать как самостоятельную, раннюю редакцию "Послания Белинского к Достоевскому"» (161).

⁹ Речь идет об обращении генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова к императору за разрешением свидания осужденных петрашевцев с родственниками перед отправкой в Сибирь. По свидетельству Энгельсона, «этот ворчун 1812 года, который за свирепой солдатской и отталкивающей внешностью скрывал не вполне извращенное и полное благочестия сердце, решил осмелиться и, осенив себя крестным знаменем,

Во втором разделе освещены обстоятельства ареста трех братьев Достоевских по делу об участии в социалистическом кружке М. В. Петрашевского¹⁰, а также проведено «расследование» дела об обвинении Михаила Достоевского в — фактически — предательстве, за что он якобы и был освобожден из заключения, получив из царской казны 200 р. Двусмысленные намеки о неблагородном поведении старшего из братьев Достоевских муссировались в науке в советское время с подачи А. С. Долинина и Л. П. Гроссмана. Однако найденные архивные документы дела № 156 «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году» позволили обнародовать рапорт уже известного нам коменданта И. А. Набокова о решении следственной комиссии освободить М. М. Достоевского, ввиду его непричастности к деятельности тайного кружка и «принимая в соображение чахоточное его расположение, которое от двухмесячного ареста усиливается, равно как и тяжкое положение его семейства, которое он пропитывает своими трудами» (179). Кроме того, «Михаил Достоевский <...> оказывается одним из *двадцати четырех* выпущенных из крепости петрашевцев, то есть примерно *половины* от всех, кто был арестован» (182). Что касается действительно полученной им суммы в 200 рублей серебром, она оказалась материальным вспоможением, выданным *негласно* по инициативе императора Николая I *многим семьям* осужденных, чьи родители, жены или дети терпели нужду, оставленные без кормильца. В таком «страшном, отчаянном положении» как раз находилась жена арестованного Михаила Михайловича Достоевского, кормящая новорожденного и не имеющая иной поддержки, кроме доходов супруга (182). Обнародованные факты позволяют снять с него все подозрения и подтвердить слова брата Федора Михайловича о том, что Михаил Михайлович **«не дал никаких показаний, которые бы могли компрометировать других»**, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать, ибо хотя сам ни в чем не участвовал, но *знал о многом*» (курсив автора, полужирный шрифт наш. — М. Ш.) (Д30; т. 22: 135).

В третьем разделе опубликована квитанция об изъятии у «преступника Достоевского» 100 рублей собственных денег, «которые по распоряжению Военного министра были отобраны у него 24 декабря 1849 г. при отправке в Сибирь, благополучно и в полном объеме доставлены 9 января 1850 г. фельдъегерем поручиком К. П. Прокофьевым в Тобольск и сданы под расписку управляющему Приказом о ссыльных надворному советнику

рискнул войти в кабинет царя» ([Энгельсон: 75], ср.: (171)), — что, конечно, не могло быть сделано в такой форме. Но ходатайство действительно имело место — через обращение И. А. Набокова на имя Военного министра князя А. И. Чернышева. Как ходатайство, так и полученный на него ответ публикуются в монографии впервые (172–173).

¹⁰ Как было указано выше, Андрей Михайлович был арестован по ошибке, однако провел в заключении 10 дней до выяснения своей непричастности. Арест же Михаила Михайловича состоялся, благодаря этой ошибке, позже, что, возможно, позволило ему уничтожить какие-то компрометирующие его бумаги (178). Подробнее о событиях ареста Андрея и Михаила, а также об утрате архива Ф. М. Достоевского 1840-х гг. см. в публикации В. Н. Захарова [Захаров, 2014].

П. П. Кравчуновскому» (196). Исследователи вынуждены констатировать, что «как происхождение этих денег, так и их дальнейшая (после Тобольска) судьба остаются не установленными. Это — одно из "темных мест" биографии Ф. М. Достоевского» (196).

В Приложение к коллективной монографии включена первая полная публикация воспоминаний о Федоре Михайловиче Достоевском друга юности писателя барона А. Е. Ризенкампа, с которым они приятельствовали в период с 1838 по 1844 г. Долгое время эти мемуары были известны лишь фрагментарно, в свободном изложении О. Ф. Миллера, использовавшего материал в ракурсе интересующих его аспектов биографии Достоевского, что привело к утрате важных фактов и смыслов или к закреплению и тиражированию ложной информации¹¹. В своих воспоминаниях барон Ризенкампф создает также яркую характеристику Михаила Михайловича Достоевского, с которым познакомился в Ревеле, и фиксирует несколько его (и своих) лирических стихотворных текстов, которые известны только по данной записи. Поскольку «это также круг чтения молодого Достоевского», то «уже <...> поэтому они должны быть опубликованы» (201). Полный текст воспоминаний публикуется по «автографу, который хранится в Отделе рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля» (202) и сопровождается научным комментарием Б. Н. Тихомирова, дополняющим или исправляющим уже существующий обстоятельный комментарий К. А. Баршта¹².

В ряде случаев итогом масштабной работы, проведенной Б. Н. Тихомировым, Е. Д. Маскевич и Н. А. Тихомировой, стало не окончательное разрешение дискуссионных вопросов, но выведение их на новый уровень фактуальной доказательности на основании системного и комплексного изучения имеющихся источников, что само по себе весьма значимо для мирового достоевсковедения. Наряду с максимальным освещением избранных проблем авторами намечены и артикулированы вполне определенные перспективы дальнейшей разработки тех или иных аспектов научной биографии Ф. М. Достоевского, ждущие своих исследователей. Например, «обширное дело объемом в несколько сотен страниц, хранящееся в фонде управления коменданта Петербургской (т. е. Петропавловской) крепости: "Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году" (РГИА)» (5), лишь отчасти использованное в главе о петрашевцах; продолжение систематического изучения различий в редакциях «Ста

¹¹ Как комментирует Б. Н. Тихомиров, «в некоторых случаях купюры, сделанные О. Ф. Миллером, привели к тому, что в биографической литературе утвердились сомнительные свидетельства, сделанные другими мемуаристами. Так, например, в воспоминаниях К. А. Трутовского, опубликованных в 1893 г., указано, что квартира Достоевского в Графском переулке находилась на *втором* этаже. Однако Ризенкампф, который сам в 1843–1844 гг. жил в этой квартире, пишет, что она была расположена на *третьем* этаже» (200).

¹² См.: Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подг. К. А. Баршт. М.: Ладомир; Наука, 2015. С. 681–687. (Сер.: Литературные памятники.)

четырех священных историй...» И. Гибнера для установления конкретного текста, по которому Достоевский «учился читать»; выяснение, в каком именно каземате содержался арестованный по делу Петрашевского писатель, или раскрытие загадки о ста рублях «собственных денег», которые были изъяты у него при этапировании в Сибирь. Продолжение монументального труда, безусловно, является необходимым, а нынешний вклад исследователей достоин самой высокой оценки.

Список литературы

1. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1: [А-К]. 572, [1] с.; Т. 2: [Л-Я]. 540, [1] с.
2. Бессонова А. С. Увольнение от службы (Отставка М. А. Достоевского по архивным документам 1837 года) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 2. С. 5–23 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595606667.pdf (30.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621. EDN: GBNTVT
3. Богданов Н. Н., Роговой А. И. Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. М.: Акрополь, 2008. 159 с.
4. Волгин И. Л. Пропавший заговор. Достоевский: дорога на эшафот. М.: Академический проект, 2017. 869 с.
5. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Академический проект, 2018. 729 с.
6. Дергачева И. В. Творческий путь Ф. М. Достоевского, рукописное наследие и герменевтика текстов: юбилейные издания РФФИ // Язык и текст. 2022. Т. 9. № 1. С. 108–119 [Электронный ресурс]. URL: https://psyjournals.ru/files/129137/langt_2022_n1_Dergacheva.pdf (30.08.2022). DOI: 10.17759/langt.2022090110
7. Деханова О. А. История о книге с иллюстрациями: «Первая книга для чтения» в семье Достоевских // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2018. № 36. С. 9–18.
8. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
9. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского сороковых годов? // Знание. Понимание. Умение. М., 2014. № 3. С. 287–296 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/3/Zakharov_What-Happened-Dostoyevskys-Archive-1840/ (30.08.2022).
10. Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве. М.; СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 288 с.
11. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864 / сост. И. Д. Якубович, Т. И. Орнатская. 543 с.
12. Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова; отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.
13. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей; вып. 1320.)
14. Тарасова Н. А. Поздняя публицистика Ф. М. Достоевского: автор и читатели — источники и тексты (Рец. на кн.: Проблемы текстологии публицистики Достоевского (1873–1881): коллективная монография / отв. ред. Т. В. Панюкова; кол. авт. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 936 с. (Серия «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского

- в русской и мировой культуре»)) // Два века русской классики. 2022. Т. 4. № 3. С. 232–247 [Электронный ресурс]. URL: http://rusklassika.ru/images/2022-4-3/14_Tarasova_232-247.pdf (30.08.2022). DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-3-232-247. EDN: JSFGBB
15. Энгельсон В. А. Петрашевский // Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. Л.: Лениздат, 1984. С. 60–76.
16. Юрьева О. Ю. Когда неизвестное становится известным: текстология, биография, критика (Обзор книг, изданных по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре») // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 124–155 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649772174.pdf (30.08.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981. EDN: PRPUHW

References

1. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [Encyclopedic Dictionary "F. M. Dostoevsky and His Ambience": in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 572 p.; vol. 2. 540 p. (In Russ.)
2. Bessonova A. S. Dismissal from Service (Resignation of M. A. Dostoevsky According to Archival Documents of 1837). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 2, pp. 5–23. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1595606667.pdf (accessed on August 30, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621. EDN: GBNTVT (In Russ.)
3. Bogdanov N. N., Rogovoy A. I. *Rodoslovie Dostoevskikh: v poiskakh uteryannykh zven'ev* [The Dostoevskys' Genealogy: in Search of the Lost Links]. Moscow, Akropol' Publ., 2008. 159 p. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor. Dostoevskiy: doroga na eshafot* [Missing Plot. Dostoevsky: the Road to the Scaffold]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 869 p. (In Russ.)
5. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and His Contemporaries: A Life in Documents]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 729 p. (In Russ.)
6. Dekhanova O. A. The Story of the Book with Illustrations: "The First Book to Read" in the Dostoevsky Family. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2018, no. 36, pp. 9–18. (In Russ.)
7. Dergacheva I. V. The Creative Path of F. M. Dostoevsky, Handwritten Layering and Hermeneutics of Texts: Anniversary Editions of the RFBR. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 108–119. Available at: https://psyjournals.ru/files/129137/langt_2022_n1_Dergacheva.pdf (accessed on August 30, 2022). DOI: 10.17759/langt.2022090110 (In Russ.)
8. Zakharov V. N. About One Myth of Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Where Did the Dostoevsky Archive of the 1840s Disappear? In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], Moscow, 2014, no. 3, pp. 287–296. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/3/Zakharov_What-Happened-Dostoevskys-Archive-1840/ (accessed on August 30, 2022). (In Russ.)
10. Iustin (Popovich), prepodobnyy. *Dostoevskiy o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky About Europe and Slavism]. Moscow, St. Petersburg, Sretenskiy monastyr' Publ., 2002. 288 p. (In Russ.)

11. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 543 p. (In Russ.)
12. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
13. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser.: Life of Wonderful People; issue 1320.) (In Russ.)
14. Tarasova N. A. The Late Journalism of F. M. Dostoevsky: an Author and Readers, Sources and Texts. Book Review: Problems of Textual Analysis of Dostoevsky's Journalism (1873–1881): a Collective Monograph, Ed. by T. V. Panyukova et Al. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021. 936 p. (Series "Sources and Methods in the Study of F. M. Dostoevsky's Legacy in Russian and World Culture.") (In Russ.) In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics], 2022, vol. 4, no. 3, pp. 232–247. Available at: http://rusklassika.ru/images/2022-4-3/14_Tarasova_232-247.pdf (accessed on August 30, 2022). DOI: 10.22455/2686-7494-2022-4-3-232-247. EDN: JSFGBB (In Russ.)
15. Engel'son V. A. Petrashevsky. In: *Pervye russkie sotsialisty: vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtssev v Peterburge* [The First Russian Socialists. Memoirs of Participants of the Petrashevsky Societies in St. Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984, pp. 60–76. (In Russ.)
16. Yur'eva O. Yu. When the the Unknown Becomes Known: Textual Criticism, Biography, Criticism (Review of Books Published by the RFBR Competition "Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture"). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2022, vol. 9, no. 1, pp. 124–155. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1649772174.pdf (accessed on August 30, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981. EDN: PRPUHW (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шалина Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (ул. Просмушкиных, 6, г. Евпатория, Республика Крым, Российская Федерация, 297408); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru.

Marina A. Shalina, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Philological Disciplines and Teaching Methods, Evpatoria Institute of Social Sciences (Branch) V. I. Vernadsky Crimean Federal University (ul. Prosmushkinykh 6, Evpatoria, 297408, Republic of Crimea, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Рецензия

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6401

EDN: TCRLBH

Главный адрес Достоевского

(Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский на
Кузнечном. Даты. События. Люди. 3-е изд., испр. СПб.:
Кузнечный переулок, 2022. 224 с.)

О. А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)
e-mail: olgabogda@yandex.ru*

Аннотация. В рецензии рассмотрены вопросы, связанные с содержанием исследования Б. Н. Тихомирова, его методологией, источниками, оформлением. Дана характеристика автора книги как ученого-достоевоведа и указан диапазон его интересов в названной области. Развернут литературно-краеведческий аспект научной деятельности исследователя, восходящий к локально-историческому методу Н. П. Анциферова. Рецензируемая книга относится к той ветви литературного краеведения, которая изучает не Петербург героев Достоевского, а адреса, по которым жил и бывал сам писатель. Актуализация биографического подхода обуславливает достижение поставленной автором цели — воссоздать внешнюю сторону жизни великого художника. Ей подчинена структура книги, которая состоит из двух неравных частей — о жизни Достоевского в доме на Кузнечном переулке в 1846 и в 1878–1881 гг. Особое внимание уделено характеру работы Б. Н. Тихомирова с источниками сведений о жизни Достоевского в указанные периоды: мемуарами, дневниками, эпистолярием, газетной хроникой, артефактами, записными книжками. Автору удалось создать аутентичный и многогранный образ писателя даже при отсутствии обращений к его творческой работе.

Ключевые слова: Б. Н. Тихомиров, Ф. М. Достоевский, Петербург, Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди, биография писателя, литературное краеведение, музей, источник

Для цитирования: Богданова О. А. Главный адрес Достоевского (Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди. 3-е изд., испр. СПб.: Кузнечный переулок, 2022. 224 с.) // **Неизвестный Достоевский**. 2022. Т. 9. № 4. С. 278–288. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6401. EDN: TCRLBH

Book Review

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6401

EDN: TCRLBH

The Main Address of Dostoevsky

(Book Review: Tikhomirov B. N. Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2022. 224 p.)

Olga A. Bogdanova

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: olgabogda@yandex.ru

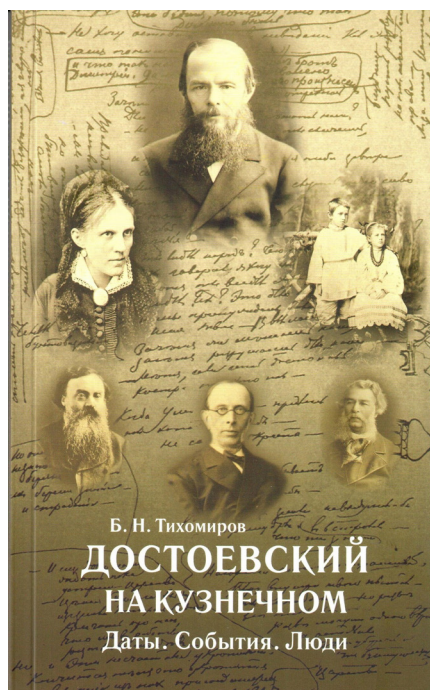
Abstract. The review examines the content of B. N. Tikhomirov's research, methodology, sources, design, as well as the shortcomings of the publication. It includes a general description of the author of the book as a Dostoevsky scholar and delineates the range of his interests in this sphere. The literary and local history aspect of his scientific activity that dates back to the local historical method of N. P. Antsiferov is revealed. The book under review belongs to the branch of literary local lore that studies the addresses where Dostoevsky himself lived, rather than the St. Petersburg of his characters. Below is a detailed analysis of the book. The actualization of the biographical approach determines the achievement of the goal set by the author — "to recreate the external aspects of the great artist's life." This goal also shapes the structure of the book, which comprises two unequal parts about Dostoevsky's St. Petersburg life in the house on Kuznechny Lane in 1846 and in 1878–1881. Special attention is paid to the nature of B. N. Tikhomirov's work with sources of information about Dostoevsky's life in these periods: memoirs, diaries, epistolary, newspaper chronicle, artifacts, notebooks. The author concludes that the author managed to create an authentic and multifaceted image of the writer, even in the absence of references to his creative work.

Keywords: B. N. Tikhomirov, F. M. Dostoevsky, St. Petersburg, Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People, biography of the writer, literary local lore, museum, source

For citation: Bogdanova O. A. The Main Address of Dostoevsky (Book Review: Tikhomirov B. N. Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2022. 224 p.). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 278–288. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6401. EDN: TCRLBH (In Russ.)

Автор рецензируемой книги Б. Н. Тихомиров — известный литературовед, замечательный исследователь биографии и творчества Ф. М. Достоевского. Его библиография насчитывает более 200 позиций, среди которых несколько монографий. В диапазон научных интересов Б. Н. Тихомирова входят текстология и история творчества Достоевского, реальный и историко-культурный комментарий к его произведениям, аналитические исследования, связанные с мировоззрением и поэтикой писателя, его биография. Особое место среди научных увлечений Б. Н. Тихомирова занимает литературное краеведение, прежде всего разработка темы «Петербург

Достоевского», которая, по его мнению, в настоящий момент «изучена слабо» [Тихомиров, 2012: 300]. Причем понимается под этой темой, как правило, Петербург героев писателя, город, отраженный в его художественных произведениях. Сам Б. Н. Тихомиров отдает дань такому типу исследования в своей книге-комментарии к роману «Преступление и наказание» «Лазарь! Гряди вон» (см.: [Тихомиров, 2005]), во многом развивая методологию основоположника петербургского литературного краеведения в 1920–1930-е гг. Н. П. Анциферова (см.: [Тихомиров, 2022а: 8]), чей локально-исторический метод в литературоведении, сформированный в процессе изучения «литературного урбанизма» [Московская: 16], «раскрывает <...> механизм создания автором произведения» [Антипина: 6]. Так, тщательно воссоздавая «образ Петербурга, выраженный в творчестве Достоевского» [Анциферов: 184], Н. П. Анциферов лишь обзорно касается фактов пребывания самого писателя в Петербурге: перечень его городских адресов с 1838-го по 1881 г. занимает в книге «Петербург Достоевского» всего 5 страниц из 70-ти, из них квартире на Кузнечном переулке уделено всего 2 неполные строки.

Илл. 1. Обложка книги Б. Н. Тихомирова «Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди» (2022)

Fig. 1. The cover of B. N. Tikhomirov's book "Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People" (2022)

Б. Н. Тихомирову не менее (если не более) близким оказывается другой аспект литературного краеведения — обращение к адресам, где проживал или бывал сам писатель. В русле такого литературно-биографического краеведения написаны, помимо рецензируемой, еще 3 книги ученого: «Петербургские адреса Достоевского, или пешком вокруг Владимирского собора: путеводитель» (см.: [Тихомиров, 2009]), «Чокан Валиханов в Петербурге» (см.: [Тихомиров, Мусина]), «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту» (см.: [Тихомиров, 2022a]). В них, по признанию самого автора, «биографический интерес <...> дополняется интересом краеведческим», многие из указанных адресов «вводятся в читательский оборот впервые» и картина Петербурга человека и писателя Достоевского воссоздается «более полно и конкретно, чем в прежних изданиях подобного типа» [Тихомиров, 2022b: 7].

Рецензируемая книга Б. Н. Тихомирова посвящена одному адресу проживания писателя на закате его жизни, в 1878–1881 гг., который по ряду причин можно считать главным: здесь во многом был создан роман «Братья Карамазовы» — апофеоз деятельности великого романиста; здесь его автор получил долгожданное видимое признание своего гения у читающей публики и влиятельных современников из высшего слоя общества; здесь, наконец, Достоевский ушел из земной жизни в расцвете своих духовных сил, оставив России и миру драгоценное литературное, философское, религиозное наследие, с каждым десятилетием раскрывающееся полнее и шире, уже и в третьем тысячелетии.

В отличие от других биографов Достоевского (Г. И. Чулкова, см.: [Чулков], Л. П. Гроссмана, см.: [Гроссман], И. Л. Волгина, см.: [Волгин], Л. И. Сараскиной, см.: [Сараскина]) автор не ставил себе задачи обрисовать духовно-творческий путь Достоевского 1878–1881 гг., ввести читателя в круг его размышлений, дать исчерпывающее представление об интенсивной духовной жизни писателя в этот период. В предисловии к изданию Б. Н. Тихомиров четко определил его «жанровые рамки»: опуская историю создания «Братьев Карамазовых», «воссоздать внешнюю сторону жизни великого художника», которая включает в себя темы «Достоевский как муж и отец в кругу своей семьи, его родственное и дружеское общение в эти годы, многочисленные выступления на благотворительных вечерах, посещения литературных и великосветских салонов, приглашения в Зимний, Мраморный, Аничков дворцы для бесед с августейшими особами, наконец — обстоятельства предсмертной болезни, кончины и похорон». Целью автора было свести «в единую картину многообразие фактического материала, позволяющего достаточно полно представить биографию писателя в периоды его жизни — и в 1846, и в 1878–1881 гг. — в доме № 5/2 по Кузнечному переулку» в Петербурге [Тихомиров, 2022b: 7].

Этим обусловлена и структура книги, которая состоит из двух небольших предисловий («От автора» и «Кузнечный переулочек», где последовательно разъясняются хронологические и тематические рамки книги, а также дается общая история улицы, на которой находится главный адрес Достоевского в Петербурге), двух неравных по объему частей («Начало пути», повествующей о кратковременном периоде жизни юного Достоевского в этом доме в 1846 г., и «Последние годы», разбитой на пять тематических блоков, совокупно охватывающих основные стороны частной жизни и публичной деятельности писателя в 1878–1881 гг.) и Списка использованной литературы. Издание адресовано не столько специалистам-литературоведам, сколько читателям разных профессий, интересующимся личностью Достоевского, поэтому его библиографическая часть существенно облегчена: в тексте отсутствуют громоздкие ссылки на источники, главные из которых просто перечислены на последних страницах. Среди них — Полные собрания сочинений Достоевского, Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева, важные справочные издания («Библиотека Достоевского. Опыт реконструкции», «Достоевский. Сочинения, письма, документы: словарь-справочник», «Летопись жизни и творчества Достоевского» в 3-х томах и др.), обширный корпус мемуарной и эпистолярной литературы (очерки, воспоминания и переписка А. Г. и Л. Ф. Достоевских, Н. С. Лескова, И. Ф. Анненского, Д. С. Мережковского, М. Вогюэ, Б. Маркевича, В. Микулич, Е. А. Штакеншнейдер, А. П. Эйсснера, С. Д. Яновского и мн. др.), исследовательская литература биографического (Л. П. Гроссман, И. Л. Волгин, Л. И. Сараскина, Б. В. Федоренко, Б. Н. Тихомиров) и аналитического характера (все выпуски издания «Достоевский. Материалы и исследования» с 1974 г. до наших дней), наконец, архивные материалы из РО ИРЛИ РАН, РГАЛИ, ОР РГБ (записные книжки А. Г. Достоевской, письма Достоевского к различным адресатам).

Очевидно, что работа с источниками — ключевой момент для Б. Н. Тихомирова в рецензируемой книге. Практически любой упоминаемый в ней факт, любое утверждение и мнение доказательно подтверждаются опорой на то или иное свидетельство очевидцев или документ: воспоминания и дневниковые записи участников событий, их письма и записки, газетную хронику, сохранившиеся пригласительные билеты и программы литературных вечеров, сведения из справочной литературы. Авторская эрудиция, виртуозное владение материалом дают возможность из порой противоречивых рассказов разных очевидцев воссоздать тот или иной эпизод из жизни писателя в максимальной полноте, достоверности и аутентичности. Например, взаимоотношения с А. Н. Плещеевым в конце 1870-х гг. переданы в перекрестном свете мемуаров А. Г. Достоевской, не любившей этого друга юности своего мужа, и сына поэта, бывшего свидетелем визитов Достоевского к его отцу в 1870-е гг. Отмечается и фиксация всех петербургских адресов Плещеева в записной книжке автора «Братьев Карамазовых» с 1871 г.

Так создается объективная картина взаимоотношений со старым другом в конце жизни писателя (см.: [Тихомиров, 2022b: 144–145]).

Аналогично Б. Н. Тихомиров поступает, воспроизводя события и настроения последних дней жизни Достоевского. Сначала подробная хроника 25–28 января 1881 г. дается в соответствии с воспоминаниями жены писателя, затем ее поздние мемуары сопоставляются с ее же записями, сделанными по горячим следам событий. Замеченные разночтения заставляют усомниться в достоверности позднейших свидетельств и предположить «художественную» обработку первоначальной записи «неудобных» фактов. Далее исследователь обращается к «другой истории», происходившей в соседней квартире синхронно с ухудшением самочувствия писателя и подробно изложенной И. Л. Волгиным в книге «Последний год Достоевского» (обыск в комнате арестованного народовольца А. И. Баранникова (см.: [Волгин: 412–473])), и делает вывод: скорее всего, не «тяжелая этажерка», а сильное волнение из-за воспоминаний о собственном аресте и обыске его квартиры в петербургском доме Шиля 32 года назад дали «толчок началу его предсмертной болезни» [Тихомиров, 2022b: 210].

Б. Н. Тихомиров не раз восстанавливает подлинный ход событий вопреки написанному А. Г. Достоевской (что он объясняет не только стремлением к «художественности», но и абберрацией памяти мемуаристки, записывавшей историю жизни своего великого мужа по прошествии 20–30 лет), особенно это касается выступлений Достоевского на благотворительных литературных чтениях в Петербурге 1879–1880 гг., которых только документально зафиксировано более 20-ти. Сильные впечатления от содержания произведений, от их «огненного проникновенного чтения» (Воспоминания И. Л. Леонтьева-Щеглова цит. по: [Тихомиров, 2022b: 173]) и восторженной реакции слушателей наложились одно на другое и через годы породили в изложении А. Г. Достоевской фактические ошибки, которые автор рецензируемого издания скрупулезно исправляет благодаря сопоставлению сведений жены писателя с хроникой из газет «Берег», «Голос», «Петербургская газета» и с дневниково-мемуарными свидетельствами очевидцев.

При этом к источникам, зарекомендовавшим себя как недостоверные, он или избегает обращаться совсем (например, к воспоминаниям Д. И. Стахеева о посещениях квартиры на Кузнечном Н. Н. Страховым) или, за неимением выбора, оговаривает их возможную неточность (в случае мемуаров дочери писателя Л. Ф. Достоевской).

Достоинством метода Б. Н. Тихомирова является не только обращение к многочисленным источникам и их отбор, но и характер работы с ними. Уже было сказано о постоянном сопоставлении свидетельств разных лиц, но одновременно ученый настолько пристально вчитывается в имеющиеся документы, что порой открывает новые факты в биографии писателя. Таков, например, анализ литературного вечера 14 декабря 1880 г. в зале Кредитного общества в Петербурге, во втором отделении которого Достоевским

и Д. В. Григоровичем были по ролям прочитаны сцены из «Женитьбы» Н. В. Гоголя, причем Д. В. Григорович читал за Кочкарева, а Достоевский — за Подколесина. Именно об этом вечере оставил воспоминания И. Ф. Анненский, потрясенный чтением пушкинского «Пророка» в исполнении Достоевского в первом отделении (см.: [Анненский]). В письмах устроителя вечера П. И. Вейнберга к Д. В. Григоровичу исследователь разглядел строки, из которых можно заключить, что оба старинных друга репетировали свое выступление, т. е. читку гоголевской пьесы по ролям, в квартире на Кузнечном. «Как жаль, что ни жена, ни дочь Достоевского, на глазах которых, очевидно, должна была проходить эта репетиция, не коснулись названного "сюжета" в своих мемуарах!» — сетует Б. Н. Тихомиров [Тихомиров, 2022b: 204].

Приведенная цитата демонстрирует эмоциональность изложения в книге, постоянную авторскую заинтересованность и личную вовлеченность в установление истины жизненных обстоятельств великого писателя. И хотя Б. Н. Тихомирова интересуют прежде всего факты (см.: [Тихомиров, 2022b: 214]), он нередко дает волю гипотезам, догадкам и предположениям: таковы его размышления о том, в какой именно комнате жил Достоевский в доме на Кузнечном в 1846 г. и почему так быстро (через 3 месяца) переехал оттуда в другое жилье (см.: [Тихомиров, 2022b: 17, 39]); почему в дневнике великого князя К. К. Романова 1880 г. отражено резко негативное отношение к Пушкинской речи Достоевского другого великого князя С. А. Романова, прежде разделявшего взгляды писателя (см.: [Тихомиров, 2022b: 130]); наконец, приведенная выше мысль о возможной связи предсмертной болезни Достоевского с обыском у народовольца А. И. Баранникова.

В результате из описаний Б. Н. Тихомирова встают живые, объемные образы как самого уже немолодого писателя, так и его супруги, детей, вхожих в дом на Кузнечном родственников и близких знакомых, хозяек часто посещаемых им салонов Е. А. Штакеншнейдер и С. А. Толстой, и мн. др. Так, в главе, посвященной семейному быту Достоевского, автор пишет: «...мы попытаемся сейчас, собирая как из "пазлов", общую картину из многих частных деталей, представить течение их повседневного существования в эти годы», т. е. типичный «день» Достоевского от пробуждения через час после полудня до окончания ночной работы в 4-5 утра (см.: [Тихомиров, 2022b: 53]). И действительно, в мозаике фактов, подробностей, топографических привязок перед нами возникает чувствующий, думающий, то болеющий и устающий, то радующийся и огорчающийся, то потрясюще вдохновленный Достоевский в достоверном пространственно-временном континууме. Тем не менее Б. Н. Тихомиров констатирует, что имеется «много еще неизвестного о Достоевском последних двух с половиной лет его жизни» [Тихомиров, 2022b: 146].

В рецензируемой книге события 1846-го и 1878–1881 гг., как правило, даются в контексте всей жизни Достоевского или ближайшего ее периода: так, например, история судьбоносного трехлетнего знакомства и общения

автора «Бедных людей» с В. Г. Белинским в 1840-е гг. проходит фоном, на котором выделяются события трех месяцев 1846 г., проведенных начинающим писателем на Кузнечном; прежде чем рассказать о визитах уже прославленного автора «Братьев Карамазовых» в Зимний дворец в 1878–1880 гг., Б. Н. Тихомиров дает краткую сводку всех прежних посещений этого места Достоевским; описывая ход и особенности близкого общения писателя с К. П. Победоносцевым в 1878–1880 гг., автор попутно приводит историю их знакомства в 1872 г.; представляя гостей Достоевского на Кузнечном, Б. Н. Тихомиров каждого наделяет краткой характеристикой, прослеживает историю его взаимоотношений с писателем и затем уже переходит к конкретным деталям визитов.

Из многочисленных фактографических открытий в рецензируемой книге особо хочется остановиться на раннем периоде жизни писателя в доме на Кузнечном, все-таки менее освещенном в прежних биографических работах. Во-первых, Б. Н. Тихомиров дарит нам истинный облик молодого Достоевского в феврале-мае 1846 г., который часто неверно представляют по известному портрету К. А. Трутовского 1847 г. Найденная автором книги карикатура Н. А. Степанова «Журналист и сотрудник» передает внешность Достоевского этих месяцев с другой стрижкой и выбритым, безбородым лицом (см.: [Тихомиров, 2022b: 18–19]). Не менее важен факт установления личности светской красавицы, при встрече с которой в салоне графа В. А. Соллогуба весной 1846 г. юный писатель упал в обморок. Это не жена сенатора И. Г. Сенявина, как считалось раньше, но его 17-летняя дочь (см.: [Тихомиров, 2022b: 34]).

Замечательно построена 4-я глава второй части книги — о выступлениях Достоевского на публичных литературных чтениях в 1879–1880 гг. Их обзор дается в хронологическом порядке по единому принципу: рассказ о каждом чтении снабжен подробной топографической привязкой (да еще с указанием современного адреса), составом участников, программой и характером восприятия слушателей. Все это сопровождается многочисленными ссылками на источники, нередко перекрестными. В результате создается чуть ли не иллюзия присутствия на этих вечерах, как будто видишь и слышишь, как «худенький, со впалой грудью и шепотным голосом» Достоевский «едва начнет читать, точно вырастает и здоровеет. Откуда-то появляется сила <...> какая-то властная» (Воспоминания Е. А. Штакеншнейдер цит. по: [Тихомиров, 2022b: 195]). Однако все это в изложении Б. Н. Тихомирова оставляет ощущение загадки: почему Достоевский в свои последние осень и зиму 1880 г. выступал столь часто, очевидно в ущерб резко убывавшему здоровью? Только ли ласкающее ощущение славы и успеха, которого он был лишен долгие годы, было тому причиной? Хотелось бы услышать от автора книги предположения и об иных мотивах такого поведения писателя, в определенном смысле самоубийственного: «сверхчеловеческое» впечатление на

аудиторию (см.: [Тихомиров, 2022b: 172]) требовало колоссального напряжения психофизических сил, губительного для тяжелобольного человека, каким Достоевский, к сожалению, тогда уже был.

Невозможно в короткой рецензии остановиться на всех достоинствах исследования Б. Н. Тихомирова и призывающих к размышлению находках, которыми оно изобилует. Отметим, что 3-е издание практически не отличается от предыдущих, кроме исправления ряда опечаток и одного новшества в оформлении: на обложке вместо портрета Вл. С. Соловьева появился портрет К. П. Победоносцева как, по наблюдению автора, более частого собеседника Достоевского в Петербурге 1878–1880 гг. В целом это такая же изящная книга в мягкой обложке на красивой мелованной бумаге. Издание праздничное, однако выполнено художником Л. Е. Миллером в сдержанных тонах, соответствующих стилю последней трети XIX в. На серо-коричневой тонированной обложке — фотографии главных героев книги, относящиеся к описываемым годам: самого писателя, ближайших членов его семьи (жены и детей), наиболее частых посетителей его последней петербургской квартиры и собеседников (Н. Н. Страхова, К. П. Победоносцева, Д. В. Григоровича). Большинство страниц — светло-песочного цвета, маркирующего принадлежность к прошлому изображенных на них событий, со множеством тонированных фотографий людей из окружения Достоевского последних 2-х лет его жизни, которых, благодаря обильному иллюстрированию, мы можем представить воочию.

В заключение скажем несколько слов о предшествующем тексту книги Б. Н. Тихомирова посвящении — сотрудникам петербургского Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского. Думается, что это не дань вежливости, но глубоко осознанный и прочувствованный жест. Мало того, что главным предметом изображения является та самая квартира на Кузнецком, в которой через 90 лет после смерти писателя был открыт его музей, — сам автор рецензируемой книги один из его многолетних сотрудников, заместитель директора по научной работе, составитель и редактор альманаха «Достоевский и мировая культура», организатор международных конференций по изучению жизни и творчества Достоевского, выставок, спектаклей и множества других мероприятий, наставник молодых поколений исследователей, приходящих в музей на службу и для научных консультаций. Так что без музея, без его атмосферы, созданной коллективом сотрудников, издание, о котором мы сейчас говорим, просто не могло бы состояться. Поэтому для полноты впечатления не помешала бы краткая справка об истории квартиры между 1881 и 1971 гг. и обстоятельствах ее музеефикации.

Задача, поставленная перед собой Б. Н. Тихомировым, выполнена с успехом: автору книги «Достоевский на Кузнецком. Даты. События. Люди» удалось создать аутентичный и многогранный образ писателя даже при отсутствии обращений к его творческой работе. Специалисты получили немало нового материала для осмысления, массовый читатель — увлекательный рассказ с живыми яркими деталями.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Достоевский (очерк) // Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л.: Худож. лит., 1988. С. 634–641.
2. Антипина А. С. Локально-исторический метод Н. П. Анциферова и возможность его использования для исследования поэтики литературно-художественной местнографии // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. № 4 (апрель). С. 1–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://ekonscept.ru/2014/14092.htm> (20.08.2022).
3. Анциферов Н. П. Петербург Достоевского // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. С. 176–256.
4. Волгин И. Л. Последний год Достоевского. Исторические записки. М.: Сов. писатель, 1986. 576 с.
5. Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 605 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
6. Московская Д. С. Локально-исторический метод в литературоведении Н. П. Анциферова: генезис и контексты // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 6–20.
7. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Сер.: Жизнь замечательных людей.)
8. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
9. Тихомиров Б. Н. Петербургские адреса Достоевского, или Пешком вокруг Владимирского собора: путеводитель. СПб.: Серебряный век, 2009. 36 с.
10. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 504 с.
11. Тихомиров Б. Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М.; Л.: Лингвистика, Бослен, 2022. 478 с. (а)
12. Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном. Даты. События. Люди. 3-е изд., испр. СПб.: Кузнечный переулок, 2022. 224 с. (б)
13. Тихомиров Б. Н., Мусина М. Ш. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2009. 68 с.
14. Чулков Г. И. Жизнь Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 472 с.

References

1. Annenskiy I. F. Dostoevsky (Essay). In: *Annenskiy I. F. Izbrannyye proizvedeniya* [Annenskiy I. F. *Selected Works*]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988, pp. 634–641. (In Russ.)
2. Antipina A. S. Locally-Historical Method by N. Antciferov and Its Potentials for Poetic Research of Literary Local Texts. In: *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"], 2014, no. 4, pp. 1–9. Available at: <https://e-konscept.ru/2014/14092.htm> (accessed on August 20, 2022). (In Russ.)
3. Antsiferov N. P. Petersburg of Dostoevsky. In: *Antsiferov N. P. "Nepostizhimyy gorod..."*. Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina [Antsiferov N. P. "An Incomprehensible City...". *Soul of Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. Petersburg of Pushkin*]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 1991, pp. 176–256. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo. Istoricheskie zapiski* [The Last Year of Dostoevsky. *Historical Notes*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1986. 576 p. (In Russ.)

5. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 605 p. (Ser.: Life of Remarkable People.) (In Russ.)
6. Moskovskaya D. S. Local-Historical Method in Literary Criticism of N. P. Antsiferov: Genesis and Contexts. In: *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Science], 2009, no. 1–2, pp. 6–20. (In Russ.)
7. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (Ser.: Life of Remarkable People.) (In Russ.)
8. Tikhomirov B. N. “Lazar’! gryadi von”. Roman F. M. *Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge Over There”. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
9. Tikhomirov B. N. *Peterburgskie adresa Dostoevskogo, ili Peshkom vokrug Vladimirskego sobora: putevoditel’* [Dostoevsky’s St. Petersburg Addresses, or Walking Around the Vladimir Cathedral: Guidebook]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2009. 36 p. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. “...Ya zanimayus’ etoy taynoy, ibo khochu byt’ chelovekom”: stat’i i esse o Dostoevskom [“...I Deal with this Mystery Because I Want to Be Human”: Articles and Essays on Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2012. 504 p. (In Russ.)
11. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy. Literaturnye progulki po Nevskomu prospektu. Ot Zimnego dvortsa do Znamenskoy ploshchadi* [Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square]. Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 478 p. (In Russ.) (a)
12. Tikhomirov B. N. *Dostoevskiy na Kuznechnom. Daty. Sobytiya. Lyudi* [Dostoevsky on Kuznechny Lane. Dates. Events. People]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2022. 224 p. (In Russ.) (b)
13. Tikhomirov B. N., Musina M. Sh. *Chokan Valikhanov v Sankt-Peterburge* [Chokan Valikhanov in St. Petersburg]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2009. 68 p. (In Russ.)
14. Chulkov G. I. *Zhizn’ Dostoevskogo* [Life of Dostoevsky]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 472 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X; e-mail: olgabogda@yandex.ru.	Olga A. Bogdanova, PhD (Philology), Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7004-498X; e-mail: olgabogda@yandex.ru.
--	---

Поступила в редакцию / Received 10.10.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

Рецензия

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6341

EDN: YMUCYF

Литературные прогулки с Достоевским

(Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский.
Литературные прогулки по Невскому проспекту.
От Зимнего дворца до Знаменской площади.
М.: Лингвистика, Бослен, 2022. 480 с.)

Е. А. Федорова

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
(г. Ярославль, Российская Федерация)*

e-mail: sole11@yandex.ru

Аннотация. В книге Б. Н. Тихомирова «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади» показан Петербург времен Ф. М. Достоевского. В частности, содержится описание архитектурного ландшафта Невского проспекта, рассказывается о взаимоотношениях Достоевского с писателями-современниками, критиками и редакторами журналов, предлагается историко-культурный и бытовой комментарий к фрагментам из «Дневника Писателя», романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Подросток», повестей «Двойник», «Записки из подполья», «Крокодил», описываются прототипы героев этих произведений, показываются их маршруты. Очерки и художественные миниатюры, вошедшие в книгу, воссоздают живые образы великого писателя и его современников, поднимают острые нравственные и социально-политические проблемы. Книга становится для читателя путешествием в разных смыслах — географическом, историческом, художественном, ментальном.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Петербург, Невский проспект, литературное краеведение

Благодарность. Исследование выполнено в рамках инициативной НИР VIP-019 «Город как культурный феномен в тексте, языке и коммуникации».

Для цитирования: Федорова Е. А. Литературные прогулки с Достоевским (Рец. на кн.: Тихомиров Б. Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М.: Лингвистика, Бослен, 2022. 480 с.) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 4. С. 289–299. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6341. EDN: YMUCYF

Book Review

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6341

EDN: YMUCYF

Literary Walks with Dostoevsky

(Book Review: Tikhomirov B. N. Dostoevsky.

Literary Walks Along Nevsky Prospekt.

From the Winter Palace to Znamenskaya Square.

Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 480 p.)

Elena A. Fedorova*P. G. Demidov Yaroslavl State University
(Yaroslavl, Russian Federation)*

e-mail: sole11@yandex.ru

Abstract. In B. N. Tikhomirov's book "Dostoevsky. Literary walks along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square" shows St. Petersburg in the time of F. M. Dostoevsky. In particular, it contains a description of the architectural landscape of Nevsky Prospekt, discusses Dostoevsky's relationship with contemporary writers, critics and editors of magazines, offers historical, cultural and everyday commentary on fragments from "A Writer's Diary," the novels "Crime and Punishment," "The Idiot," "A Raw Youth," stories "The Double," "Notes from the Underground," "The Crocodile," describes the prototypes of the heroes of these works, and shows their routes. The essays and artistic miniatures included in the book recreate living images of the great writer and his contemporaries, raise acute moral and socio-political problems. The book becomes a journey for the reader in different senses — geographical, historical, artistic, and mental.

Keywords: F. M. Dostoevsky, St. Petersburg, Nevsky Prospekt, literary local history

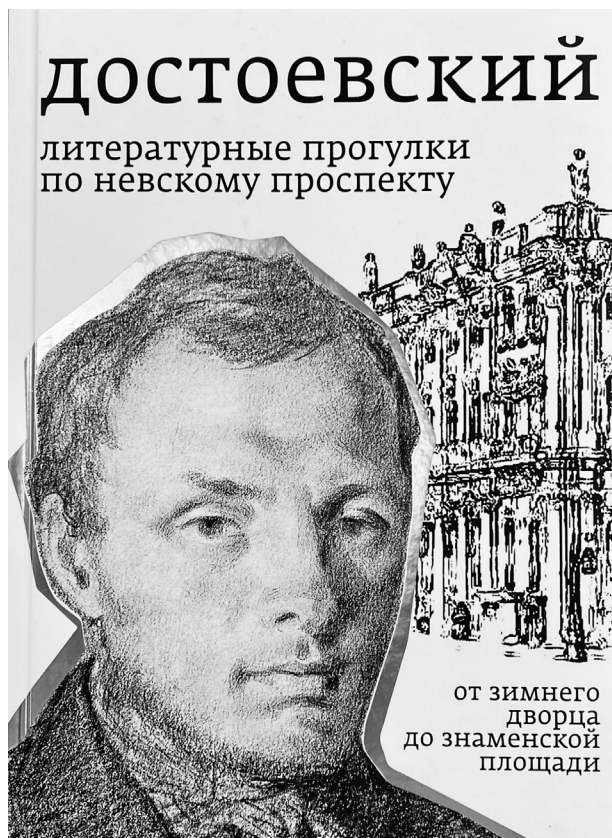
Acknowledgments. The study was carried out as part of the initiative research project VIP-019 "City as a cultural phenomenon in text, language and communication".

For citation: Fedorova E. A. Literary Walks with Dostoevsky (Book Review: Tikhomirov B. N. Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square. Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 480 p.). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 289–299. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6341. EDN: YMUCYF (In Russ.)

Новый труд Бориса Николаевича Тихомирова, доктора филологических наук, заместителя директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, Президента Российского общества Достоевского «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади»¹

¹ Книга получила уже несколько рецензий (см., например: [Подосокорский]) и представляет собой значительно расширенный и доработанный, снабженный иллюстрациями вариант более ранней публикации на эту же тему: [Тихомиров, 2012].

[Тихомиров, 2022]² стал победителем в конкурсе «Книга года» 2021–2022 гг. в номинации «Россия: культурный код». Это показательно для нашего времени, поскольку современного российского читателя все больше и больше интересует проблема специфики национальных основ российской культуры и судьба Отечества. В предисловии к книге автор определяет свой метод как «литературное краеведение» и возводит его к исследованиям Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» (1922) и «Петербург Достоевского» (1923).

Илл. 1. Обложка книги Б. Н. Тихомирова «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади» (2022)

Fig. 1. The cover of B. N. Tikhomirov's book "Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square" (2022)

² Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Николай Павлович Анциферов (1889–1958) одним из первых представил «петербургский текст» как часть ментального и художественного пространства Достоевского. Однако, обращаясь к истокам литературного краеведения, необходимо вспомнить также Алексея Алексеевича Золотарева (1879–1950), организатора краеведческого движения в России в 1920-е гг., который в 1935 г. вместе с Анциферовым работал над книгой, посвященной Ярославлю. Именно Золотарев в 1908 г. разработал метод литературного краеведения, наблюдая в Италии над созданием повести А. М. Горького «Исповедь» [Ариас-Вихиль: 3]. Этот метод позволяет с помощью биографических, исторических и географических сведений проникнуть в художественный мир писателя, увидеть значение локального текста в создании литературных произведений [Ариас-Вихиль: 3].

Книга Б. Н. Тихомирова — важный этап на пути развития литературного краеведения. «Литературные прогулки» — это путешествие по Петербургу одновременно в нескольких смыслах: географическом, историческом, художественном, ментальном. Фактографическое описание здесь соединяется с тщательным литературоведческим анализом, возникают контекст и подтекст, активизирующие мысль читателя. Автор погружает нас в атмосферу Петербурга времен Достоевского и предлагает посмотреть на северную столицу глазами великого писателя в разные периоды его жизни: от первого знакомства с городом в 1837 г. до последних дней жизни. Это исследование стоит в одном ряду с книгой-комментарием, посвященной роману «Преступление и Наказание», написанной Б. Н. Тихомировым в 2005 г.³

Чтобы смоделировать картину мира автора и героя, Б. Н. Тихомиров обращает внимание читателя на архитектурный ландшафт Невского проспекта, уточняя, как выглядели здания, связанные с жизнью и творчеством Достоевского, в то время, когда он их посещал. Одновременно происходит погружение в историко-культурный, бытовой и социально-политический контекст эпохи: автор рассказывает об особенностях торцовой мостовой на Невском проспекте, пишет о первоначальных липовых посадках вдоль него, о масляных и газовых фонарях, прокладывает маршруты первого регулярного общественного транспорта в Петербурге (омнибусы и конки). Рядовой житель Петербурга 60-х гг. XIX в. мог проехать на общественном транспорте от Николаевского вокзала и Знаменской площади до Адмиралтейства. Однако читателю Б. Н. Тихомиров предлагает обратный маршрут: от Зимнего дворца к Знаменской площади. Почему?

В начале книги автор объясняет причину, по которой весной 1878 и 1879 гг. на встречах в Зимнем дворце Достоевский говорил о нигилизме и о смертной казни с Великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами, пишет

³ См.: [Тихомиров, 2005]. Доработанное и исправленное издание: [Тихомиров, 2016].

о том, какое сильное впечатление произвело на них чтение романов «Бесы» и «Идиот». В то время внимание российского общества было приковано к судебному процессу над Верой Ивановной Засулич, стрелявшей 24 января 1878 г. в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова. Придя к нему на прием, она выхватила из-под плаща револьвер и трижды выстрелила ему в грудь. Трепов получил тяжелые ранения, Засулич была немедленно арестована и вскоре опознана, поскольку уже находилась под надзором полиции и ранее привлекалась к ответственности, в т. ч. по известному делу Нечаева. Решиться на такой отчаянный шаг ее побудило сообщение газеты «Голос»: по приказу градоначальника Трепова народник А. С. Боголюбов был подвергнут публичному наказанию розгами. Поводом к позорной экзекуции стало то, что во время прогулки по двору Дома предварительного заключения Боголюбов при появлении Трепова не снял шапку. Приказ Трепова о сечении розгами был нарушением закона о запрете телесных наказаний от 17 апреля 1863 г. и вызвал бунт среди заключенных и возмущение общественности. 31 марта 1878 г. началось слушание дела под председательством А. Ф. Кони с участием присяжных заседателей. Адвокатом Засулич выступил П. А. Александров, который в своей яркой и убедительной речи показал связь между поркой Боголюбова и выстрелом Засулич. Он обратил внимание суда и общественности на то, что руководило Засулич: она хотела вступить за честь незащищенного заключенного и добиться того, чтобы подобное не повторялось. Засулич была на суде оправдана. Это был первый в России случай, когда женщина встала на путь террора. Достоевский, присутствовавший на процессе, полагал, что прощение нигилистки должно было сопровождаться почти евангельским напутствием: «Иди, но не поступай так в другой раз» (29, 259).

Путешествие от Зимнего дворца к Знаменской площади — это движение от России имперской к России советской: ведь Знаменская площадь после Октябрьской революции в 1918 г. стала называться площадью Восстания, а Знаменская церковь, прихожанином которой был Достоевский, была уничтожена. Не случайно повествование начинается с центра имперской столицы — Зимнего дворца, который Достоевский посещал весной 1878, 1879 и зимой 1881 гг. Автор проводит параллель с романом «Преступление и Наказание», где Раскольников, рассматривая Зимний дворец, Адмиралтейство и Сенатскую площадь с Медным всадником и Исаакиевским собором, оказывается во власти «духа немого и глухого». Б. Н. Тихомиров напоминает, что это строки из Евангелия от Марка, где говорится об исцелении бесноватого. Одержимость — нравственная болезнь, с которой пришлось столкнуться не только Раскольникову, но и реальным героям русской истории, приблизившим конец Российской империи. Последний визит Достоевского в Зимний дворец зимой 1881 г., к камер-фрейлине императорского двора Александре Андреевне Толстой, и беседа с ней о Льве Николаевиче Толстом и его духовных исканиях (реакция Достоевского:

«Не то, не то!» — напоминает восклицание его героя князя Мышкина) предвосхищают последовавшие за тем страшные события: убийство Александра II, распространение нигилизма и революционных идей. В то же время визит Достоевского в декабре 1880 г. в Аничков дворец к будущему императору Александру III и преподнесение ему романа «Братья Карамазовы» словно определяют путь императора, который в будущем большое значение уделял возрождению традиционной национальной культуры.

В книге Б. Н. Тихомирова поставлены очень острые и актуальные проблемы. Прежде всего, это проблема нравственного выбора личности в эпоху тотального террора. Издатель газеты «Новое Время» А. С. Суворин вспоминает, как в феврале 1880 г. Достоевский признавался, что затрудняется с ответом на вопрос: как бы он поступил, если бы узнал о готовящемся покушении на официальное лицо. Скорее всего, не сообщил бы в полицию из-за «боязни прослыть доносчиком» (64). Слишком много нужно внутренних сил для сопротивления либерально настроенному окружению. Кроме того, еще сохранялась память о пережитом приготовлении к смертной казни. Это воспоминание передано и герою романа «Идиот», князю Мышкину, который утверждает, что «убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем само преступление» (66). И все-таки страх прослыть доносчиком для Достоевского — проявление «ненормальности» (64). В подготовительных материалах к роману «Бесы» эту проблему поднимает Шатов и решается донести на участников нигилистической организации.

Еще один острый вопрос — вопрос веры. Почему Достоевский отказался от намерения описать в «Дневнике Писателя» спиритический сеанс, который он посетил 13 февраля 1876 г.? Автор книги делает осторожное предположение: быть может, рассказ об увиденном мог вызвать впечатление, «благоприятное спиритизму» (96)? Ведь каждый стремится услышать и прочитать то, что ему хочется. В наброске к «Дневнику Писателя» Достоевский размышляет о проблемах веры: «Фома уверовал потому, что желал уверовать. Я не желал уверовать и не поверил» (101).

Б. Н. Тихомиров знакомит читателя с Достоевским-чтецом, описывая впечатление, которое производило на публику на литературных вечерах чтение им стихотворений Некрасова, Пушкина и собственных произведений. Как свидетельствовал один из слушателей, это не было просто чтение — это было творчество. А слушатель становился свидетелем и соучастником творческого процесса. Из книги Б. Н. Тихомирова мы узнаем о Достоевском — любителе музыки, посетившем почти все концерты Ф. Листа в Петербурге. Благодаря обращению к воспоминаниям корректора В. В. Тимофеевой мы видим Достоевского в качестве редактора журнала «Гражданин». Смерть великого писателя передается через восприятие А. С. Суворина и дочери Любови. «Сильная деталь» повествования — коробка из-под табака, на крышке которой Люба Достоевская оставила первый отклик на смерть отца — с орфографической ошибкой...

Очерки, составляющие книгу «Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту», напоминают художественные миниатюры. Эпизоды из жизни Достоевского рассказаны так красочно и конкретно, детально, пронизаны таким сильным авторским чувством, что публицистическое произведение становится художественным. Кстати, страницы из «Дневника Писателя» пересказаны и прокомментированы так, что возникает желание перечитать это уникальное произведение Достоевского. Последствия реакции Достоевского и читателей «Дневника» на дело Е. П. Корниловой показаны как результат их совместной деятельной любви. История лорда Редстока соединяется с рассказом о Ю. Д. Засецкой, протестантке, увлеченной его личностью и учением, а сам Достоевский показан как ее постоянный оппонент, человек, не равнодушный к судьбе «заблудшей души». Личность игуменьи Митрофании представлена во всей своей сложности и неоднозначности, а ее история заставляет задуматься над вопросом допустимости использования любых средств на пути к достижению благой цели.

Из книги Б. Н. Тихомирова можно узнать об отношениях Достоевского с писателями-современниками: Тургеневым, Толстым, Тютчевым, Некрасовым, Григоровичем. Перед читателем возникают яркие и живые, часто противоречивые образы критиков и редакторов журналов, с которыми сотрудничал Достоевский: В. Г. Белинского, А. А. Краевского, А. С. Суворина. Мы становимся свидетелями сцен из жизни писателя, заглядывая в книжные магазины А. Ф. Базунова, Я. А. Исакова, М. О. Вольфа. Магазин последнего был также литературным «почти-клубом», здесь прозвучали многие признания Достоевского, в том числе его мнение о судьбе Веры Засулич. Мы видим утро торжества супруги Достоевского, Анны Григорьевны, когда в 1873 г. ей удастся впервые выгодно самой продать роман «Бесы». А. Г. Достоевская таким образом обретает независимость от книгоиздателей и сама диктует условия книгопродавцам. Автор книги «Литературные прогулки» создает не просто описания, а предлагает реконструкцию событий. Например, воссоздавая описанный выше воображаемый диалог Достоевского с Сувориным 20 февраля 1880 г., «у окон магазина Дациаро» в самом начале Невского в непосредственной близости Зимнего дворца (59–67), или спор с Ю. Д. Засецкой о «куфельном мужике» (408–414): указывает место, описывает ситуацию, включает читателя в размышления Достоевского. Это написано так живо, что вызывает эмоциональный отклик у читателя.

Пересказы фрагментов из романов «Идиот», «Преступление и Наказание», «Подросток», повестей «Двойник», «Записки из подполья» и «Крокодил» сопровождаются не только комментариями, но и размышлениями Б. Н. Тихомирова. При этом некоторые из них представлены как проблемы, решение которых пока что не найдено. Например, остается открытым вопрос: существует ли в повести «Крокодил» аллегорический подтекст, касающийся Н. Г. Чернышевского?

Особенно важно, что в центре внимания автора книги «Литературные прогулки по Невскому проспекту» произведения, связанные с «петербургским текстом», — это романы «Преступление и Наказание», «Идиот», «Подросток» и повесть «Двойник». Что нового в понимание этих произведений вносит метод литературного краеведения? Рассказ о кредиторе Достоевского, присяжном стряпчем Павле Петровиче Лыжине, свидетельствует в том, что авторские оценки героя, прототипом которого стал Лыжин, — адвоката Петра Петровича Лужина — совершенно справедливы. Знакомство с Английским магазином убеждает читателя в том, как сильно рисковал Рогожин, когда тратил отцовские деньги на серьги для Настасьи Филипповны. По-новому, благодаря погружению в историко-бытовой контекст, звучит сцена искушения Аркадия Долгорукова Ламбертом в Милютиных рядах. Маршрут Голядкина по Петербургу в ночь, когда ему является Двойник, показан как путь героя сначала мимо мостов-двойников, а потом — между двумя зеркально повторяющимися (а не четырьмя разными, как в настоящее время) группами фигур на Аничковом мосту⁴. Кроме того выясняется, что некоторое время Аничков мост украшали не просто две пары скульптур-двойников: дважды, в 1841–1843 и 1845–1850 гг., после того, как одна пара скульптур была подарена сначала прусскому королю Фридриху Вильгельму IV, а потом неаполитанскому королю, на мосту появлялись их алебастровые копии. Благодаря этому возникает символический план: автор поднимает уже не только проблему раздвоения личности, но и проблему подлинности и подмены в жизни человека.

Завершается книга кануном Рождества Христова 1849 г., которое Достоевский встретил в Петропавловской крепости. Этот момент стал началом новой жизни писателя.

Почему же все-таки Б. Н. Тихомиров предлагает читателю следовать маршрутом от Зимнего дворца к Знаменской площади? От этой площади Старо-Невский проспект ведет читателя на Тихвинское кладбище Александро-Невской лавры, где Достоевский обрел свое последнее пристанище. Похоронная процессия двигалась от его дома по Владимирскому и Невскому проспектам, останавливаясь и служа литии у храмов, прихожанином которых был Достоевский: у собора Владимирской иконы Божией Матери, затем у Знаменской церкви. Все это символично. По мнению ряда исследователей, Петр Первый замыслил уподобить Петербург Небесному Иерусалиму, а храмы во имя Божией Матери осмыслялись им как Дом Пресвятой Богородицы, Заступницы за русскую землю [Русское градостроительное искусство: 12]. Жизненный и творческий путь Ф. М. Достоевского — это часть общей судьбы нашего Отечества. Надпись на могиле Федора Михай-

⁴ Здесь развивается и детализируется тема, раскрытая в работах исследователей Достоевского (см.: [Федоров, 1974, 2004а, 2004b], [Лихачев: 58–59], [Захаров, 1985: 89–90], [Захаров, 2019], [González: 77–89]).

ловича содержит его любимую цитату из Евангелия от Иоанна о зерне, которое, упав в землю, если умрет, то «мног плод сотворит» (Ин. 12:24). Книга Б. Н. Тихомирова — свидетельство бессмертия великого русского писателя. А значит, нам предстоит еще много встреч с замечательными книгами, посвященными литературному краеведению, «петербургскому тексту» Федора Михайловича Достоевского. Перспективы исследования могут быть обращены к истории других проспектов, площадей и улиц Петербурга, которые получили отражение во многих произведениях писателя. Было бы интересно, например, сравнить маршруты героев в романах «Преступление и Наказание» и «Подросток». Мы же искренне поздравляем Бориса Николаевича Тихомирова с заслуженной наградой и ждем от него новых интересных работ.

Список литературы

1. Ариас-Вихиль М. А. А. А. Золотарев об «Исповеди» М. Горького: литературное краеведение (по материалам архива А. М. Горького) // Журнал Института Наследия. 2015. № 2. С. 1–14 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-zolotarev-ob-ispovedi-m-gorkogo-literaturnoe-kraevedenie-po-materialam-arhiva-a-m-gorkogo/viewer> (30.07.2022). EDN: UDLQDB
2. Градостроительство России середины XIX — начала XX века / под общ. ред. Е. И. Кириченко; НИИ теории и архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Кн. 1. 337 с. (Сер.: Русское градостроительное искусство.)
3. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 208 с.
4. Захаров В. Н. Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 31–53 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1606934799.pdf (30.07.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4941
5. Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л.: Сов. писатель, 1984. 272 с.
6. Подосокорский Н. Н. Ф. М. Достоевский и Невский проспект (о книге Б. Н. Тихомирова: Тихомиров Б. Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади). М.: Лингвистика: Бослен, 2022. 480 с.) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 170–179 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/2022-3/10_Podosokorsky_170-179.pdf (30.07.2022). DOI: 10.22455/2619-0311-2022-3-170-179. EDN: GAFKXH
7. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
8. Тихомиров Б. Н. С Достоевским по Невскому проспекту, или Литературные прогулки от Дворцовой площади до Николаевского вокзала. СПб., 2012. 261 с.
9. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

10. Тихомиров Б. Н. Достоевский. Литературные прогулки по Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М.: Лингвистика, Бослен, 2022. 480 с.
11. Федоров Г. А. Петербург «Двойника» // Знание — сила. 1974. № 5. С. 43–46.
12. Федоров Г. А. Петербург «Двойника» // Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 194–210. (a)
13. Федоров Г. А. Санкт-Петербург. Год 1846 // Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 211–253. (b)
14. González Alejandro Ariel. Introducción // Fiódor Dostoievski. El doble / traducción de Alejandro Ariel González. Buenos Aires: Eterna Cadencia, 2013. Pp. 7–125.

References

1. Arias-Vikhil' M. A. A. A. Zolotarev About "Confession" by M. Gorky: Literary Local History (with Gorky's Archive Sources). In: *Zhurnal Instituta Naslediya* [*The Heritage Institute Journal*], 2015, no. 2, pp. 1–14. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-a-zolotarev-ob-ispovedi-m-gorkogo-literaturnoe-kraevedenie-po-materialam-arhiva-a-m-gorkogo/viewer> (accessed on July 30, 2022). EDN: UDLQDB (In Russ.)
2. *Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX — nachala XX veka* [*The Urban Planning of Russia of the Middle of 19th — Early 20th Century*]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001, book 1. 337 p. (Ser.: The Russian Town-Planning Art.) (In Russ.)
3. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [*The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics*]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. The Brilliance of The Double: Why Don't Critics Understand Dostoevsky? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 3, pp. 31–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1606934799.pdf (accessed on July 30, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4941 (In Russ.)
5. Likhachev D. S. *Literatura — real'nost' — literatura* [*Literature — Reality — Literature*]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1984. 272 p. (In Russ.)
6. Podosokorsky N. N. Fyodor M. Dostoevsky and the Nevsky Prospect (About B. N. Tikhomirov's Book: Tikhomirov B. N. Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospect. From the Winter Palace to Znamenskaya Square. Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 480 p. (In Russ.)). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2022, no. 3 (19), pp. 170–179. Available at: https://dostmirkult.ru/images/2022-3/10_Podosokorsky_170-179.pdf (accessed on July 30, 2022). DOI: 10.22455/2619-0311-2022-3-170-179. EDN: GAFKXH (In Russ.)
7. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)
8. Tikhomirov B. N. *S Dostoevskim po Nevskomu prospektu, ili Literaturnye progulki ot Dvortsovoy ploshchadi do Nikolaevskogo vokzala* [*With Dostoevsky Along Nevsky Prospekt, or Literary Walks from Palace Square to Nikolaevsky Railway Station*]. St. Petersburg, 2012. 261 p. (In Russ.)

9. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016, 2nd ed., corrected and supplemented. 560 p. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. Dostoevskiy. Literaturnye progulki po Nevskomu prospektu. Ot Zimnego dvortsa do Znamenskoй ploshchadi [Dostoevsky. Literary Walks Along Nevsky Prospekt. From the Winter Palace to Znamenskaya Square]. Moscow, Lingvistika Publ., Boslen Publ., 2022. 480 p. (In Russ.)
11. Fedorov G. A. Petersburg of "The Double". In: *Znanie — sila*, 1974, no. 5, pp. 43–46. (In Russ.)
12. Fedorov G. A. Petersburg of "The Double". In: Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [Fedorov G. A. *The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 194–210. (In Russ.) (a)
13. Fedorov G. A. Saint-Petersburg. Year 1846. In: Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [Fedorov G. A. *The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 211–253. (In Russ.) (b)
14. González Alejandro Ariel. Introducción [Introduction]. In: *Fiódor Dostoievski. El doble* [Fyodor Dostoevsky. *The Double*]. Buenos Aires, Eterna Cadencia Publ., 2013, pp. 7–125. (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Федорова Елена Алексеевна, доктор фило- **Elena A. Fedorova**, PhD (Philology), Profes-
логических наук, профессор кафедры теории sor of the Department of Theory and Practice
и практики коммуникации, Ярославский of Communication, P. G. Demidov Yaroslavl
гос. университет им. П. Г. Демидова (ул. Со- State University (ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl,
ветская, 14, г. Ярославль, Российская Федера- 150003, Russian Federation); ORCID: 0000-
ция, 150003); ORCID: 0000-0001-7756-2499; 0001-7756-2499; e-mail: sole11@yandex.ru.
e-mail: sole11@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 16.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022

В оформлении обложки использована
гравюра «Достоевский» (1895) Феликса Валлотона

For the design of the cover page there was used
the engraving "Dostoevsky" (1895) by Felix Vallotton

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова,
Л. В. Алексеева, Д. Д. Бучнева, Е. Н. Вяль

Компьютерная верстка: М. В. Заваркина, В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль

Перевод: Я. И. Соломинская

Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:

**185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ**

Address of the Editorial Staff:

**185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University**

Tel. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com

<http://unknown-dostoevsky.ru>